

Игорь
КУРУКИН
Елена
НИКУЛИНА

«Государево
кабацкое
дело»
Очерки
питейной
политики
и традиций
в России

Историческая
библиотека

Игорь КУРУКИН
Елена НИКУЛИНА

«Государево кабацкое дело»
Очерки питейной политики
и традиций в России

«Руси есть веселие пити»

Историческая библиотека

Игорь КУРУКИН
Елена НИКУЛИНА

«Государево кабацкое дело»

*Очерки питейной политики
и традиций в России*

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К93

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Концепция и разработка тома:
д-р. ист. наук В.Л. Телицын, В.Ю. Иванов

Рецензенты: д-р. ист. наук, проф. Н.М. Рогожин (ИРИ РАН),
канд. ист. наук, доц. Л.В. Бадя (МГУС)

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.02.05.
Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4000 экз. Заказ 678.

Курукин, И.В.

К93 «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России / Игорь Курукин, Елена Никулина. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 382, [2] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-029619-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1426-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Книга посвящена появлению и распространению спиртных напитков в России с древности и до наших дней. Рассматриваются формирование отечественных питейных традиций, потребление спиртного в различных слоях общества, попытки антиалкогольных кампаний XVII—XX вв.

Книга носит научно-популярный характер и рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 985-13-4099-5
(Харвест)

© И.В. Курукин, Е.А. Никулина, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Предисловие

«Русская водка»: в восприятии соотечественников и иностранцев это понятие, скорее всего, выглядит одной из составляющих образа России и русского национального характера. «Россия была известна в истории как крепко пьющая страна с разнообразием форм алкогольных злоупотреблений», — так, например, характеризует наше национальное своеобразие весьма солидное издание Кембриджская энциклопедия России и Советского Союза¹.

Но всегда ли так было на самом деле? Когда и почему пресловутое русское пьянство стало обыденностью? Какова в действительности была роль спиртного в политике государства и развитии российского общества? Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая книга, которую ее авторы меньше всего хотели бы видеть очередным пропагандистским вкладом в дело борьбы с алкоголизмом.

Конечно, изучить феномен «русского пьянства» во всех его аспектах и уж тем более предложить какие-либо радикальные рецепты борьбы с ним весьма трудно. Наша задача — показать, как складывалась в России питейная традиция, какой была роль государства в сфере производства и потребления спиртного (что в дальнейшем будет называться в книге «питейной политикой»), а также рассказать об удачном и неудачном опыте борьбы с пьянством в России. Особенное внимание мы уделили развитию государственной монополии на производство и торговлю спиртным, считая это очень важным для понимания многих особенностей российского «образа питания» и неудач борьбы с ним за последние десятилетия.

Возможно, в связи с очередным провалом кампании за всеобщую трезвость полезной для размышления окажется попытка непредвзятого взгляда назад. Практика застолья неизбежно отражала уровень развития производства, качество жизни и культурные запросы населения, экономическую и социальную политику государства. Проблема утверждения в обществе определенных

норм и правил потребления алкоголя имеет не только медицинский и правовой аспекты, но в не меньшей мере — историко-культурный.

Но именно эта сторона вопроса известна слабее всего. Правда, сейчас уже появляются работы, авторы которых пытаются показать связь между некоторыми особенностями российской революции и потреблением спиртного, будившим низшие инстинкты, страсти и влечения, отнимавшим способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождавшим импульсивность и неуправляемость. Эти психофизиологические процессы отчасти объясняют внезапный взрыв кровавой, изощренной и часто бессмысленной жестокости, который «в немалой мере был обусловлен массовым и систематическим отравлением людей плохо очищенным алкоголем»².

Дело в том, что проблема «питейной политики» и пьянства в России долгое время не привлекала внимания, лишь к концу XIX столетия да, пожалуй, еще в 20-х гг. прошлого века она на какое-то время оказалась в центре общественного обсуждения. Более чутким барометром настроений общества стала художественная литература: от прославления дружеского застолья у поэтов пушкинской поры — до трагических нот у Блока и гротеска уже социалистических времен Венедикта Ерофеева.

Что же касается научных исследований, то одной из основных работ по данной теме остается изданная больше ста лет назад книга русского историка, этнографа и публициста И.Г. Прыжова (1827—1885 гг.)³. Бедный чиновник и ученый по призванию, Прыжов одним из первых задумал цикл работ о социальном быте России, куда входил и трехтомный труд по истории кабаков, к сожалению, оставшийся незавершенным. Возникновение царева кабака историк связывал со временами Ивана Грозного, видел в его появлении «татарское», азиатское влияние, которое вводилось силой при сопротивлении народа. Прыжов впервые обратил внимание на факты народной борьбы за трезвость. Из печати вышла только одна часть книги и то в искаженном цензурой виде; остальное большей частью было утеряно или уничтожено самим автором, окончившим свои дни в сибирской ссылке по делу одной из революционных организаций.

Более узко — с точки зрения истории российских финансов — питейное дело рассматривали ученые-экономисты конца XIX в. в связи с введением государственной монополии на водку⁴. Представляют интерес и работы общественных деятелей, юристов и врачей — участников трезвенного движения начала XX в⁵.

В советское время данная тема оказалась актуальной только на короткое время в 20-х гг., когда появился ряд серьезных работ, вызванных развернувшимся было антиалкогольным движением⁶. В дальнейшем она уже не привлекала внимания историков и других специалистов в сфере общественных наук, поскольку не вполне соответствовала официально утвержденному образу советского человека и столь же официальной трактовке целей и задач социалистической экономики. В крайнем случае пьянство признавалось досадным, но успешно изживаемым атавизмом дореволюционной эпохи⁷.

Что же касается социально-экономической стороны темы, то она ограничивалась демонстрацией успеха отечественной пищевой промышленности и изменений показателей производства и потребления алкогольной продукции. На этом фоне лишь изредка попадалась тревожная информация — и то, как правило, приуроченная к очередной кампании по борьбе с пьянством⁸. Историки также весьма избирательно обращались к прошлому, рассматривая, например, трезвенное движение преимущественно с точки зрения развития классовой борьбы⁹.

Прикладные медицинские и криминологические работы оставались информацией для достаточно узкого круга специалистов, а открытая статистика не давала оснований для серьезного научного анализа. Только на волне известной антиалкогольной кампании 1985 г. на страницах научной печати стали вновь появляться работы историков, юристов, социологов, экономистов, посвященные разным аспектам российской питейной традиции, в том числе и осмыслению опыта прошлых попыток ее изучения и «укрощения»¹⁰.

До сих пор интересующая нас тема так и не получила сколько-нибудь последовательного и комплексного отражения в литературе. Относительно недавно вышедшая книга В.В. Похлебкина посвящена преимущественно описанию старых технологий производства. Другой задачей автора было утверждение национального приоритета

при ответе на вопрос: «Была ли наша страна, Россия, в деле производства водки вполне оригинальна, или же в этом сугубо, как мы считаем, национальном вопросе нам кто-то из Европы... так сказать, "указал путь"»¹¹. Правда, отечественные питейные традиции получили некоторое освещение в трудах этнографов¹². Уже опубликованы и первые работы, авторы которых пытаются показать социальную роль водки в перипетиях российской истории, но они разбросаны по различным изданиям¹³. Другие появившиеся в последнее время книги носят в основном более рекламно-потребительский характер: как изготавливать и чем закусывать — хотя и такие пособия при нашей культуре застолья представляются отнюдь не лишними. Что же касается зарубежных работ, где расхожие утверждения о водке как «белой магии русского мужика» уже сменились серьезными исследованиями, — то эти работы не всегда доступны для массового читателя¹⁴.

Поэтому и родилась эта книга. Ее авторы использовали разнообразные материалы: отечественное законодательство, средневековые летописи и акты, официальную и неофициальную статистику, свидетельства современников, публицистику, прессу, а также известные нам и частично названные выше работы. С их помощью мы хотели бы рассказать об истории появления и распространения спиртных напитков в России для попытки ответа на вопрос, каким образом водка на столетия завоевала свои позиции в общественной жизни и массовом сознании русских людей. Но хмельные напитки задолго до появления на Руси стали спутниками человечества.

Знакомство это началось с глубокой древности — с эпохи зарождения древнейших цивилизаций, когда люди начали систематически возделывать землю. На территории древней Месопотамии археологи обнаружили осколки глиняного сосуда, сделанного в шумерском государстве Урук 5500 лет назад, в котором когда-то хранилось вино; рядом с ним были найдены и столовые кубки, и отстойник для виноградного сока. К концу IV тыс. до н.э. виноградная лоза окультурируется и на плодородных землях Палестины. Вскоре вино становится важным и ценным экспортным продуктом — его отправляют в города Месопотамии и в Египет¹⁵. Уже тогда их жители сумели оценить свойства этого напитка. Рисунки в египетских гробницах вполне натуралистично изображают,

как тошнит от неумеренного употребления вина гостей и дам на пиру у вельможи, а тексты, переписывавшиеся школьниками II тыс. до н.э., включают и такие сентенции: *«Ты узнаешь, что вино отвратительно. Ты дашь клятву... что не отдашь свое сердце бутылке...»*¹⁶

Благоприятные почвенно-климатические условия Средиземноморья способствовали быстрому распространению виноградарства и виноделия, ставшего одной из основных отраслей сельскохозяйственного производства в этом регионе. Сложился здесь и особый «южный» тип потребления спиртного: для всех винопроизводящих стран региона характерно присутствие в пищевом рационе сухого натурального вина как неотъемлемой части повседневной трапезы всех слоев населения. Перебродившее в течение нескольких лет вино греки и римляне разливали в амфоры, которые снабжались специальными ярлыками с указанием года, места производства и наличия сладких добавок.

Пили вино в античности разбавленным больше чем наполовину, а праздничные пиршества непременно сопровождались развлечениями, музыкой, застольными песнями. Злоупотребление застольем или «варварское» питье неразведенного вина вызывало ехидные эпиграммы современников:

*«Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили,
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина».*

Даже римские рабы, согласно тогдашним рекомендациям, получали в месяц по амфоре вина — правда, самого плохого (но безусловно превосходившего по качеству советские крепленые портвейны), что составляло около 30 литров.

Столетия культивирования винограда позволили создать замечательные сорта вин (среди греческих виноградных вин лучшим считалось хиосское, а среди итальянских — фалернское), славившихся во всем Средиземноморье. Не менее высоко они ценились и окружавшими античный мир «варварами»: экспорт вина достигал Скандинавии и Индии. Не случайно индийский император династии Маурьев Биндусари (293—268 гг. до н.э.) просил тогдашнего властителя Переднего Востока селевкидского царя Антиоха I прислать ему подарки: вино, фиги и ученого-философа. В самой Индии винопитие было включено в религиозный ритуал. И сейчас турист-

там демонстрируют в одном из древних индуистских храмов статую бога Кала Бхайрава, который поглощает любые пожертвованные ему напитки — от виски до самогона.

Традиции и искусство виноделия пережили крушение Римской империи: византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. «Геопоники» подробно рассказывает о десятках способов приготовления различных вин и настоек, многие из которых имели целебные свойства. Этот же труд сообщает, что в средневековой Византии существовали специальные дегустаторы вин, и описывает сам процесс дегустации, во многом похожий на современные международные конкурсы продукции виноделов. Составители энциклопедии предупреждали читателя, что вино не только «веселит душу», но и «отшибает память», и в качестве средства от опьянения рекомендовали пирующим прочесть одну из строк «Одиссеи» Гомера¹⁷.

Вместе с римскими легионами и римской культурой виноделие пришло и в Западную Европу. Правда, варварские нашествия в эпоху «великого переселения народов» привели к запустению виноградников в Южной Англии, Северной Франции, Баварии; но к XII в. виноделие восстановило свои позиции¹⁸. В Испании, Франции, Италии и Южной Германии вино по-прежнему сохраняло значение одного из основных пищевых продуктов. Служило оно и не только для трапез: в нем растворяли лекарства; без красного вина не могла обходиться литургия (месса) — главное богослужение христианской церкви.

Но по мере проникновения вглубь континента виноградное вино столкнулось с достойными конкурентами медом и пивом, распространенными у варваров-германцев: *«Их напиток — ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина»*, — так характеризовал знаменитый историк Корнелий Тацит неизвестное римлянам пиво¹⁹, которое стало скоро частью постоянного рациона римских легионеров, разбросанных по гарнизонам Германии и Британии. Перебои в его поставках (как свидетельствуют недавно найденные в Англии таблички с записью канцелярской отчетности одного из таких гарнизонов) могли вызвать даже волнения солдат. Как хмельной напиток мед был известен еще римскому ученому Плинию Старшему (I в. н.э.), а

пиво является одним из древнейших изобретений человечества — возможно, оно появилось даже раньше, чем вино.

Ячменное пиво упоминается в месопотамских и древнеегипетских текстах: оно входило в рацион строителей пирамид. Тогда же появились и древнейшие специализированные питейные заведения, со всеми вытекающими отсюда социальными проблемами: законы вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) предписывали их содержателям воздерживаться от мошенничества при отпуске товара потребителям и произвольного увеличения цены на «сикеру» и не допускать, чтобы в кабачке «сговаривались преступники», — за все это хозяев заведений полагалось топить²⁰. Древнее население Африки делало пиво из проса, индейцы доколумбовой Америки — из маиса; своеобразное «вино» из зерна делали и древние китайцы²¹.

Европе принадлежит открытие применения хмеля для пивоварения в XII в., и с этого времени пиво становится объектом международной торговли и серьезным соперником привозного вина в странах Центральной и Северной Европы. Так, в средневековом Гамбурге пивовары были представителями ведущей и наиболее многочисленной ремесленной профессии. Их продукция насчитывала десятки сортов, изготавливавшихся по особой технологии с использованием мака, грибов, меда, лаврового листа и т.д. В 1516 г. появилась «Баварская заповедь чистоты» — один из первых известных законов, защищавших интересы потребителя: согласно ей, пиво надлежало варить только из ячменя, хмеля и воды, без каких-либо сомнительных добавок, вроде дубовой листвы или желчи теленка.

Подлинной революцией в питейном деле стало изобретение водки. По традиции принято приписывать это открытие ученым арабского Востока конца I тыс. н.э.; правда, производители японской рисовой водки «сакэ» утверждают, что первые сведения об этом напитке относятся к III в. н.э. Более определенно можно сказать, что первый перегонный аппарат в Европе появился в Южной Италии около 1100 г.²² В течение нескольких столетий aqua vitae («вода жизни») — так был назван новый продукт в трактате врача Арно де Вильнева «Сохранение молодости» на рубеже XIII—XIV вв. — считалась исключительно лекарственным средством, дающим

ощущение «теплоты и уверенности». Тогдашняя медицина полагала, что она может «оживлять сердца», унимать зубную боль и даже излечивать от чумы, паралича и потери голоса²³.

Новую эпоху открыла возможность получения спирта из перебродившего зерна — «винокурение». Сохранившийся документ 1494 г. с указанием рецептуры приготовления «воды жизни» из солода дал основание отпраздновать недавно 500-летие шотландского виски. Очевидно, подобное открытие было сделано не только на Британских островах, поскольку с конца XV — начала XVI в. относительно дешевое и не портившееся хлебное вино (или водка) начинает постепенно завоевывать Европу, а затем и другие континенты. Вслед за ней в разных районах получают широкое распространение виноградная водка (коньяк), ликеры (или, как их называли в XVII—XVIII вв., ратафии), джин, ром и другие спиртные изделия того же рода. В новое время в Северной Европе и Америке формируется иной, по сравнению с традиционным, тип потребления спиртного, на базе пива и неизвестных античности крепких спиртных напитков.

Обычный дневной рацион простолюдина средневековой Европы состоял из 1—1,5 кг хлеба, каши, дешевой рыбы и небольшого количества овощей. Пили, правда, по современным меркам немало: по полтора литра вина (во Франции, Италии, Греции) или ячменного пива (в Англии, Германии, скандинавских странах)²⁴. Но это была именно обычная норма потребления в течение всего дня и вместе с пищей, а не единовременная выпивка, которая для большинства населения являлась возможной лишь по праздникам. К тому же периоды относительного благополучия сменялись и на Западе, и на Востоке Европы частыми голодовками, когда даже обычная грубая пища становилась редкостью. Угроза голода, плохое и неравномерное питание с переходами от редких пиршеств к длительному воздержанию (в условиях постоянной общественной нестабильности), несомненно, формировали такие особенности психики средневековых людей, как резкие смены настроения, повышенная эмоциональность, вера в чудо и способность к различным «видениям».

Тысячелетнее знакомство человечества с алкоголем не только обогатило его стол, но и поставило перед ним се-

рьезные социальные проблемы, связанные с физическим и моральным состоянием общества, соблюдением традиций и этических норм, сохранением политической стабильности — слишком многогранным было воздействие этого фактора на общественные институты. Поэтому уже в древности появились со стороны государства и общества первые попытки регулировать потребление спиртного и пресекать его нежелательные последствия. Самой ранней из них можно считать указ китайского властителя (1116 г. до н. э.) о недопущении пьянства среди подданных²⁵.

На другом краю ойкумены складывавшийся библейский канон отмечал и открытие виноделия («Ной начал возделывать землю и насадил виноградник»), и его последствия: сын Ноя Хам посмеялся над пьяным отцом и был им проклят. Пророки Аммос, Осия, Исайя (VIII в. до н.э.) сурово осуждали своих соплеменников: *«Разврат и хмель обуревают все сердца!»* — и прямо связывали падение морального уровня общества с утратой государственной независимости Израиля под натиском Ассирии.

В эллинистическом Египте при династии Птолемеев (III в. до н. э.) вводится уже государственная монополия на производство самого массового алкогольного напитка — пива. Египетские пивовары обязаны были покупать у местного «эконома» — финансового администратора — лицензию на право заниматься своей деятельностью, после чего получали сырье (ячмень) из царских амбаров — варили пиво и продавали его по установленным ценам и все это под бдительным надзором специальных чиновников-«казначеев»²⁶. Естественно, такая система имела целью не заботу о нравственности подданных, а прежде всего увеличение доходов казны. Открытие такого мощного фискального рычага сопровождалось с тех же самых времен хорошо известными попытками его обойти: двухтысячелетней давности папирусные документы повествуют о неуплате налогов, занижении объема производства, «левой» торговле, подкупе и прочих злоупотреблениях чиновников.

Известны попытки как-то ограничить неумеренное пьянство и в более поздние времена. Франкский король Карл Великий (768—814 гг.), например, особым указом запретил являться в суд в пьяном виде тяжущимся сто-

ронам, их свидетелям и... самим судьям. Правитель Египта Абу Али аль-Хаким (996—1021 гг.) наложил запрет на производство традиционного для египтян пива и повелел закрывать все трактиры в канун священного месяца Раджаб²⁷. Периодически запрещали своим подданным употребление спиртного и багдадские халифы. Но давние традиции виноделия у народов Ближнего Востока делали все эти усилия напрасными, несмотря на строгие предписания ислама и военную мощь Арабского халифата. Министр почт и по совместительству ученый-географ второй половины IX в. Абу-ль-Касим ибн-Хордадбех написал даже специальное руководство — «Книгу об искусстве питья». Да и сами повелители правоверных не отличались трезвостью: в X в. халиф ар-Ради даже дал торжественный обет не пить и выдержал его... целых два года! А его предшественник аль-Кахир запретил для подданных вино, песни и рабынь-певиц только для того, чтобы самому скупить наиболее известных исполнительниц²⁸.

Ограничительные меры вводились и в древней, и в средневековой Европе. Уже римские императоры I в. до н.э. Тиберий и Клавдий запрещали продавать в тавернах пищу, чтобы посетители не задерживались; иначе приказывали закрывать заведения. К римскому времени относятся и новые попытки административного регулирования продовольственного рынка: император Домициан (81—96 гг.) постановил наполовину сократить виноградники в Италии, а Диоклетиан (284—305 гг.) издал первые эдикт о твердых ценах на тысячу разных товаров, в том числе и на вино.

В средневековой Англии королевские акты XIII в. предписывали закрывать таверны до обхода ночной стражи²⁹. Впрочем, подобные акции диктовались не только заботой об общественной нравственности: кабачки легко становились центрами притяжения для недовольных, обездоленных, выбитых из колеи людей и вызывали соответствующую реакцию властей. Однако вовсе не эти робкие попытки имели значение для регулирования поведения людей того времени. Сами устойчивые традиции и предписанные вековым обычаем нормы повседневной жизни аграрных докапиталистических обществ препятствовали распространению пьянства. Люди того времени с детства были «вписаны» в достаточно жесткую систему социальных групп — сословий, определявших их про-

фессию, стиль жизни, одежду и поведение. Ни античный гражданин в системе своего мира-полиса, ни средневековый человек в рамках крестьянской общины или городского цеха не могли себя вести, как им заблагорассудится. Однообразный ритм повседневной жизни, полной напряженного труда, опасностей (в виде неурожая, болезней или войн) и лишений, только по праздникам сменялся атмосферой лихого карнавального веселья.

Однако и в такие дни поведение участников пиршества определялось сложившейся традицией и ритуалом. Члены купеческой гильдии французского города Сент-Омера в XII в. в этих случаях руководствовались особым уставом, содержавшим следующий порядок: *«С наступлением времени питья полагается, чтобы деканы уведомили свой капитул в назначенный день принять участие в пиршестве и предписали, чтобы они мирно явились в девятом часу на свое место и чтобы никто не затевал споры, поминая старое или недавнее...»* Далее празднество шло по определенному регламенту, за соблюдением которого следили избранные «запивалы». Члены братства должны были выделить «порцию» больным и охранявшим их покой сторожам, а *«по окончании попойки и выплате всех издержек, если что останется, пусть будет отдано на общую пользу, т.е. на благоустройство города и благотворительность»*³⁰.

К тому же лишь достаточно узкий круг знати и состоятельных людей из низших сословий мог позволить себе разнообразный стол. Но и их рацион пытались регламентировать. В 1279 г. французский парламент (судебный орган) даже принял постановление, определявшее число блюд за обедом: суп, два вторых и десерт³¹. Особой утонченностью и роскошью отличались пиры византийской аристократии, на которых, по выражению современника, подавались *«холмы хлеба, леса зверей, проливы рыбы и моря вин»*³². Но будничная еда знати не всегда была похожа на ее званые угощения; праздничные пиры средневековых рыцарей и купцов сменялась постами, когда пища и питье строго контролировались обычаем и церковью.

Некоторым вызовом сложившейся системе норм и ценностей была поэзия вагантов — странствующих клириков, школяров, монахов, воспевавших дружеский круг, любовь и шумное застолье. В самом популярном из

вагантских стихотворений — «Исповеди» — безымянный автор, немецкий поэт (архипиит Кельнский), несмотря на требуемое по форме отречение от заблуждений молодости, воспевал вино и пьянство:

*«В кабаке возьми меня, смерть, а не на ложе!
Быть к вину близости мне всего дороже.
Будет петь и ангелам веселее тоже:
Над великим пьяницей смилуйся, о Боже».*

Однако эта и подобные ей, порой даже кощунственные «кабацкие песни» вагантов — как и знаменитые стихи их восточного единомышленника, поэта и ученого Омара Хайяма — вовсе не свидетельствуют о поголовном пьянстве их создателей и того круга образованных людей, который они представляли. Конечно, средневековые университеты были далеко не богоугодными заведениями, и уже в XII в. хронисты осуждали парижских школяров за то, что они «пьют без меры»; но слагавшиеся в то время «гимны Бахусу» можно считать не признаком падения нравов, а скорее утверждением нарождавшейся интеллигенции, символом свободного творчества и свободной мысли.

Подлинным рубежом в антиалкогольной истории Европы стал XVI в., когда открытие сравнительно дешевой и легко производимой в любом месте водки наложилось на серьезные социальные сдвиги эпохи Возрождения и Реформации. Постепенное разложение феодальных структур и традиций, рождение новой светской этики и системы ценностей порождали иной тип человека, новый стиль жизни и бытового поведения, гораздо менее ориентированным на прежние сословные нормы.

С другой стороны, с ростом торговых связей исчезала прежняя патриархальная замкнутость. Шестнадцатое столетие стало временем быстрого распространения водки, с которой голландские и немецкие купцы познакомили население стран Северной и Восточной Европы, а затем — своих колониальных владений в Азии, Латинской Америке и Африке. К середине XVII в. только в одном Амстердаме действовало 400 водочных заводов, а в 1718 г. открылась специализированная водочная биржа.

Именно в это время начинается длительная борьба с «водочным чертом» (Schnapsteufel), как стали называть эту социальную проблему. В 1496 г. власти немецкого

города Нюрнберга запретили по праздникам свободную продажу спирта. Во Франции в 1536 г. пьяницам грозила тюрьмой, а пойманым в третий раз — отрезание ушей³³. В Англии в первой половине XVIII в. также не раз принимались законодательные ограничения производства и продажи спиртного. Но все эти и подобные им запретительные меры показали свою полную неэффективность. Доступность производства и потребность в алкоголе легко преодолевали административные запреты, а выгода заставляла торговцев идти навстречу потребителю и, в свою очередь, формировать его вкусы: «*Простое опьянение — пенс, мертвецкое — два пенса и солома даром*³⁴», — гласило объявление на дверях английских «забегаловок» XVIII в.

Колоссальная прибыль от продажи спиртного не могла не интересовать и государство: питейные деньги в различной форме становятся одной из важнейших статей дохода и объектом высокой политики. Знаменитый кардинал Ришелье считал необходимым включить в свое политическое завещание пункт о расширении французской северной торговли, ибо «*весь Север безусловно нуждается в вине, уксусе, водке...*»

Как же обстояли питейные дела на Востоке Европы на Руси?

Примечания

1 The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. Cambridge. 1982. P. 391.

2 Павлова Т.А. Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 170—172.

3 Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868. Книга была дважды переиздана в 1914 и 1992 гг. Из не вошедших в текст книги материалов сохранилась лишь небольшая часть (см.: Пушкарев Л.Н. Рукописный фонд И.Г. Прыжова, считавшийся утерянным // Советская этнография. 1950. № 1. С. 185).

4 См.: Осипов Н.О. Казенная продажа вина. СПб., 1900; Проптер С.М. Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900; Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911; Фридман М.И. Винная монополия. Пг., 1916. Т. 1—2.

5 См.: Брандт Б.Ф. Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897; Фавр В.В. Способы общественно-государ-

ственной борьбы с пьянством. Харьков, 1900; *Добровольский Н.С.* К вопросу о народном пьянстве. М., 1914. Библиографию антиалкогольной литературы начала XX в. см.: *Булгаковский Д.Г.* Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятниках древнерусской письменности. М., 1902.

6 См.: *Коган Б.Б., Лебединский М.С.* Быт рабочей молодежи. М., 1929; *Дейчман Э.И.* Алкоголизм и борьба с ним. М.—Л., 1929; *Воронов Д.Н.* Алкоголь в современном быту. М.—Л., 1930.

7 См.: Вино любишь — сам себя губишь. М., 1959; Человек и вино. М., 1963; Алкоголизм — путь к преступлению. М., 1966 и др.

8 См.: *Бобрик И.П.* Спиртовая промышленность за годы Советской власти. М., 1958; Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957; *Сиволап И.К., Шахтан А.С.* Пищевая промышленность СССР. М., 1957; *Назаров Р.С.* Производство и потребление продуктов питания. М., 1962; Трезвый взгляд на пьянство // Экономика и организация производства. 1974. № 4; *Струмилин С.Г., Сонин М.Я.* Алкогольные потери и борьба с ними // Экономика и организация промышленного производства. 1974. № 4.

9 См.: *Федоров В.А.* Крестьянское трезвенное движение 1858—1860 гг. // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1962. Вып. 2.; *Пархоменко А.Г.* Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // Советское государство и право. 1984. № 4.

10 См.: *Коржихина Т.П.* Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1985. №9; *Голосенко И.А.* Русское пьянство: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986. № 3. *Горшков М., Шереги Ф.* Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986. № 2; *Рыбаков А.И.* Ценностно-нормативные представления о потреблении алкоголя // Социологические исследования. 1988. № 2; Пьянство и преступность: история проблемы. Киев, 1989; *Тремл В.* Борьба с пьянством и алкоголизмом в СССР // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 4.; *Лисицын Ю.П., Сидоров П.И.* Алкоголизм (медико-социальные аспекты). М. 1990; Трезвость: иллюзии и реальность. Киев, 1991.

11 *Похлебкин В.В.* История водки. М., 1991.

12 См., например: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991; Быт великорусских крестьян-земледельцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993; Русские. М., 1997.

13 См., например: *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74—88; *Голицын Ю.П.* Отношение купечества к установлению дворянской монополии на винокурение в середине XVIII в. // Российское купечество: от средневековья к новому времени. М., 1993. С. 53—55; *Осокина Е.А.* Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1925 гг. М., 1993; *Лебина Н.Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30—42; *Бердинских В.А.* Россия и русские: Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев. Киров, 1994; *Канищев В., Протасов Л.* Допьем романовские остатки! // Родина. 1997. № 8. С. 62—65; *Павлова Т.А.* Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 170—172; *Данилова М.* Мадера ярославского разлива // Родина. 2000. № 12. С. 49—51; *Ушакова О.* Народный недуг // Родина. 2001. № 3. С. 40—43.

14 *Smith R. E. F., Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. New York, 1984; *Segal B.* Russian drinking. Use and Abuse of Alcohol in pre-revolutionary Russia. New-Brunswick, 1987; *Segal B.* The Drunken Society: Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union. A comparative Study. New York, 1990; *Christian D.* Living water: vodka and russian society on the Emancipation. Oxford, 1990.

15 См.: Знание — сила. 1993. № 12. С. 10; *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С.100.

16 Цит. по: *Котрелл Л.* Во времена фараонов. М., 1982. С. 110.

17 Геопоники. М.—Л., 1960. С. 136—137, 146.

18 См.: *Ястребицкая А.Л.* Западная Европа XI—XIII вв.: эпоха, быт, костюм. М., 1978. С.68.

19 *Корнелий Тацит.* Сочинения в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 363.

20 Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древнего мира. 1952. № 3. С. 238.

21 См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 257; *Крючков М.В.* и др. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 209—210.

22 См.: *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 261; *Ястребицкая А.Л.* Указ. соч. С. 68; *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit.* Sigmaringen, 1987. S. 211.

23 См.: *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 261; *Essen und Trinken.* S. 211.

24 См.: *Ястребицкая А.Л.* Указ. соч. С. 68.

25 См.: *Брандт Б.Ф.* Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897. С. 6.

26 См.: *Пикус Н.Н.* Царские земледельцы и ремесленники в Египте III в. до н.э. М., 1972. С. 206.

27 См.: *Мюллер А.* История ислама от основания до новейших времен. СПб., 1895. С. 337.

28 См.: *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 294, 319—320.

29 См.: *Брандт Б.Ф.* Указ. соч. С. 7—8.

30 См.: Средневековье в его памятниках. М., 1913. С. 180—181.

31 См.: *Ястребицкая А.Л.* Указ. соч. С. 67—68.

32 Цит. по: Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 580.

33 См.: *Бродель Ф.* Указ. соч. С. 262; *Канель В.Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 404.

34 Цит. по: *Брандт Б.Ф.* Указ. соч. С. 9.

Глава 1

РУСИ ЕСТЬ ВЕСЕЛИЕ ПИТИ

Языческие пиры. — Питию время и мера. — Водка на Руси. — Государев кабак. — Винная политика в XVI—XVII столетиях. — Кабак и общество XVII века. — Нельзя слуги Божия до сорама упоити.

Питухов от кабаков не отгонять.

Правило кабацких целовальников XVII века

Языческие пиры. Поставленные нами в название главы слова летописная традиция приписывает великому киевскому князю Владимиру I Святославичу (980—1015 гг.). Согласно красочному рассказу о выборе новой веры, «креститель» Руси таким образом категорически отверг ислам по причине запрета на вино и свинину. С тех пор эта фраза нередко служила историческим аргументом в пользу исконности русских питейных традиций. Что же в действительности стояло за словами князя? Как и что пили наши предки?

Наиболее распространенными напитками с глубокой древности были на Руси квас и пиво (или «ол»). При этом надо иметь в виду, что в источниках того времени название «пиво» употреблялось в значении любого напитка, а квасом называли не только безалкогольное, но и довольно крепкое питье; так что пьяницу вполне могли назвать «квасником»¹. Прославленный в сказках и былинах «мед ставленный» был напитком не повседневным, а парадным: его приготовление и выдержка растягивались на 10—15 лет, и подавался он в основном на княжеские и боярские столы. Более дешевой разновидностью напитка был «мед вареный» — сильно разведенный водой, сваренный с пивным суслом и заквашенный на дрожжах.

Торговые связи и военные экспедиции в Византию довольно рано познакомили русских с виноградным вином. Знаменитый князь-воин Олег (882—912 гг.) по-

лучил в 911 г. в качестве выкупа при осаде Константинополя *«золото и паволокы, и овощи, и вина, и всякое узорочье»*. Вместе с утверждением христианства вино получило распространение на Руси; древнерусский читатель мог даже узнать из переводных греческих сочинений, что *«винопьянство»* произошло от языческого бога Диониса. Но вплоть до XVIII в. вино оставалось редким и ценным импортным товаром, доступным лишь знатым и богатым людям.

О «хмельных напитках из меда» у славян сообщали арабские авторы X в. — ученый ибн-Рустэ и купец Ибрагим ибн-Якуб. Побывавший в 921 г. на Волге секретарь багдадского халифа Ахмед ибн-Фадлан отметил, что похороны знатного руса сопровождалась неумеренными возлияниями его друзей до тех пор, пока мертвый не был сожжен. Вместе с умершим в загробный мир отправилась и одна из его наложниц, которой также дали выпить огромный кубок — своеобразную чашу смерти. Находки в захоронениях ритонов и кубков свидетельствуют именно о подобных ритуальных пирах-«стравах».

Пирьы были неотъемлемой частью языческого ритуала. Для них на языческих городищах-капищах строились просторные помещения на 200—250 человек. Совершив жертвоприношение и прочие обряды и вознеся хвалу стоявшим здесь же идолам, собравшиеся общинники начинали совместную трапезу с выпивкой.

Ритуал западных славян-язычников включал в себя ежегодные церемонии наполнения кубка идолу бога Святовита. По этому кубку жрец гадал о будущем урожае, а затем *«выливал старый напиток к ногам идола, в возлияние ему; наполнял рог свежим напитком и, почтив идола, как будто он должен был пить прежде жреца, просил торжественными словами счастья себе и стране и людям обогащения и побед. Окончив эту мольбу, он осушал рог одним разом и, наполнив опять, клал в руку идолу»*². В древнерусских христианских поучениях против языческих пережитков также говорится о наполнении черпала и питии чаш в честь языческих богов-«бесов»; о том же священники спрашивали и на исповеди: *«Молилась бесом или чашу их пила?»*

Однако даже в княжеско-дружинном кругу обильные пирьы едва ли были повседневным занятием: суровый быт эпохи, частые войны, далекие поездки и административ-

ные заботы оставляли дружиннику, боярину или купцу не так много времени для праздного веселья. Богатое застолье с хмельным «зельем» носило чаще всего ритуальный характер и регламентировалось идущими с глубокой древности традициями. Одним из таких освященных временем обычаев и были воспеты в былинах знаменитые пиры князя Владимира:

«Во стольном городе во Киеве,
Как у ласкового князя у Владимира,
Собирался у него там почестный пир,
Почестный пир и пиروваньице
На всех князей, на всех бояр,
На всех сильных могучих богатырей...»

Размах торжеств подтверждается и свидетельством Повести временных лет: после постройки храма Владимир в 996 г. устроил в городе Василеве *«праздник велик, варя 300 провар меду, и созываше бояры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы, и раздая убогом 300 гривен»*. Пир горой шел 8 дней, после чего князь вернулся в Киев *«и ту пакы сотворяше праздник велик, сзывая беищисленое множество народа»*³.

Подобные празднества характерны не только для славян. Эпос многих народов содержит предания о пирах и трапезах по случаю военных побед, свадеб или похорон их героев. В эпоху становления государственности такие застолья становились своеобразным общественным институтом, совещанием князя со своими приближенными, дружиной, старейшинами: *«Бе бо Володимир любя дружину и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем»*⁴. На таких советах решались вопросы войны и мира, сбора дани с подвластных земель, принимались послы; былинные богатыри именно на пиру вызывались на «службу дальнюю»⁵. Торжественная трапеза закрепляла политический союз; так, в 1147 г. Юрий Долгорукий (1125—1157 гг.) дал «обед силен» изгнанному из Киева Святославу Ольговичу в никому еще не известной Москве. Пир мог стать и местом сведения счетов: тот же Юрий в 1157 г. был отравлен в застолье киевскими боярами, а 60 лет спустя рязанский князь Глеб перебил собравшихся у него в гостях своих соперников-родственников.

Кроме «нарочитых мужей», на пир приглашались и прочие люди: в торжественной обстановке князь вершил

суд, награждал отличившихся, наделял обездоленных; т.е. в таких условиях верховная власть могла непосредственно и неформально общаться с подданными и должным образом реагировать на общественные настроения, что и отразилось в былинах. Там приехавшему в Киев «поступать на работу» богатырю Илье не надо было являться в какое-либо учреждение, предъявлять документы или заполнять анкету. Он смело шел прямо в «палаты белокаменны» и там уже, за столом, рассказывал о себе, а в ответ на сомнения предъявлял трофеи — связанного Соловья-Разбойника...

Такое княжеское застолье выполняло роль своеобразного государственного органа, где без всяких формальностей решались многочисленные вопросы, а вчерашний «мужичище-деревенщина» и князь еще могли говорить почти на равных. Столкновение мнений разрешалось столь же непосредственно. Древнейшие статьи сборника законов Русской Правды (XI в.) специально предусматривали штрафы для ссорившихся на пиру за удары рогом или чашей. В былинах примирение соперников и единение князя со своей дружиной венчала круговая чаша. Былинный богатырь мог осушить единым духом *«не малую стопу — полтора ведра»* (правда раскопки в Новгороде показали, что древнерусское ведро было гораздо меньше современного).

В таких условиях отказ князя от устройства освященных обычаем пиров по религиозным соображениям воспринимался бы массовым сознанием не только как отречение от отеческих традиций, но и как разрыв личных отношений носителя власти с широким кругом представителей других социальных общностей. И если принимать помещенное в летописи предание за правду, то слова Владимира о «веселии Руси» говорят не о какой-то особой приверженности к спиртному, а о том, что князь был достаточно умелым и гибким политиком. Он вводил новые законы и порядки, утверждал новую христианскую систему ценностей, но при этом сохранял привычные ритуалы и празднества, укреплявшие его авторитет.

Осуждение пьянства как антихристианского поведения способствовало сохранению его языческой символики, которая благополучно дожила до нашего времени. Именно к языческим ритуалам восходит отмеченная ино-

странцами манера русских пить водку не прерываясь и до дна. Налитый доверху стакан символизировал дом — «полную чашу» и полное здоровье его хозяина. Современный тост когда-то являлся магическим благопожеланием: московские люди XVI в. пили с пожеланием своему государю удачи, победы, здоровья и чтобы в его врагах осталось крови не больше, чем в этой чаше. Наконец, пить полагалось до дна, т.к. недопитое означало «оставленное» в чаше недоброжелательство.

Традиции ритуальных торжеств действовали не только в княжеском дворце. В городах и селах Руси издревле широко известны братчины, продолжавшие традиции языческих обрядовых трапез. Такие праздничные мирские пиры («братчина Никольщина», «братчина Петровщина», осенние праздники урожая и др.) объединяли и связывали личными отношениями членов крестьянской общины, прихожан одного храма, жителей одной улицы или участников купеческой корпорации. На братчинах «всем миром» варили пиво, закалывали быка. Братчины впервые упоминаются в XII в., когда жители Полоцка в 1159 г. хотели заманить обманом князя Ростислава Глебовича: *«и начаша Ростислава звати льстью у братыцину к святей Богородици к Старей, да ту имуть и»*. В более поздние времена такие праздники посвящались, как правило, святым-покровителям, и существовали в России вплоть до XX в.⁶

Организация братчин подчинялась древней традиции: выбирался главный распорядитель — «пировой староста»; он проводил сбор вкладчину необходимых припасов: муки, солода и пр. Под его наблюдением варили пиво или брагу, иногда на две-три сотни человек. Староста не только распоряжался за столом, но и признавался властями в качестве официального лица. Псковская судная грамота (XIV—XV вв.) признает за братчиной даже право суда над ее членами: *«А братычина судитъ как судьи»*⁷, таким образом собрание общинников разрешало бытовые споры и конфликты соседей. К совместной трапезе принято было приглашать бедняков и нищих. Документы свидетельствуют, что еще в XVII в. в «крестьянской ссыпной братчине» могли участвовать помещики, поскольку в допетровское время мелкие служилые люди еще не воспринимали такое поведение как несовместимое с их благородным происхождением.

В XIX в. исследователи, наблюдавшие такие трапезы, считали, что подобные мирские праздники установлены с давних времен «по обетам, данным предками в бедственные для них времена и в память чрезвычайных случаев или происшествий: мора людей, падежа скота, необыкновенного нашествия медведей, волков или других хищных зверей, ужасных пожаров, губительных ураганов, совершенного побития хлебов»⁸. Они по-прежнему объединяли родственников и соседей, посторонние туда не допускались.

Новгородские былины с осуждением повествуют о буйном Василии Буслаеве, который

«...со своей дружиною хорабраю,
Напилися оне тут зелена вина
И пришли во братшину в Никольшину.
А и будет день ко вечеру,
От малова до старова
Начали уж ребятя боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От тово бою от кулачнова
Началася драка великая»⁹.

При этом не стоит забывать, что праздники в доме средневекового крестьянина и горожанина во многом зависели от превратностей жизни той эпохи, когда относительная налаженность быта сменялась страшным неурожаем, эпидемией, татарским набегом или не менее разорительным междоусобием. *«Резаху люди живые и ядяху, и инии мертвая мяса и трупики обрезаяще ядяху, а друзии конину, псину, кошкы.., и ини же мох ядяху, сосну, кору липову и лист, кто что замысля; и инии пакы злиши человери почаша добрых людий дома зажигати, где чюючи рожь...»* — описывал летописец голодную весну 1231 г. в том же богатом Новгороде¹⁰.

«Питию время и мера». Судя по дошедшим до нас документам, Древняя Русь не знала массового и тем более индивидуального пьянства. Потребление спиртного было, по большей части, коллективным действием, приуроченным к определенному времени и подчиненным определенному ритуалу. Что же касается организации продажи напитков в Древней Руси, то немногие сохранившиеся источники той поры ничего об этом не говорят. И.Г. Прыжов в своей книге о кабаках на Руси полагал,

что у славян с древности существовала корчма — постоянный двор и трактир с продажей спиртного. Однако применительно к территории Руси такое заведение впервые упоминается только в грамоте 1359 г. Профессия его содержателя характеризуется в нравоучительных сборниках того же столетия как явно предосудительная в таком ряду: «...или блудник, или резоимец, или грабитель, или корчмит»¹¹; правда, среди христианских святых известны и Феодот Корчемник.

Утверждавшаяся на Руси в XI—XII вв. православная церковь также стремилась регулировать бытовое поведение людей. Языческие ритуалы при этом постепенно вводились в рамки церковного календаря и ставились под надзор духовных властей. Древние праздничные традиции при этом не отвергались, как не запрещалось и употребление вина. Более того, с принятием христианства Русь должна была увеличить и ввоз необходимого для причастия виноградного вина, так что амфоры-«корчаги» из-под него обнаружены археологами в 60 больших и малых древнерусских городах. Высшее и низшее духовенство нередко принимало участие в празднествах и пирах, чтобы не отрываться от своей паствы и освящать события своим авторитетом. В 1183 г. великий киевский князь Святослав Всеволодович (1176—1194 гг.) устроил по поводу освящения церкви св. Василия пир, на который пригласил главу русской церкви митрополита Никифора «и ины епископы, игумены и весь святительский чин и кияны, и быша весели»¹².

Новообращенную паству приходилось воспитывать. Уже в одной из древнейших сохранившихся на Руси книг — Изборнике 1076 г., — помещены краткие высказывания о вреде пьянства, отнимавшего у человека ум, делавшего его не в меру болтливым, доводившего до разорения. Распространившиеся на Руси отечественные и переводные церковные поучения не осуждали употребления вина в принципе, предполагалось лишь соблюдение известной меры. В нравоучительном сборнике Пчела масштаб застолья измерялся по такой шкале: «Когда сядешь на пиру, то первую чашу воспиешь в жажду, вторую в сладость, третью во здравие, четвертую в веселие, пятую в пьянство, шестую в бесовство, а последнюю в горькую смерть». Ссылки на авторитет одного из отцов церкви, святого Василия Великого, утверждали,

что «богопрогневательной» является лишь седьмая по счету чаша, после которой человек *и се мертв, ни се жив, опух аки болван валяется осквернився*. Знаменитый игумен старейшего на Руси Киево-Печерского монастыря святой Феодосий (XI в.) в своих поучениях беспокоился о том, чтобы отучить христиан от пьянства, но не от питания, *«ибо иное пьянство злое, а иное питье в меру и в закон, и в приличное время, и во славу Божию»*¹³. Так что пьянство без меры и без времени решительно осуждалось.

Церковь прямо не выступала и против народных праздничных обычаев, требуя устранить только наиболее очевидные и грубые языческие черты. *«Горе пьющим Рожанице!»* — угрожал новгородский архиепископ Нифонт (1165—1186 гг.) тем, кто продолжал праздновать в честь языческих богов¹⁴. Сто лет спустя митрополит Кирилл (1247—1281 гг.) запрещал *«в божественныя праздники позоры некаки бесовския творити, с свистанием и с кличем и воплем, созывающе неки скаредные пьяници, и бьющися дреколеем до самыя смерти, и взимающе от убиваемых порты»*¹⁵.

Руководство церкви строго следило за поведением своих подчиненных, ведь именно приходские священники должны были прививать людям нормы христианской нравственности. *Вижу бо и слышу, оже до обеда пиете!* — грозил подчиненным священникам новгородский архиепископ Илья (1131—1156 гг.), поясняя, что по примеру нерадивых пастырей их прихожане сами пьют *«через ночь»*¹⁶. От слов переходили к дисциплинарным взысканиям не только по отношению к рядовым священнослужителям, но и к архиереям: *«Аще епископ упиется 10 дней пост»*, — гласило правило русского митрополита Георгия (1065—1076 гг.).

Другой юридический кодекс, церковный устав Ярослава Мудрого (1019—1054 гг.), предусматривал ответственность епископа и в том случае, если подчиненные ему священнослужители *«упиются без времени»*. Что же касалось мирян, то церковное право стремилось оградить интересы законной жены, которая получала редкую возможность развода (и всего только три года церковного наказания — епитимии), если непутевый муж расхищал ее имущество или платье *«порты ее грабити начнет или пропивает»*.

Отрицательно относились к неумеренному питию и светские власти. Великий киевский князь Владимир Мономах (1113—1125 гг.), выдающийся полководец и государственный деятель, в «Поучении» своим детям писал: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело»¹⁷. По нормам «Русской Правды» — сборника законов XI—XII вв. к купца, погубившего в пьянстве чужое имущество, наказывали строже, чем потерявшего его в результате несчастного случая. Такого пьяницу разрешалось даже продать в рабство. Впоследствии эта правовая норма без изменения перешла в Судебники 1497 и 1550 гг. Та же «Русская Правда» делала общину ответственной за убийство, совершенное кем-либо из ее членов в пьяном виде на пиру: в таком случае соседи были обязаны помочь виновному выплатить штраф-«виру». Вотчиннику-боярину запрещалось бить в пьяном виде, т.е. «не смысля», своих зависимых людей «закупов». Подразумевалось, что эту процедуру можно совершать только в трезвом состоянии и «про дело»; хотя сейчас трудно представить, как эти условия могли соблюдаться в повседневной практике средневековой вотчины.

Неодобрительное отношение к нарушениям старинных традиций можно отметить и в фольклоре. В новгородских былинах гибнет противопоставивший себя обществу буйный гуляка Василий Буслаев, звавший своих товарищей

«Не работы робить деревенския,
Пить зелена вина безденежно;»

терпит поражение и другой герой, Садко, который на пиру

«Во хмелинушке... да призахвастался
В Новгороде товары все повыкупить»¹⁸.

«Питейная» ситуация на Руси принципиально не изменилась и в более позднее время. В немногих сохранившихся источниках XIII—XV вв. упоминаются те же напитки, что и раньше: мед, пиво и вино, квас. Так же устраивались княжеские пиры и народные братчины. В новгородских владениях традиционная варка пива была и крестьянской повинностью: как следует из берестяной грамоты первой половины XIV в., некая Федосья обязана была «варити перевары» для землевладельца¹⁹.

Но, кажется, равнодушные современники все же были встревожены растущим пристрастием к спиртному в обществе. Во всяком случае, уже в начале XV в. основатель крупнейшего на русском Севере Белозерского монастыря Кирилл просил сына Дмитрия Донского, удельного князя Андрея, *«чтобы корчмы в твоей отчине не было, занеже, господине, то великая пагуба душам; крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут»*²⁰. Основатель другого монастыря Пафнутий Боровский был свидетелем дикого пьянства во время чумы 1427 г.: тогда в брошенных домах отчаянные гуляки устраивали пиршества, во время которых *«един от пьющих внезапно пад умераше; они же ногами под лавку впхав, паки прилежаще питию»*.

Появилось в XV в. и первое публицистическое произведение, посвященное пьянству: «Слово о высокоумном хмелю». «Слово» давало портрет любителя хмельного: *«Наложу ему печаль на сердце, вставшу ему с похмелиа, голова болит, очи света не видят, а ум его не идет ни на что же на доброе»*. Хмель предостерегал всех, от князя до селянина: кто «задружится» с ним, того ожидает неизбежное «злое убожие»²¹.

В том же XV столетии крепнувшая княжеская власть нарушает привычную «старину» и начинает все более энергично контролировать положение дел в своих владениях. Сохранилась целая серия жалованных грамот московских великих князей Василия II (1425—1462 гг.) и Ивана III (1462—1505 гг.), запрещающих посторонним, в том числе и княжеским слугам и чиновникам, являться на братчины в церковные села, ибо *«незваны к ним ходят на праздники и на пиры, и на братшины, да над ними деи силничают, меды де и пиво и брагу силою у них емлют, а их деи бьют и грабят»*²². В XVI в. этот запрет становится законодательной нормой для великокняжеских наместников и закрепляется в особых уставных грамотах.

Но, ограждая крестьян привилегированных владельцев от незваных гостей, власти постепенно ограничивают и права самих крестьян на свободное, мирское устройство таких праздников и изготовление спиртного. Иван III уже разъясняет игумену Кирилло-Белозерского монастыря: *«...которому будет человеку к празднику розсытить меду, или пива сварити и браги сварити к Бори-*

шу дни или к которому к господскому празднику, или к свадьбе, и к родинам, или к масленой неделе, и они тогда доложат моих наместников переславских, или их тиунов... А пьют тогда у того человека три дни. А промеж тех праздников питья им у себя не держати. А меду им и пива, и браги на продажу не держати»²³.

Подобные распоряжения, носившие сначала конкретный адрес, подготовили почву для постепенного запрещения свободного производства и продажи хмельных напитков. Впервые о такой практике сообщил венецианский посол Амброджо Контарини, побывавший проездом в Москве зимой 1476—1477 гг. Он же положил начало устойчивой западноевропейской традиции считать москвитян *«величайшими пьяницами»*, которые, по его словам, проводили время до обеда на базаре, а после обеда расходились по *«тавернам»*²⁴.

О *«пьянственных»* традициях мы поговорим ниже; что касается запрета властей на изготовление напитков, то это сообщение венецианца подтверждается свидетельствами других побывавших в России путешественников и дипломатов — С. Герберштейна (1517 и 1526 гг.), А. Кампензе (1525 г.), Фейта Зенга (40-е г. XVI в.)²⁵. В то же время власть стремилась получить в свои руки и монополию на торговлю спиртным в корчмах. Законы Пскова, сохранявшего до XVI в. республиканские традиции, специально предписывали приглашенным князьям и их людям *«по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавати»*. Псковские корчмиты были, по-видимому, достаточно влиятельными и состоятельными людьми, поскольку в 1417 г. смогли оплатить строительство целого участка городской стены²⁶.

И все же о каком-то особом распространении пьянства в XV в. говорить не приходится. Известные по летописям случаи военных поражений московских войск из-за пьянства (как, например, в 1377 г. на реке с символическим названием Пьяна, когда войска *«наехаша в зажитии мед и пиво, испиваху допьяна без меры»* и были разгромлены татарами²⁷) отмечаются именно как исключения, а отнюдь не обычное явление. Сохранялся и прежний ассортимент напитков — в основном мед и пиво; при этом вино по-прежнему оставалось привиле-

гией знати и упоминалось в источниках даже реже, чем в XI—XII вв.

Описанные выше меры по сосредоточению «питейного дела» в руках государства были вызваны, как нам представляется, не увеличением потребления спиртного (документы не дают оснований для такого вывода), а общими условиями развития российской государственности.

Закономерное для всех средневековых государств Востока и Запада преодоление раздробленности протекало на Руси в крайне неблагоприятных условиях татарского ига и постепенно нараставшего экономического отставания от Западной Европы. Разоренной татарским выходом и отрезанной от морских торговых путей стране приходилось как бы заново повторять пройденный в XI—XII вв. путь; возрождать устойчивое феодальное землевладение, развитое городское ремесло, денежное обращение; в то время как на Западе уже действовали первые мануфактуры, банки, городские коммуны и университеты. Особенно тяжелым было положение русских городов, развитие которых как и формирование «третьего сословия» было задержано на столетия: в России XV—XVII вв. не было ни Реформации, ни Возрождения.

Потребность сосредоточения всех наличных ресурсов и двухсотлетнее активное противостояние Золотой Орде и другим соседям постепенно привели к глубоким изменениям в социальной структуре общества. Московские дворяне XV—XVI вв., вырвавшиеся на княжеской службе и всецело зависевшие от княжеской милости, строили свои отношения с властью на сугубо подданнической основе и в гораздо меньшей степени обладали корпоративными правами и привилегиями по сравнению с дворянами на Западе. Крестьяне и горожане, в свою очередь, попадали во все большую зависимость и от государства (через налоговую систему), и от своих владельцев: на Руси XVI—XVII вв. неуклонно развивалось крепостное право и отсутствовали городские вольности.

На другом полюсе «похолопленного» общества стояла набиравшая силу верховная власть. В течение нескольких веков московские великие князья (с 1547 г. — цари), опираясь на свои огромные владения, были, в отличие от своих европейских собратьев, лидерами национально-освободительного движения против татарской уг-

розы. Этим обстоятельством в немалой степени объясняется неслыханный авторитет царского имени и огромная концентрация власти в руках главы государства: «*Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира...*» писал о Василии III (1505—1533 гг.) наблюдательный австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн. В итоге процесс централизации страны завершился в форме крепостнической самодержавной монархии, нормой которой стало знаменитое высказывание Грозного: «Жаловать своих холопей вольны, а и казнить вольны ж есмь». После двадцатилетней эпохи Смуты этот порядок побеждает окончательно.

Утверждение такой формы централизации в условиях относительной экономической отсталости и необходимости мобилизации всех сил и средств для нужд армии и государства стимулировало подчинение казне и такой сферы, как питейное дело. Но в условиях традиционного общества полностью ликвидировать старинные права крестьян и горожан на праздничное питье было невозможно. К тому же пиво варилось, как правило, для немедленного потребления, а производство меда было ограничено объемом исходного сырья. Алкогольная ситуация изменилась только с появлением качественно нового напитка — водки.

Водка на Руси. Вопреки распространенному мнению и помещенным на этикетках современных водочных бутылок уверениям о том, что их содержимое изготовлено по рецептам Древней Руси и производится уже в течение 800 лет, водка появилась на Руси сравнительно поздно. И.Г. Прыжов, а вслед за ним и другие исследователи Д.И. Менделеев, В.В. Похлебкин, Б. Сегал выделяют рубеж XIV—XV вв. и даже называют точные даты: 1386 г. или 1398 г. Именно тогда, по их мнению, произошло первое знакомство москвитян с западноевропейской aqua vitae при посредничестве генуэзских купцов и дипломатов²⁸. При этом все авторы ссылаются на одну и ту же работу Г.П. Успенского начала XIX в., считавшего «весьма вероятным —, что генуэзское посольство могло сообщить русским «пагубное искусство винокурения», но никаких доказательств этого предположения не приводившего²⁹.

Итальянские колонии Южного Крыма были действительно связаны торговыми операциями и с Москвой, и с другим центром объединения русских земель — Литовским великим княжеством. Торговлю с югом держали в своих руках члены московской корпорации крупных купцов-оптовиков — «гости-сурожане» (по названию г. Сурож, современного Судака). Они часто бывали в Крыму, а в столице генуэзских владений Кафе (нынешняя Феодосия) уже в 1316 г. была построена русская церковь. Сохранившиеся документы итальянских архивов сообщают о продаже вина русским духовным и светским лицам, прибывавшим в Кафу, и даже о том, что в 1410 г. генуэзец Бенедетто де Негри отправился с партией вина в Россию. Но сведений о визите в Москву генуэзских посольств в 1386 г. или в 1429 г. и тем более о демонстрации москвичам спирта ни русские летописи, ни итальянские документы не содержат³⁰.

Академический вопрос о времени начала производства водки в России был поставлен в 1977—1978 гг. на международном уровне, когда советским внешнеторговым ведомствам предстояло с фактами в руках доказывать российский приоритет в изготовлении водки под угрозой лишения права именовать так свою поступающую на мировой рынок продукцию. Особенно серьезными были претензии государственной водочной монополии Польши: ее представители утверждали, что водка была изобретена на территории бывшего Польско-Литовского государства (Речи Посполитой) и притом раньше, чем в России³¹. Тем не менее атака конкурентов была успешно отражена. Важную роль при этом сыграло специальное исследование В.В. Похлебкина, в котором подробно рассмотрены история возникновения и специфика технологии русского водочного производства. К выводам этой книги нам и придется обратиться.

Две главы работы посвящены изысканиям доказательств отечественного изобретения этого напитка по своей оригинальной технологии. По мнению автора, первые подходы к открытию нового продукта имели место уже в конце XII — начале XIII в. Окончательно же винокурение возникло в самой Москве, в одном из монастырей в период 40—70-х годов XV в., причем 1478 год следует считать как крайний срок, когда винокуренное производство уже существовало некоторое время и на ос-

нове опыта этого существования была введена государственная монополия на производство и продажу хлебного вина. Последняя дата приводится также без каких-либо ссылок на источники. При этом автор вполне сознавал отсутствие в своей работе каких-либо прямых свидетельств в пользу приводимых им дат открытия водки на Руси. Объяснял он это тем, что «летописи не фиксировали событий второй половины XV века», а хозяйственные документы монастырей и дворцовых служб за то же столетие «не сохранились ни в какой степени»³².

Однако при несомненной утрате документов и целых архивов той поры сохранились точно датированные и хорошо известные специалистам источники, прямо сообщающие об интересующем нас предмете. Можно вполне согласиться с автором, что до XV в. ни Северо-Восточная, Московская, ни Юго-Западная, Литовская Русь винокурения не знали: в источниках того времени упоминаются лишь мед, пиво и реже — вино. Не вполне понятное слово «перевар» употреблялось, по-видимому, не для обозначения напитка — предшественника водки, а относилось к процессу варки пива. И лишь в одном тексте XIV в. упоминается «вино твореное», что можно толковать и как продукт перегонки³³. Только эти напитки упоминали побывавший в Москве венецианец Контарини и московский посол в Милане в 1486 г. грек Юрий Траханиот.

Впервые, по нашему мнению, сообщил о достижениях русских в этом вопросе известный ученый, ректор Краковского университета и врач польского короля Сигизмунда I Матвей Меховский. В своем «Трактате о двух Сарматиях» (первое издание — 1517 г.) он в главе о Московии писал, что ее жители *«часто употребляют горячительные пряности или перегоняют их в спирт, например, мед и другое. Так, из овса они делают жгучую жидкость или спирт и пьют, чтобы спастись от озноба и холода»*³⁴. В том же году уже упоминавшийся посол германского императора Сигизмунд Герберштейн увидел на парадном обеде в Кремле *«графинчик с водкой (Герберштейн употребил соответствующее немецкое слово Prandtwein. — Авт.), которую они всегда пьют за столом перед обедом»*³⁵.

Несколько лет спустя, в 1525 г. в Риме епископ Паоло Джовио, по поручению папы расспрашивавший московского посланника Дмитрия Герасимова, с его слов

записал, что в Московии, кроме привозного вина и меда, пьют *«пиво и водку, как мы видим это у немцев и поляков»*. Последующие иностранные описания путешествий в Россию уже неизменно содержат упоминания водки как общеупотребительного напитка ее жителей³⁶.

Мы не задавались целью доказать отечественный приоритет в изобретении водки и совершенно не исключаем того, что с этим продуктом москвичей XVI в. могли познакомить западноевропейские или прибалтийские купцы. Во всяком случае, до 1474 г. немецкие торговцы привозили спиртное в Псков, и только в этом году новый торговый договор прекратил эту практику: *«пива немцом в Псков не возити, и оттоле преста корчма немецкая»*³⁷. Покупали за рубежом вина и новгородские купцы; а когда в 1522 г. власти этого города требовали у Таллинского магистрата уплатить долг русским купцам, в перечне имущества упоминались и *«бочки вина горячего»*³⁸. В XVII в. постоянной статьёй импорта из Швеции стало оборудование для винокурения медные кубы и *«винокурные трубы»*.

По-видимому, в начале XVI в. появляется и само слово «водка»; правда, тогда оно имело несколько иное значение. В «Сказании» о болезни и смерти великого князя Василия III (умер, вероятно, от гнойной инфекции на бедре) рассказывается, что за несколько дней до кончины государя его доверенный боярин Михаил Юрьевич Захарьин предложил свой вариант лечения: *«...водка нарядити и в рану пуцати и выжимати»*³⁹. Придворные врачи этим рецептом так и не воспользовались, но приведенный рассказ является самым ранним из известных авторам упоминаний нового термина. Употреблялся он, как следует из текста, для обозначения каких-либо спиртовых настоек в качестве сугубо медицинского препарата. Такие «водки» в Москве готовили в специальном учреждении — Аптекарском приказе, учрежденном в конце XVI в., где была и соответствующая аппаратура. Известно и еще одно смысловое значение термина: так в XVII в. на Руси называли кислоту⁴⁰. Как алкогольный напиток водку в течение нескольких столетий называли «вином», а современное наименование этого продукта появилось сравнительно поздно — где-то с середины XIX в.

Не вдаваясь в спор о точном времени и месте изобретения водки на Руси, все же можно выделить рубеж

XV—XVI вв., когда, как это следует из приведенных выше источников, новый напиток стал известен в Москве. Кажется, в это время он еще был редкостью; не случайно Герберштейн особо выделил принесенный графинчик на царский пир. Когда Василий III осаждал в 1513 г. Смоленск, он воодушевлял свое войско более привычными вещами: перед штурмом псковские пищальники получили *«три бочки меду и три бочки пива, и напившись полезша ко граду»*. Но атака закончилась плачевно для нападавших, которых *«много же побили, занеже они пьяны лезли»*⁴¹.

Однако новый напиток довольно быстро вошел в употребление, и уже молодой Иван IV (1533—1584 г.), будущий Грозный, безобразничая в компании своих приятелей в 1547 г., так встречал депутацию псковских горожан: *«...бесчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы да свечю зажигал, и повелел их покласти нагих по земле»*⁴².

Составленный в середине XVI в. «Домострой» — описание хозяйства и быта зажиточного русского горожанина уже хорошо знал процесс винокурения и давал наставления хозяину строго его контролировать: *«А вино курити самому ж неотступно быти, или кто верен и прям, тому приказати а у перепуска (перегонки. — Авт.) потому ж смечать колке ис котла укурит первого и среднего, и последнего. А на погреб и на ледник и в сушило и в житницы без себя никакова не пущат, везде самому отдавати и отмерити и отвесити. и сколько кому чего дастъ, то все записати»*. Готовый продукт (в «Домострое» он называется и вином, и «аракой») рекомендовалось ни в коем случае не доверять жене и тем более упрячливому слугам, а хранить *«в опищенном погребе за замком»* под постоянным контролем самого хозяина.

Предостерегал «Домострой» и от неумеренного употребления водки особенно в гостях, на пиру, после которого можно было не добраться домой: *«Ты на пути уснешь, а до дому не доидеши, и постражеши и горше прежнего, соймут с тебя и все платие и што имаше с собою, и не оставят ни срачицы. Аще ли не истрезвишися и конечным упиешися с телом душу отщетиши; мнози пьяни от вина умирают и на пути озябают»*⁴³.

Государев кабак. Не могла не обратить внимания на новое явление и казна. Отмеченный иностранцами запрет на пиво- и медоварение должен был дополниться более гибкой системой регулирования потребления спиртного. Тот же Герберштейн сообщал, что Василий III «выстроил своим телохранителям новый город Нали» — стрелецкую слободу Наливки (в районе современной улицы Димитрова) и разрешил им свободное изготовление вина. Все же остальные подданные должны были пользоваться казенными заведениями, которые поначалу сохранили старое название «корчмы».

Летописный отрывок XVI столетия донес до нас рассказ о введении таких учреждений в Новгороде в 1543 г.: *«Прислал князь великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривого, и он устроил в Новгороде 8 корчемных дворов»*. Правда, первые опыты открытия казенных питейных домов не всегда проходили удачно. После настоятельных просьб новгородского архиепископа Феодосия, обеспокоенного ростом преступности — грабежей и убийств, московское правительство в 1547 г. отставило корчмы в Новгороде. Вместо них *«давали по концам и по улицам старостам на 50 человек 2 бочки пива, да 6 ведер меду, да вина горького полтора ведра на разруб»*⁴⁴, т.е. стали распределять спиртное через выборных представителей низовой администрации.

Возможно, первое время открытие корчмы могло быть и делом частных лиц. Во всяком случае, сделавший себе карьеру на службе в опрочине Ивана Грозного немец-авантюрист Генрих Штаден, по его собственному признанию, нажил хорошие деньги, поскольку *«шинковал пивом, медом и вином»*. О том, что кабаки в России *«царь иногда отдает на откуп, а иногда жалует на год или на два какому-нибудь князю или дворянину в награду за его заслуги»*, сообщал побывавший в 1557—1558 гг. в Москве агент английской Московской компании Антоний Дженкинсон⁴⁵.

И позднее, в документах XVI—XVII вв., упоминаются частные заведения, которые, случалось, отдавались царем дворянам вместе с поместьем или вотчиной. Но со времени Ивана Грозного такое право являлось привилегией и подтверждалось специальной жалованной грамотой — вроде той, которую в январе 1573 г. получил слу-

жилый татарский князь Еникей Тенишевич, награжденный *«за его Еникееву и за сына его, Собак мурзину, к нам службу в Темникове, кабаком, что ныне за царем Саинбулатом Бехбулатовичем»*⁴⁶. Из текста этого документа следует, что род князя владел кабаком «изстари», пока он каким-то образом не перешел в руки другого служилого хана, ставшего в 1575 г. по воле грозного царя марионеточным «великим князем всея Руси».

В условиях постоянных финансовых затруднений и необходимости содержать значительную армию правительство стремилось сосредоточить в своих руках все важнейшие источники поступления денежных средств. Едва ли не самыми важными из них на столетия стали государственные винная и соляная монополии. Продажа водки теперь стала производиться в специальных казенных заведениях — кружечных дворах, или кабаках. Впервые такое название встречается в документе 1563 г.⁴⁷, а к концу века становится традиционным обозначением казенного питейного дома. Обычно кабаки отдавались на откуп или содержались выборными от населения «кабацкими головами» и «целовальниками», присягавшими, целуя крест, исправно нести «государеву службу». Таким образом, содержание кабаков представляло собой дополнительную повинность населения, весьма хлопотную и ответственную.

Кабаки ставились обычно на людных местах: пристанях, ярмарках, у бань, торговых рядов, таможен. Скоро они стали уже неотъемлемой частью российских посадов. В крупных городах существовали главный Красный кабак и несколько заведений меньшего размера. К примеру, только в одном северном Двинском уезде в XVII в. насчитывалось 20 кабаков, дававших казне около 25 000 рублей дохода⁴⁸. С освоением новых территорий кабаки немедленно заводились в основанных городах вместе с московскими воеводами, острогом и приказной избой. Ворота в Сибирь — заложенный в 1598 г. город Верхотурье — уже в 1604 г. получили свой кабак, снабжавший спиртным всю Сибирь. Затем кабак открылся и в «столице» Сибири Тобольске.

Сохранившиеся описи имущества таких заведений позволяют заглянуть в типичный русский кабак XVI—XVII в. Он представлял собой довольно мрачное помещение с лавками, перегородженное «брусом»-стойкой, за

которой стоял кабацкий целовальник. В его распоряжении находились запасы разных сортов вина и пива и немудреный инвентарь: *«Вина в государево мерное заорленое ведро (с клеймом в виде государственного герба, т.е. освидетельствованное государственной властью. — Авт.) — 51 ведро, да два ушата пива 50 мер, да судов: чарка копейная винная медная двоерублевые продажи, да деревянная чарка грошевая, да горка алтынная, да ковши двоелынный. Да пивных судов три да ковшик копейной, а другой денежной Посуды: печатных заорленных две бочки винные дубовые, большие, да полуберемьянная бочка пивная, да четвертная бочка винная, да замок висячий»*⁴⁹.

Целовальник мерным ковшиком отпускал напитки и вел учет выручки, а также записывал долги «питухов». Нередко рядом находилась винокурня или пивоварня; они могли содержаться и частными лицами, но вся их продукция должна была обязательно поступать в казенные кабаки, где продавалась «в распой» кружками и чарками.

Словарь-разговорник, составленный в 1607 г. немецким купцом Тонни Фенне в Пскове, дает возможность даже услышать голоса кабацких завсегдатаев: *«То пиво дрожовато, мутно, мне его пить не любо»*, — заявляет привередливый немец. *«Волной пир корцма»*, — отвечают ему гуляки, — *хошь пей, хошь не пей»*⁵⁰. Но в казенном русском кабаке и делать было больше нечего: закусывать там не полагалось и никакой еды не продавали — для этого существовали частные харчевни. Эта особенность и отличала русский казенный кабаk от любой западноевропейской таверны.

К концу XVI в. кабацкая система была уже отлажена. *«В каждом большом городе»*, — писал английский дипломат и разведчик Джильс Флетчер, побывавший в России в 1589 г., *устроен кабаk или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и прочее. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3 000 рублей в год»*⁵¹.

Удивление англичанина огромными доходами царской казны от питейной продажи вполне понятно. Однако цифры эти, чрезвычайно большие для своего времени,

скорее всего, преувеличены, как и его сообщения о том, что «бедные работники и мастеровые» пропивали в день по 20—40 рублей: на такие деньги в России XVI века можно было приобрести целое село. Располагавшиеся обычно только в больших селах кабаки XVII в. давали прибыли 20—50 руб. в год, реже 100—400 руб. В крупных городах кабацкие доходы были действительно внушительными: так, четыре кабака в Нижнем Новгороде в середине столетия приносили казне 9 000 руб.

Казенная водка далеко не сразу получила признание, поскольку стоила она довольно дорого. Сохранились жалобы продавцов на отсутствие покупателей. «...*Питухов мало, потому что кайгородцы в государевых доходах стоят по вся дни на правеже. И по прежней де цене, как наперед сего продавано в ведра — по рублю, в крушки по рублю по 20 алтын, а в чарки по 2 рубли ведро, по той же де цене вина купят мало*», — писал в Москву кайгородский кабацкий голова Степан КокOLEV в 1679 г.⁵² Если ведро водки продавалось по 1 руб. — 1 руб. 30 коп., а в разлив чарками еще дороже, то лошадь в XVII в. стоила от 1 до 3 рублей, корова — 50—70 копеек, и при этом все имущество крестьянина или посадского человека могло оцениваться в 5—10 рублей.

Редко бывавший в городе крестьянин не всегда мог себе позволить такое угощение, тем более что и феодалу-землевладельцу пьющий в страду работник был не нужен: обязательство не посещать кабак и не пьянствовать вносилось в порядные грамоты — договоры, регламентирующие отношения землевладельца и поселившегося у него крестьянина. В грамоте 1636 г. властям Павлова-Обнорского монастыря рекомендовалось следить, «*чтобы крестьяне пиво варили бы во время, когда пашни не пашут, и то понемногу с явкою (т.е. с разрешения монастырских властей. — Авт.), чтобы мужики не гуляли и не пропивались*». Такие же порядки были и в городах, где воевода разрешал лучшим посадским людям выкурить по 2—3 ведра водки по случаю крестин или свадьбы, а бедноте — сварить пива или хмельного меда, но при этом праздновать никак не больше трех дней.

В ряде мест крестьяне и горожане сами просили уничтожить у них кабаки, а ожидаемый доход от них взимать в виде прямых податей. Иногда — как, напри-

мер, в 1661 г. на Двине — правительство по финансовым соображениям соглашалось уничтожить кабаки за соответствующий откуп. В самоуправляемых крестьянских общинах при выборах на ответственные «мирские» должности требовались особые «поручные записи», где кандидаты обязывались «не пить и не бражничать». Известны даже случаи своеобразного бойкота кабаков; так, в 1674 г. воронежский кабацкий голова жаловался, что посадские люди в течение нескольких месяцев «к праздникам... пив варить и медов ставить, и браг делать никто не явились же... и с кружечного двора никто вина не купили».

Крестьяне в России довольно долго отдавали предпочтение домашним напиткам — пиву и браге. Кабацкое питье было дороговато, а виноградные вина и вовсе недоступны. Крупнейшим потребителем импортных «фряжских» вин и законодателем мод по этой части в XVI—XVII вв. стал «государев двор», для нужд которого в Архангельске ежегодно закупались десятки и сотни бочек лучших западноевропейских сортов «романей», «бастра», «алкана», «мушкателя», «кинареи» и пр.

«Винокуры, пивовары, сторожи, бочкари, которые вина курят, и пива варят, и меды ставят, и делают суды, и ходят по погребом, и цедают и роздают питье; а будет их о 200 человек. А куды то питье исходит, и тому роздача писана нижв сего: послом, посланником, и гонцом, и посолским людем, поденно, по указу; Греченом, и Греческим влаstem, и Кизылбашским купчинам; царским, царицыным, царевичевым и царевниным верховым людем, которые живут при дворе; царским ремесляным всяких чинов людем, поденно; Донским и Черкасским Запорожским казаком, поденно ж; также как бывают праздники и у царя столы на властей и на бояр, и кого кормят за столом; да на праздники ж попом и дьяконом соборных и простых царских церквей и стрелцом, по указу...

А исходит того питья на всякой день кроме того, что носят про царя, и царицу, и царевичей, и царевен, вина простого, и с махом, и двойного, и тройного блиско 100 ведер; пива и меду — по 400 и по 500 ведер, а в которое время меду не доставает, и за мед дается вином, по розчету. А на иной день, когда бывают праздники и иные имянинные и родилные дни, исходит вина с 400 и с имянинные и родилные дни, исходит вина с 400 и с

500 ведер, пива и меду тысячи по две и по три ведра и болши. Да пива ж подделные, и малиновые, и иные, и меды сыченые, и красные ягодные, и яблочные, и романея, и Ренское, и Французское, и иные заморские питья исходят, кому указано, поденно и понеделно. И что про царской расход исходит, и того описати не мочно», — описал хозяйство царского Сытного дворца середины XVII в. подьячий-эмигрант Григорий Котошихин⁵³.

Самим же иностранным купцам воспрещалась розничная торговля вином, а в 1660 г. был запрещен ввоз в Россию виноградной водки — вероятно, для устранения конкуренции с отечественной продукцией. Небогатые же потребители стремились любыми способами обойти государство-монополиста, и уже в XVI в. появилось такое явление, как «корчемство» — нелегальное производство и продажа вина, сохранившееся в России вплоть до XX в., несмотря на ожесточенные преследования со стороны властей.

Утвердившееся после долгих лет Смуты правительство царя Михаила Романова (1713—1745 гг.) немедленно направило распоряжение местным властям: не забывать *«корчмы вынимати у всяких людей и чтоб, оприч государевых кабаков, никто питье на продажу не держал»*⁵⁴. Отправлявшемуся к месту службы провинциальному воеводе обязательно предписывали следить, чтобы в его уезде *«оприч государевых кабаков, корчемного и неявленного питья и зерни, и блядни, и разбойником и татем приезду и приходу и инога некоторого воровства ни у кого не было»*.

Повсеместное распространение казенной монополии на торговлю спиртным объясняется прежде всего большими доходами от питейной продажи, поскольку ведро водки в розничной торговле шло по ценам примерно в три раза выше стоимости. Эти выгоды определили, в конечном счете, неудачу любых попыток ограничить размах «государева кабацкого дела».

Обычно в уездный город из Москвы приходило указание: с открытием кабака жителям избрать кабацкого голову — *«человека добра и прожиточна, который был бы душою прям»*. Помимо честности, требовались и финансовые гарантии, ведь своим прожитком неудачливый торговец возмещал казенный убыток. Этому прямодушному человеку приходилось напрягать все силы, чтобы

более эффективно по сравнению с предшественниками спаивать своих соседей и собирать «напойные» деньги непременно «с прибылью против прежних лет»; т.е. фактически ему «спускалось» плановое задание, которое следовало не только выполнять, но и перевыполнять.

Для этого ему не следовало ни под каким видом «питухов от кабаков не отгонять»; допускалась выдача вина в долг и даже под заклад вещей и одежды. Все расходы на заготовку вина (по «истинной цене» — себестоимости) и полученные доходы от продажи записывались в специальные кабацкие книги, подлежавшие тщательной проверке.

С государством необходимо было рассчитаться, и кабатчики старались всемерно увеличивать торговлю. Строить постоянный кабак было накладно, поэтому они разворачивали временную продажу. Кабаки открывались при любом стечении народа: на ярмарках, церковных праздниках, местных торжках — везде, где можно было уловить покупателя. Стационарные питейные заведения формировали «гуляй-кабаки» — передвижные филиалы, систематически снабжавшие своей продукцией население округа. На Кольском полуострове тамошние кабацкие целовальники на кораблях добирались даже до самых дальних рыболовецких артелей, чтобы максимально увеличить торговый оборот. Сохранились жалобы местных крестьян, просивших власти прекратить такие услуги и даже согласных уплатить требуемую сумму, лишь бы убрать кабак из своей волости⁵⁵. Но на такие меры правительство шло крайне редко.

Там же, где продажа была выгодна, претенденты на откуп вели за это право активную борьбу, в некоторой степени облегчавшую контроль за слишком ретивыми кабатчиками. Порой только из доносов «конкурирующей фирмы» в Москве могли узнать, например, что в далеком Иркутске купец Иван Ушаков в 1684 г. незаконно поставил несколько новых кабаков и ввел круглосуточную торговлю своей продукцией.

От местных властей требовалось обеспечить наиболее благоприятные условия держателям питейных заведений: их надо было «от обиды и от насильства ото всяких людей оберегать, и суда на них без государева указа давать не велено»; т.е. избранный целовальник

или откупщик становились неподсудными и неуязвимыми для каких-либо жалоб. Этим они и пользовались.

Самым распространенным приемом был отпуск вина в долг. По принятому в кабацком деле порядку целовальники должны были наливать таким должникам на сумму не более десяти копеек, и то под поручительство; но на деле эти требования не соблюдались. До нас дошли кабацкие росписи долговых «напойных» денег, из которых следует, что сумма таких долгов иногда доходила до половины всей выручки.

Целовальник шел на риск, поскольку неисправный «питух» мог оказаться неплатежеспособным или вообще скрыться, как некий Петрушка из города Тотьмы: *«Напил в долг на кабаке у стоек кабацкого питья у кабацкого целовальника Петра Архипова с товарищи в разных месяцах и числах на 6 рублей 24 алтына 4 деньги, а денег он за то питье не платил и с Тотьмы убежал»*⁵⁶. Зато с оставшихся кабацкие долги выбивали специальные артели крепких молодцов, вполне официально бравшие на откуп право разбираться с такими должниками. В других случаях с ними обращались как с неисправными налогоплательщиками: «ставили на правож», т.е. ежедневно били палками по ногам на площади перед воеводской избой до полной уплаты долга.

Кроме того, подгулявшим «питухам» приписывали лишнее количество выпитого; у них охотно принимали «заклады» в виде одежды, украшений и любых ценных вещей — пока люди не пропивались в прямом смысле донага, снимая с себя оружие, серьги, перстни и даже нательные кресты. Если заклады не выкупались, то вся эта «пропойная рухлядь» реализовывалась с аукциона в пользу казны.

Пользуясь полной безнаказанностью, многие откупщики «радели бесстрашно» о казенных и собственных доходах до уголовщины, так что местным жителям оставалось только жаловаться в Москву на их самоуправство. *«Всему городу были от них насильства, продажи и убытки великие. Грабили, государь, и побивали и в напойных деньгах приклеп был великой, хто что напьет и они вдвоя, втроя имывали»,* — писали в жалобе на произвол местных кабатчиков служилые люди из города Валуйки в 1634 г. *«Да поехал яз на подворье мимо кабак; и взяли меня кабацкие целовальники и мучили меня на*

кабаке. Ярослав справил на мне силою четыре рубля с полтиною, а Третьяк Гармонов справил шесть рублей; а питья яз ни на деньгу у них не имывал, а питье лили на меня сильно», — бил челом Василий Шошков, которого таким образом «обслужили» в нижегородском кабаке.

В Шуе откупщики-москвичи Михаил Никифоров и Посник Семенов, опытным взором определявшие состоятельность посетителей, занимались самым откровенным грабежом, о чем рассказывают жалобы избитых и ограбленных ими зимой 1628 г. людей: *«Приезжал я в Шую торговать и взошел к ним на кабак испить. И тот Михайло с товарищи учал меня бить и грабить и убив покинули замертва. А грабежу, государь, взяли у меня пятьдесят рублей с полтиною денег»*. Чем закончились эти дела, нам неизвестно; но и через пятьдесят лет в этом шуйском кабаке творились такие же безобразия, о которых столь же жалобно повествуют челобитные пострадавших местных ремесленников и торговых людей. Только в 1680 г. «смертным боем» промышлял уже кабацкий голова Гаврила Карпов вместе с другим представителем закона — местным палачом⁵⁷.

При исполнении служебных обязанностей кабацкие головы и откупщики были неподвластны и самому воеводе, который не смел унимать кабацкие злоупотребления без угрозы сокращения питейной прибыли. Случалось и так, что в порубежных городах стрелецкий гарнизон в дни получения «зарплаты» строем отправлялся в кабак, где на глазах командиров пропивал не только жалование, но и оружие и прочие воинские «припасы». Когда верхотурский воевода князь Никита Барятинский робко попросил разрешения навести порядок в местном кабаке, руководители приказа Казанского дворца упрекнули его: вместо того, чтобы *«искати перед прежним во всем прибыли, а вы и старое хотите растерять»*⁵⁸. Об одном из наиболее усердных кабатчиков сообщали в Москву, что он, *«...радея про государево добро, ...тех плохих питухов на питье подвеселял и подохочивал, а кои упорны явились, тех, не щадя, и боем неволил»*.

Дополнительным стимулом к кабацкой гульбе становились зрелища: при кабаках «работали» скоморохи с медведями, устраивавшие *«пляски и всякие бесовские игры»*. Привлекали «питухов» и азартные игры — зернь

(кости) и карты, становившиеся в XVII в. все более популярными. Сами же откупщики и целовальники откупали у властей *«зерновой и картовой суд»*, т.е. право на разбор случавшихся при игре конфликтов и долговых расчетов игроков⁵⁹. В ответ на упреки в творившихся *«непотребствах»* целовальники сибирской Тюмени авторитетно заявляли: *«Как де зерни и карт не будет, и государева де питья никто без того пить не станет»*.

Итогом годовой работы являлись подсчет и сдача *«кабацких денег»*, для чего надо было предпринимать тяжелую поездку в столицу, иметь дело со знаменитой московской приказной волокитой и тратиться на подарки властям и чиновникам. *«Будучи у сбору на кружечном дворе, воеводам в почесть для царского величества и для высылки с казною к Москве, и для долговой выборки и за обеды харчем и деньгами носили не по одно время; а как к Москве приехали, дьяку в почесть для царского величества харчем и деньгами носили не по одно время, да подъячому также носили, да молодым подъячим от тисья давали же... из своих прожитков»*, — описывал свои мьгарства кабацкий голова XVII в.⁶⁰

В случае *«перевыполнения плана»* кабацких содержателей ожидала награда — почетная государева грамота с благодарностью за то, что *«учинили прибыль и многое радение, и мы, великий государь, за вашу верную службу и радение жалуем, милостиво похваляем, и во всем бы они надежны на царскую милость, а служба их у государя забвенна не будет»*. Особо отличившихся ожидал торжественный прием в Кремле у *«государева стола»* с вручением награды — серебряного позолоченного ковша.

Но за *«простой»* кабацкой торговли приходилось расплачиваться. За недобор кабацких денег в относительно небольшом количестве (до 100 руб.) продавцы отвечали своим имуществом: воеводам предлагалось *«доправить вдвое»* с них недостающую сумму. Однако случалось, что денежным штрафам подвергались не только сами кабатчики, но и местное население — за то, что мало пьет *«государевых вин»*⁶¹.

Обычно кабацкие головы и откупщики оправдывали недостаток выручки тем, что заведение поставлено *«в негожем месте меж плохих питухов»*, а *«лучшие питухи испропились донга в прежние годы»*. В 1630 г. цело-

вальники Великого Устюга докладывали в Москву об угрозе невыполнения плана: *«Кабакному собранию чинитца великий недобор во всех месяцах по июнь месяц против прежнего году для того, что зимою с товаром приезжих людей было мало, а на кабаках питушки не было же: приезжих людей не было, а прежние, государь, питухи розбрелись, а достальные питухи по кабакам валяютца наги и босы, и питье по стойкам застаиваетца»*.

В особо подозрительных случаях московские власти начинали над нерадивыми кабатчиками следствие, в ходе которого специальная комиссия выясняла: *«Не корыстовались ли они государевою казною, не поступились ли с кружечных дворов питья себе безденежно и друзьям своим, на пиво и мед запасы во время ли покупали, деньги лишние на прогоны не приписывали ли, в указные ли часы кружечные дворы отпирали и запирали?»*⁶² — т.е. не использовались ли обычные уловки торговцев спиртным в ущерб казне. Специальным указом 1685 г. им были предписаны те статьи расходов, на которые можно было тратить казенные деньги. Прочее — даже *«распивочную посуду»* — кабатчики должны были покупать на свои средства. За хищения питейных денег головам и целовальникам назначалась смертная казнь *«без всякия пощады»*.

Одновременно властям приходилось принимать некоторые меры в интересах потребителей: от целовальников требовали обслуживать посетителей *«полными мерами»*, а *«в вино воды и иного ничего не примешивать»*, чтобы *«питухи»* не соблазнились более качественной *«корчемной»* продукцией⁶³. Чтобы не остаться внакладе, кабатчикам приходилось жаловаться в Москву при малейшей угрозе казенному интересу — даже, например, если начальники местных гарнизонов запрещали пьянство своим подчиненным.

В Москве большей частью кабацких доходов ведало особое учреждение — Новая четверть, где в середине XVII в., по словам подьячего Григория Котошихина, их собиралось *«болши ста тысяч рублей»*. Описанная выше технология государева кабацкого дела существенно отличает российский кабак от западноевропейских заведений: первый действовал как специфическое государственное учреждение, ставившее своей целью максимальное попол-

нение казны; не случайно во многих городах один и тот же выборный «голова» собирал и питейную прибыль, и таможенные пошлины. Изначально кабак был ориентирован не на застолье, а на быстрое обслуживание неприязнательного «питуха», и способствовал тем самым распространению далеко не лучших отечественных питейных традиций.

До середины XVII в. знатные особы имели привилегию владеть частными кабаками и охотно ей пользовались — как, например, князь Иван Лобанов-Ростовский, выпрашивавший в 1651 г. у царя: *«Крестьянишкам моим ездить в город далече. Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в моих вотчинках устроить торжишко и кабачишко»*⁶⁴. Обычно такую милость получали лица из ближайшего окружения царя; но иногда за особые заслуги она давалась в награду: так получил кабак с его доходами знаменитый Козьма Минин, ставший при Романовых думным дворянином и владельцем нижегородских вотчин.

Выгодой от поставки водки на казенные кабаки пользовалась не только знать, но и царская фамилия. На пяти дворцовых заводах царя Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) выкуривались десятки тысяч ведер вина в год, и часть из них шла на продажу⁶⁵. Сам царь предпочитал квас или — реже — пиво и пьяниц не любил, грозил им *«без всякой пощады быть сослану на Лену»*; но кабацкое хозяйство при нем неуклонно развивалось, и доход от него увеличился в три раза. Правда, при царе Алексее в России под Астраханью начались первые опыты разведения своего винограда и изготовления виноградных вин.

Распространение пьянства вызывало вполне понятную озабоченность современников. В XVII в. из пограничных городов — Брянска, Алексина, Епифани, Великих Лук и других — в столицу посыпались жалобы воевод на злоупотребления спиртным служилых людей: стрельцы *«на кабаках пропились, да они же на карауле на денном и на ночь приходят пьяни и унять их им невозможно»*. От «воинских людей» требовали даже давать особые поручные записи с обязательствами не пропивать и не проигрывать свое оружие и прочее снаряжение. А они уже чувствовали себя вправе штурмом брать кабаки, где им отказывали в выпивке, как сибирские казаки во

главе с атаманом Романом Шеловым, которые в Великом Устюге *«учали саблями сечи и из самопалов стреляти и убили... трех человек до смерти»*⁶⁶.

Смутное время дает примеры поразительной деморализации. Вологодский архиепископ Сильвестр рассказывал, как небольшой отряд *«польских и литовских людей»* вместе с украинскими казаками и *«русскими ворами»* сумел в 1612 г. захватить большой город: *«...на остроге и городской стене головы и сотников с стрельцами и у снаряду пушкарей и затинщиков не было, а были у ворот на корауле немногие люди и те не слышали, как литовские люди в город вошли. А большие ворота были не замкнуты... А все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы»*⁶⁷. Весной 1650 г. уже новгородцы опасались нападения шведов на пасхальной неделе по причине, что *«в то время пора питущая»*⁶⁸.

Наряду с пьянством, беспокойство у местных властей вызывало и распространение азартных игр; выдвигались предложения закрывать питейные заведения во время праздников, а особенно в дни выдачи жалования. Современников смущало в кабаках не только пьянство. Они хорошо осознавали, что *«в корчемницах пьяницы без блудниц никакo же бывают...»*; тем более что Россия XVII столетия успела познакомиться и с этим достижением цивилизации: в Холмогорах, например, наряду с кабаками была уже целая улица публичных домов, хорошо известная иностранцам⁶⁹.

Но и сами представители администрации в отдаленных городах открыто занимались частной продажей водки, а кабаки порой превращали в совершенно неприличные увеселительные заведения с немалым для себя доходом; так, енисейский воевода Голохвастов в 1665 г. отдал на откуп *«зернь и корчму и безмужних жен на блуд, и от того брал себе откупу рублей по сту и больше»*. В Ростове развернулся откупщик Пятуныка Тимирев: у него *«на кабаке была зернь великая и воровство, и блядня и посацким и сторонним людям продажа и поклепы великие»*. Даже в самой Москве лихие молодцы, *«ездя на извозчиках, многих людей грабили и побивали до смерти, и иные всякие воровства чинили, и на продажу вино и табак возили»*, т.е. под носом у властей за-

нимались нелегальной продажей водки и запрещенного тогда под угрозой отрезания носа курева⁷⁰.

Винная политика в XVI—XVII столетиях. Поэтому, несмотря на то, что вред от кабаков перекрывался в глазах правительства огромными прибылями от питейной продажи, приходилось и принимать определенные меры по борьбе с пьянством. Боролись прежде всего с нелегальным изготовлением и продажей спиртных напитков корчемством. Как правило, этим занимались местные власти, стремившиеся на деле навести порядок в своем городе и уезде. Перейдя от увещаний уклоняться от «безмерного пития» к действиям, тобольский воевода князь Юрий Сулешев в 1624 г. закрыл в городе кабак, поскольку «служилые люди пропивались и проигрывали свои животы и оружие», происходили самоубийства, кражи и «воровство велико».

Практиковались и такие меры, как закрытие по указу из Москвы кабаков по всей стране по случаю царской болезни или смерти. В XVII в. в России периодически действовал строгий запрет на продажу и курение табака, преследовались азартные игры — зернь и карты. В 1649 г. воевода в Верхотурье наказывал батогами за «безчинные игрища и забавы»; правда, к запрещенным играм, наряду с картами, относились и... шахматы. В Москве уже в XVI в. за общественным порядком следили специальные «объезжие головы». Задержанных пьяниц отправляли в особую «бражную» тюрьму и подвергали порке⁷¹. При Иване Грозном любителей хмельного ожидали и более суровые наказания: новгородские опричные дьяки в 1571 г. *«поимают винщика с вином, или пьяного человека, и они велят бити кнутом, да в воду мечут с великого мосту»*⁷².

Хотя в то время иные пьяницы под влиянием увещаний священника составляли специальную запись с обещанием «отстать» от пьянства, но такие порывы проходили быстро; пострадавшие вновь вынуждены были жаловаться, как московский ремесленник, кадашевец Юрка Ипполитов на своего зятя: нарушив обещание, тот вновь стал *«пить и бражничать.., и к церкви Божией в воскресные дни и в господские праздники не ходит, а жену свою и мою племянницу бьет и мучит»*.

Соборное уложение 1649 г. (кодекс русского права, действовавший с изменениями и дополнениями до начала

XIX в.), защищая казенную монополию питейной продажи, предусматривало наказание за корчемство: «А с пытки будет в винной продаже продавцы повинятся, и тех корчемников после пытки бити кнутом по торгом, да на них же имати заповеди впервые по пяти рублей на человеке.

А буде они в такой питейной продаже объявятся вдругорядь, и их по тому же бити кнутом по торгом, а заповеди имати с них денег по десяти рублей на человеке и давати их на крепкия поруки з записьми в том, чтобы им впредь таким воровством не промышляти. А будет кто в таком воровстве объявится втретые, и их за ту третью вину бити кнутом по торгом и посадити в тюрьму на полгода.

А которые люди от такового воровства не уймутся и в таком воровстве объявятся вчетвертые, и им за такое их воровство учинити жестокое наказание, бив кнутом по торгом, ссылати в дальние города, где государь укажет, а животы их все и дворы и поместья и вотчины имати на государя.

А которые люди у них корчемное питье купят вчетвертые, и тем по тому же чинити жестокое наказание, бити кнутом по торгом, и сажати в тюрьму на год.

А которые всякие люди корчемников, и табатчиков, и питухов у голов, и у детей боярских учнут отбивать, и тем отбойщиком, по роспросу и по сыску, чинить наказание, бить кнутом на козле и по торгом, а иных бить батоги, чтоб на то смотря, иным не повадно было так делать.

А черных сотен и слобод тяглым людем, для корчемные выимки, выбирать по годо меж себя десяцких, и на тех десяцких в Новую четверть приносить выборы за своими руками в том, что тем их выборным десяцким во всех десятках того смотрити и беречи накрепко, чтоб корчемного продажного никакова питья, вина и пива, и меду, и табаку, и неявленого питья и всякого воровства ни у кого не было. А которым людем даны будет на вино, и на пиво, и на мед явки, и те бы люди, сверх явок, лишнего вина не покупали, и пива не варили, и меду не ставили»⁷³.

Как видим, штраф и применение пытки в случае за-
пирательства грозили не только продавцам, но и покупателям-«питухам»: сначала их надлежало наказывать ба-

тогами, а в повторных случаях «бити кнутом» и «сажати в тюрьму». Виновные в корчемстве помещики лишались вотчин; у помещичьих крестьян предписывалось за то же «сечь руки», а лиц других сословий ссылать в Сибирь⁷⁴.

Впрочем, строгое законодательство имело и определенные лазейки: так, предусматривалось, что люди имеют право получить вино помимо государственных кабаков: в подарок или в оплату за работу от частных лиц, имевших право винокурения «*про свой обиход*». Кроме того, захваченный с незаконным вином человек мог тут же превратиться в законного откупщика, для чего на месте заплатить «откуп» и объявить о нем в приказе Новой четверти.

Наряду с суровыми наказаниями за корчемство правительство все же пыталось хотя бы частично ограничить опасные для общественного порядка последствия неумеренного пьянства. В августе 1652 г. по инициативе нового патриарха Никона была объявлена реформа питейного дела: ликвидировались все частные питейные заведения; впервые вводилась регламентация времени и размера продажи вина.

Из уставной грамоты 16 августа 1652 г. о продаже питий на кружечном дворе в Угличе: «*В городех, где были наперед сего кабаки, в больших и в меньших, быти по одному кружечному двору; а продавать вино в ведра и в кружки, а чарками продавать. Сделать чарку в три чарки и продавать по одной чарке человеку, а болши той указной чарки одному человеку продавать не велели; и на кружечном дворе питухом и близко двора сидеть и пить давать не велели, и ярышкомъ и бражникомъ и зершикомъ никому на кружечныхъ дворах не быть. А в великой пост, и в Успенской, и в воскресенья во весь год вина не продавати, а в Рожественской и в Петров посты в среду и в пятки вина не продавати ж. А священнического и иноческого чину на кружечные дворы не пускать и пить им не продавать; да и всяким людем в долг, и под заклад, и в кабалы, вина с кружечных дворов не продавать. А продавать в летней день после обедни с третьего часа дни, а запирать за час до вечера; а зимою продавать после обедни ж с третьего часа, а запирать в отдачу часов денных*»⁷⁵.

В каждом огороде сократилось число кабаков, переименованных в «кружечные дворы»; впрочем, соответст-

венно повышена была и цена на водку и еще больше на импортные вина, которые купцы хотели бы продавать внутри страны. Кроме того, запрещалась продажа спиртного духовным лицам, в долг или под заклад имущества, во время постов, а также по средам, пятницам и воскресеньям. Рассылавшиеся из Москвы грамоты обязывали местные власти строго следить за соблюдением общественного порядка: *«...чтоб у них на кружечном дворе питухи пили тихо и смирно, и драки, и душегубства и иного какого воровства, и татям и разбойникам приходу и приезду не было»*. Загулявших посетителей надлежало запирать в чуланы и наказывать батогами⁷⁶.

К сожалению, эти и подобные меры по ограничению пьянства оказывались неэффективными: *«Ежедневного пьянства, однако, эта мера почти не прекратила, так как несколько соседей складываются, посылают за кувшином или более и расходятся не раньше, как выпьют все до дна; при этом часто они падают один рядом с другим. Некоторые также закупают в больших количествах, а от себя тайно продают в чарках. Поэтому, правда, уже не видно такого количества голых, но бродят и валяются немногим меньше пьяных»*, — оценивал последствия реформы дважды побывавший в Москве ученый из маленького немецкого княжества Голштинии Адам Олеарий.

Резкое сокращение кабацкой торговли вызывало протесты. Иногда возбужденная толпа штурмом брала «кружечные дворы», как это произошло в Коломне, где солдаты *«человек с двести и болши и учили де в избах ломать подставы и питье кабацкое лить и целовальников волоча из изб бить кольем и дубинами до смерти»*. К тому же выгоды от питейной продажи составляли существенную часть государственного дохода, а финансовое положение страны во время тяжелой русско-польской войны 1654—1667 гг. оказалось катастрофическим, т.к. усиленный выпуск медных денег привел к сильнейшей инфляции и к восстанию в столице летом 1662 г. «Медному бунту». Финансовый крах заставил правительство отказываться от объявленной кабацкой реформы: в 1663 г. была вновь введена откупная торговля, и «государево кабацкое дело» стало стремительно расширяться.

Характерно, что документы, содержавшие все вышеперечисленные ограничения, тем не менее требовали от местных властей, как и ранее, собирать кабацкие доходы

с прибылью «против прежних лет»; тем самым на местах были вынуждены нарушать любые запреты. В 1664 г. двинской воевода князь Осип Щербатов запрашивал столицу: следует ли ему соблюдать принятые «антиалкогольные» указы, если местный кабацкий голова понастроил «точек» и «вино русское и немецкое и водки продает в ведра и в кружки и в чарки», не соблюдая ни времени, ни запрещения торговли в долг? Ответная грамота предписывала воеводе не вмешиваться, а расплодившимся кабакам «велено быть по прежнему». Восстановлена была и практика откупов.

Была, правда, сделана и еще одна попытка придать кабацкому делу более цивилизованные формы. Выдающийся государственный деятель Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, будучи воеводой в приграничном Пскове, задумал «с примеру сторонних чужих земель» реорганизовать систему городского самоуправления, находившуюся в руках немногих богатейших «мужиков-горланов», и оживить торговлю. Безуспешная борьба с корчемством (а во Псков контрабандой доставляли немало «немецких питей») подсказала ему простой выход: в городе в 1665 г. была введена вольная продажа вина с уплатой в казну определенной доли дохода одной копейки с рубля. Одновременно воевода привлек рядовых посадских людей к управлению городом: 5 выборных «мужиков» ежегодно должны были чинить суд «во всех торговых и обидных делах».

У нас, к сожалению, нет данных об успехах экономической и социальной политики Ордина-Нащокина. Но известно, что после отъезда воеводы «вольные питейные промышленники» Пскова начали тяжелую борьбу с откупщиками, желавшими вернуть себе утраченную монополию на кабаки. Осаждаемое противоречивыми челобитными псковичей правительство решило провести что-то вроде референдума и «опросить всяких чинов людей» в городе и уезде о форме питейной торговли. Но эта мера ничего не прояснила: большинство опрошенных — местные служилые люди и окрестные крестьяне — отговорились незнанием проблемы⁷⁷. В итоге реформа была свернута, и государственные кабаки утвердились по-старому.

Мертворожденными оказались и последующие постановления 1681 г. о новой ликвидации откупов; по-прежнему ожесточенно, но безрезультатно продолжалась борьба с корчемством. На пороге петровских реформ, в 1698 г., был принят очередной, грозный с виду, но смешной в россий-

ских условиях указ, «чтоб никто чрез свою силу не пил и от безмерного питья до смерти б не опился», за это собутыльникам грозили наказание кнутом и 20-рублевый штраф⁷⁸. Судьбу указа предсказать нетрудно.

Единственными реальными достижениями этой отрасли хозяйства стали к концу столетия некоторое расширение ассортимента (посетителям московских кабаков в 1698 г. предлагалось вино простое и «двойное», а также водки анисовая и лимонная в качестве особо дорогих настоек, стоимость которых в 4 с лишним раза превышала цену обычного вина) и требование «плохому вину и водкам опыты приносить», т.е. проверять качество поступающей от подрядчиков продукции. Государеву казну начала пополнять и закуска: «харчевные промыслы» в кабаках и рядом с ними также стали отдаваться на откуп всем желающим.

Полумеры и увещания никак не могли поколебать сложившуюся систему выкачивания денег через сеть казенных кабаков. Относительная слабость российской экономики не позволяла отказываться от кабацкой монополии — надежного средства пополнения казны. По подсчетам современных исследователей, питейная прибыль насчитывала в 1680 г. примерно 350 тыс. рублей при общей сумме доходов государства в 1 220 тыс. рублей⁷⁹. Но дело было не только в доступности казенного питья оно, как мы видели, стоило довольно дорого. На формирование российского варианта алкогольного потребления оказали влияние и иные факторы.

Кабак и общество XVII века. Становление национальной государственности в силу отмеченных обстоятельств сопровождалась утверждением жесткой бюрократической системы и самодержавным деспотизмом, перед которым знатный боярин имел не больше прав, чем простой мужик. Последний же с конца XVI века постепенно терял свои личные права и превращался в крепостного светских и церковных землевладельцев. К середине XVII столетия в России складывается своеобразный общественный строй, когда все социальные слои имели, прежде всего, обязанности и минимум прав. Общее «похлопание» общества, непрерывные крестьянские восстания, политическая борьба и иностранная интервенция начала XVII века плодили множество выбитых из привычной жизненной колеи «ярыжек», «казаков», «гуля-

щих людей», для которых кабак становился желанным пристанищем.

Кроме того, «бунташный» XVII век стал и временем своеобразного культурного надлома, когда устоявшиеся московское мировоззрение и образ жизни столкнулись с чуждой «немецкой» культурой и первыми попытками реформ, разрушавших прежний быт. Новации и вызванные ими конфликты производили определенный «сдвиг в нравственном пространстве» московского человека. Его результатом для одних было приветствие начавшихся перемен, для других — уход в глухую оппозицию, в раскол, в бегство, в том числе и в кабак, становившийся чем-то сродни «бессмысленному и беспощадному» русскому бунту⁸⁰.

В то время иноземцы отмечали специфические особенности русской питейной традиции, отчетливо проявившиеся уже в конце XVI века. Англичанин Флетчер удивился тому, что родные «не смеют вызывать» из кабака пьяницу, пока он не пропьется окончательно. Созерцание городской «голи кабацкой» и разгула в кругу знати и крупного купечества послужило иностранным дипломатам и купцам основой для суждений о якобы небывалом повседневном пьянстве русских, вплоть до уверений, что этому пороку подвержены в России все мальчишки и девочки⁸¹.

Однако наиболее внимательные иностранцы, указывавшие на российское пьянство, все же отмечали, что этот порок характерен скорее для «именитых мужей», имевших деньги и время для подобных удовольствий. «*А простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы дело господское*», — писал уже цитировавшийся выше Герберштейн. Вслед за ним и дипломаты XVII века Н. Варкоч и Я. Рейтенфельс отмечали воздержанность к вину русских крестьян, которые, «*будучи обречены на тяжкую работу и прикреплены к земле, безнаказанно оскверняют праздничные дни, благодаря снисхождению законов, работою на себя, дабы не пропасть, так как в течение всей недели они обязаны в поте лица трудиться на своих господ*»⁸².

«Домострой» также решительно осуждал многое пьянство, от которого «*дом пуст, имению тщета, и от Бога не помилован будешь, и от людей бесчестен и по-*

смеян, и укорен, и от родителей проклят». Бесхитрый народный взгляд на причину винного запойства отражают апокрифические повести; согласно одной из них, сатана научил жену библейского Ноя, «как водку делать», от нее узнал тайну ковчега и сумел таким образом спастись во время всемирного потопа⁸³.

Однако власть систематически приучала к кабаку — и не только простонародье. В XVII столетии для дворян-помещиков сложился особый ритуал питья на «государевы ангелы», т.е. на царские именины. Тогда местный воевода по особым спискам выдавал служилым людям винные порции, которые после молебна надлежало «честно» (с громким пожеланием здоровья и многолетия царю) выпить⁸⁴. «Непитие здоровья» в такой ситуации граничило с политическим преступлением, а позднее, в просвещенном XVIII в., и стало таковым. Но и воеводе не дай Бог забыть о празднике или выдать некачественное вино «наполы с водою» это означало урон чести не только пьющего, но и самого царя, со всеми вытекавшими отсюда весьма неприятными для должностного лица последствиями.

Отдельным подданным или целым группам (например, богатейшим купцам-гостям или ямщикам) предоставляли привилегию на винокурение. Один из указов 1681 г. уже отмечал, как повседневную практику, что вино подносили «приказным людям» — служащим государственных учреждений в почесть. Обязательным становилось и угощение мастеровых «за работы».

Использовалась водка как награда при сборе ясака натуральной дани мехами, которую платили Москве коренные народы Сибири. Осенью, к моменту расчета, сибирские воеводы требовали с местных кабаков вина «для иноземных ясачных расходов» и стимулировали туземцев даровой чаркой. Обычная практика спаивания ясачных людей раскрывается в доносе на воеводу города Мангазеи А. Палицына: «Приедут самоеды с ясаком, воевода и жена его посылают к ним с заповедными товарами, с вином, и они пропиваются донага, пропивают ясак, собак и бобров». Подобные же методы применялись на русском Севере для «призвания» аборигенов в православие⁸⁵.

Государево вино постепенно становится в московском обиходе весьма престижной ценностью. В 1600 г. правительство Бориса Годунова (1598—1605 гг.) ради заклю-

чения антитурецкого союза с шахом Ирана Аббасом I послало к нему не только обычные подарки («медведь-гонец, кобель да сука меделянские»), но и «...из Казани двести ведр вина, да с Москвы послано два куба винных с трубами и с покрывки и с таганы». Этот царский подарок стал, вероятно, первым известным нам случаем технической помощи восточному соседу. Правда, по оплошности сопровождавших груз персидских дипломатов суда с подарками потерпели крушение на Волге, и посольству пришлось вести долгую переписку с Москвой о присылке новых аппаратов. Неизвестно, насколько успешно развивалось с московской помощью иранское придворное винокурение, но в 1616 и 1618 гг. уже царь Михаил Федорович вновь послал мусульманскому владыке вместе с традиционно высоко ценившимися «рыбьим зубом», соболями и охотничьими птицами «300 ведер вина нарядного розных цветов, тройново» (т.е. особой крепости. — Авт.), которое было шахом благосклонно принято⁸⁶.

В одном из французских трактатов XVI века о дипломатическом искусстве давались такие рекомендации: «В переговорах с министрами северных стран (подразумевались Германия, Польша, Дания и Россия. — Авт.) иногда имеет более успех хороший пьяница, чем трезвый человек, потому что он сумеет пить не теряя рассудка в то время, как отнимает его у других»⁸⁷. Роскошные кремлевские обеды с 50—60 здравицами подряд, богатые приемы в домах русской знати, непрерывные угощения и праздники — описания всего этого можно в подробностях найти в воспоминаниях и отчетах почти каждого побывавшего в Москве XVI—XVII вв. иностранного дипломата, особенно если его миссия была успешной. Пиры и застолья русской знати формировали новые традиции: например, надо было непременно напоить иностранных послов, которым для избежания этой участи порой приходилось прибегать к хитрости, притворяясь пьяными. Другие же пытались потягаться с хозяевами, что иногда заканчивалось трагически, как для посла венгерского и чешского короля Сигизмунда Сантая, который в 1503 г. не смог исполнить своей миссии, поскольку он «тое ночи пьян росшибся, да за немочью с королевскими речми не был»⁸⁸.

Приходилось принимать ответные меры и дипломатическому ведомству России: очередным послам в Швецию

Б.И. Пушкину и А.О. Прончищеву в 1649 г. было *риказано накрепко, чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, и не упивались, и слов дурных меж собою не говорили; а средних и мелких людей и упоичивых в палату с собою не имали, для того, чтоб от их пьянства безчинства не было*». Такие же инструкции давались и их коллегам, отправлявшимся в Польшу и другие страны⁸⁹.

Общепризнанные в ту эпоху лечебные свойства водки сделали ее постоянным товаром в открытой в Москве на Варварке в начале 70-х гг. XVII в. Новой Аптеке, где свободно продавались *«водки и спирты и всякие лекарства всяких чинов людям*». В ассортименте аптеки были «водки»: коричневая, гвоздичная, анисовая, померанцевая, цветочная и прочих сортов, изготовленные на казенном сырье; их продажа покрывала все расходы аптеки на приобретение отечественных и импортных лекарств⁹⁰.

Законодательство, в иных случаях весьма строгое, считало пьянство не отягощающим, а наоборот, смягчающим вину обстоятельством; поэтому убийство собственной жены в пьяном виде за два аршина сукна или за «невежливые слова» уже не влекло за собой смертную казнь, поскольку имелась причина, хотя и «не великая»⁹¹. За столетие развития «государева кабацкого дела» пьянство все более проникало в народный быт, начиная постепенно деформировать массовое сознание, в котором «мертвая чаша», лихой загул, «зелено вино» стали спутниками русского человека и в светлые, и в отчаянные минуты его жизни.

Достаточно хорошо сохранившиеся вотчинные архивы русских монастырей и частных лиц XVII века содержат множество мелких судебных дел о пожарах, побоях, ссорах, кражах на почве пьянства, которое постепенно становилось все более распространенным явлением. Кто просил у власти возместить «бесчестье» (т.е. оскорбление) со стороны пьяницы-соседа, иной хотел отправить пьяницу-зятя в монастырь для исправления, а третий требовал возратить сбежавшую и загулявшую с пьяницами жену. Вот пример, типичный, к сожалению, не только для того времени: в октябре 1676 г. московский «воробтник» (караульщик) Семен Боровков вынужден был жаловаться своему начальству в Пушкарский приказ на сына Максима: *«...тот де сын его, приходя домой*

пьян, его Сеньку бранит и безчестит всегда и мать свою родную бранит же матерны и его Сеньку называет сводником...»

Порой к верховной власти приходилось взывать и весьма влиятельным людям. Прославленный воевода, боярин князь Д.М. Пожарский вместе со своим двоюродным братом подал царю Михаилу челобитную с жалобой на племянника: *«На твоей государевой службе в Можайске заворовался, пьет беспрестанно, ворует, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а нас не слушает. Мы, холопы твои, всякими мерами его унимали: били, на цепь и в железа сажали; поместье, твое царское жалованье, давно запустошил, пропил все, а теперь в Можайске из кабаков нейдет, спился с ума, а унять не умеем»*. Отчаявшийся полководец просил сдать непутевого родственника в монастырь⁹².

Царев кабак в народном восприятии выглядит уже чем-то исконным и отныне прочно входит в фольклор и литературу. Герои-богатыри Киевской Руси (цикл былин складывается как раз в это время) просят теперь у князя Владимира в качестве награды:

*«Мне не надо городов с пригородками,
Сел твоих с приселками,
Мне дай-ка ты лишь волюшку:
На царевых на кабаках
Давали бы мне вино безденежно:
Где могу пить кружкой, где полкружкой,
Где полуведром, а где целым ведром»⁹³.*

Туда же непременно отправляются и другие герои народных песен: молодец, отбивший у разбойников казну, или любимый народный герой Стенька Разин:

*«Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудьбою...»*

Так поступали и вполне реальные новгородцы XVII века, повстречавшиеся ученому немцу Адаму Олеарию: *«Когда я в 1643 г. в Новгороде остановился в любекском дворе, недалеко от кабака, я видел, как подобная спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках. Между прочим, вышел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему повстречался приятель, направлявшийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через не-*

сколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парюю подштанников на теле. Я велел ему крикнуть: Куда же делась его сорочка? Кто его так обобрал? На это он, с обычным их ...б твою мать, отвечал: Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и сорочка, туда пусть идут и штаны. При этих словах он вернулся в кабаk, вышел потом оттуда совершенно голый, взял горсть собачьей ромашки, росшей рядом с кабаком, и, держа ее перед срамными частями, весело и с песнями направился домой»⁹⁴.

Одна из повестей XVII столетия рассказывает о бражнике, которого апостолы и святые вынуждены были пропустить в рай, поскольку «он и всяким ковшом Господа Бога прославлял, и часто в ночи Богу молился». Интересно, что этот сюжет хорошо известен и в Западной Европе; но во французском и немецком вариантах его герой имеет обычную профессию: он крестьянин или мельник. В русской же повести райского блаженства добывается именно пьяница-бражник; вопреки евангельским заповедям («Пьяницы не наследят царства небесного») апостол Иоанн Богослов признает: «Ты еси наш человек, бражник, и герой усаживается в раю в лучшем месте»⁹⁵.

Однако в общественном мнении кабацкая тема оборачивалась и своей трагической стороной безысходностью. Пожалуй, наиболее в этом смысле замечательна «Повесть о Горе-злочастии», в чем-то сходная с притчей о блудном сыне: «добрый молодец» из купеческой семьи пожелал жить своим умом, но потерпел полное крушение, и неодолимое Горе обращается к нему:

«Ты пойдн, молодец, на царев кабаk,
Не жалея ты, пропивая свои животы...»

Все попытки изменить жизнь неотвратимо заканчивались для героя разорением и кабаком. В мрачной судьбе молодца кабаk видится уже почти как символ ада; тем более что Горе подбивает героя на преступление — грабеж и убийство и само говорит о себе: «А гнездо мое и вотчина во бражниках».

Совершенно отпетым местом выглядит кабаk и в таком произведении XVII в., как «Служба кабаку» — подчеркнутой пародии на литургию: «Сподоби, Господи, вечер сей без побоев допьяна напитися нам...». Есть там и горькие слова: «Кто ли, пропився донага, не помянет

тебя, кабаче, непотребне? Како ли кто не воздохнет во многие времена собираемо богатство, а во един час все погубе? Каеты много, а воротить нельзя».

«Нельзя слуги Божия до сорама упонти». Как говорилось выше, церковь не отказывалась от питья вина, которое является неотъемлемой частью христианского обряда причащения — таинства евхаристии: превращения вина и хлеба в кровь и тело Христово. Но христианская мораль решительно выступает против злоупотреблений, в том числе и «пьянственной страсти». Поэтому отцы церкви боролись с ее появлением, в первую очередь, в своих рядах.

Строгие порядки основанных Сергием Радонежским и его последователями общежительных монастырей исключали какое-либо злоупотребление спиртным. Автор жития Кирилла Белозерского Пахомий Логофет указывал, что игумен *«мед же или ино питие елика пьянства имут, никоко же в монастыри обретатися повеле, и тако блаженный сим уставом змиеву главу пьянства отреза и корень его прочее исторже»*. Сказание об основателях Спасо-Преображенского Валаамского монастыря специально подчеркивает, что святой Сергий *«медотворных же и пьянственных разных питей никоко же не повеле, но един нужнийший квас своим же и приходящим»*⁹⁶. Во всяком случае, именно с конца XV в. сохранились древнейшие списки поучений против пьянства; разумеется, относились они не только к духовному чину.

Однако утверждавшийся в общежительных обителях Иерусалимский устав не исключал ритуальное питание *«в неделю или в господския праздники, или и в другая нужная утешения»*. Становились традицией и возлияния на поминальных тризнах, обусловленных волей завещателя, сделавшего в монастырь вклад по себе и своим ближним⁹⁷. Епископ Сарайский Матфей настоятельно рекомендовал, приглашая священника или монаха в дом, чтить их, но угощать в меру: *«Боле трех чашь не нудите его, но дайте ему волю, да же ся сам упиеть и сам за то отвещает; а вам не надобен грех той»*⁹⁸.

Боролась церковь доступными ей методами и с пьянством среди мирян. Судя по сохранившимся требникам, в XV веке в чин исповеди при перечислении грехов был включен специальный вопрос *«или упился еси без паче»*

ти?» с соответствующей епитимией в виде недельного поста. «Упивание» в корчме или самодельное изготовление хмельного на продажу («корчемный прикуп») наказывалось даже строже — шестимесячным постом⁹⁹.

Правда, с появлением кабаков и откупной системы церковники не хотели лишать себя столь прибыльного занятия, не отставая в этом от светских властей: крупные монастыри и высшее духовенство не стеснялись брать у казны кабаки на откуп. Естественно, эти перемены сказывались и на образе жизни самих пастырей.

По-видимому, к концу XVI столетия нормы питания как белого, так и черного духовенства уже далеко ушли от традиционного ритуального образца, и нравственный облик «государевых богомольцев» не отличался строгостью и воздержанием. Даже Иван Грозный, далеко не придерживавшийся трезвого образа жизни, гневно упрекал монахов подмосковного Саввина-Сторожевского монастыря: *«До чего допились тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет!»* В самой Москве Герберштейн уже видел публичные порки загулявших священников, а в 1550 г. власти назначили особых лиц следить, чтобы священники и монахи не смели *в корчмы входить, ни в пьянство упиватися*.

Поэтому духовенство было вынуждено прилагать определенные усилия, препятствовавшие распространению этого зла в собственных рядах. Вопрос о необходимости борьбы с пьянством был поставлен на созванном в 1551 г. церковно-земском Стоглавом соборе, где пьянство было осуждено как «начало и конец всем злым делам». Особую 52-ю главу соборных постановлений составил Ответ о пьянственном питии, запрещавший держать в монастырях вино горячее, но разрешавший квасы и *«фряжские вина, где обрящутся, да испивают яко же устав повелевает в славу Божию, а не в пьянство»*¹⁰⁰. Позже было решено *«по всем градом царскую учинити заповедь, чтобы дети боярские и люди боярские и всякие бражники зерню не играли и по корчмам не пили»*.

Церковные власти были озабочены падением престижа духовенства и размахом питейной торговли в местах сбора богомольцев, что приводило к нежелательным последствиям: *«Безчинье и смута всякая, и брань, и бои, а иных людей и до смерти побивают»*. В своих челобитных

они просили не допускать торговли вином у монастырей по праздникам — ведь *«чудотворное место пусто-ет»*¹⁰¹.

Церковный собор 1667 г. категорически запретил держать корчмы в монастырях. Не раз делались безуспешные попытки прекратить в обителях производство и употребление крепких спиртных напитков, пока в 1682 г. указом патриарха не было запрещено винокурение всем церковным властям и учреждениям. Священники и монахи подвергались аресту и штрафу, если появлялись на улице в нетрезвом виде *«или учнут сквернословити, или матерны лаяти кому»*. Помогало это, по всей вероятности, плохо, поскольку епархиальные архиереи вновь и вновь вынуждены были призывать, *«чтоб игумены, черные и белые попы и дьяконы, и старцы, и черницы на кабак пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не валялись бы»*¹⁰².

В сказании о знаменитом московском юродивом XVI века Василии Блаженном (которого, по преданию, уважал сам Иван Грозный) его герой уже вполне одобрительно относится к пьянице в кабаке, который хоть и трясется с похмелья, но не забывает перекреститься, прежде чем выпить, и тем посрамляет дьявола.

При этом фольклорное совмещение кабака и святости порой находило неприглядное, но вполне реальное отражение в жизни. Так в 1661 г. игумен Устюжского Троицкого монастыря жаловался ростовскому митрополиту Ионе на городских кабацких целовальников. Они благочестиво устроили часовню прямо над кабаком *«и поставили в ней нерукотворенный образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и иные иконы изнаписав поставили, и верх, государь, у той часовни учинили бочкою и на ней шея и маковица и животворящий крест господень, яко ж и на святых божиих церквах... И той, государь, часовне в таком месте и милосердию божию и иконам быть достоин или нет, потому что собрався всякие люди упиваются до большого пьянства, и пьяные люди под тою часовнею и под крыльцом спят и блюют и всякое скаредство износят?»*¹⁰³

В конце XVII столетия в рукописном сборнике церковных проповедей Статир появляется, кажется, первый в подобного рода сочинениях портрет женщины-пьяницы: *«...какова есть мерзостна жена сгоревшим в ней*

вином дышающая, возсмердевшими и согнившими мясами рыгающая, истлевшими брашны множеством отягчена, востати не могущая... Вся пренебрегает, ни о чадах плачущих внимает».

Пьяницы духовного звания не отставали от мирян. Вновь назначенный игумен знаменитого Соловецкого монастыря огорчился в 1647 г., что его подчиненные *«охочи пьяного пития пить, и они своих мер за столом не пьют и носят по кельям и напиваются допьяна»*. В 1668 г. власти небольшого Нилова-Столбенского монастыря оказались неспособными навести порядок в обители, откуда монахи, *«похотя пить хмельное питье, выбегают, и платье и правильные книги с собой выносят»* и закладывают в близлежащем кабаке. Сохранившиеся акты говорят о том, что в XVI—XVII веках русские митрополиты и патриархи не раз вынуждены были выговаривать даже высшему духовенству за то, что оно *«чревоугодию своему последующе и повинующеся пьянству»*. В исповедных вопросах к кающимся грешникам духовного звания постоянно отмечаются такие провинности, как *«обедню похмелен служил, упився, бесчинно валялся, упився, блевал»*, а также участие в драках и даже разбоях¹⁰⁴. Буйных пьяниц из духовенства ссылали в монастыри для *«исправления и вытрезвления»*, но это не всегда помогало, и монастырские власти слезно просили избавить их от распойных попов и дьяконов.

Предводитель русских старообрядцев, страстный публицист и обличитель «никонианской» церкви протопоп Аввакум прямо связывал грехопадение прародителей с пьянством; при этом соблазнитель-дьявол описан им как вполне современный автору лихой кабацкий целовальник: *«Ева уговорила Адама попробовать винных ягод, «оне упиваются, а дьявол радуется... О, миленькие, одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и з двора спехнул. Пьяной валяется ограблен на улице, а никто не помилует... Проспались, бедные, с похмелья, ано и самим себе сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, голова кругом идет со здоровных чаш»*. Под пером Аввакума ненавистное ему «никонианство» прямо отождествлялось с вселенским помрачением и предстало в виде апокалиптического образа «женылюбодейцы», которая *«упоила римское царство и поль-*

ское, и многие окрестные веси, да царя с царицей напоила: так он и пьян стал, с тех пор не проспится; беспрестанно пьет кровь свидетелей Исусовых»¹⁰⁵.

Сам вождь раскольников «за великие на царский дом хулы» был сожжен в 1681 г., и ему уже не суждено было узнать, что его младший сын Афанасий сам стал горьким пьяницей, который «на кабаке жил и бражничал и с Мезени ушел безвестно», а «государево кабацкое дело» еще больше развернулось в следующем веке.

Примечания

- 1 См.: *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 36, 40.
- 2 *Топорков А.* Принимался он за питья за пьяныя // *Родина.* 1997. № 9. С. 102.
- 3 *Повесть временных лет.* М.—Л., 1950. Ч. 1. С. 125.
- 4 Там же. Ч. 1. С. 86.
- 5 См.. *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 126.
- 6 ПСРЛ. Т. 2. С. 495. См. также: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С.746.
- 7 *Памятники русского права.* М., 1953. Вып. 2. С. 300.
- 8 Цит. по: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 370.
- 9 *Новгородские былины.* М., 1978. С. 7.
- 10 *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М.—Л., 1950. С. 70—71.
- 11 *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.).* М., 1988. Т. 4. С. 373—374.
- 12 ПСРЛ. Т. 2. С. 634.
- 13 Цит. по: *Макарий.* История Русской церкви. СПб., 1868. Т. 2. С. 116.
- 14 См.: *Ржига В.Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929. С. 89.
- 15 *Русская историческая библиотека.* СПб., 1908. Т. 6. С. 95.
- 16 См.: *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М., 1966. С. 168—169.
- 17 *Русская литература XI—XVIII вв.* М., 1988. С. 55.
- 18 *Новгородские былины.* С. 12, 211.
- 19 См.: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г. М., 1953. С. 27.
- 20 Цит. по: *Прыжов И.Г.* Указ. соч. С. 34.

- 21 Русская бытовая повесть XV—XVII вв. М., 1991. С. 82.
- 22 Акты феодального землевладения и хозяйства в XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 130 и далее; Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 50. См. также: *Хорошкевич А.Л.* «Незванный гость» на праздниках средневековой Руси // *Феодализм в России*. М., 1988. С. 184—187.
- 23 Акты феодального землевладения и хозяйства... Ч. 1. С. 115.
- 24 См.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 228—229.
- 25 См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 132; Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 33; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. С. 475.
- 26 См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 36.
- 27 См.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1970. Ч. 1. С. 303.
- 28 См.: *Прыжов И.Г.* Указ. соч. С. 44; *Пропнер С.М.* Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900. Т. 31. С. 242; *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 45, 107; *Segal B.* Russian drinking.. P. 12.
- 29 См.: *Успенский Г.П.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. Ч. 1. С. 78.
- 30 См.: *Бадян В.В., Чиперис А.М.* Торговля Каффы в XII—XIV вв. // *Феодальная Таврика*. Киев, 1974. С. 174—189; *Еманов А.Г.* Итало-русские экономические связи в XIII—XV вв. // *Общественно-политическая жизнь дореволюционной России*. Тюмень, 1990. С. 35.
- 31 См.: *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 7—13.
- 32 Там же. С. 57, 138—139. На наш взгляд, такой итог обстоятельного исследования построен автором на системе предположений, допущений и общих предпосылок, которые сами по себе возражений не вызывают но и не дают оснований для столь конкретного вывода. В их числе и рост экономического потенциала государства, и переход на трехпольную систему обработки земли с последующим накоплением запасов зернового сырья для удачного старта винокуренного производства, и миссионерская деятельность церкви, и даже «поразительное огрубление нравов», как полагает автор, особенно проявившееся в 40—60-х гг. XV в. (Там же. С.119, 132, 135, 138.).
- 33 См.: *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. М., 1988. Т. 1. С. 429.
- 34 *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936. С. 114.
- 35 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 205.

36 *Павел Иовий Новокомский*. Книга о московском посольстве. СПб., 1908 С.272; Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 16; *Огородников В.* Донесения о Московии второй половины XVI в. М., 1913. С. 9; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России. М., 1983. С. 206.

37 Псковские летописи. Вып. 2. С. 56.

38 См.: Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. С. 27–28, 36, 49.

39 ПСРЛ. Т. 4. Вып. 3. С. 558.

40 См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 253.

41 ПСРЛ. Т. 4. С. 289.

42 Псковские летописи. Вып.2. С.232.

43 Домострой. М., 1990. С.44, 60, 75, 77, 79.

44 ПСРЛ. Т.3. С.200, 153.

45 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 121, 136; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 79.

46 Цит. по: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1889. Вып. 23. С. 31.

47 См.: *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950. С. 436. Этимология слова «кабак» не вполне понятна: филологи полагают возможным заимствование и из тюркских языков, и из нижне-немецкого диалекта (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 148.).

48 См.: *Копанев А.И.* О кабаках на Севере в XVII в. // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 9.

49 Цит. по: Там же. С. 9–10.

50 Цит. по: *Хорошкевич А.Л.* Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 211.

51 *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 51–52.

52 Цит. по: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975. С. 137.

53 О России в царствование Алексея Михайловича. Из сочинения Г. Котошихина // Бунташный век. Век XVI. М., 1983. С.465.

54 Цит. по: *Соколов В.* Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 106.

55 См.: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. // ЧОИДР. 1912. Кн. II. Отд. 2. С. 77—78.

56 Цит. по: *Булгаков М.Б.* Росписи кабацких долговых напойных денег первой половины XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1998. С. 54.

57 См.: *Смирнов М.И.* Нижегородские казенные кабаки и кружечные двory XVII в. // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. 1913. Т. 16. Вып. 2. С. 38; Крестьянские челобитные XVII в. М., 1994. С. 14—16; Памятники деловой письменности XVII в. М., 1984. С. 198—199.

58 Цит. по: *Иванов В.И.* Верхотурский кабак в XVII в. // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 13.

59 См.: *Веселовский С.Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в. // Сборник статей, посвященный В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 291—316.

60 Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. В 18 книгах. Кн. 7. М., 1991. С. 87.

61 См.: *Копанев А.И.* Крестьяне русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 201.

62 Цит. по: *Копанев А.И.* О кабаках... С. 10.

63 См.: ПСЗРИ. Т. 2. № 1109, 1142.

64 Цит. по: *Соколов В.* Указ. соч. С. 106.

65 См.: *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 217—220.

66 ЧОИДР. 1902. Кн. 1. С. 136.

67 Цит. по: Русская старина. 1882. № 12. С. 678.

68 Цит. по: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 146.

69 См.: *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959. С. 175.

70 См.: *Шашков С.С.* История русской женщины // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 1. С. 790; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1. С. 180; Чтения в обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 1, смесь. С. 1.

71 См.: История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 242.

72 ПСРЛ. Т. 3. С. 166.

73 Российское законодательство X—XX вв. М., 1985, Т. 3. С. 252—257.

74 См.: ПСЗРИ. Т. 1. № 1. Глава 25; № 285.

75 Акты археографической экспедиции. Т. 4. № 59.

76 См.: ПСЗРИ. Т. 1. № 72, 82; *Веселовский С.Б.* Кабачная реформа 1652 г. // Ежемесячный журнал. СПб., 1914. С. 59—66.

77 См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 93—97.

78 См.: ПСЗРИ. Т. 3. № 1055.

79 См.: *Волков М.Я.* Указ. соч. С. 31.

80 См.: *Топоров В.Н.* Московские люди XVII в. // *Philologia Slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 203.

81 См.: Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 53.

82 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 103; ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. 34; 1906. Кн. 3. Отд. III. С. 137.

83 См.: *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 439.

84 См.: *Покровский Н.Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по слову и делу государеву как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 41.

85 Цит. по: *Прыжов И.Г.* Указ. соч. С. 118. См. также: Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. С. 466.

86 См.: *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976. С. 350, 352; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1898. Т. 3. С. 721—722. За сообщение этого примера благодарим Ю.М. Эскина.

87 Цит. по: *Корелин М.С.* Прошлое современной дипломатии // Исторический вестник. 1885. № 10. С. 147.

88 Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 346.

89 См.: *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 93; *Дубасов И.И.* Тамбовские дипломаты первой половины XVII в. // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 235; *Бушев П.П.* Посольство В.Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621—1624 гг. // Иран: Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976. С. 129.

90 См.: Материалы для истории медицины в России. СПб., 1883. Т. 2. С. 482, 532—534; *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 201.

91 См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 127.

92 См.: Там же. М., 1990. Кн. 5. С. 260.

93 Цит. по: *Булгаковский Д.Г.* Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным. СПб., 1902. С. 8.

94 *Олеарий А.* Описание пугешествия в Московию. М., 1996. С. 198—199.

95 См.: *Буслаев Ф.И.* Указ. соч. С. 563; *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М., 1938. С. 414.

96 Цит. по: *Охотина Н.А.* Монастырский устав Сергия Валаамского конца XIV — начала XV в. // *Scando-Slavica*. 1993. Т. 39. С. 87.

97 См.: Там же. С. 90; *Фролов С.В.* Стих-старина за монастырским пивом // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. 1993. Т. 48. С. 203—204.

98 Цит. по: *Макарий.* История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 483.

99 См.: *Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Одесса, 1894. Т. 3. С. 144, 148, 150, 155, 158, 160, 164, 185.

100 Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 329.

101 См.: *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 485.

102 Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 113.

103 Цит. по: *Суворов Н.* Часовня над кабаком // Русская старина. 1917. № 10—12. С. 128.

104 См.: *Алмазов А.* Указ. соч. С. 185, 231—232. Перебои в снабжении храмов импортным красным вином заставили церковные власти проявить находчивость: специальный собор в конце XVI в. постановил заменить виноградное вино вишневым настоем (см.: *Бенешевич В.Н.* Московский собор конца XVI в. о церковном вине // Известия отделения русского языка РАН. 1917. Т. 22. Кн. 1. С. 7.).

105 Цит. по: *Гумилев Л., Панченко А.* Чтобы свеча не погасла. Л., 1990. С. 57; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 150.

Глава 2

ЗОЛОТОЙ ВЕК ОТКУПА

*Реформы и последствия. — «Питие здоровья». —
«Для пользы одного дворянства». —
«Уймите раба Божьего от вина». —
Вступая в новый век.*

Запрещается всем и каждому пьянство.

Устав благочиния. 1782 год

Реформы и последствия. Петровская эпоха — принципиальный момент нашей истории, и не случайно споры о ней продолжаются в публицистике и историографии более двухсот лет. Слишком много очень важных для отечественной истории явлений сошлись в этой узловой точке. Глубоко противоречивыми были и сами преобразования, и их последствия. С одной стороны, «варварские средства» Петра I (1682—1725 гг.) дали сильнейший толчок социально-экономическому и культурному развитию страны, обеспечили ее национальную независимость, возвели ее в ранг великой державы путем создания в кратчайшие сроки военно-промышленного комплекса и жесткой имперской структуры управления. С другой — ускоренная европеизация с помощью организационных и технических заимствований с Запада означала на деле укрепление крепостнических отношений в экономике и социальном строе, т.е. утверждение застойных форм организации производства, громадной чиновничье-бюрократической машины, ничем не ограниченной власти монарха и ее оборотной стороны — бесправия подданных.

В XVIII веке Россия неудержимо входила в свою новую историю и свое Возрождение, где современные предприятия, Академия наук и шедевры искусства существовали на фоне кабаков, застенков и вопиющего бесправия крестьян, половина из которых к концу столетия

находилась на положении рабов у дворян, составлявших едва ли 1% населения страны.

Начало нового столетия буквально ошеломило россиян потоком всевозможных новшеств. Энергичные и беспощадные указы вводили небывалые вещи: от изменения алфавита до похорон в новых, по английскому образцу, гробах. Законодательство петровской поры утверждало абсолютное всеисие власти монарха даже в освященной веками сфере частной жизни, включая *«всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребления платья, домовые строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях...»*¹ При этом оно, по сути, шло на принципиальный разрыв со сложившейся в X—XVII веках традицией, утверждало новые ценности и новую знаковую систему культуры. Образцом для подражания стало не восточное благочестие, а культурный уклад Западной Европы. Бороду надо было менять на парик, русский язык на немецкий. Античная мифология — «еллинская ересь» стала официальным средством эстетического воспитания.

Петр направлял поток ускоренной европеизации в сторону овладения прикладными науками: инженерным делом, навигацией, математикой. Но переодетые в немецкие кафтаны дворяне и их дети-недоросли часто предпочитали менее трудный путь сближения с *«во нравах обученными народами»* поверхностное знакомство с внешней стороной заморской жизни: модами, шумством, светскими развлечениями, новыми стандартами потребления, перенимая при этом далеко не самое полезное. Не случайно наблюдавший за русскими пенсионерами-студентами в Лондоне князь Иван Львов слезно просил Петра I не присылать новых *«для того, что и старые научились там больше пить и деньги тратить»*.

Поспешные преобразования вызвали своеобразный культурный раскол нации, отчуждение «верхов» и «низов» общества, заметное и столетия спустя. Для крестьянина живший в новомодных палатах и говоривший на чужом языке барин в «немецком» парике и кафтане представлялся уже почти иностранцем. Кроме того, внедрение просвещения в России шло рука об руку с наиболее грубыми формами крепостничества, и европейски образованные, порой даже мечтавшие о конституции дворяне вполне естественным считали распоряжаться имуществом

вом и жизнью своих рабов, не видя в том особого противоречия.

Царь-реформатор был уверен в том, что с его преобразованиями *«мы от тьмы к свету vyšли»*, и тем самым способствовал утверждению мифа о застойном характере, косности и невежестве допетровской России. Столь резкий поворот в культурной политике привел к утрате значительной частью господствующего сословия понимания «языка» и ценностей средневековой русской культуры. Но одновременно происходил и своеобразный переворот в сознании, смена «полюсов» культуры, когда переход к мировоззрению Нового времени совершался не плавно, а путем государственных указов и, самое главное, по перевернутому структурному плану старой культуры: новое объявлялось благим и истинным, тогда как старое означало едва ли не проклятие. Центром мира становились для русского дворянина XVIII в. Париж и Амстердам.

Однако резкие смены ориентиров массового сознания в такие переходные эпохи сопровождаются и заметным упадком нравов, связанным не столько с природным «невежеством», сколько с отказом от традиционных моральных запретов и невозможностью быстрого усвоения более «политичных» норм общежития. Обратной стороной выдвижения новых людей в армии, государственном аппарате, судах были хищения, коррупция, превышение власти, которые перешли, можно сказать, в новое качество по сравнению с допетровским временем. Недавнее исследование криминальной деятельности петровских «птенцов» показало не только вопиющие размеры их «лакомств», но и их причину. Стремительный переход патриархальной монархии в бюрократическую империю и рост государственного аппарата в два раза привели к снижению уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций и appetитов². Проще говоря, дьяки и подьячие XVII в. брали умереннее и аккуратнее, а дело свое знали лучше европеизированных преемников, отличавшихся полным бесстрашием в злоупотреблениях и незатейливым вкусом.

В парадных апартаментах петровских дворцов приходилось вывешивать специальные правила для новых графов и князей: *«...не разувся с сапогами или башмаками, не ложиться на постели»*. Светлейший князь и фельд-

маршал Меншиков мог за обедом поколотить прусского посла (после чего обе стороны принесли друг другу обычные извинения); природные Рюриковичи, князья Михаил, Григорий и Осип Ухтомские считали возможным промышлять разбоем на большой дороге: *«Для чего де не ехать, я де теперь человек не богатый»*, посянял один из них на допросе³.

Известный историк второй половины XVIII века И.Н. Болтин, сравнивая просвещенную екатерининскую эпоху с прошедшими временами, отмечал, что до середины столетия *«по деревням и в городах от столиц отдаленных никакое собрание не проходило без пьянства; не знали другой забавы, другого увеселения, кроме как пить...»*⁴ Именно в XVIII веке появились помещицьи гаремы, слепое преклонение перед западной модой и демонстративные увеселения с обязательной и обильной выпивкой. В результате, по словам другого историка и публициста XVIII в. М.М. Щербатова, *«пьянство, роскошь, любодейние и насилии место прежде бывшего порядку заступили»*.

Реформы существенно изменили быт российского дворянства, сделали его более открытым, парадным, что, в числе прочего, привело к увеличению потребления спиртных напитков — как традиционной водки, так и широко ввозимых с этого времени в Россию вин, несмотря на их дороговизну. Для сравнения можно привести цены на продовольствие в Москве 50—60-х гг. XVIII века при тогдашнем прожиточном минимуме в 8—10 рублей в год (зарплата рабочего на полотняной мануфактуре в первой половине XVIII в. составляла в зависимости от квалификации 10—20 рублей в год):

бутылка импортного вина	1—4 руб.;
пуд ржаного хлеба	26 коп.;
пуд масла	2 руб.;
пуд говядины	12 коп.;
пуд икры	2 руб. 80 коп.;
теленок	2 руб. 20 коп.;
ведро водки (12,5 кг)	2 руб. 23 коп.

Пример и в этом случае подавал сам император, в обиходе которого смешивались традиции старины и новомодные напитки: *«При благословении пили на первое вино, на второе сек, на третье ренское, на четвертое пиво, на пятое мед, у ворот ренское»*, — описывал царь

в 1703 г. возлияния при осмотре Ораниенбурга. Ему, правда, приходилось использовать водку и с благими целями: в 1724 г. он выделил 400 руб. для угощения посетителей в первом русском музее, Кунсткамере — лишь бы заходили! Но если отец Петра лишь в редких случаях позволял себе во дворце пошутить со своими боярами (в 1674 г. он «жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяными»), то сам он уже превратил свои развлечения в демонстративные зрелища.

Выдающийся дипломат петровской школы Андрей Артамонович Матвеев с равным интересом знакомился с государственными и научными учреждениями Франции и с необычной для московских традиций свободой застольного обхождения на званом обеде у министра иностранных дел, о чем счел необходимым рассказать соотечественникам: *«Питья были редкая же — французския, итальянския, особливо при заедках, как обычай есть Франции ставить бутельи или суленки в серебряных передачах на стол и самим наливать по своему произволу, как французы не меньши той манеры в питье иных народов, и самыя дамы их употребляют. О здоровье при том, как и при иных во Франции столах, мало пьют, разве кто кого поздравляет, тогда должен тоже отдать. А кроме того, пили всякой по произволу своему, без всех чинов и беспокойств, и неволи в питье отнюдь ниже упоминается»*⁵. Похоже, русского посла явно удивляло отсутствие принудительных тостов.

В России же внедрение европейского политеса шло иначе. Вечеринки в гостях у царского любимца Лефорта, по воспоминаниям умного и наблюдательного мемуариста князя Бориса Куракина, выглядели так: *«...началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать; что по три дни запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого помирать. И от того времени и по сие число и донныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду вошло»*. Подобные «увлечения» как характерную черту того времени отмечал князь М.М. Щербатов в памфлете «О повреждении нравов в России»: *«Вины дорогия и до того незнаемые не только в знатных домах вошли в употребление, но даже и низкие люди их употреблять начели, и за щегольством считалось их разных сортов на стол подавать»*⁶.

Император и здесь действовал с размахом. По праздникам Петр и его жена Екатерина лично поили солдат и офицеров гвардейских полков. Для двора и раньше приобретали в Архангельске импортные вина («романею» и «ренское») на несколько тысяч рублей в год. Попытки завести собственное виноделие европейского уровня не удались: приглашенные на «чихирную фабрику» в Астрахань французские и венгерские мастера докладывали, что из местного сырья *«вина против иностранных делать они не могут для того, что земля тамошняя солона...»* Тогда Петр начал массовые закупки особо любимых ему венгерских вин партиями по 200—300 бочек. Впрочем, жаловал он и водку; супруга всегда старалась обрадовать мужа посылкой к нему штофа-другого какого-нибудь особо ценного «крепыша».

Все эти импортные и отечественные напитки лились рекой на петровских празднествах, из которых самыми знаменитыми стали заседания «Всешутейшего и всепьянейшего собора»; в его шутовской иерархии сам Петр занимал должность протодьякона. Эту странную коллегия во главе с доверенным лицом Петра Никитой Зотовым составляли, по словам современника, *«величайшие и развратнейшие пьяницы; но между ними есть некоторые из хороших фамилий. Коллегия эта и глава ея, так называемый князь-папа, имеют свой особый устав и должны всякий день напиваться допьяна пивом, водкой и вином... Поводом к учреждению ея царем был, говорят, слишком распространившийся между его подданными, особенно между знатными лицами, порок пьянства, который он хотел осмеять, и вместе с тем предостеречь последних от позора... Но другие думают, что царь насмехается над папою и его кардиналами, тем более, что он, как рассказывают, не щадит и своего духовенства, приказывая ежегодно, перед постом, исполнять одну смешную церемонию»*⁷.

Недоумения очевидца вполне были понятны и потомкам, также пытавшимся объяснить причину появления такого «собора» из испытанных обжор, пьяниц и шутов. Они полагали, что царь специально поил гостей, чтобы заставить их проговориться о своих намерениях, или стремился создать исправительное заведение для прощтрафившихся придворных, или пытался высмеять католическую церковь. Скорее всего, в той или иной степени

все эти соображения имели место. Примечательно и то, что во главе «собора» постоянно стояли близкие Петру люди, наделявшиеся особыми полномочиями: главы политического сыска (Ф.Ю. Ромодановский) или финансового контроля (Н.М. Зотов).

Но несомненно и то, что разгул и безобразия, сопровождавшие каждое заседание «собора», намеренно бросали вызов общественным приличиям, освященной веками старине, как и пародия на церковные обряды с шутовским «евангелием» — футляром для склянок с водкой, «крестом» в виде скрещенных трубок и придуманными самим Петром церемониями вроде поставления в 1718 г. нового князь-папы Всепьянейшего собора:

«Пред ним несли две фляги, наполненные вином пьянственнейшим; ...и два блюда — едино с огурцами, другое с капустою... Поставляющий вопрошал: како содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешися? ...Поставляемый отвечавал: ..чрево свое, яко бочку добре наполняю, так что иногда и ядем мимо рта моего носимым, от дрожания моя десницы... И тако всегда творю и учити мне врученных обещаюся, инакоже мудрствующия отвергаю, и яко чужды и... матствую всех пьяноборцев; ...с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не движемся, и есть ли мы или нет не ведаем; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь. ...Поставляющий глаголил: Пьянство Бахусово да будет с тобою затемневающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее ты во все дни жизни твоея»⁸.

Прочие подробности таких празднеств даже язвительный дипломат и мемуарист Б.А. Куракин полагал «в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем — к пьянству, и к блюду, и к всяким deboшам».

Издевательства шутов над вельможами облегчали Петру задачу внедрения бытовых новшеств и служили орудием «для наказания многим знатным персонам и министрам» вне системы официальных отношений. А кошунственные по отношению к церкви (в том числе и православной) церемонии этого «собора» в какой-то степени помогали царю дискредитировать существовавшую церковную иерархию и окончательно включить этот институт в систему абсолютистского государства⁹.

Однако такая замена старых дворцовых пиров ассамблеями и демонстративное разрушение традиционного уклада проведения торжеств и праздников вели и к отмене элементарных приличий, произволу самых грубых вкусов и откровенному кабацкому куражу. В целом подобная «демократизация» повседневного обихода едва ли могла облагородить и так не слишком изысканные нравы общества. Во всяком случае, петровский канцлер Г.И. Головкин уже считал вполне резонным отвечать на упреки царя *«о болезни моеи подагры, будто начало свое оная восприяла от излишества Венусовой утехы, о чем я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства: у меня в ногах, у господина Мусина — на лице...»*

Эта сторона приобщения к цивилизации особенно ярко проявилась при организации разных публичных торжеств и церемоний, которым сам Петр придавал государственное значение и соответствующий размах. Мемуары петровской эпохи ведут читателя от праздника к празднику: с фейерверка и маскарада по случаю военных побед — на гулянье в Летнем саду, оттуда — на бал во дворец или на спуск нового корабля. При этом обыкновенно питье было обязательным, сколько хотел царь; так что непривычный к такому гостеприимству голштинский кавалер Берхгольц очень редко мог сообщить: *«Сегодня разрешено пить столько, сколько хочешь»*.

Достигалась атмосфера такого веселья вполне естественными для Петра средствами. Вот, в изображении того же бытописателя, одна из сцен праздника в Летнем саду: *«Шесть или около того гвардейских гренадеров, которые по двое несли на носилках большую лохань с самым простым хлебным вином... Так как меня уже предупреждали, что множество шпионов должны были наблюдать за тем, все ли получили горькую чашу, то я не доверял ни одному человеку, но притворялся еще более потерпевшим, чем те... От этой обязанности не освобождаются даже самые нежные дамы, потому что и сама царица иногда пьет вместе с другими. За лоханью с водкой всюду следовали майоры гвардии, чтобы принудить пить тех, кто не слушается простых гренадеров. Нужно было пить из чашки, которую подает один из рядовых — в нее входит добрый пивной стакан, но*

не для всех ее наливают одинаково полно — здоровье царя...»¹⁰

Повиноваться должны были все, в том числе и самые высокопоставленные гости вроде голштинского принца и будущего зятя императора, которого Петр публично обещал напоить *«до состояния пьяного немца»* и без особого труда это обещание исполнил. Посол соседнего Ирана Измаил-бек тут же объявил, что *«из благоговения перед императором забывает свой закон»* и готов употреблять *«все, что можно пить»*. Более либеральными были порядки на петровских ассамблеях, но и там инструкции по проведению этих новых форм светского общения грозили их нарушителю кубком Большого орла. Впрочем, как замечали очевидцы, пьяницы *«смотрят на учреждение ассамблей как на одно из лучших нововведений в России»*¹¹.

«Шумства» петровской эпохи продолжались далеко за полночь и заканчивались в духе эпических повествований о богатырских побоищах: *«Всюду, где мы проходили или проезжали, на льду реки и по улицам лежали пьяные; вывалившись из саней, они отсыпались в снегу, и вся окрестность напоминала поле сражения, сплошь усеянное телами убитых»*, — рассказывал об итогах празднования Рождества 1709 г. в Петербурге датский посланник командор Юст Юль¹². И он, старый морской волк, даже отказался вторично ехать с миссией в Россию, зная, *«какие неприятности предстоят ему от пьянства»!*

Пьянство уже не считалось грехом в обществе — скорее наоборот: успехами на этом поприще было принято гордиться в высшем русском свете. *«Двои сутки непрестанно молитву Бахусу приносили... и от того труда трое нас было и занемогли»*, — официально сообщал вице-канцлер П.П. Шафиров фельдмаршалу Меншикову об очередном заседании «Всешутейшего собора»; а деловая встреча двух командующих русской армии накануне шведского вторжения в январе 1708 г. закончилась не менее грандиозной попойкой с дружеским изъяснением чувств наутро: *«Братец, отпиши ко мне, как тебя Бог донес. А я, ей-ей, бес памяти до стану доехал, и, слава Богу, что нечево мне не повредила на здоровье мое. Сего часу великий кубак за твоё здаровья выпиваю венгерскова и с прочими при мне будущими...»* — писал

Меншикову другой знаменитый фельдмаршал Борис Петрович Шереметев¹³.

Походный журнал Шереметева изо дня в день фиксировал типичный для петровской эпохи образ жизни хозяина и его гостей — от самого царя до безымянных «протчих» афицеров с неизменным добавлением: «*кушали вотку*», «*веселились*», «*забавы имели*», после чего разъезжались, иногда даже в «*добром поведении*». В 1715 г. фельдмаршал извещал Петра I о праздновании генералитетом русской армии во время заграничного похода рождения у него наследника: «*И как оной всемирной радости услышали, и бысть между нами шум и дыхание бурно и, воздав хвалу Богу и пресвятой его Богоматери, учали веселиться и, благодаря Бога, были зело веселы... Я на утрии опамятовался на постели без сапог, без рубашки, только в одном галстуке и в парике, а Глебов ретировался под стол...*»¹⁴ В этом описании боя с «Ивашкой Хмельницким» и его последствий Шереметев уже нисколько не смутился поставить евангельскую фразу о схождении на апостолов Святого духа.

Нельзя сказать, чтобы Петр не понимал всего вреда неумеренного пьянства для строительства своего «регулярного» государства, где система военного и гражданского управления должна была работать как отлаженный часовой механизм, в соответствии с высочайшими регламентами. В наиболее совершенном из созданий Петра — его армии — солдаты стали получать ежедневную порцию водки (правда, хлебное вино той эпохи имело крепость всего лишь 18—19°, а пиво входило в обязательный рацион матросов петровского флота. Но в то же время всем маркитантам предписывалось по команде «к молитве и службе божественной» немедленно прекращать торговлю спиртным.

Петровский «Артикул воинский» 1715 г. впервые в отечественной истории сделал нетрезвое состояние основанием для усиления наказания за преступление: он требовал отрешать от службы пьяниц-офицеров; а солдат, загулявших в захваченном городе прежде, чем «*позволение к грабежу дано будет*», наказывать смертной казнью:

Артикул 42. Понеже офицер и без того, который в непрестанном пьянстве, или протчих всегдашних непотребностях найден будет, от службы отставлен, и его чин другому годному офицеру дан имеет быть.

Артикул 43. Когда кто пьян напьется, и в пьянстве что злого учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинение получил, но по вине вящшею жестокостию наказан быть имеет.

Толкование. А особливо, ежели какое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может, яко смертное убивство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил...

Артикул 106. Когда город приступом взят будет, никто да не дерзает грабить, или добычу себе чинить, или обретающимися во оном питье пьян напитокца прежде, пока все сопротивление престанет, все оружие в крепости взято, и гарнизон оружие свое низположит, и квартиры салдатам розведены, и позволение к грабежу дано будет: под опасением смертной казни»¹⁵.

Что же касается поведения остальных подданных, то и по отношению к ним порой издавались указы, которые призывали к умеренности — прежде всего, исходя из фискальных соображений. Так, в 1706 г. кабацких целовальников обязывали *«смотреть, чтобы тех вотчин крестьяне на кабаках пожитков своих не пропивали для того, что во многих вотчинах являлись многие в пьянстве, пожитки свои пропили, и его государевых податей не платят; а те деньги за них, пропойцев правят тех же вотчин на них, крестьянех»*.

«Питие здоровья». Однако начавшаяся война и первые преобразования требовали все больших средств. Среди прочих способов получения денег Петру уже в 1700 г. анонимно (в «подметном письме») советовали *«из своей государевой казны по дорогам везде держать всякие харчи и построить кабачки так же, что у шведов, и в том великая ж будет прибыль»*.

В только что основанном Петербурге в 1705 г. близ «Невской перспективы» открылся первый кабак «кружало»; к середине столетия их было в новой столице уже больше сотни на 90 000 населения. Но кабак, или питейный дом, обслуживал прежде всего «чернь». В столицах прежние питейные заведения для простонародья уже не могли соответствовать запросам более «чистой» публики. К тому же развитие промышленности и торговли требовало условий для городской публичной жизни:

необходимы были пристанища для приезжих, места для общения и деловых встреч. Вместе с петровскими реформами в повседневную жизнь россиян входит и «трактир» (слово пришло к нам из латыни через польский язык) или, как его еще называли в столицах, «вольный дом», в котором наряду с выпивкой посетителям предлагалась и еда; в нем можно было более цивилизованно провести время с друзьями.

Указ 1719 г. разрешал иностранцу Петру Тилле завестись на Васильевском острове Петербурга «вольный дом» *«таким манером, как и в прочих окрестных государствах вольные дома учреждены, дабы в том доме иностранное купечество и здешние вольных чинов люди трактировать могли за свои деньги»*. Так появилась и заведенная по западноевропейскому образцу «австерия четырех фрегатов», куда любил заходить сам Петр. Вслед за ним в новой столице появились «вольные дома», винные «ренсковые погреба» (торговавшие иностранными, «рейнскими» винами. — *Авт.*) и прочие заведения, продававшие спиртное на вынос и распивочно с 7 часов утра до 6 вечера. Власти стремились по возможности избавить новые заведения от кабацких традиций прошлого и издавали указы о запрещении продажи вина в долг или под залог вещей или одежды.

Продукцию для питейных заведений Петербурга поставляли основанные здесь же *«для варения пива во флот голандским манером»* пивные и водочные заводы¹⁶. В самый разгар Северной войны в 1705 г. Петр сначала отдавал предпочтение откупному порядку кабацкой торговли; случалось, что в те времена откупом даже награждали — например, за пребывание в плену. Затем царь решил отменить прежний порядок и ввести полную государственную монополию и на производство и на продажу водки. Указы 1708—1710 гг. запретили всем подданным — в том числе, вопреки старинной традиции, и дворянам — всякое винокурение для домашних нужд. По мысли законодателя, отныне население должно было утолять жажду исключительно в казенных заведениях, обеспеченных «добрыми питьями». У «всяких чинов людей» предполагалось конфисковать перегонные «кубы». Возможные нарушения пресекались с помощью традиционного российского средства — доноса: у «утайщиков» отби-

ралась половина всего имущества, четверть коего полагалась благонамеренному доносителю¹⁷.

Но попытка провести в жизнь этот план тогда не удалась даже непреклонной воле Петра. Бессильными оказались и обычные для той эпохи меры устрашения, вроде ссылки или «жесточайших истязаний». Казенная промышленность не могла так быстро нарастить мощности, чтобы заменить частное производство; а провинциальная администрация была не в состоянии да и не очень старалась проконтролировать все дворянские хозяйства. Их хозяева курили вино и для себя, и для подпольной продажи на сторону, и — с гораздо меньшим риском для сбыта — собственным крестьянам по цене ниже казенной. Дотошный ганноверский резидент Вебер отметил, что *«только из одного посредственно зажиточного дома»* продано было таким образом за год столько водки, *«что причинило убытку царским интересам по крайней мере на 900 руб., из чего уже можно судить, что должны получить знатнейшие и обширнейшие господские дома»*¹⁸.

В итоге власть должна была отступить. После провала попытки конфискации перегонных «кубов» правительство столь же неудачно пробовало их выкупить; после этого последовал новый указ 1716 г., разрешивший *«всяких чинов людям вино курить по-прежнему про себя и на подряд свободно»* при условии уплаты особого промыслового налога с мощностей аппаратов.

«Января 28 дня 1716 года. Великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всея Великия и Малыя, и Белья России самодержец указал по имянному своему великаго государя указу во всем государстве как вышним, так и нижним всяких чинов людем вино курить по-прежнему про себя и на подряд свободно с таким определением, дабы в губерниях генералам-губернаторам и губернаторам, вице-губернаторам и лантратам, объявля доношениями, кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить, и те кубы и казаны привозить им в городы к губернаторам, а в уездех — к лантратам, и оные, осмотра, измеряв их верно осмивершковое ведро (во сколько какой будет ведр), заклеить. И для того клеймения сделать клейма цыфирными словами, сколько в котором кубе или казане будет ведр, таким числом и клеймо положить, чтоб после клейма в тех кубах не было неправые переделки и прибавки ведр. И, заклея,

положить на них с той ведерной меры сбор: со всякого ведра (хотя где не дойдет или перейдет, то с полного числа) по полуполтине на год. И тот сбор числить к питейному сбору. А сколько в которой губернии оного сбора будет положено, о том в канцелярию Сената присылать губернаторам ведомости. А при объявлении оных кубов и казанов иметь у помещыков, а где помещыков нет у прикащиков и у старост екаски под жестоким страхом, что им в тех кубах вино курить про свои нужды или на подряд, а другим никому, и крестьянам своим на ссуду из платы и без платы не давать, и вина отнюдь не продавать и ни с кем не ссужатся. А не явя и не заклеяя кубов и казанов, по тому ж вина не курить и незаклейменных кубов и казанов у себя не держать. Того всего лантратам всякому в своей доле смотреть накрепко, чтоб, не явясь, и кроме клейменных кубов и казанов никто вина не сидели, и клейменных на ссуду не давали. А ежели у кого за своими домовыми расходами вина будет в остатке, и тем людям по своему желанию отдавать на кружечные дворы с уговором в цену. А буде кто сему его великаго государя указу учинитца противен, и с таких брать штрафу. Кто для винного куренья даст кубы и казаны на ссуду, с тех за всякую отдачу взять штрафу по пяти рублей; а кто учнет вино продавать, с тех людей — по пятидесять рублей»¹⁹.

Рост весьма выгодного производства и казенные подряды привлекали внимание не только дворян, но и купцов-предпринимателей, которые устами талантливого самоучки-экономиста (и по совместительству «водочного мастера») Ивана Посошкова выражали стремление прибрать к рукам всю эту отрасль и оградить ее от дворянских привилегий и заморских конкурентов. «Лучше в воду деньги метать, — считал он, — нежели за море за питье их отдавать. Нам от заморских питий, кроме тщеты и богатству нашему российскому препятия и здравия повреждения иного несть ничего. А нас, россиян, благословил Бог хлебом и медом, всяких питей довольством. Водок у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие и меды у нас преславные, вареные, самые чистые, что ничем не хуже ренского». Предлагал Посошков и ликвидировать дворянское винокурение, и ввести свободное производство и продажу спиртного по принципу откупа с вольного торгу»²⁰. Но

этим надеждам суждено было сбыться только через 150 лет.

Пока же винокурение и продажа разворачивались по-прежнему «на вере» и с откупа. Откупной кабацкий бизнес был выгодным и притягательным, но и достаточно рискованным делом. С одной стороны, такого откупщика караулила казна, с которой надлежало расплачиваться аккуратно и в срок. Откупные суммы были значительными и вносились обычно не сразу, а по частям; к тому же чиновники при заключении откупного контракта требовали от соискателя гарантий в виде поручительства нескольких лиц из числа его состоятельных соседей и родственников. С другой стороны, успех дела зависел и от экономической конъюнктуры (цен на зерно), от отношения ведавших откупом чиновников, от подрядчиков, от усердия местных «питухов» и от добросовестности продавцов-приказчиков.

Иные из таких откупщиков становились богачами, как осташковский мещанин Савва Яковлев, прибывший в столицу «с полтиною в кармане» и завершивший свою карьеру миллионером-заводчиком и потомственным дворянином. Судьба же других оказывалась незавидной.

Документы архива Канцелярии конфискации перечисляют десятки и сотни имен неудачников. Вот только один из них, оборотистый дворцовый крестьянин из подмосковного села Тайнинского Ларион Титов. В 1726 г. он выиграл торги и получил на откуп на четыре года кабак в другом крупном подмосковном селе Пушкино, за что должен был платить ежегодно немалые деньги — 417 руб. 83 коп. За добросовестность делового мужика поручились восемь человек: московские мещане, поручик и канцелярист; сам же Титов нанял четырех приказчиков, успешно начал дело и в первый год вовремя расплатился с казной. А дальше все пошло прахом: в 1728 г. все «кабацкое строение» сгорело. Владелец как-то выкрутился, уговорил судью акцизной каморы отсрочить платеж но тут с деньгами сбежали его приказчики, которые *«сидели у винной и пивной продажи»*.

Возможно, и на этот раз Титов смог бы оправиться (как следует из его челобитной, мужику должен был крупную сумму его тесть); но чиновники установили, что поручители сами оказались в долгах; тесть же не смог выручить, поскольку сам занимался соляным откупом.

Титова взяли под стражу, конфисковали его московский «дворишко» с садом и посадили скованным в подвал Камер-коллегии. Оттуда несчастливый откупщик в течение нескольких лет посылал челобитные, будучи не в состоянии выплатить оставшиеся 1 603 руб.²¹ Дело тянулось до 1734 г., так и оставшись неоконченным. Но в массе подобных случаев незадачливые предприниматели расплачивались собственным имуществом, уходившим с торгов в погашение долга казне.

Модернизированная при Петре I система российского крепостнического абсолютизма неуклонно развивалась и при его преемниках. Как никогда часто в это время происходили государственные перевороты, поднимавшие к власти очередную дворцовую группировку. Новые правители России, а вместе с ними одетое по последней моде российское шляхетство предпочитали воинским делам, составлению законодательства или «навигацкой науке» куда более легкие и приятные занятия.

Пример подавал двор, где с прежним размахом проходили балы и маскарады, а дамы успешно осваивали европейские моды, танцы и язык мушек («на правой груди отдается в любовь к кавалеру; под глазом — печаль; промеж грудей — любовь нелицемерная...»). Во дворцах устраивались роскошные приемы, где не жалели средств на иллюминацию и фейерверки, гремела музыка, рекой текли вина. Для таких пиршеств при дворе состояла целая армия мундшенков, кофи-шенков, купоров, кухеншрейберов, скатертников, лакеев во главе с поварами в генеральских чинах. По части вкуса успехи были менее впечатляющими: представители высшего света XVIII столетия били прямо во дворце лакеев, подвергались штрафам за упорное нежелание посещать театр, нередко отличались самым пошлым и грубым шутовством, жульничали в лихой картежной игре.

Ко двору ежегодно выписывали венгерские и французские вина, а при необходимости делались экстренные закупки у иностранных и местных торговцев: «У француза Петра Петрова взято в комнату ее императорского величества водок гданьских, померанцевой, лимонной, тимонной, салдарейной, коричневой, анисовой, гвоздичной, бадьянной всего 220 штофов», — обычная запись кабинетных расходов императрицы Екатерины I (1725—1727гг.). Нередко придворный образ жизни вы-

зывал осуждение даже выдавших виды иноземцев, вроде польского резидента Иоганна Лефорта, который недоумевал, когда же императрица и ее окружение могли заниматься делами: *«Я рискую прослыть лгуном, когда описываю образ жизни русского двора. Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, уже это самое раннее, в пять или семь часов утра»*.

Впрочем, практичные иноземцы быстро приспособились к местным условиям. *«310 бутылок вина токай по 2 руб. каждая — 620 руб., 250 бутылок шампанского по 1,5 руб. каждая — 375 руб., 170 бутылок бургонского по рублю — 170 руб., 220 бутылок ренского по полтине каждая — 110 руб., 160 бутылок мозельского по полтине каждая — 80 руб., 12 бочек французского вина для фонтанов по 75 руб. бочка — 900 руб., 2 бочки водки для фонтанов по 80 руб. — 160 руб., 12 бочек пива по 2 руб. каждая — 24 руб.»*, — такой счет выставил своему правительству испанский посол в России герцог де Лириа только за один устроенный им 27 июня 1728 г. прием по случаю бракосочетания наследника своего короля. При этом герцог сокрушался, что *«невозможно было сделать праздника на меньшую сумму, ...особенно при здешнем дворе, где все делается с великолепием и блеском и где к тому же все стоит вчетверо дороже, чем в другом месте, особенно вина»*²².

Французский посол маркиз де Шетарди уже счел необходимым для успеха своей дипломатической миссии выписать к петербургскому двору императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.) десятки тысяч бутылок различных вин. Его прусский коллега не брезговал подпольной торговлей не проходившим через таможенную вином, закончившейся обыском и конфискацией товара. А менее оборотистые восточные дипломаты приноравливались к ситуации но не всем это удавалось; так, в 1733 г. от безмерного пьянства скончался хивинский посол в России Аджи Батырь.

С осуждением писал известный русский мемуарист Андрей Болотов о недалеком и невежественном императоре Петре III (1761—1762 гг.), которого к вечеру редко можно было *«заставать трезвым и в полном уме и разуме»* по причине ревностного увлечения английским пивом. Кажется, только Анна Иоанновна (1730—1740 гг.) пьян-

ства не одобряла и пьяных не любила может быть, как раз потому, что ее муж, герцог Курляндский, слишком долго прожил при петербургском дворе и от последствий невоздержания скончался вскоре после свадьбы. Однако для ее придворных неумеренное питье стало как бы свидетельством политической благонадежности.

Императрица ежегодно торжественно отмечала памятный день своего вступления на престол (19 января 1730 г.), что, как известно, сопровождалось неудавшейся попыткой членов Верховного тайного совета ограничить ее власть. Сама императрица была в питье весьма умеренна, но в этот день было принято публично выражать свои верноподданнические чувства в духе национальной традиции. *«Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — пояснял этот обычай английский резидент при русском дворе Клавдий Рондо в 1736 г., — на людей, пьющих умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера»*²³.

От «верхов» не отставали и «низы»: *«непитие здоровья ее императорского величества»* становилось предметом разбирательства по ведомству Тайной канцелярии. Так, например, в 1732 г. лейтенант флота Алексей Арбузов на пиру у белозерского воеводы на свою беду под предлогом нездоровья уклонился от тоста и не выпил *«как российское обыкновение всегда у верных рабов имеется»*. Немедленно последовал соответствующий донос, а затем и следствие, установившее, что хотя моряк *«якобы де не пьет, а в других компаниях, как вино, так и пиво пил и пьян напивался»*, что и служило несомненным доказательством неблагонамеренности²⁴.

Составленные в 1737—1738 гг. списки секретарей и канцеляристов коллегий и других центральных учреждений с краткими служебными характеристиками десятков низших чиновников представляют своего рода коллективный портрет российского приказного, отнюдь не отличающийся привлекательностью.

Конечно, в рядах бюрократии среднего и высшего звена были и заслуженные, прошедшие огонь и воду военных кампаний и бесконечных командировок люди с похвальными отзывами, вроде *«служит с ревностю и в*

делах искусство имеет». Но чаще встречаются характеристики иного рода: «пишет весьма тихо и плохо», «в делах весьма неспособен, за что и наказан», «стар, слаб и пьяница», «в канцелярских делах знание и искусство имеет, токмо пьянствует, всегда от порученных ему дел отлучался и пьянствовал, от которого не воздержался, хотя ему и довольно времени к тому дано» и т.п. Эта болезнь являлась чем-то вроде профессионального недуга канцеляристов, с обычным «лечением» батогами.

Особо отличались неумеренностью «приказные» петербургской воеводской канцелярии — той самой, где только в одном 1737 г. за взятки и растраты пошли под суд 17 должностных лиц. Из данных служебных характеристик следует, что в пьянстве «упражнялись» 2 из 5 канцеляристов, 2 из 2 подканцеляристов и 13 из 17 копиистов; последние не только отлучались и пьянствовали, но еще и «писать мало умели». Даже начальник всей полиции империи вынужден был просить Кабинет министров прислать к нему в Главную полицмейстерскую канцелярию хотя бы 15 трезвых подьячих, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны»²⁵. Заканчивались такие упражнения порой трагически, как для писаря Шляхетского кадетского корпуса Максима Иванова: в 1747 г. загулявший чиновник «находился сего апреля с 13 по 22 числа в пьянстве, а с 22 по 29 число в меленхолии, в которой он, Иван, четыре раза убежав с квартиры и прибежав к реке Неве, хотел утопитца» и, в конце концов, был признан сумасшедшим и заточен в монастыре²⁶.

На какие же доходы могли пить и гулять чиновники? Только старшие из них, секретари и обер-секретари, получали более или менее приличные деньги (порядка 400—500 руб. в год, а наиболее заслуженные и больше), сопоставимые с доходами армейского полковника. Уровень оплаты труда рядового канцеляриста составлял от 70 до 120 руб. в год; а большинство из них — копиисты — получали от 90 до 15 руб., что сопоставимо с оплатой труда мастеровых, которым по причине ее недостаточности полагался еще натуральный паек²⁷. Источником дополнительных доходов становились относительно «безгрешные» акциденции (плата подьячему за составление челобитной-прошения, выдачу справки и т.д.), обычные

взятки и совсем уже «наглые» хищения или вымогательства денег при сборе налогов и сдаче рекрутов; все это было своеобразной компенсацией низкого социального статуса и убогого материального положения бюрократии.

В Петербурге середины XVIII столетия нередко можно было встретить не только нетрезвого канцеляриста, но и подгулявших министров, послов и даже ученых: адъюнкт Академии наук Михайло Ломоносов в 1742 г. *«напився пьян, приходил с крайнею наглостию и безчинством в ту полату, где профессора для конференций заседают; не поздравя никого и не скиня шляпы, а идучи около профессорского стола, ругаясь, поносил поносил профессора Винцгейма и прочих профессоров многими бранными словами»*. За безчинные в пьянстве поступки молодой ученый угодил под арест, но вскоре был прощен *«для ево довольного обучения»*²⁸.

Постоянный оппонент и критик Ломоносова — В.К. Тредиаковский считал возможным высмеять коллегу в публичной эпиграмме:

*«Хоть глотку пьяную закрыл, отвисши зоб,
Не возьмешь ли с собой ты бочку пива в гроб?
И так же счастлив мнишь в будущем быть веке,
Как здесь у многих ты в приязни и опеке?
Никак там твой покров и черт и сатана?
Один охотник сам до пива и вина.
Другой за то тебя поставит в аде паном,
Что крюком в ад влечет, а ты — большим стаканом»*.

А сам Ломоносов и его соратники по Академии наук без особого успеха пытались навести порядок в ее учебных заведениях, чьи питомцы воздержанностью не отличались. В 1748 г. начальство Академического университета поставило часовых и сторожей к общежитию, поскольку студенты вместо занятий *«гуляют и пьянствуют и в подозрительные дома ходят и от того опасные болезни приносят»*.

Нескольким поколениям русских студентов, изучавших в XVIII веке иностранный язык, в популярном учебнике предлагались для перевода следующие школьные разговоры о пользе пива:

«1-й студент: У меня от жажды уже в горле засохло.

2-й студент: Так ты его промочи... Такое питье подлинно молодым людям и тем, которые упражняются в науках: оно головы не утруждает».

Вероятно, порой и вправду не утруждало: веселая компания студентов Академического университета в 1747 г. повадилась устраивать пирушки прямо в обсерватории, за что начальство решило ее предводителя, гуляку-студента Федора Попова, *«о котором две резолюции были, чтоб оный от пьянства воздержался, однако в состояние не пришел; того ради отослать.., по прежней резолюции мая 1 числа для определения в солдаты в Военную коллегию»*²⁹.

Хлопоты доставляли и преподаватели. В 1761 г. Академия рассматривала вопрос о назначении студента Петра Степанова учителем арифметики в академическую гимназию и сочла возможным решить его положительно, с успокоительной резолюцией, что пьянство кандидата *«порок не природный, то может быть что исправится»*. При подобных воспитателях и ученики вели себя соответственно: в 1767 г. *«будущие Ломоносовы»* (по выражению самого ученого) подожгли гимназию. Не случайно московские студенты той эпохи принимали по вступлении в университет особую присягу, обязываясь *«жить тихо, благонравно и трезво, уклоняясь от пьянства, ссор и драк... паче же всего блюстись подозрительных знакомств и обществ, яко опаснейшей заразы благонравию..»*³⁰.

Ситуация и в просвещенные времена Екатерины II (1762—1796 гг.) менялась мало. *«Руководство учителям»* созданных по реформе 1782—1786 гг. народных училищ требовало от педагогов благочестия, воздержанности от пьянства, грубостей и *«обхождения с непотребными женщинами»*. Учеников запрещалось бить за *«худую память»* и *«природную неспособность»* (за остальное можно?) и ругать *«скотиной»* и *«ослиными ушами»*. Но судя по многочисленным мемуарным свидетельствам, школьные учителя именно так себя и вели.

Воспоминания учеников той поры рисуют не слишком благостный облик их воспитателей: *«Учителя все кой-какие бедняки и частью пьяницы, к которым кадеты не могли питать иного чувства, кроме презрения. В ученье не было никакой методы, старались долбить одну математику по Евклиду, а о словесности и о других изящных науках вообще не помышляли. Способ управления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них*

бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет», — вспоминал годы учебы в элитном Морском корпусе декабрист барон В.И. Штейнгейль. А вот портрет провинциального вологодского педагога: «Когда был пьян, тогда все перед ним трепетало. Тогда он обыкновенно, против чего-нибудь, становился перед ним, растарачив ноги, опершись кулаками об стол и выпучив глаза. Если ответ был удовлетворительным, он был спокоен; но если ученик запинался, тогда ругательства сыпались градом. "Чертова заслонка", "филин запечной", "кобылья рожа" и подобные фразы были делом обыкновенным. Дураком и канальей называл он в похвалу»³¹.

В 1814 г. министр народного просвещения граф А.К. Разумовский издал специальный циркуляр с признанием, что вверенные ему учителя *«обращаются в пьянстве так, что делаются неспособными к отправлению должности, за что должны быть уволены без аттестата, да сверх того еще распубликованы в ведомостях»*. Но и такая мера не всегда помогала: профессия учителя была в те времена отнюдь не престижной, и вчерашние семинаристы — учителя не имели возможности приобрести нужные знания и хорошие манеры.

В XVIII веке вино по-прежнему считалось целительным средством. Его выдавали солдатам и матросам в военных госпиталях. Тот же Посошков *«ради здравия телесного»* рекомендовал ежедневно принимать *«чарки по 3 или 4., а если веселия ради, то можно выпить и еще столько»*, т.е. 400—800 г 20-градусной водки, поскольку чарка XVIII в. примерно равна 120 г.

Алкоголь входил и в обязательный рацион животных царского зверинца. Доставленным из Ирана к петербургскому двору слонам после купания в Фонтанке полагался в 1741 г. завтрак с сеном, рисом, мукой, сахаром, виноградным вином и ежедневной порцией водки лучшего качества, поскольку простая оказалась *«ко удовольствию слона не удобна»*.

По мнению современников, вино даже способствовало творческому вдохновению: *«Многие преславные стихотворцы от пьяных напитков чувствовали действия, ибо помощью оных возбужив чувственные жилы, отменную в разуме своем приемлют бодрость»*. Для самих же стихотворцев подобное увлечение порой кончалось трагически. Пример тому — судьба драматурга, поэта и пер-

вого директора национального русского театра Александра Сумарокова. В 1757 г. он, еще в расцвете сил, откровенно жаловался курировавшему науку и искусства фавориту Елизаветы И.И. Шувалову на отсутствие у театра средств: *«Удивительно ли будет Вашему превосходительству, что я от моих горестей сопьюсь, когда люди и от радости спиваются?»*³² Так и случилось. Отставленный от главного дела своей жизни, рассорившийся с двором, московскими властями и даже с родными, он окончательно спился и умер в бедности, лишившись собственного дома, описанного за долги. Но свидетелей последних лет поэта удивляло, похоже, не столько бедственное положение, сколько его демонстративное презрение к условностям: обладатель генеральского чина женился на своей крепостной и ежедневно в белом халате и с анненской лентой через плечо ходил из своего московского дома в кабак через Кудринскую площадь.

Естественно, что такое «вдохновение» не особенно укрепляло общественную нравственность, и уже в 30-х гг. XVIII столетия в новой столице приходилось наводить порядок. *«Во многих вольных домах чинятся многие непорядки, а особливо многие вольнодумцы содержат непотребных женок и девок, что весьма противно христианскому закону...»* — сокрушенно констатировал очередной указ императрицы Анны. Что же касается практики питейной торговли, то она и в XVIII веке оставалась прежней. Правда, знаменитый механик Андрей Нартов изобрел первые автоматы для продажи спиртного на 1 и на 5 копеек, и такие «фонтаны» появились в кабаках. Но долго эти новшества не продержались: их портили сами же целовальники, поскольку техника препятствовала машинациям с обмером и недоливом³³.

К середине столетия в европеизированном Петербурге появились «герберги» — *«трактирные дома с квартирами и с постелями»*, где проживающие могли рассчитывать на великие удовольствия: *«кофий и чай, шokolат, билиард, табак, виноградные вина, французскую водку, заморский эль бир и полпиво лехкое»*. «Герберги» стали прообразом современных гостиниц со столом для приезжающих. От харчевен и «питейных домов» их отличала и категория посетителей: вход туда запрещался *«всем подлым и солдатству»*. В 1770 г. правительство решило узаконить существование новых общественных мест. Все герберги и трактиры были разбиты на 4 кате-

гории; вторая из них (предоставлявшая «стол без ночлега» с подачей «вейновой водки, виноградного вина, англинского пива, полпива легкого, кофе, чая, шеколада и курительного табака») и стала родоначальницей нынешнего ресторана³⁴.

В царствование Екатерины II новые заведения распространились быстро, и лучшие улицы обеих столиц стали украшать завлекательные вывески, отражавшие культурные связи России и победы ее оружия: «Город Париж», «Королевский дом», «Город Лондон», «Город Любек», «Отель де Вюртемберг», «Шведский» и «Таврический» трактиры.

Как правило, хозяевами трактиров становились предприимчивые иностранцы, хорошо знакомые с практикой такого рода у себя на родине. Французские трактирщики ввели в России и общий стол «table d'hote», когда за умеренную цену постояльцы могли получить в определенное время набор обеденных блюд. Впрочем, при проверке в 1790 г. оказалось, что под изящными названиями порой скрывались настоящие притоны с «ззорными женщинами», азартными играми и «пьянством беспредельным, оканчивающимся обыкновенно всегда ссорами и драками, к совершенному затруднению начальств». Владельцам таких заведений предписывалось не допускать крестьян, «господских людей, солдат и всякого звания развратных людей».

Конечно, увеличение количества трактиров, кухмистерских и т.д. отражало процесс развития городской публичной жизни: необходимы были пристанища для приезжих, места для общения и деловых встреч. Однако несомненно и то, что спиртное в XVIII—XIX веках стало ближе и доступнее потребителю. Даже в самом Кремле в XVIII столетии находились два кабака: «Неугасимая свеча» у Царь-пушки и «Каток» у Тайницких ворот. В старой столице громкую славу имели заведения-«фартинны», известные под названиями «Плющиха», «Разгуляй», «Агашка», «Татьянка», заходить в которые не всегда было безопасно³⁵. Но куда было идти, к примеру, «рабочному» с Ярославской мануфактуры Ивана Заграпезного после 16-часового рабочего дня с каторжным режимом подневольного труда, как не в ближайший кабак, где можно отвести душу и получить от бывалых людей совет: «Воли вам пошалить нет, бьют вас и держат в

колодках, лучше вам хозяина своего Затрапезного убить и фабрику его выжечь, от того была б вам воля»³⁶.

«Для пользы одного дворянства». Умножение кабаков было тесно связано с общей социальной политикой правителей послепетровской России, направленной на усиление крепостного гнета при расширении дворянских «вольностей», насколько это было возможно в рамках российской политической системы.

Указом 1728 г. впервые монопольное право на винокурение предоставлялось одним только помещикам, а из прочих сословий — лишь подрядчикам на казенные заказы³⁷. Правда, выполнен он не был: дворянские винокурни еще не могли в полной мере обеспечить растущие потребности кабацкой торговли. Однако наиболее дальновидные представители шляхетства уже понимали, какую огромную выгоду сулит им новый бизнес.

В царствование Елизаветы Петровны в Сенат был подан проект «О прибыли государственной казны от продажи хлебного вина». Его безымянный автор полагал нормой, если *«трезвый человек выпьет в один день четверть крушки простого вина, а водки осьмью часть крушки, а таких частей в ведре 32»*. Из таких расчетов выходило, что даже этот трезвый в год должен употребить не менее 11 ведер вина. Далее 11 ведер были умножены на примерную численность податных мужских «душ» (10 миллионов чел.) вышло 110 миллионов ведер; а если считать «с бабами» — то уже 220 миллионов! Правда, затем автор спохватился — вспомнил, что дети еще не пьют; но все же был уверен в наличии не менее «14 миллионов питухов», которые должны принести казне по крайней мере 38 миллионов руб. прибыли³⁸. Цифры для того времени назывались фантастические (весь бюджет насчитывал в те годы 12—14 миллионов руб.); но они показывают, что перспектива была оценена верно.

На практике именно в царствование Елизаветы в финансовой политике государства наметилось перенесение тяжести налогообложения с прямых налогов на косвенные. С подачи известного государственного деятеля той эпохи П.И. Шувалова в 1740—1750-х гг. несколько раз были повышены цены на вино. Тогда же, в середине века, параллельно с полным оформлением крепостного

права утвердилась и дворянская монополия на производство спиртного при исключительном праве казны на его продажу. В 1740 г. окончательно было запрещено винокурение церковным властям и монастырям. Указы 1754—1755 гг. предназначали этот вид доходов исключительно для дворян.

Всем недворянам-заводчикам предлагалось немедленно продать или сломать свои заведения. Дворяне же и классные чиновники по указу 1755 г., помимо поставок в казну, имели право выкуривать для себя определенное количество водки соответственно чину по Табели о рангах: *«первого класса тысяча, второго 800, третьего 600, четвертого 400, пятого 300, шестого 200, седьмого 150, осьмого 100, девятого 90, десятого 80, первого на десять 60, второго на десять 40, третьего на десять 35, четвертого на десять 30; и для курения того вина кубы и казаны клеймить в число вышеписанной препорции»*³⁹.

Окончательно новый порядок был закреплен в 1765 г., когда одновременно появились указ о передаче кабаков во всех регионах, кроме Сибири, на откуп с торгов на каждые 4 года и «Устав о винокурении». Этот документ впервые давал подробное обоснование государственной питейной монополии и деятельности ее агентов откупщиков.

«...13. Понеже питейная продажа есть издревле короне принадлежащая регалия, как то и Уложением 157 (1649. — *Авт.*) года неоспоримо доказывается, и сохранение оной есть тем большой важности, что тем избегаются всякие другие тягостные налоги; то обнадеживаем Мы будущих откупщиков, когда поверяемый им сей казенный торг исправно, честно и порядочно вести будут, Нашим Монаршим покровительством, повелевая питейную продажу именовать и почитать казенною, а откупщиков во время их откупу — коронными поверенными служителями, и дозволяя им для того носить шпаги.

14. Согласно тому, дозволяется им, как на отдаточных, так и на питейных домах поставить Наши гербы, яко на домах под Нашим защищением находящихся, и сего ради:

15. Как Камер-Коллегии и ее Конторе, так и всем Губернаторам и Воеводам именно повелеваем откупщиков, как поверенных и к собственному Нашему торгу допущенных, от всяких обид и притеснений крайне защи-

щать, и до помянутых домов никакое насилие не допускать, паче же особливо отдаточные дворы и магазины по требованию их достаточными караулами снабждать.

16. Откупщик и его поверенный во время своего откупа, кроме криминальных и вексельных дел, нигде судим быть не может, как только в Камер-Коллегии и ея Конторе, а в Губерниях у Губернатора.

17. Выше уже сказано, что питейная продажа есть издревле Короне принадлежащая регалия, и что питейные дома под Нашим гербом и защищением находиться будут. Но понеже от происшедших злоупотреблений, название кабака сделалось весьма подло и безчестно, хотя в самом деле безчестно токмо худое питья употребление, то повелеваем оные места не кабаками, но просто питейными домами отныне именовать. Об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем Государстве»⁴⁰.

Впрочем, не обошлось и без сопротивления. Купцы фиктивно продавали свои предприятия, оставаясь их хозяевами, или заводили их на имя компаньона-дворянина. Представители городских сословий в своих наказах в Комиссию для составления нового Уложения (1767—1768 гг.) почтительно, но настойчиво требовали сохранения за собой права владения винокуренными заводами — и иногда им это удавалось. С другой стороны, дворянский Сенат не менее настойчиво добивался от Екатерины II закрепления дворянской монополии на винокурение⁴¹.

В качестве компенсации «подлым» сословиям указ 1758 г. и «Устав» 1765 г. разрешали крестьянам и горожанам варить пиво и мед для семейных торжеств без обязательных прежде пошлин и разрешения («явки») местных властей но исключительно для себя, а не на продажу. На особом положении находились так называемые привилегированные губернии на Украине, в Новороссии и в только что присоединенных в ходе разделов Польши Белоруссии и Литве. Там помещики и свободное население (украинские казаки) сохранили традиционное право не только производить, но и торговать водкой. Дворяне ставили в своих владениях корчмы и шинки, а казаки имели привилегию торговать *«чарочною мерою в домах своих»*. Однако эти вольности не распространялись на казенные земли и города; категорически запрещалось и продавать такую частную продукцию в собственно великорусских губерниях на 150 верст от границы.

Питейная торговля стала настолько серьезной государственной проблемой, что в 1763 г. Екатерина II лично занималась ею и набрасывала проект будущего распределения откупов по губерниям. Установлению дворянской монополии немало способствовало вступление в чрезвычайно выгодный бизнес лиц из «первейших фамилий». В рядах водочных подрядчиков XVIII столетия мы находим крупнейших сановников: графов П.И. и А.П. Шуваловых и П.Г. Чернышева, князей И.Ю. и Н.Ю. Трубецких, генерал-аншефов С.Ф. Апраксина, П.С. Салтыкова и П.И. Румянцева, начальников Тайной канцелярии А.И. Ушакова и А.И. Шувалова, обер-прокурора Сената А.И. Глебова, сенатора и поэта Г.Р. Державина, а вслед за ними и других представителей шляхетства. Составленная в 1765 г. для Сената ведомость «винных поставщиков» включает 38 действительных тайных советников, генерал-фельдмаршалов и генерал-аншефов, а также чиновников рангом ниже, до подпоручиков и титулярных советников.

Во второй половине столетия аристократы уже не стеснялись заниматься не только подрядами, но и непосредственно откупными операциями, несмотря на высочайшее запрещение по указу 1789 г. Андрей Болотов рассказывал о ходивших по рукам *«едких сатирах и пасквилях»*, с карикатурами на откупщиков-Рюриковичей князей Ю.В. Долгорукова и С.С. Гагарина, изображенных в виде кабацких зазывал: *«Сюда, сюда, ребята! Вино дешевое, хорошее!»* Он же описывал, как *«бесчисленное множество корыстолюбивых дворян как богатых, самых знатных, а в том числе и самых средних... давно уже грызли зубы и губы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов, повсюду рубка (лесов. — Авт.) и воздвигание огромных винных заводов, повсюду кование медных и железных котлов с приборами; и медники едва успевали наделявать столько труб и казанов, сколько требовалось их во все места»*⁴².

Сдавая государству небольшое количество вина, владельцы заводов огромную часть его продавали по дешевке при отсутствии сколько-нибудь эффективного контроля со стороны властей. Свою — и немалую — долю имело и дворцовое царское хозяйство: на рынок работа-

ли в середине XVIII в. десять его заводов, один из которых (тамбовский) производил 130 000 ведер водки в год⁴³. Однако преимущественно владельцами винокуренных заводов оставались аристократия и дворяне «средней руки». Собственный хлеб и даровой труд крепостных гарантировали им низкую себестоимость продукции и ее выгодный сбыт казне. К тому же помещики, имея по закону право гнать водку для собственных нужд, при попустительстве местных властей продавали ее своим и чужим крестьянам; так что, даже по официальным данным, едва ли $1/10$ произведенной продукции шла в казну⁴⁴.

Представления благородного сословия о своих законных правах на собственную водку приводили к тому, что призванные в 1767 г. в Комиссию для составления нового свода законов дворянские депутаты Кадыевского уезда Костромской губернии в качестве первоочередных законодательных нужд государства просили отменить ограничения на провоз их домашнего вина в города, а то они *«принуждены бывают с питейных домов покупать водку и вино многим с противными и с непристойными специями и запахом»*.

Но дворян интересовал прежде всего сравнительно легкий способ получения дохода от винокурения в своих имениях. Практическую же организацию легальной откупной торговли брали на себя более приспособленные к такого рода деятельности купцы. Несмотря на известный риск, питейное дело давало многим из них возможность в короткий срок нажить огромные деньги. Так, уже упоминавшийся Савва Яковлев продавал ежегодно в обеих столицах, Москве и Петербурге, более 900 000 ведер водки, получая на каждом из них 330% прибыли.

Не оставалась внакладе и казна. В 1794 г. бывший фаворит Екатерины II и крупный вельможа П.В. Завадовский сообщал в письме своему приятелю, послу в Лондоне С.Р. Воронцову об очередных победах русской армии под Варшавой и небывалом успехе торгов по винному откупу: *«Все губернии разобраны. Сверх четырех рублей (стоимость ведра водки в конце XVIII в. — Авт.) наддача идет ежегодно за три миллиона Казна величайшую против прежнего прибыль получает...»*⁴⁵.

Энергию дворян-предпринимателей и откупщиков стимулировал и неуклонный рост цен на водку с 30-х гг. XVIII века. В 1742 г. ведро ее стоило 1 руб. 30 коп., в

1750 г. — уже 1 руб. 88 коп., в 1756 г. подорожало до 2 руб. 23 коп., в 1769 г. — до 3 руб., а в 1794 г. — до 4 руб., что лишь отчасти объяснялось параллельным повышением цен на хлеб. Растущие расходы на двор, фаворитов, административные преобразования и армию (в XVIII столетии Россия воевала 50 лет) делали питейное дело совершенно необходимым средством увеличения казенных поступлений. Именно из питейных доходов на протяжении всего столетия финансировался созданный Петром I российский военный флот; отсюда же, «из прибыльных кабацких денег», Сенат в 1754 г. изыскал средства на строительство задуманного Елизаветой и ее зодчим Б. Растрелли Зимнего дворца.

Уже при Петре I доход от продажи спиртного вышел на второе место в бюджете и составил примерно 1 370 тыс. рублей; к 1750 г. он достиг 2 666 900 рублей (здесь и далее приводится сумма валового, а не чистого дохода в серебряных рублях⁴⁶). Полная победа откупной системы при Екатерине II стала новым шагом по пути интенсивного наращивания питейного производства. Слава великих побед и грандиозных замыслов императрицы имела и свою оборотную сторону. В.О. Ключевский не случайно охарактеризовал это время как «систему нарядных фасадов с неопрытными задворками, следствием которой была полная порча нравов в высших классах, угнетение и разорение низших, общее ослабление России». За военными триумфами и территориальными приобретениями стояли помещичий произвол, безудержное казнокрадство, фаворитизм, «потемкинские деревни», 200 миллионов рублей государственного долга и падение курса только что введенных бумажных денег-ассигнаций.

Полицейский «Устав благочиния» 1782 г., провозглашал: «*Запрещается всем и каждому пьянство*» —, что находилось в вопиющем противоречии с практикой повсеместного распространения откупов под лозунгом... борьбы с кабаками. «Устав о вине» 1781 года объединил все прежние постановления о винной регалии. Отныне казна заготавливала все вино либо на собственных винокурных заводах, или посредством подрядов; откупщики обязаны были покупать от казны нужное количество вина для продажи. Преимущество при отдаче подряда предоставлялось заводам данной губернии, полагающим поставлять меньшее количество: в первую очередь от 50 до

100 ведер, потом от 100 до 1000 ведер и т.д. Если вина из своей губернии не хватало, то оно поступало с казенных заводов. В примечании к этой статье устава пояснялось: *«Казенная палата дает таковые преимущества или выгоды в подряде или поставке вина одним пред другими, поспешествуя хлебопашеству и скотоводству той губернии»*⁴⁷.

Оптовая продажа производилась из казенных складов, мелочная — только из казенных питейных домов, которым полагалось, *«по усмотрению казенной палаты, быть на вере или на откупу»*. Реально же господствовал откуп. По заведенному порядку через каждые четыре года правительство назначало торги, на которых все желающие могли соперничать за право торговать водкой. Победившие получали на очередной срок казенные кабаки города, уезда или даже целой губернии.

Откупщики не только получали почетные звания и носили шпаги. Они могли просить от казны деньги на строительство новых кабаков, судить своих служащих, содержать свои воинские команды и даже имели право обыскивать дома обывателей по подозрению в нелегальной торговле водкой. Они заводили собственные винокуренные предприятия, а с 1795 г. были освобождены от необходимости покупать вино из казенных «магазинов»; таким образом был устранен контроль государства за объемом и качеством поступающей в продажу водки⁴⁸. На рубеже XVIII—XIX столетий для предупреждения корчемства им дозволялось иметь на винокуренных и водочных заводах своих надзирателей и прибавлять число питейных домов, не увеличивая откупной суммы. Откупщики были вправе открывать переименованные в «питейные дома» кабаки в любом месте по своему усмотрению, кроме западных губерний, где до начала XIX века сохранялись привилегии местного немецкого и польско-литовского дворянства на винокурение и содержание корчем.

Что же касается российского шляхетства, то оно сумело сохранить винокурение как преимущественно дворянскую отрасль хозяйства вплоть до конца XIX столетия. Откупщики, в свою очередь, старались извлечь максимальную прибыль при покровительстве властей и использовали любую возможность, чтобы по случаю «умножения народа» открывать все новые и новые заведения. В 1785 г. в Москве по очередной «ревизии» на

220 000 человек населения приходилось 302 храма, один театр и 359 кабаков с 22 временными точками, так называемыми «выставками».

Такая поощрительная политика в области питейного дела при Екатерине II быстро дала результаты. К концу ее правления общий доход увеличился с 5 308 тыс. рублей в 1763 г. до 22 090 тыс. рублей в 1796 г. (соответственно чистый доход казны равнялся в 1763 г. — 4 400 тыс. руб., а в 1796 г. — около 15 млн. руб.) и составлял 30% государственного бюджета.

«Уймите раба Божьего от вина». Однако и в это время раздавались голоса людей, обеспокоенных опасными последствиями безудержной кабацкой торговли.

«Безмерное питье ничего доброго не приносит, но токмо ума порушение, здравия повреждение, пожитков лишение и безвременную смерть», — считал уже упоминавшийся публицист петровской эпохи Иван Посошков. Выступая против практики ввоза в Россию иноземных вин, он убеждал: *«Нам от заморских пятий, кроме тщеты и богатству нашему российскому препятия и здравию повреждения инога несть ничего».*

Ученый и государственный деятель Василий Никитич Татищев в завещании своему сыну счел нужным указать, что для государственной пользы необходимо отказаться, *«как и во всех европейских государствах»*, от спаивания народа казной: *«Где вино в вольной продаже есть, там всегда меньше пьяниц, беглых, воров и разбойников.., а кабак ни что иное как токмо общее всем подлым людям прибежище и пристойное знакомство: там один другого всяк по своему желанию всегда найдет, краденое разделить и продать, а достальное пропить или в карты и в кости проиграть — всему удобной случай»*⁵⁰.

В Петербурге в 1790 г. была издана книга «Водка в руках философа, врача и простолюдина». Ее автор, знаменитый естествоиспытатель Карл Линней, предупредил, вопреки распространенной в то время точке зрения о медицинской пользе алкоголя, что пьянству неизбежно сопутствуют различные болезни и *«злоупотребление сего напитка в нынешнее время больше истребило и истребляет людей, нежели моровое поветрие и самые жестокие и кровопролитные войны»*⁵¹.

Дошли до нас из народной среды и интересные документы иного рода — заговоры, на помощь которых полагались те, кто стремился избавиться от «винного запойства»: *«Солнышко ты привольное, взойди на мой двор, а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба Божьего от вина; месяц, отвори раба Божьего от вина; солнышко, умири раба Божьего от вина»*⁵². Широкое распространение в XVIII—XIX вв. получили народные лубочные картинки, осуждавшие пьянство: «Пьянственная страсть», «О пьянице, пропившемся в кружале», «О горе, злая жена пьяница» и т.п. Порой решалась протестовать и местная администрация, как это сделали в 1731 г. в Тобольске губернские власти, указывая на явный вред для самой казны от неограниченного распространения откупов на уральских заводах: *«...по вступлении в откуп кабаков Андрей Грек, екатеринбургский обыватель, кабаки поставил. И от всегдашнего пьянства мастеровые люди в совершенное безумие приходят и мастерства доброго лишаются»*⁵³.

А. Болотов с гневом и болью писал о *«плачевном и великом влиянии, какое имела повсеместная и дешевая продажа вина на нравственное состояние всего нашего подлаго народа, особливо деревенских жителей. Все они, прельщаясь дешевизною вина, и имея всегдашний повод к покупке онаго, по обстоятельству, что оно везде и везде продавалось, и не только за деньги, но и в долг, и под заклад платья, скотины и других вещей, вдалились в непомерное пьянство и не только пропивали на вине все свои деньги, но нередко весь хлеб и скотину и чрез то не только вконец разорялись, но повреждалось и нравственное их состояние до бесконечности. Они делались из постоянных и добрых людей негодьями и пропойцами, и из добрых хозяев мотами и расточителями, из прилежных и трудолюбивых поселян — ленивцами и тунеядцами, и из честных и праводушных — плутами, ворами и бездельниками...»*

Вероятно, почтенный мемуарист все же несколько преувеличивал. Деревенский пьяница — в XVIII веке явление еще сравнительно редкое, и бытописатели той поры видели только отдельные «плачевные примеры по некоторым деревням, где водится такое закоренелое обыкновение, что при сельских забавах и плясках парни подносят девкам стаканами горелку и считают себе

обидою, если оне не выпьют, понужая их опорожнить насильно. В таких деревнях не видно почти ни одного румянова и свежева лица; все бабы и взрослые девки бледны и желты, как мертвецы». Огульные обвинения русского народа в пьянстве отвергал и историк XVIII века И.Н. Болтин: сам будучи помещиком, он резонно указывал, что его крестьянам для пьянства «недостает времени, будучи заняты непрерывно работою едва не чрез целый год»⁵⁴.

«Пьянственная страсть» при этом угрожала не только социальным низам. От пришедших «в совершенное безумие» избавлялись теми же средствами, что и в прошедшем веке. Императрица Елизавета приказала запереть в Донском монастыре сына выдающегося петровского дипломата барона Исаия Петровича Шафирова: «он в непрерывном пьянстве будучи, отлуча от себя с поруганием жену и детей своих, в неслыханных и безумных шалостях обретается». Знаменитый канцлер А.П. Бестужев-Рюмин после бесплодных увещеваний вынужден был в 1766 г. просить Екатерину II о ссылке в монастырь «за великое пьянство» своего сына — генерал-лейтенанта и камергера двора.

Менее высокопоставленные подданные старались выражать свои мнения в традиционной форме анонимного «подметного письма». В 1732 г. к грозной императрице Анне Иоанновне попала жалоба на окупщиков и их подручных, усиленно принуждавших народ пить: «Наливают покалы великии и пьют смертно, а других, которые не пьют, тех заставляють сильно; и многие во пьянстве своем проговариваютца, и к тем празным словам приметьваютца приказные и протчия чины»⁵⁵. Безымянный автор этого сочинения хорошо знал, что в то время кабацкие возлияния нередко заканчивались для «питухов» серьезными неприятностями. Стоило поручику в заштатном гарнизоне обругать очередной приказ, возлагавший на него новые тяготы, или загулявшему посадскому в кабаке сравнить императорский портрет на серебряном рубле со своей подругой, как тут же находились «доброжелатели», готовые обличить беднягу в оскорблении титула и чести государя. Обычно такого рода дела, не представлявшие, с точки зрения многоопытных следователей, опасности, заканчивались для обвиняемых — особенно если те не запирались, а сразу каялись

в «безмерном пьянстве» — сравнительно легко: поркой и отправкой к прежнему месту жительства или службы.

В более либеральное царствование дочери Петра Великого Елизаветы находились и более смелые оппоненты откупных порядков. В 1751 г. скромный архивариус Мануфактур-коллегии Андрей Лякин осмелился публично в Сенате объявить и подать в страшную Тайную канцелярию свой проект «О избавлении российского народа от мучения и разорения в питейном сборе». Опытный чиновник с 40-летним стажем сожалел, что нельзя «*вовсе пьянственное питье яко государственной вред искоренить*, т.к. народ к нему заобыклый и *по воздуху природный и склонный*». Однако он полагал, что корчемство и злоупотребления откупщиков можно пресечь отказом от привилегий и переходом к свободному винокурению с уплатой полагающихся налогов по примеру соседней Украины, ибо «*где запрещение — там больше преступления*». Правда, автор достаточно трезво оценивал свои возможности, а также перспективы ограничения доходов «*многовотчинных господ*» и в случае высочайшего недовольствия был готов постричься в монахи⁵⁶. Следы этого проекта теряются в Сенате, куда дело было послано из Тайной канцелярии.

Но любые практические попытки воспрепятствовать расширению питейного промысла сразу же наталкивались на сопротивление откупщиков и стоявшего за их спиной казенного ведомства. Бессильным оказывался в таких случаях и авторитет церкви — тем более, что и в XVIII веке приходилось издавать грозные указы «*об удержании священнического и монашеского чина от пьянства и непотребного жития*», лишать духовных лиц сана и отсылать в «светские команды»⁵⁷. Начальство духовных учебных заведений назначало «честнейших учеников-фискалов» для слежки за своими товарищами, посещавшими питейные дома; с последних, а также с не отличавшихся трезвостью преподавателей брались специальные подписки о воздержании от спиртного.

Канонизированный впоследствии воронежский епископ Тихон Задонский тщетно пытался утверждать среди своей паствы соответствующие нормы поведения: запрещал мирские развлечения подчиненному духовенству (вплоть до ареста), смог убедить мирян воздерживаться от разгульных увеселений на масленицу и другие празд-

ники. При этом владыка использовал не только силу своей проповеди, но и административные меры в виде подписки обывателей о непосещении кабаков под угрозой наказания *«по силе священных правил и указов»*. Своим усердием Тихон создавал трудности для местных кабатчиков и богатого купечества, в результате чего вынужден был в 1768 г. удалиться на покой⁵⁸. Такая же судьба постигла и вологодского епископа Серапиона, который запрещал откупщикам строить новые кабаки в своих вотчинах и даже приказал не пускать в церкви и к исповеди откупщиков и их служащих.

Светские власти, помимо приведенной выше декларации о запрещении пьянства, ограничивались распоряжениями об отпращивании «заобычных» пьяниц (кто *«более времени в году пьян нежели трезв»*) в смиренный дом до исправления или приказывали не называть питейные дома «казенными»⁵⁹. Более или менее энергично велась только борьба с «корчемством», возложенная на учрежденную при Анне Иоанновне городскую полицию. Ей энергично содействовали сами откупщики: по условиям договора с казной («кондициям») они имели право даже обыскивать *«со всякой благопристойностию»* багаж приезжавших в город дворян. В Москве был даже построен специальный Камер-коллежский вал с заставами, который должен был помешать провозу в город «нелегальной» водки. Только в одном 1752 г. было арестовано 12 000 торговцев, и в ряде случаев «корчемные команды» откупщиков встречали вооруженное сопротивление не менее организованных конкурентов.

Однако ни поощрение донощиков половиной стоимости конфискованных «питей», ни назначение специальных «выемных голов», ни усилия самих откупщиков и их вооруженной стражи, ни огромные штрафы в 200—500 рублей и конфискации вотчин, *«дворов, животных и лавок и всяких торговых промыслов и заводов вечно, у кого что ни есть»*, не могли искоренить это явление, которое власти обнаруживали даже в полках лейб-гвардии. Многочисленные распоряжения такого рода (лишь при Екатерине II их было издано более 20) оказывались безуспешными, поскольку «корчемство» порождалось постоянно возрастающими ценами на казенное вино. К тому же конфискованные средства производства — «виноку-

ренные кубы» — сразу выставлялись для продажи и попадали в руки других будущих корчемников.

Прочие правительственные меры — запрещения торговать водкой и вином «в распой» и устраивать питейные дома на главных улицах, указы о *«недозволении пьяным вздорить по улицам»*, регламентация времени работы кабаков применялись от случая к случаю и весьма непоследовательно. Так, если в 1746 г. было предписано *«в Санкт-Петербурге по большим знатым улицам, кроме переулков, кабакам не быть»*, то уже в 1762 г. виноторговцы добились издания нового распоряжения *«о бытии в Санкт-Петербурге кабакам по-прежнему»*. Как правило, все подобные меры касались лишь частных и, по сути дела, ничем не ограничивали казенную монополию и даже укрепляли ее, когда правительство Елизаветы в 1755 г. приказало закрыть в столице «герберги» иностранных купцов-виноторговцев по просьбе их отечественных конкурентов — откупщиков-«компанейщиков». В лучшем случае нельзя было устраивать питейные заведения близ церквей и кладбищ или в домах, *«в коих помещены народные училища»*; хотя едва ли подобные распоряжения строго исполнялись на деле⁶⁰.

Пожалуй, только вспыльчивый император Павел I (1796—1801гг.), если верить рассказу Болотова, не терпел «винного духа» и был настолько возмущен пьянством в гвардии и наглым грабительством столичных кабатчиков, что временно запретил в столице продажу спиртного. Он же в 1800 г. потребовал: женщин, *«обращающихся в пьянстве, непотребстве и распутной жизни, какие есть и впредь оказываться будут в столицах, отныне отсылать прямо на Иркутские фабрики»*, куда и были отправлены несколько десятков изловленных полицией «работниц» столичных значных мест, преимущественно солдатских жен⁶¹. Впрочем, на состояние общественной нравственности и общий рост питейных доходов этот эпизод никакого влияния не оказал.

Вступая в новый век. Деятнадцатое столетие Россия встретила очередным расширением масштабов кабацкого дела с учетом классово-сословной дифференциации общества. В 1805 г. был открыт первый в России «ресторасьон» при «Отеле дю Норд» на Офицерской улице, *«где можно иметь хороший обеденный стол, карточные*

столы для позволенных игр, лучшие вина, мороженое и прохладительные напитки всякого рода; тут же можно иметь по заказу обеденный стол для 100 особ»⁶². Вслед за ним появились и другие подобные заведения «Бон гурмон», «Вилль де Бордо» и прочие.

Глядя на иноземных мастеров, учились привлекать публику и отечественные трактирщики: владелец трактира «Полуденный» объявлял, что в его заведении *«можно видеть лучших курских соловьев, которые поют днем и ночью»*, а также жаворонков и *«ученых синиц»*. Иные трактирщики стремились заманить посетителей вывесками типа: *«Горот Матрит расторацяя с нумерами для приезжающих и обеденным сталом»*. В 1808 г. открылся на Невском проспекте Трактир Палкина, владелец которого совмещал заморские кушанья с *«коренными русским блюдами»* — расстегаями, щами, стерлядью; тот же Палкин первым придумал *«постные заказные обеды»* для придерживавшихся традиций купцов. Вот как выглядел один из стандартных его обедов в 1844 г.: *«суп мипотаж натюрень, пироги демидовские коки, розбив с циндроном, соус фаже из ряпчиков тур тю шу, раки, телятина и на десерт пирожное "крем-бруле"»* общей стоимостью 1 руб. 43 коп. серебром.

«Положение о заведениях трактирного промысла» 1821 г. выделяло уже 5 категорий заведений такого рода: гостиницы, рестораны, кофейные дома, трактиры и харчевни. Все они открывались с разрешения городских властей, а их владельцы должны были уплачивать акцизный сбор. Рестораны считались уровнем выше прочих заведений: они работали дольше (до 24.⁰⁰), предполагали наличие иностранной кухни и вин; входить туда могли только лица *«в пристойной одежде и наружной благовидности»*; прислуга должна быть *«в приличном одеянии»*. Но вот доступ в ресторан женщин, а также музыка и пляски были запрещены, и запрет этот формально сохранялся до 1861 г. Следующее Положение 1835 г. расширяло круг владельцев: отныне открыть заведение разрешалось не только купцам и мещанам, но даже и крестьянам, но только при наличии *«свидетельства о беспорочности»*. Однако никто не мог владеть более чем одним заведением каждой категории. Был установлен и размер акцизного сбора: от 1 500 до 800 руб.⁶³

Развитие питейной отрасли экономики шло неуклонно, несмотря на то, что еще в 1805 г. рескрипт на имя министра финансов отмечал *«ощутительно вредные действия на нравственность и здоровье народные, происходящие от непомерного размножения кабаков и выставок»*. Но обозначившееся уже в конце XVIII века расстройство финансов и тяжелая полоса войн с наполеоновской Францией побуждали правительство изыскивать любые возможные способы увеличения доходов, не покушаясь при этом на основные привилегии дворянства.

Повышать прямые налоги было нельзя: при Екатерине платежные возможности податного населения были и так напряжены до предела. Оставалась более гибкая система косвенного обложения, где государство делило свои доходы с откупщиками. Поэтому в 1817 г. новый *«Устав о питейном сборе»* передал в большинстве губерний России заготовку и оптовую торговлю вином казне, параллельно с учреждением комитетов *«по сокращению питейных доходов и уничтожению народного пьянства»*. Но уже через 10 лет задуманная в духе *«дней Александровых прекрасного начала»* система казенной продажи вина показала свою несостоятельность.

В условиях российской действительности этот шаг привел, даже по официальным оценкам, к *«полному развращению администрации по питейному делу»* вследствие многочисленных злоупотреблений заинтересованных лиц: чиновников казенных палат и тех же откупщиков, лишившихся основной части своих доходов. Продавцы бессовестно манипулировали ценами и сортами вина, обмеряли покупателей и снижали предписанную крепость водки при полном попустительстве местного начальства.

Лишь в исключительных случаях сведения о злоупотреблениях доходили до высоких инстанций, и тогда делу давался ход. Так, только по прямому предписанию министра финансов Е.Ф. Канкрин пермскому губернатору началось следствие о злоупотреблениях местных чиновников во главе с самим надзирателем питейного сбора, требовавшим себе по рублю с каждого проданного в губернии ведра; при этом министр доверительно просил губернатора не привлекать к расследованию местную полицию. Прибывшие из Петербурга чиновники путем *«подсыла»* (контрольных закупок) и последующих показаний под присягой местных обывателей, мастеровых и солдат,

установила многочисленные факты нарушений. Но это нисколько не смутило надзирателя и его подчиненных, в свою очередь обвинивших проверявших в провокации и сборе показаний *«не заслуживающих доверия лиц»*, что к тому же вызвало народные волнения. В итоге дело завершилось полным поражением приезжих контролеров, которым их же начальство приказало вернуться⁶⁴.

Питейные доходы в последние годы царствования Александра I (1801—1825 гг.) неуклонно снижались⁶⁵. В начале нового правления тот же Канкрин, опытный и трезвый экономист, подал Николаю I (1825—1855 гг.) специальную записку с оценкой достоинств и недостатков всех известных способов продажи алкоголя, в которой признавалось, что никакими иными бюджетными источниками заменить ее невозможно, ибо *«ни один из них не может дать столько, сколько дает казне питейный доход»*. Канкрин полагал, что введение свободной продажи спиртного с уплатой акцизного налога было бы оптимальным шагом, но считал ее невозможной именно в условиях российского уровня культуры населения и повальной коррупции в среде чиновничества. К тому же допустить равенство возможностей в этой сфере предпринимательства было нежелательно, а послабления благородному сословию неизбежно вызвали бы недовольство. Собственно казенная продажа, по мнению Канкринина, себя безнадежно скомпрометировала и к тому же имела еще один принципиальный порок: в этом случае *«все злоупотребления по сей части обращаются непосредственно в упрек правительству»*. В итоге министр вынужден был признать преимущества откупной системы в надежде, что сравнительно небольшое количество питейных домов и несомненная дороговизна напитков будут способны *«уменьшить в массе пьянство»*⁶⁶.

Таким образом, потерпев поражение в деле увеличения казенного влияния на торговлю спиртным, российское правительство, можно сказать, махнуло рукой на последствия неограниченной откупной системы продажи водки. Во всяком случае, с 1827 г. мы не наблюдаем каких-либо ограничений на продажу крепких напитков откупщиками в казенных кабаках. Откупные поступления (вместе с другими питейными сборами) твердо вышли на первое место среди государственных доходов, требуя при этом минимальных расходов на сборы: побе-

дившие на торгах откупщики обычно вносили залог, а затем ежемесячно всю сумму откупного платежа. Государственный казначей Ф.А. Голубев указывал, что ни один налог *«не поступает в казну с такой определительностью, исправностью и удобностью, как откупной, который, повсюду поступая по известным числам каждый месяц, облегчает тем самым выполнение правительственных расходов»*⁶⁷. Неуклонное увеличение притока кабацких денег в казну было обеспечено:

1825 г.	19 554 600 руб.;
1850 г.	45 015 500 руб.;
1859 г.	80 137 700 руб.

Провал государственной монополии и восстановление в полном объеме откупной системы были вызваны неспособностью правительства контролировать местную администрацию при полном отсутствии возможности какого-либо общественного на нее воздействия. Сказалась и слабость казенной промышленности, в то время как мощное дворянское винокуренное производство сохраняло свои привилегии и его продукция нелегально, но успешно конкурировала с худшей по качеству казенной водкой.

Злоупотребления сделались настолько очевидными, что все публичные заявления — например, о необходимости регламентации порядка торговли — или обвинения в *«примеси в питье дурмана»* или в незаконном превышении квоты домашней выгонки оставались пустым звуком. Гораздо большей популярностью пользовались указы о разрешении изготавливать коньяки и ликеры *«на манер французских»*⁶⁸. Виновными в пьянстве объявлялись сами пьющие. В 1822 г. Александр I утвердил один из наиболее жестоких крепостнических указов своего царствования, по которому помещики получили право *«за пьянство и другие предерзостные поступки, причиняющие им беспокойство»*, ссылать своих крестьян в Сибирь.

Последующая отмена монополии вполне укладывалась в рамки нового правительственного курса на отказ от каких-либо реформ и быстро восстановила архаичную, но отлаженную систему откупной торговли. Она представляла немалые удобства отсутствием казенных расходов, а также тем обстоятельством, что отныне во всех злоупотребления по питейной части уже нельзя было упрекать правительство. Надо признать, что в иных случаях верховная власть была менее щепетиль-

ной; так, императорский кабинет, ведавший личным хозяйством самодержца, занимался выпуском игральные карт в России, и царь получал свою долю дохода от азартных игр.

С другой стороны, прямое или косвенное участие в откупках купцов из вчерашних крестьян или представителей благородного сословия при деловой хватке гарантировало верный доход. *«Оставленная за собою сотысячная поставка дала мне барыша более 75 коп. на ведро; и таким образом получил я с завода в первый год моего хозяйничания около ста тысяч дохода. Это значительно исправило положение моих финансов, которые были шибко потрясены покупкою имения, и дало мне возможность предпринять в хозяйстве разные нововведения и улучшения»*⁶⁹, — вспоминал о своем «откупном» прошлом известный общественный деятель пореформенной России А.И. Кошелев.

В дальнейшем питейное дело неуклонно набирало обороты. Росло количество заводов, а питейные доходы казны прочно заняли первое место среди прочих поступлений и к 1859 г. составили 80 137 700 руб., т.е. 38% бюджета⁷⁰. Российскому обывателю днем и ночью (торговать по ночам разрешалось распоряжением министра финансов 1838 г.⁷¹) в любом людном месте был гарантирован каба́к или раскинутый полотняный шатер в виде колокола, украшенный вверху елкой, где всегда можно было получить чарку водки; отсюда в народе и укоренилось выражение *«зайти под колокол»* или *«к Ивану Елкину»*.

Единственным из государственных деятелей той эпохи, принципиально выступавшим против откупной системы, был экономист адмирал Н.С. Мордвинов. В 1837 г. он подготовил для царя специальную записку об ограничении откупов и опыте работы уже получивших распространение в Европе и США обществ трезвости. Николай I записку прочитал и, по признанию самого Мордвинова, *«вполне признавая справедливость всего в оной изложенного, изволил, однако, отозваться, что приступить к мерам об искоренении пьянства в России весьма затруднительно...»*⁷² Император предпочел отступить без решения проблемы так же, как он поступил при обсуждении другого острейшего для страны вопроса: о судьбе крепостного права. Единственным «питейным» нов-

шеством в николаевскую эпоху оказался указ 1834 г. о разрешении продажи спиртного в закупоренной посуде (по желанию покупателя и за особую плату), что способствовало переходу к более цивилизованной магазинной торговле вином.

При этом кабацкое дело пользовалось неизменным покровительством официальных властей — как гражданских, так и военных. В 1846 г. части Кавказского воинского корпуса получили строгий приказ командования: потреблять только водку откупщика Тамашева с условием, чтобы *«непрерывно пили то количество оной, какое назначено по категориям, к которым войска причислены, и, если можно, более, но никак не менее»*⁷³. При прокладке железной дороги из Петербурга в Москву Министрство финансов распорядилось допустить питейную торговлю непосредственно в полосе строительства линии, несмотря на сопротивление технических руководителей. Их представления о вредных последствиях такого решения (*«Люди уходят во время самих работ и остаются там по несколько дней, буйствуя, заводя между собою и жителями драки до такой степени, что нередко привозили их прямо в лазареты в безнадежном положении...»*) оставались безо всяких последствий, а подрядчики рабочей силы не были внакладе: за прогулы они вычитали в землекопов по 50 коп. серебром за день⁷⁴.

Действовавшее законодательство продолжало традицию либерального отношения к пьянству.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. признавало опьянение отягчающим обстоятельством при совершении преступления в его 112 статье:

«За преступление, учиненное в пьянстве, когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление, определяется также высшая мера наказания за то преступление в законах положенного.»

Когда же, напротив, доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мера его наказания назначается по другим сопровождающим преступление обстоятельствам.»

Таким образом, обвинению предстояло доказывать, что *«виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление»*; а это было весьма мудрено. Другие статьи того же кодекса, даже по-

священные политическим преступлениям и «оскорблению величества» (в виде «дерзких оскорбительных слов» или уничтожения портретов), напротив, облегчали наказание, если виновный действовал «*по неразумию, невежеству или пьянству*».

Правда, одновременно — едва ли не впервые в отечественном законодательстве — осуждалось публичное появление в нетрезвом виде:

«Кто предаваясь пороку пьянства будет в публичных местах или многочисленных собраниях являться в безобразном, противном приличию или даже соблазнительном виде, или будет найден на улице или в другом общепубличном месте пьяным до беспамятства, тот за сие подвергается

— аресту в первый раз на время от одного до трех дней;

— во второй на время от трех до семи дней;

— а в третий раз на время от трех недель до трех месяцев»⁷⁵.

Для чинов полиции в духе типичной для николаевской эпохи регламентации была разработана инструкция с перечнем степеней опьянения для составления протоколов: «*бесчувственный, растерзанный и дикий, буйно пьяный, просто пьяный, веселый, почти трезвый, жаждущий опохмелиться...*»⁷⁶

При такой юридической базе любители хмельного чувствовали себя вполне вольготно. Лишь самые крайние обстоятельства могли заставить власти прийти на помощь их жертвам и то постольку, поскольку российское законодательство и практика предусматривали прямое вмешательство властей в личную жизнь обывателей. Это признавал и автор любопытного документа из городского архива Костромы:

«Любезная супруга Александра! За чинимые мною вам бесчеловечные побои и оказываемые в сожитии несоответственные не только что супружеству, но даже и самому человечеству наглые и бесчинные мои поступки, по принесенной вами словесной просьбе господам градскому голове Сергею Петровичу и частному представу... через команду сего последнего за таковые свои поступки и устранен я для безопасности и самой жизни вашей из дому вашего, каковое устранение почувствовал я сам не только что справедливым, но и не-

обходимым, признаю себя совершенно пред вами виновным и не заслуживающим даже по самому брачному союзу не только что иметь с вами сожитие, но и наименование мужа.

Ныне же по двадцатидневному моим с вами разлучении, совершенно почувствовав всю гнусность моих прежних неистовств, оставя и само рукоприкладство-вавшее меня к тому пьянство, изъявляю перед вами... совершенное извинение и раскаяние, и прошу принять меня в дом ваш с таковым уверением, что я не только что как прежде до сего какие-либо производить могу бесчинства и наглые поступки, а и еще того менее побои и тиранство, но напротив, буду себя вести соответственно обязанности супружеской, доставлять вам возможное пропитание и спокойствие. Остаюсь с сердечным расположением муж ваш Дмитрий Ш. 28 октября 1826 г.»⁷⁷

Оборотной стороной такого либерального подхода была массовая коррупция администрации, нередко находившейся на содержании у миллионеров-откупщиков и закрывавшей глаза на не менее массовые злоупотребления: продажу низкопробной «сивухи» по завышенным ценам, несмотря на то, что цены по условиям откупа назначались постоянными. Практиковались повсеместно обмер и обсчет покупателей (когда трехкопеечная чарка обходилась им в 5—6 копеек) и прямая фальсификация напитков, что было в итоге даже официально узаконено в виде разрешения откупщикам понижать установленную крепость вина.

«Водка на барский двор отпускалась в 40° и хорошо очищенная, которая называлась дворянская. По той же цене, 3—4 рубля за ведро, крестьянам отпускали в 15 и 20°, совершенно не очищенную, — сообщал современник об обычной практике кабацкой торговли середины прошлого века в Симбирской губернии, не скрывая при этом и прочих подвигов откупщиков и их стражи. — Усердие мелких исполнителей в пользу откупа простиралось до того, что они выливали квас на базарах у торговых, били корчаги, в которых крестьянки затирали брагу для свадеб, бросали и топтали в грязь хмель, набранный мужиками в лесах, и, наконец, запрещали даже растить солод для браги. Они требовали, чтобы никто не смел ставить брагу и квас ни для себя, ни для про-

дажи на базарах и ярмарках: "Иди пить пиво и брагу в кабаке, а больше нигде не смей"»¹⁷⁸

Произвол и размах откупной торговли вызывали тревогу у наиболее дальновидных деятелей тогдашней администрации. Отвечавший за состояние казенной деревни министр государственных имуществ П.Д. Киселев указывал, что ревизия его хозяйства 1836 г. выявила *«повсеместное распространение между крестьянами пьянства, с которым соединены разврат, картежная игра, бродяжничество, совершенное расстройство домохозяйства и нищета»*.

Однако робкие попытки навести элементарный порядок хотя бы в столице ни к чему не приводили. Служащие откупных учреждений просто отказывались повиноваться полицейским, которые, как правило, находились у них же на содержании. В случаях, когда злоупотребления откупной торговли были уж слишком явными, назначались губернские чиновники для расследования. Затем обычно жалобы на продавцов забирались обратно, а сами «сидельцы» объясняли их недовольством недобросовестных и неплатежеспособных покупателей. Ситуация в столице ничем не отличалась от провинции. Когда в 1850 г. специальная комиссия из чинов министерств финансов и внутренних дел все-таки начала расследование махинаций в Петербурге, то ее деятельность была прекращена *«по высочайшему повелению»*⁷⁹.

Но пороки откупной системы не ограничивались торговыми безобразиями и усиленным спаиванием населения. Откупщики имели право взимать плату с производителей традиционных напитков — меда и пива — и использовали эту возможность, чтобы разорить и вытеснить конкурентов и беспрепятственно торговать более дорогой, хотя и низкокачественной водкой. С помощью властей они устроили настоящий поход против православных братств Украины, сохранивших древние обычаи братчин и медоварения, обвиняя их в развращении нравов. Тут уж вмешался подольский епископ, вынужденный объяснить киевскому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову, что нравственность его прихожан от сохранения древних обычаев страдает гораздо меньше, чем кажется. В результате дело решилось уже в Синоде в пользу братств: им разрешили... не пить водку⁸⁰.

В итоге откупная система производства и продажи спиртного к концу своего существования сосредоточилась в руках небольшой группы дельцов. В этой компании рядом стояли купцы из вчерашних крестьян (в их числе отец знаменитого мецената С.И. Мамонтова), выбившиеся из нищеты в богачи еврейские торговцы, чиновники и представители аристократических семейств с наследственными титулами (князь Вяземский, Шиповы, бароны Корф и Фитингоф). Питейные дома империи были поделены между 146 откупщиками, обладавшими колоссальными состояниями; самый крупный из них, отставной поручик Д.Н. Бенардаки, уплатил на торгах в 1859 г. 19 млн. рублей. В распоряжении откупщиков состояла целая армия в 36 тысяч служащих, включая собственную «корчемную стражу», которая пресекала незаконное винокурение⁸¹.

Такая феодальная, по сути, привилегия фактически тормозила развитие самой отрасли: ведь откупщики имели право заключать договоры с избранными ими же поставщиками и запрещать производство спирта всем остальным, вплоть до опечатывания предприятий. Монополия не стимулировала производственного вложения полученных прибылей, возраставших год от года. По весьма приблизительным оценкам тогдашних экономистов, ежегодные доходы этой компании достигали сказочной суммы в 500—700 миллионов рублей⁸² (цена ведра водки, обходившегося им в 40—45 копеек, доходила в розничной продаже чарками до 12 рублей).

При этом на очередных торгах государство получало постоянную «наддачу» по сравнению с предыдущими. По отчетности самих откупщиков, на протяжении 1819—1859 гг. заготавливалось и продавалось одно и то же количество вина, что никак не могло соответствовать действительности. Собственные накладные расходы, борьба с конкурентами-«корчемниками», поголовные взятки чиновникам и полиции не могли покрываться только торговыми махинациями и простым обманом потребителей, заключавшемся обычно в том, что в продаже, как правило, отсутствовал дешевый кабацкий «полугар» по официальной цене в 3 руб. за ведро: его всегда продавали чуть сдобренным в 2—2,5 раза дороже под видом «улучшенного» или очищенного вина. На продаже такой «белой водки» по 5 руб. или «водки третьего сорта» по 7 руб.

за ведро основан был и расчет при наддаче на торгах. Откупщики прямо объясняли, что, продавая дешевое вино, им не собрать откупных сумм.

Извлечение огромных прибылей было невозможно и без массового производства и продажи миллионов ведер никак не объявленного продукта. Поэтому для XVIII—XIX столетий практически невозможно установить действительную норму потребления водки российскими подданными: приведенные в литературе цифры могут характеризовать лишь зафиксированную казенными документами долю спиртного. Подлинные же размеры кабацкой торговли к середине XIX века, по современным подсчетам некоторых исследователей, достигали 20% всего товарооборота на внутреннем рынке⁸³.

Последние откупные торги 1859 г. проходили уже в иную эпоху: поражение в Крымской войне и боязнь массовых крестьянских выступлений заставили правительство Александра II пойти на реформы, призванные модернизировать отсталую, крепостническую державу. Откупные безобразия и вызванные ими в нескольких губерниях волнения (о них речь пойдет в пятой главе) 1859 г. обратили внимание властей на архаичную систему питейных сборов — тем более, что и при таких, весьма выгодных, условиях хозяйничанья откупщики сумели задолжать государству с начала века около 15 миллионов руб.⁸⁴

В 1860 г. была учреждена специальная комиссия для рассмотрения проблемы. «Хозяева» откупа сопротивлялись отчаянно, даже предлагали правительству за сохранение прежних порядков построить 2 800 верст железных дорог. Но это предложение было отвергнуто, и вскоре последовала полная реформа кабацкого дела.

Примечания

1 ПСЗРИ. Т. 7. № 4870.

2 См.: *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 14.

3 См.: Костромская старина. 1897. Вып. 4. С. 29.

4 *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. 1788. Т. 2. С. 247.

5 Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 77.

6 Архив князя Куракина. М., 1890. Т. 1. С. 66; «О повреждении нравов в России» кн. М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1984. С. 114.

7 Дневник камер-юнкера Ф. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1. С. 118.

8 Петровский сборник, изданный «Русской стариной». СПб., 1872. С. 81.

9 См.: *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 192—195.

10 Дневник камер-юнкера Ф. Берхгольца. Ч. 1. С. 59—60.

11 *Вебер Х.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 7. С. 1423.

12 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // ЧОИДР. 1899. Кн. 2. Отд. III. С. 98.

13 См.: Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 399; *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 102.

14 Русский архив. 1909. Вып. 2. С. 173—174.

15 Российское законодательство X—XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 336.

16 См.: *Столянский П.* Зеленый змий в старом Петербурге // Наша старина. 1915. № 9. С. 832; Очерки истории Ленинграда. М.—Л., 1955. Т. 1. С. 78.

17 См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 151; ПСЗРИ. Т. 4. № 2074, 2202—2204, 2250.

18 *Вебер Х.* Указ. соч. С. 1140.

19 Законодательство Петра I. М., 1997. С. 645.

20 *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 135—136, 222.

21 См.: РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. № 12755. Л. 1—102.

22 *Лириа де Я.* Письма из России в Испанию // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 84.

23 Сборник РИО. Т.76. С.479.

24 См.: Арсеньев А.В. Старинные дела об оскорблении величества // Исторический вестник. 1881. № 3. С. 593.

25 РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 203. Л. 546—546об.; Сборник РИО. Т. 130. С. 535.

26 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 367. Ч. 9. Л. 1.

27 См.: *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 134—135, 143.

28 Цит. по: *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 13, 34.

29 *Ланге И.* Школьные разговоры. СПб., 1738. С. 27; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 9. С. 524.

30 См.: *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 24; Он же. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 43—44, 66; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. М., 1962. Т. 2. С. 302.

31 *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 89; *Селиванов В.В.* Сочинения. Владимир, 1901. Т. 1. С. 338; Автобиография Н.И. Иваницкого // *Шукинский сборник*. М., 1909. Вып. 8. С. 227.

32 Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 70.

33 См.: *Каменцева Е.И.* Меры жидкости в первой половине XVIII в. // *Археографический ежегодник за 1960 г.* М., 1962. С. 64.

34 См.: ПСЗРИ. Т. 19. № 13540.

35 См.: *Прыжов И.Г.* Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934. С. 198.

36 Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 10. М., 1993. С. 491.

37 См.: ПСЗРИ. Т. 8. № 5342.

38 РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1182. Л. 610.

39 Там же. Т. 11. № 8657.

40 Там же. Т. 17. № 12444.

41 См.: *Голицын Ю.П.* Отношение купечества к установлению дворянской монополии на винокурение в середине XVIII в. // *Российское купечество: от средневековья к новому времени*. М., 1993. С. 53—55.

42 Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 97; *Болотов А.Т.* Современник или записки для потомства. СПб., 1891. С. 21, 30.

43 См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII в. М., 1964. С. 248, 253.

44 См.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С. 266.

45 Архив кн. Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 140—141.

46 См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в I четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 669; *Осипов Н.О.* Казенная продажа вина. СПб., 1900. Приложение. С. 11.

47 ПСЗРИ. Т. 21. № 15131.

48 См.: *Фирсов Н.Н.* Русское законодательство о хлебном вине в XVIII в. Казань, 1892. С.16; *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 159—161.

49 См.: Москва в 1785 г. // Советские архивы. 1968. № 5. С. 63—65; *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 174.

50 *Татищев В.Н.* Духовная моему сыну. СПб., 1896. С. 25.

51 Водка в руках философа, врача и простолюдина. СПб., 1790. С. 35.

52 Цит. по: *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, праздники, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 343.

53 Цит. по: *Попов Н.А.* Административные преобразования Петра Великого и первая служба В.Н. Татищева // Русский вестник. 1861. № 4. С. 407.

54 Деревенское зеркало или общенародная книга. СПб., 1799, Ч. 2. С. 135—137; *Болтин И.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 375.

55 РГАДА. Ф.16. Оп.1. №183. Л.4-4об.

56 См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 1477. Л. 2—17.

57 См.: *Лотоцкий А.И.* На повороте // Русская старина. 1907. №1. С. 147—148.

58 См.: *Лебедев А.* Святитель Тихон Задонский. СПб., 1890. С. 62.

59 См.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1987. Т. 5.С. 377; ПСЗРИ. Т. 12. № 9350.

60 См.: *Столянский П.* Указ. соч. С. 837; ПСЗРИ. Т. 22. № 16443; Т. 12. № 9365.

61 См.: Записки очевидца... С. 274; *Соловьев Н.И.* Преследование проституток в царствование Павла I // Русская старина. 1916. № 2. С. 363—364.

62 См.: *Столянский П.* Указ. соч. С. 1152.

63 См.: ПСЗРИ. Т. 37. № 28538, 28586, 28854; ПСЗРИ. 2-я серия. Т. 10. № 7845.

64 См.: *Воеводин Л.Е.* Дело о злоупотреблениях по питейной части по городу Екатеринбург // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 14. С. 155—156.

65 См.: *Осипов Н.О.* Казенная продажа вина. СПб., 1900. С. 14.

66 См.: *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин. Его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897. С. 125—126.

67 Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. Т. 1. С. 110.

- 68 См.: *Пестов И.* Собрание законов об управлении питейными сборами в России. СПб., 1825. С. 37.
- 69 Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 77.
- 70 См.: *Осипов Н.О.* Указ. соч. С. 21.
- 71 См.: *Кокорев И.Т.* Очерки Москвы сороковых годов. М.—Л., 1932. С. 398—399.
- 72 Архив графа Мордвинова. СПб., 1903. Т. 8. С. 631.
- 73 Цит. по: Древняя и новая Россия. 1879. № 11. С. 415.
- 74 См.: *Каргин Д.* Рабочие на постройке Петербургско-Московской железной дороги // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 3. С. 122.
- 75 Российское законодательство X—XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 168, 190, 213, 222, 234.
- 76 Цит. по: *Ляшенко Л.М.* Царь-освободитель: Жизнь и деяния Александра II. М., 1994. С.27.
- 77 Цит. по: Костромская старина. 1897. Вып. 4. С. 278.
- 78 *Крылов Н.А.* Накануне великих реформ // Исторический вестник. 1903. № 9. С. 794.
- 79 См.: Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 1. С. 180.
- 80 См.: Древняя и новая Россия. 1879. № 11. С. 350.
- 81 См.: Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 62—63; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков. СПб., 1913. С. 10.
- 82 См.: Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков. С. 9.
- 83 См.: *Крисчен Д.* Забытая реформа: отмена винных откупов в России // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 133, 131.
- 84 См.: *Фридман М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 45.

Глава 3

АКЦИЗ И МОНОПОЛИЯ

Питейная свобода. — Утверждение «монопольки»

После меня все пошло прахом. Забыты заветы основателя реформы, широко раскрылись двери нового кабака Я говорю, я кричу об этом направо и налево, но все глухи кругом, и мне остается только закричать на всю Россию и на весь мир «караул».

С.Ю. Витте. Выступление на заседании Государственного совета, 1913 год

Питейная свобода. Новое «Положение о питейном сборе» 1861 г. навсегда отменило в России откупа. С 1 января 1863 г. все производство и продажа спиртного были освобождены от непосредственного государственного регулирования. Предприниматель-заводчик отныне должен был лишь выплачивать акцизный налог (4 копейки за 1^о конечной продукции, т.е. 4 рубля с ведра чистого спирта) и патентный сбор за право производства и оптовой продажи. Такой же сбор требовался с любого, кто открывал собственно питейное заведение — лавочку, погреб, трактир, магазин и т.п.

Одновременно реформа уничтожала сословно-феодалные привилегии в питейной сфере. Основать свое дело — завод, или кабак, или и то, и другое одновременно — мог любой желающий. «Положение о трактирных заведениях» 1861 г. разрешило неограниченное владение ресторанами и трактирами для всех категорий подданных при условии уплаты соответствующих сборов в местное акцизное управление. Посетителям теперь дозволялось в ресторанах курить и наслаждаться развлекательной программой: пением и «каскадными номерами» с танцами.

Отныне неотъемлемой частью городского пейзажа стали многочисленные и разнообразные предприятия об-

щественного питания. «Положение о трактирном промысле» 1893 г. называет в их числе *«трактиры, рестораны, харчевни и духаны, овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба, в которых подают закуски или кушания; столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, пароходных пристанях, станциях железных дорог»*. Открытие этих заведений находилось в ведении органов городского самоуправления — городских дум. Выдавала право на торговлю (патент) и определяла величину налогов с заведений особая *«раскладочная»* комиссия городской думы *«по степени дохода, размерам оборотов, роду и особенностям производимого промысла, по месту нахождения их в городе»*¹.

Заманчивая простота производства и высокая рентабельность быстро направили в эту, прежде закрытую, отрасль новые капиталы. Заводы со сравнительно примитивным оборудованием строились один за другим, и их продукция наперебой прельщала покупателей своей дешевизной и доступностью.

С другой стороны, практически не контролируемые государством торговцы (патент на открытие кабака стоил в то время очень мало), соблазняя потребителей дешевой водкой, активно развернули свою деятельность по городам и весям империи. *«Наступила горячая пора общего открытия кабаков. Заводские доверенные ездили, как угорелые, и искали хорошие места. И где только не находились эти места и где только не открывались кабаки!.. Все селения, не только торговые, но и самые глухие, не проезжие, пестрели кабацкими вывесками, все большие дороги — тоже. Открывались кабаки и в самых мизерных деревушках. Открывались на всяких дорожных перекрестках. Открывались на речных переездах, на пристанях. Открывались на мельницах, на рушках, на маслобойнях. Открывались среди господских усадеб. Открывались и в самых господских жилых домах. Устав о питейном сборе в то время представлял такую свободу для открытия кабаков, а стоимость патентов была такая небольшая, что можно думать, что первые составители устава как будто боялись, как бы эти злачные места не исчезли с лица родной земли»,* — вспоминал бывшие дни один из заводчиков, простодушно сообщая, что на первых порах дела

шли настолько блестяще, что вполне можно было действовать даже без каких-либо злоупотреблений².

Кабаки ставили рядом с монастырями, больницами, кладбищами, на перекрестках дорог. Только в Москве их число увеличилось с 218 в 1862 г. до 919 в 1863 г. Всего же по России количество питейных заведений всех уровней достигло в 1863 г. 265 369 по сравнению с 78 000 в дореформенное время³.

Таким запомнил типичный «питейный дом» пореформенной поры «с продажей питей распивочно и на вынос» секретарь комиссии Археологического общества по изучению старой Москвы Иван Степанович Беляев:

«Грязная, почти без мебели комната, вся в дыму от курения, с драгоценным... прилавком на видном месте, за которым пребывал для пьяниц самый приятнейший человек — целовальник, юркий ярославец или свой брат москвич. Наконец, на прилавке стоял деревянный бочонок с водкою, наливавшейся через кран, единственный, кажется, предмет в мире, от которого не отрывал глаз посетитель, как бы он пьян ни был. Для закуски на тарелках лежала кислая капуста, огурцы, кусочки черного хлеба.

Кабачные посетители входили, выходили, знакомились, спорили и сплошь и рядом дрались. В последнем случае у целовальников были всегда наготове постоянные пропойцы, дежурившие и день, и ночь в кабаке, которые тотчас же "помогали" подравшимся оставлять заведение, а за свое усердие получали одобрение и — не всегда — "стакан жизни". Если посетитель был человек надежный, целовальник с охотой отпускал питье в кредит, но делал то с большою осмотрительностью, видел своих посетителей насквозь, знал, кому можно поверить и кому нет. Для последних во многих кабаках висела надпись: "Сегодня на деньги, а завтра в долг".

Вот отец большого семейства, едва держась на ногах, отпихивает жену, старавшуюся вытащить его из притона, а он, собрав около себя публику, в клубах табачного дыма, горланит во всю ивановскую какую-то песню, поощряемый вниманием приятных собеседников. А бедная женщина умоляющим взором ищет сочувствия, говорит о своих детях, но ее мало слушают. Вот заботливая нянька посадила ребенка на прилавок, а сама увлеклась беседою с молодым разносчиком. Ребе-

нок тянется к ней. Вот пьющий запоем диакон в одной длинной белой рубашке прибежал и не отдавая денег просит водки. Целовальник медлит... Прибегают родные и уводят несчастного домой. Вот потерявшего почву под ногами бедняка-учителя на руках выносят из кабака, кладут на санки, а подросток-сын, горя стыдом, везет горькую ношу домой. Взыскующие берут водку с собою из питейного в мелких посудах (называвшихся "шкаликами" и "косушками"). С пьяными целовальник не церемонится: дает водку, разбавленную водой, и все сходит, все выпивается»⁴.

От искушения питейной торговлей не убереглось даже управление личного хозяйства царя — Кабинет его императорского величества. В селах Алтайского горного округа кабаки настолько бесцеремонно насаждались, вопреки требованию существовавшего законодательства о получении согласия сельских обществ, что даже местные власти вынуждены были отреагировать. В 1883 г. Томское губернское по крестьянским делам присутствие заявило по этому поводу протест и указало кабинетским чиновникам, что «такое извлечение дохода не соответствует высокому достоинству» представляемого ими учреждения⁵.

Стремительная либерализация питейного дела в России имела целый ряд весьма важных последствий. Во-первых, она совпала с эпохой промышленного переворота, который не обошел стороной и винокуренное производство. За 15 лет с начала реформы количество заводов сократилось почти в два раза: допотопные винокурни с дедовским оборудованием уступали место крупным предприятиям, способным насытить рынок и производить более качественный спирт. В 1894 г. в России было 2 097 винокуренных, 1 080 пивоваренных, 331 ректификационных заводов, 3 960 оптовых складов и, наконец, 129 961 заведений для «раздробительной торговли спиртными напитками»⁶.

Именно с этого времени появляются массовые сорта отечественных водок, которые приобретают привычную для современного потребителя крепость в 40—57°. Их изготавливали отечественные фирмы, специализировавшиеся на выделке водки: «Вдова М.А. Попова» (1863 г.), «Петр Смирнов» (1886 г.), «И.А. Смирнов» — брат и конкурент последнего, «А.Ф. Штриттер», «Бекман»,

«А.В. Долгов и Ко» и другие под разнообразными названиями: «Крымская», «Русское добро», «Королевская», «Пшеничная», «Полынная», «Анисовая», «Двойная горькая» и т.п.

Водочная продукция отличалась по своей рецептуре, технологии, имела «фирменные» бутылки и предназначалась для более цивилизованной магазинной торговли. Заводчики проявляли выдумку в оформлении тары: в магазинах Петербурга можно было купить бутылки в форме Эйфелевой башни, фигур медведя, русского мужика, негра; бюстов А.С. Пушкина, И.С. Тургенева; колонки с приделанным к ней термометром, вареного рака и пр.

С того же времени в России впервые разворачивается собственное виноделие. Известный железнодорожный магнат и промышленник П.И. Губонин выпускал в Гурзуфе лучшее в России церковное вино кагор. В соседней Алуште фирма чаеоторговцев «Токмаков и Молотков» изготавливала крымскую мадеру, портвейны, мускаты. В столице открылись фирменные магазины «Алушта» и «Ореанда», где продавались вина из крымских имений великого князя Константина Николаевича брата Александра II. Но все же основная виноторговля сосредотачивалась в руках иностранных фирм: Депре, Ангель, Фейк, Денкер, Шитт, Рауль, Фохт, Шеффер и Фосс и пр. Некоторые из них гордились званием поставщика двора, как Ф. Депре или К.О. Шитт.

В наибольшем ходу были мадера, портвейн, сотерн, токай, марсала и разного сорта красные вина, стоимость которых уже стала вполне доступной от 40 коп. до 1 руб. 50 коп. за бутылку. Торговый дом «Братья Елисеевы» одним из первых наладил оптовую торговлю в России иностранными винами, розлив и выдержка которых осуществлялись в подвалах фирмы на Васильевском острове в Петербурге. Один за другим открывались и пивоваренные заводы, среди них фирма Гамбриниуса (1861 г.), общества «Бавария» (1863 г.), завод «Новая Бавария» (1871 г.). В конце XIX в. в Петербурге наибольшей популярностью пользовались сорта «Бавария» и «Вальдшлесхен». Цена разных сортов пива колебалась от 6 до 25 коп. за бутылку.

Пиво и мед (бутылочный напиток из меда с водой, хмелем и пряностями) можно было выпить и в портерных. Портерные (пивные) лавки, появившиеся в середи-

не 1840-х гг. и первоначально предназначавшиеся для иностранцев, позже стали непременной принадлежностью окраин. В тогдашних пивных Петербурга можно было не только выпить, но и почитать прессу.

Портерная занимает обыкновенно одну или две комнаты. В первой комнате стойка буфетчика и столики со стульями; во второй — только столики и стулья. За буфетом — полки с папиросами, подносами и кружками. Столики либо просто деревянные, либо железные с мраморными досками. По стенам развешаны плохенькие картины и олеографии, премии от журналов «Нива», «Живописное обозрение», «Нева» и пр. На окнах — тюлевые занавески и иногда цветы. На одной из стенок приделана стойка для журналов и газет, которые по большей части прикрепляются к палкам. В числе газет и журналов больше всего встречаются: «Новое время», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Полицейские ведомости», «Нива», «Живописное обозрение», «Стрекоза», «Осколки», «Шут». Пиво подается или бутылками, или кружками, по желанию. В виде закуски можно получить: черные сухарики и небольшие кусочки сыра бесплатно, а за особую плату — вареных раков, яйца, колбасу, яблоки и апельсины. Кружка пива стоит от трех до пяти копеек, бутылка — от семи до десяти копеек, глядя по портерной, так как есть портерные очень простые и есть отделанные с роскошью, хотя и аляповатой: с расписными стенами и потолками, с резными буфетами, с позолотой и пр.»⁷

В Грузии одним из первых приступил к промышленному производству вина и коньяка Давид Захарьевич Сараджишвили — химик и философ, изучавший в 1878—1879 гг. виноделие во Франции. В 1888 году Сараджишвили открыл в Тифлисе свой первый коньячный завод, а затем построил заводы в Кизляре, Ереване, Калараше (близ Кишинева), Баку. Коньяки Сараджишвили были популярны по всей Российской империи и за рубежом. В 1888—1913 годах на всемирных выставках они завоевали 14 золотых и серебряных медалей. В 1913 году, уже после смерти Сараджишвили, его фирме было присвоено звание «Поставщик двора Его Императорского Величества».

Что же касается водки, то техническая революция имела не только положительные последствия. Распространение производства товарного спирта из картофеля

приводило к тому, что и в России заводчики, преимущественно западных губерний, перешли на более дешевое сырье, что стало причиной ухудшения качества водки. По авторитетному мнению В.В. Похлебкина, «если хлебный спирт может быть при помощи коагуляторов и фильтров совершенно освобожден от вредных примесей, то освободить от них картофельный спирт, особенно при промышленном производстве, практически невозможно. Даже научная химия, как подчеркивали неоднократно ученые, не в состоянии путем только лишь дистилляции отделить сивушные масла от картофельного спирта. Можно пытаться устранить или заглушить сивушный запах различными хитроумными приемами фальсификации, однако потребитель все равно распознает, хотя и с опозданием, по отвратительной тяжести в голове, с чем он имеет дело с настоящей хлебной или картофельной водкой»⁸.

По данным статистики того времени, на водку было *«народом издержано в 1863 году более чем на 300 миллионов против 1862 года»*. Даже официальные полицейские сводки отразили резкое увеличение смертей от отравления алкоголем⁹; ведь в пореформенной России один врач приходился на несколько тысяч человек, а один кабак — на 300—700 человек. Новые кабатчики, нередко сами вчерашние крестьяне, в погоне за прибылью очень быстро стали воспроизводить худшие традиции прежней откупной системы: обмер и обсчет «питухов», пересортицу, продажу в долг и под заклад имущества, добавление различных примесей.

Последнее обстоятельство при бесконтрольности рецептуры на частных заводах и практическом отсутствии медицинского контроля привело к небывалой ранее фальсификации спиртных напитков, предназначенных для массового потребителя в городе и деревне. Не соблюдали заводчики и рекомендованную в 1868 г. крепость водки в 40°.

С точки зрения экономической эффективности реформа себя как будто оправдала; во всяком случае, казенные поступления за период существования акцизной системы неуклонно росли:

1865 г.	126 700 000 рублей,
1894 г.	269 400 000 рублей,

устойчиво составляя при этом около $\frac{1}{3}$ государственного бюджета¹⁰.

В решении социально-экономических проблем, связанных с пьянством, мало что изменилось к лучшему, скорее наоборот. Один из заводчиков, пожелавший остаться неизвестным, цинично заявлял: *«Много мы положили труда в это дело, нелегко удалось приучить к пьянству и разорить их, но в конце концов труды наши окупались с лихвой»*¹¹. Успехи такого рода были настолько очевидными, что почти сразу за объявлением свободы винокурения пришлось принимать сдерживавшие лихих предпринимателей и кабатчиков меры. Вот только некоторые из них:

1864 г. — запрещение торговать спиртным в молочных и фруктовых лавочках;

1866 г. — запрещение винной торговли на время сырной и святой недели; назначение сидельца в трактир или лавку только с одобрения сельского общества;

1868 г. — для простого хлебного вина установлена обязательная крепость в 40°; запрещена торговля спиртным во время совершения литургии в церквах и в праздничные дни;

1873 г. — повышен патентный сбор на право открытия питейных заведений; запрещено открытие временных выставок на ярмарках и базарах;

1874 г. — кабатчики должны были получать разрешение сельских обществ на открытие кабаков;

1876 г. — такие же права контроля над питейным заведениями получили городские думы.

Семь раз повышались акцизные сборы (с 4 до 10 копеек за 1°). Указом 1878 г. были введены правила наклейки особых казенных бумажек-бандеролей на каждую выпущенную с водочного завода бутылку.

Однако все эти довольно робкие попытки никак уже не могли оградить общество от нараставшей алкоголизации. На них винокуры и кабатчики отвечали потоком *«разных отступлений, торговых обманов и безакцизных хищений»*. При попустительстве чиновников акцизного надзора хозяева обходили самые совершенные по тем временам контрольные «снаряды»-измерители и отпускали «летучие транспорты» с неучтенным спиртом. На винокуренных заводах служащим сверх оклада жалования назначалась твердая такса за каждое безакцизное ведро спирта: управляющему и винокуру по 15 коп.,

подвальному — 10 коп., на контору и разных служащих мелкого ранга — 10 коп.

В 80-е гг. уже выделились группы дельцов, хозяев крупных заводов, прочно поделивших страну на сферы влияния и полностью не хуже прежних откупщиков контролировавших на своей территории порядок торговли, качество и цену напитков. Виноторговцы устраивали съезды и устанавливали цены на вино. Они же скупали разрешительные свидетельства сельских обществ (крестьянские общины имели право разрешать и запрещать винную торговлю в своей черте) и закрепляли за собой монополию продажи вина. Их агенты-кабатчики, в свою очередь, легко добивались от крестьян согласия на устройство очередного трактира или лавки за ведро-другое и обещание дешевого кредита мужикам. Только царская семья воспользовалась своим преимуществом: в 1870—1873 гг. специальными распоряжениями Александр II запретил открывать питейные заведения близ собственных имений и владений своих братьев в Крыму и в Центральной России.

Так же действовали водочные «короли» и в городах, располагая городские управления в свою пользу путем внесения крупных сумм на благотворительные цели.

Фирмы вдовы Поповой или Петра Арсеньевича Смирнова были более на слуху; но помимо них, выдвигались и другие фигуры.

Одним из таких водочных магнатов стал Альфонс Фомич Поклевский-Козелл. Как и многие из дельцов той поры, начав свою карьеру чиновником, он разбогател в качестве владельца рудников, а затем с 1863 г. переключился на питейное производство. Через двадцать с лишним лет «Статистический обзор Пермской губернии» сообщал, что производство его фирмы *«может быть названо монопольным в питейной торговле, так как нет ни одного даже значительного поселка, не говоря уже о городах, селах, заводах и местечках, где бы ни было трактирных и других такого рода заведений, принадлежащих этой фамилии»*. Рекламная листовка фирмы для крупнейшей в Сибири Ирбитской ярмарки предлагала, помимо собственно водки (для своих «Анисовой» и «Горькой» владелец выпускал фирменные бутылки с узким горлышком): *«Продается собственных заводов пиво столовое и пильзенское, венское, баварское*

и народное, портер и фруктовые воды. Стоимость: венское пиво — 1 руб. 80 коп., баварское — 1 руб. 50 коп., русское — 1 руб. 10 коп. за ведро (20 бутылок) с доставкой на дом».

Заводы Поклевского-Козелла ежегодно выпускали 450 тысяч ведер спирта и 260 тысяч ведер пива. Кроме того, промышленник занимался производством стекла, дрожжей, владел чугунолитейными заводами и золотыми приисками и стал прототипом героев романов Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» и «Хлеб». Он финансировал строительство железных дорог и был щедрым благотворителем. Его некролог 1890 г. сообщал: *«Скончался он владельцем большого состояния, взысканный милостями правительства, наградившего покойного чином действительного статского советника и орденами, отцом большого семейства, счастливый, с верой в то, что полезная деятельность его продлится в крае на будущее время».* Но про этого же водочного короля Урала артисты Екатеринбургского театра распевали куплеты в сезон 1884/85 гг.:

«Вино в губерниях курил
И из любви к родной отчизне
Крестьян он водкою споил...»¹²

В 1885 г появились новые «Правила о раздробительной продаже напитков», предписывавшие ликвидировать обычные распивочные и «забегаловки» и торговать спиртным лишь в заведениях трактирного типа с непременною подачей закусок и горячих блюд. Вместо старого «питейного дома» были установлены два новых вида «выносных» заведений: ведерные и винные лавки, обложенные незначительным по сравнению с распивочными заведениями патентным сбором; с трактиров же патентный сбор был значительно увеличен.

У городских властей и сельских обществ, слишком подверженных соблазнам налоговых поступлений от кабаков, было отнято право разрешать мелкую торговлю. Оно передавалось особым органам — губернским и уездным по питейным делам присутствиям. В селах же одна винная лавка должна была приходиться не менее чем на 500 человек населения, закрываться по воскресеньям и праздникам до завершения церковной службы. Впервые законодатели попытались внедрить, хотя бы только в

столицах, более прогрессивную торговлю в закупоренной посуде.

Но запрещенные заведения тут же воскресали вновь под новыми названиями; на закуску посетителям, чтоб не нарушать правил, предлагали ломоть хлеба, ржавую селедку или печеное яйцо¹³.

Однако неудача частичных ограничений питейной свободы подсказывала ббольшую продуктивность всеобщей государственной монополии на спиртное, голоса в пользу которой стали раздаваться с начала 80-х гг. Кроме того, именно казенная промышленность поставляла наиболее качественную продукцию: там уже с 1880 г. была введена горячая очистка винного спирта — ректификация.

В 1884 г. был создан специальный Технический комитет для контроля за производством и качеством водки. В работе комитета вместе с другими видными учеными-химиками (М.Г. Кучеровым, Д.П. Коноваловым, А.А. Вериго) принимал деятельное участие Д.И. Менделеев. В результате его исследований качеств водно-спиртовых смесей был найден точный весовой расчет получения идеальной по своим качествам 40-градусной водочной смеси. Она и была запатентована в 1894 г. российским правительством как русский национальный напиток из хлебного спирта «Московская особая», носящая с тех пор официальное название «водка» (в прежние времена «вино», «хлебное вино», «полугар», «пенник» и т.д.)¹⁴.

Утверждение «монопольки». К 1887 г. в Министерстве финансов России был уже готов проект введения государственной монополии, но пришлось ждать еще несколько лет, пока энергичный министр С.Ю. Витте не добился ее утверждения (видимо, по этой причине благодарные потомки с курского ликеро-водочного завода выпустили к 100-летию юбилею реформы новый сорт водки «Граф Витте»). *«Никакие меры в прежнем направлении, — выступал он на заседании Государственного Совета, — не могут привести к упорядочению питейного дела, ибо дело это, как оно ныне поставлено, содержит в себе непримиримые противоречия. Свобода кабацкого промысла несовместима с значением в государственном и народном хозяйстве вина, составляющего предмет сего промысла. Интересы фиска и народного*

здравия требуют правильного развития потребления вина и уничтожения злоупотреблений в потреблении этого продукта. Но свободный промысел, в лице каба- чика, очевидно не может в какой бы то ни было степе- ни удовлетворить этому последнему условию. Каба- чики заинтересованы только в том, чтобы в данное время народ выпил возможно больше, и не только с той целью, чтобы таким образом продать в данный момент большее количество вина, но в особенности для того, чтобы обезумленное и надорванное население превра- тить в своих рабов».

Сопrotивление было отчаянным. Сам Витте в послед- ствии писал в воспоминаниях, что его противники «нашли себе пути к великому князю, весьма благород- нейшему, почтеннейшему, но далекому от всяких жи- тейских дел, ныне покойному Владимиру Александрови- чу, дяде императора. Великого князя уверили, что в тот день, когда я введу монополию в Петербурге, про- изойдут в городе волнения, которые могут иметь кро- вавые последствия. В течение всего моего управления питейная монополия по завету покойного императора Александра III имела главным образом в виду возмож- ное уменьшение пьянства»¹⁵. Все же министр финансов, имевший за спиной поддержку самого императора, сумел провести реформу в жизнь.

По новому «Положению о казенной продаже питей» сохранялись как государственные, так и частные виноку- ренные заводы. Открытие новых предприятий отрасли или увеличение размеров винокурения на старых заводах могло происходить только с разрешения министра фи- нансов, по соглашению с министрами земледелия и госу- дарственных имуществ.

Примерно $\frac{2}{3}$ годовой потребности спирта для казен- ной торговли приобреталось по разверстке между вино- куренными заводчиками по установленной министерст- вом финансов цене; оно же определяло условия поставки спирта и расчета с поставщиками. Остальной спирт при- обретался с торгов. Продукция заводов обязательно про- ходила очистку (ректификацию) и поступала в казенные хранилища. Торговля водкой становилась теперь исклю- чительным правом казны, которая принимала на реали- зацию также пиво и иностранные вина на комиссионных началах. Туда же поступала продукция и сохранившихся

частных водочных фирм, опять-таки приготовленная из казенного спирта. Из «мест казенной продажи» водка поступала как к крупным оптовым покупателям (ресторанам, магазинам, трактирам), так и непосредственно потребителям в 29,5 тысяч казенных винных лавок¹⁶.

Воспоминания старых петербуржцев сохранили облик такой городской винной лавки-монополюшки начала XX века:

«Специальные казенные винные лавки — "казенки" помещались на тихих улицах, вдали от церквей и учебных заведений. Так того требовали полицейские правила. Эти лавки имели вид непритязательный, обычно в первом этаже частного дома. Над дверью небольшая вывеска зеленого цвета с государственным гербом: двуглавым орлом и надписью "Казенная винная лавка". Внутри лавки — перегородка почти до потолка, по грудь деревянная, а выше проволочная сетка и два окошечка. Два сорта водки — с белой и красной головкой. Бутылка водки высшего сорта с "белой головкой", очищенная, стоила 60 копеек, с "красной головкой" — 40. Продавались бутылки емкостью четверть ведра — "четверти", в плетеной щепной корзине. Полбутылки называлась "сороковка", т.е. сороковая часть ведра, сотая часть ведра — "сотка", двухсотая — "мерзавчик". С посудой он стоил шесть копеек: 4 копейки водка и 2 копейки посуда.

В лавках "сидельцами" назначались вдовы мелких чиновников, офицеров. "Сиделец" принимал деньги и продавал почтовые и гербовые марки, гербовую бумагу, игральные карты. Вино подавал в другом окошечке здоровенный "дядька", который мог утихомирить любого буяна. В лавке было тихо, зато рядом на улице царило оживление: стояли подводы, около них извозчики, любители выпить. Купив посудинку с красной головкой — подешевле, они тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих баб горячую картошку, огурец. В крепкие морозы оживление о казенок было значительно большее. Колоритными фигурами были бабы в толстых юбках, сидящие на чугунах с горячей картошкой, заменяя собою термос и одновременно греясь в трескучий мороз. Поли-

цейские разгоняли эту компанию от винных лавок, но особенного рвения не проявляли, так как получали угощение от завсегдатаев "казенки"»¹⁷.

Вокруг таких заведений с 7 утра до 10 вечера собирались любители выпить. В самой лавке распивать водку и продавать ее пьяным было категорически запрещено. Поэтому большинство покупателей, купив бутылочку в $\frac{1}{10}$ ведра, распивали водку тут же на улице и возвращали опорожненную посуду. Получив за нее деньги, покупали в соседней лавочке булку и, наскоро закусив, шли дальше.

При каких-либо нарушениях спокойствия лавочный «сиделец» вынимал свисток и вызывал городского для наведения порядка¹⁸, определявшегося специальными правилами, которые каждый сиделец винной лавки должен был наизусть (!) по требованию проверяющего рассказать:

«Вино и спирт должны отпускаться только на вынос и только в казенной посуде, опечатанной красной печатью. Торговля питиями в будние дни должна производиться с 7 часов утра до 10 вечера, а в субботные и предпраздничные дни до 6 часов вечера. В Пяток Страстной недели, в первый день Пасхи и в первый день Рождества торговля не производится. В винных лавках должна соблюдаться чистота и опрятность. В лавках должны находиться икона, часы и настоящие правила. Запрещается вывешивать на стенах всякого рода картины и портреты. Продавец должен обращаться с покупателями вежливо, отпуская требуемые пития без задержки, в случае причитающейся сдачи денег производить таковую с точностью до полукопейки, не удерживая в свою пользу доли копейки и не отговариваясь недостатком разменной монеты. Покупатели обязаны при входе в казенную винную лавку снимать шапку, не раскупоривать посуды с вином, не распивать вина, не курить и оставаться в лавке не более того времени, сколько нужно для покупки питий».

Реформа Витте впервые ввела в России более современный вид торговли спиртным: не «в распой», а в запечатанной посуде, притом, также впервые, обязательно снабжаемой специальной этикеткой с указанием крепости водки и ее цены.

Эти меры в сочетании с новой технологией производства, разработанной Д.И. Менделеевым и его коллегами, позволили гарантировать потребителю определенное — и довольно высокое — качество водки, недостижимое при системе прежней кабацкой торговли. Пожалуй, в этом и заключалось главное преимущество государственной монополии по сравнению с откупной и акцизной системами.

В масштабах страны была успешно решена и «бутылочная» проблема. До 1885 г. в бутылках продавались преимущественно импортные и фирменные вина, и попытки прекратить розничную торговлю водкой в разлив наталкивались на отсутствие в стране развитой стекольной промышленности; а в 1911 г. из 90 млн. ведер реализованной водки 74 млн. уже были проданы в мелкой посуде. В сентябре 1901 г. сам инициатор реформы Витте инспектировал новые заведения в Москве и на свой вопрос к посетителям, хорошо ли казенное вино, по сообщениям прессы, неизменно получал утвердительный ответ: «Скучно, и голова не болит с похмелья!»¹⁹

Напоминаем о принятых в старой России мерах объема (и продажи) напитков:

— бочка	491,96 л;
— ведро	12,299 л;
— штоф (кружка)	1,2299 л;
— четверть	3,0748 л;
— винная бутылка	0,7687 л;
— водочная или пивная бутылка	0,615 л;
— чарка	122, 99 мл;
— шкалик («мерзавчик»)	61,5 мл.

В отличие от предыдущих (да и многих последующих) реформ питейного дела, государственная монополия была заранее спланирована и без потрясений, постепенно, по мере подготовки и накопления опыта, распространялась по территории страны. В 1895 г. на новую систему продажи спиртного перешли лишь 4 губернии (Пермская, Уфимская, Оренбургская и Самарская), и только в 1904 г. она была распространена на Восточную Сибирь. Вне рамок монополии остались такие специфические районы, как Закавказье с его винодельческими традициями, Средняя Азия, а также Крайний Север Сибири, Приморский край и Камчатка, где наладить систе-

матическую казенную торговлю было невозможно, и ее оставили в частных руках.

Строже стал и надзор же за новыми «сидельцами»: в 1895 г. в Пермской губернии пришлось уволить всех 400 продавцов, перешедших в казенную торговлю из старых дореформенных заведений с их обычной практикой обмана покупателей, принятия вещей под залог и т.п.²⁰ При этом сама должность лавочного «сидельца» стала более престижной и неплохо оплачиваемой: в лавке II разряда продавец получал 40 руб. в месяц (сумма, равная зарплате высококвалифицированного рабочего) и еще отдельно средства на освещение и отопление.

Несомненно удачной реформа оказалась и в области бюджетных поступлений: плохо контролируемые и часто незаконные доходы виноторговцев теперь шли в казну, составляя самую крупную статью — около половины всех косвенных налогов и 27—30% всех бюджетных поступлений России²¹. С 1894 г. по 1913 г. они увеличились с 260 до 899 миллионов рублей; правда, при этом надо учитывать и рост населения, и постоянно возраставшие цены: при Николае II они повышались трижды: в 1900, 1905 и 1908 гг.

Годы	Цены за ведро	
	Обыкновенное вино	Столовое вино
до 1 ноября 1900 г.	6 руб. 40 коп. — 9 руб.	10 — 12 руб.
с 1 ноября 1900 г. по 1 января 1905 г.	7 руб. 60 коп.	10 руб.
с 1 января 1905 г. по 1 октября 1908 г.	8 руб.	11 руб.
1 октября 1908 г.	10 руб. 40 коп.	12 руб. 28 коп.

При этом прожиточный минимум в городе составлял на рубеже XIX—XX веков 21 рубль в месяц, а зарплата квалифицированного рабочего — 30—40 рублей.

Но вместе с тем реформа имела и еще одну цель: способствовать ограничению пьянства. Во всяком случае,

параллельно с внедрением казенной торговли водкой создавались официальные губернские и уездные Попечительства о народной трезвости. Их задачей объявлялось *«распространение среди населения здравого понятия о вреде неумеренного употребления крепких напитков, а также изыскание средств предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений»*²². О деятельности этих учреждений речь еще пойдет ниже; пока что можно лишь отметить, что это была первая — хотя, как показало время, не слишком удачная попытка со стороны государственной власти поставить дело антиалкогольной пропаганды на систематическую основу.

В целом, несмотря на определенные издержки, введение государственной монополии на водку было сочувственно встречено в обществе; социологические опросы начала века давали примерно 80% одобрительных ответов²³.

Но одновременно появились и критические отзывы. Современников беспокоило массовое уличное пьянство, до поры скрывавшееся в трактирах, о чем стали писать газеты: *«До введения винной монополии и не знали, что в этом городе существует такая масса пьяниц и золоторотцев. Очень просто; сидели они по излюбленным трактирам, но на улице редко показывались. Город наш отличался всегда замечательным спокойствием. Теперь же, куда ни поглядишь, везде пьяные или выпивающие, нередко целыми компаниями, с гвоздем в руках вместо штопора, располагаются чуть не посредине улицы, горланят непристойные песни и т.п. В базарные и праздничные дни почти все скамейки, поставленные около обывательских домов, в особенности находящихся вблизи винных лавочек, буквально заняты пьяными и выпивающими. Да и где же выпить приезжающим на базар крестьянам, а тем паче бесприютному люду»*²⁴.

В итоге исследователи винной монополии за двадцать лет ее существования затруднялись дать ее результатам однозначную оценку и признавали как ее успехи, так и несомненное увеличение потребления водки населением²⁵. Однако статистические выкладки (по разной методике) показывали, что Россия в начале XX столетия была далеко не самой пьющей страной, занимая по потреблению алкоголя на душу населения 8-е или даже

11-е место в мире и сильно уступая в этом отношении, например, Франции или Германии. Вместе с тем, как раз на рубеже веков россияне стали пить гораздо больше: с 36 до 68 миллионов ведер в 1900—1903 гг.; да и впоследствии уровень душевого потребления постоянно возрастал и составил в 1913 г. 4,7 л чистого алкоголя²⁶.

Именно в это время пьянство осознается обществом как общенациональная проблема, широко обсуждаемая и в печати, и в Государственной думе. Тогда был накоплен весьма важный и положительный, и отрицательный опыт антиалкогольного движения, который, к сожалению, не учитывался инициаторами позднейших трезвенных кампаний конца 20-х гг. и 1985—1987 гг.

Тогда же была начата и серьезная научная работа по исследованию специфики «русского пьянства», т.е. отечественных представлений и норм потребления спиртного с целью выработки соответствующих практических рекомендаций.

Примечания

1 Положение о трактирном промысле 1893 г. М., 1893. С. 3, 7.

2 См.: *Березин П.В.* На службе злему делу. М., 1900. С. 12—13.

3 См.: *Прыжов И.Г.* Очерки, статьи, письма. С. 214; *Фридман М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 87.

4 *Беляев И.* Обзорение Москвы. Внешний вид столицы // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 419.

5 См.: *Якимова И.А.* Борьба крестьянских общин на Алтае против открытия питейных заведений во второй половине XIX в. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 69.

6 *Осипов Н.О.* Казенная продажа вина. СПб., 1900. С. 17.

7 *Светлов С.Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия. СПб., 1998. С. 29.

8 *Похлебкин В.В.* Русская водка // Чарка. 1993. № 2. С. 4.

9 См.: *Прыжов И.Г.* История кабаков... С. 265, 269.

10 См.: *Фридман М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 64.

11 Цит. по: *Березин П.В.* Указ. соч. С. 142.

12 См.: *Бирюков Е.* Питейные короли Урала // Былое. 1996. № 1—2. С. 12; *Курочкин Ю.* Крамольные куплеты // Урал. 1979. № 2. С. 121.

13 См.: *Брандт Б.Ф.* Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897. С. 111—112; *Фридман М.И.* Указ. соч. Т.2. С.84-85.

14 См.: *Похлебкин В.В.* История водки. С. 215—217.

15 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 83

16 См.: *Фридман М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 182—183; *Соколов С.И.* Казенная продажа питей (законоположения и правительственные распоряжения по казенной продаже питей). СПб., 1898. С. 6.

17 *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов: записки очевидцев. Л., 1991. С. 100.

18 См.: *Алексеева Н.* Из записной книжки сиделицы // Наблюдатель. 1899. № 2. С. 351—354.

19 См.: Россия. 1901. 5 сентября.

20 См.: Борьба с пьянством и питейная монополия // Русский вестник. 1898. № 10. С. 383.

21 См.: *Канель В.Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 118—119.

22 Цит. по: *Соколов С.И.* Указ. соч. С. 18.

23 См.: *Проппер С.М.* Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900. С. 3—32.

24 См.: *Осипов Н.О.* Указ. соч. С. 158, 474—482.

25 См.: Там же С. 626.

26 См.: *Первушин С.А.* Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России // Ученые записки Московского университета. М., 1909. Вып. 34. С. 182; *Канель В.Я.* Указ. соч. С. 25—27; Пьянство и преступность: история проблемы. Киев, 1989. С. 107.

Глава 4

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ПЬЯНСТВА

*Русские и «немцы». — Русский «образ пития». —
Кто и как пил в России. —
В погоне за покупателем*

*Будь ты проклято, анафемское, но все-
таки много в тебе было своеобразной поэ-
зии, уюта и прелести заостренного,
сложившегося быта.*

А. Аверченко. Осиновый кол на могилу зеленого змия. Пг., 1915

Русские и «немцы». В записках иностранцев, в разное время посещавших Россию, всегда находилось место для характеристики непривычных для западного человека обычаев, традиций, быта русских людей. Заезжих «немцев» удивляло многое: и огромная, почти священная власть царя, и необъятные территории, населенные разными народами, и чуждый быт. Удивление, а порой и неприятие чужого образа жизни вызывалось и военными столкновениями, и религиозной нетерпимостью, и — в числе прочих причин — встречей с иной культурой.

Столетия относительной изоляции и постоянной борьбы за сохранение национальной государственности привели к глубинным изменениям в социальной структуре общества и его отношениях с властью. Итогом такого развития было ослабление тех элементов (сословных корпораций, независимых городских общин, правовых традиций), которые на Западе в это же время активно участвовали в создании институтов и связей гражданского общества, ограждавших индивидуальную и общественную жизнь от произвола или жесткой регламентации со стороны власти.

Развитая городская культура средневекового Запада и его более динамичная общественная жизнь формировали иную среду общения людей, в которой кабачок, таверна, кафе становились неотъемлемым элементом нормальной повседневной жизни свободного человека и его земных забот, в рамках средневековых традиций (для стран Средиземноморья) винопотребления:

«Три радости на свете мне даны,
И я люблю их преданно и верно;
Для счастья мне все три они нужны,
Зовут их женщина, игра, таверна». —

писал на рубеже XIII—XIV веков итальянский поэт Чекко Анджольери. Таверна и кафе не были связаны — по крайней мере прямо — с государственным фискальным интересом; они становились естественными центрами притяжения сложившихся общественных групп: солдат, студентов, разбойников, купцов, бюргеров.

В России неразвитость или отсутствие бюргерского и рыцарского «коммунализма» оборачивались вмешательством государства в процесс формирования сословий и их «служебной» зависимостью: все социальные слои и группы исполняли определенные обязанности и занимали определенное место в общественной иерархии, закрепленное в законодательстве. Свое место в этой системе занимал и «государев кабак», предназначенный отнюдь не для непринужденного общения подданных.

Особенности истории и политической судьбы страны во многом повлияли на формирование иного типа личности по сравнению со свободным индивидом с его неотчуждаемыми правами, постепенно утверждавшимся на Западе начиная с эпохи Возрождения и Реформации. Поэтому с легкой руки посещавших Россию иностранцев в Европе появилось представление о «загадочной русской душе», одним из основополагающих элементов которой считалось неумеренное потребление спиртного.

Так полагали не только итальянцы, представители традиционного для Южной Европы типа потребления виноградного вина, о которых речь шла в первой главе. Первый побывавший в России в 1553—1554 гг. англичанин, капитан Ричард Ченслер, также доложил в своем отчете, что «ни в одной стране не бывает такого пьянства»¹.

Наиболее полным и типичным для подобного рода суждений может служить свидетельство секретаря голштинского посольства в России ученого Адама Олеария, который несколько раз в 30-х гг. XVII века посещал Россию, а затем написал подробную и интересную книгу о ее жителях. В работе Олеарию помогало хорошее знание русского языка, и поэтому он смог подметить очень любопытные бытовые черты; в том числе в книге можно найти и описание русского кабака с его обитателями, и даже тщательно отобранную коллекцию русских 'ругательств. Вслед за другими иностранцами автор утверждал, что Россия наиболее пьющее государство в мире: *«Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что если видишь по улице там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них внимания, как на явление самое обычное»*².

Сочинение Олеария быстро стало своего рода штампом восприятия России просвещенным европейцем. Спустя 100 с лишним лет знаменитый прусский король Фридрих II полагал, что русский народ *«тупоумен, предан пьянству, суеверию и бедствует»*; а через 200 лет французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин передавал свои впечатления почти теми же словами: *«Величайшее удовольствие русских — пьянство, другими словами — забвение. Несчастные люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми...»*³ Как видим, совпадения оценок разительны.

Подобных свидетельств за 300 лет можно привести великое множество. Устойчивость подобных мнений любопытна еще и потому, что многие европейские страны сами переживали в XVI—XVII столетиях своеобразный алкогольный бум, вызывавший негодование просвещенных современников. Повальное пьянство соотечественников заставило вдохновителя немецкой Реформации Мартина Лютера заявить в 1541 г.: *«К прискорбию, вся Германия зачумлена пьянством; мы проповедуем и кричим против него, но это не помогает... Наш немецкий дьявол — добрая бочка вина, а имя ему — пьянство»*⁴.

Не менее острой была и ситуация в Англии XVIII века, где дешевый джин быстро вытеснил из употребления дорогой ром и импортную виноградную водку.

Производство джина стремительно выросло к середине столетия (с 3,5 миллионов галлонов до 11 миллионов) и стало подлинным национальным бедствием. В Лондоне на каждых 400 жителей приходилось по кабаку, а смертность в два раза превышала рождаемость. Полотна Уильяма Хогарта («Переулоч джина», «Предвыборный банкет») запечатлели эту эпоху в жизни доброй старой Англии, где *«пьянствовали и стар и млад, притом, чем выше был сан, тем более человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи, за исключением самого короля. Считалось дурным тоном не напиться во время пира»*. В те времена журналы помещали карикатуры на обжору и пьяницу наследного принца. Сам глава правительства в 1783—1806 гг. Уильям Питт Младший мог заявиться пьяным на заседание парламента, и про него же газеты сообщали, что после очередного приема премьер-министр *«шатался подобно его собственным законопроектам»*⁵.

Порок бичевали публицисты, а правительства безуспешно пытались (как это было в Англии в 1736 г.) противопоставить ему административные меры. Очевидно, что нищета, социальные потрясения точно так же, как в России, стимулировали потребление спиртного, и далеко не в самых корректных формах. Да и европейские королевские дворы эпохи «старого режима» представляли собой отнюдь не богоугодные заведения: достаточно вспомнить юных наложниц из Оленьего парка Людовика XV или пиры польского короля Августа II, где гостей взвешивали до и после застолья. *«Данашу я вашему высочеству, что у нас севодни все пьяни; боле данасить ничево не имею...»* — докладывала в 1728 г. из столицы голштинского герцогства Киля фрейлина Мавра Шепелева своей подруге, дочери Петра I Елизавете о торжествах по случаю рождения у ее сестры сына, будущего российского императора Петра III.

В самой же России вроде бы склонны были считать пьяницами своих соседей — немцев и поляков. Во всяком случае, в землеописаниях-«космографиях» XVII в. встречается соответствующая оценка «земли Германии»: *«Человецы ласковы и смирны и слабы ко пианству и к покою телесному»*⁶. Неоднократно переиздававшаяся в XVIII—XIX веках «Опись качеств знатнейших европейских народов» отмечала французскую «учтивость» и анг-

лийскую «набожность», но указывала, что *«немец пьет много, а ест мало»*⁷. Будущий петровский дипломат и вельможа П.А. Толстой, направляясь в 1697 г. через польские земли в Италию, посчитал необходимым отметить *«пьяную глупость поляков»* и связать их алкогольное поведение в период внутренних смут в королевстве (*«когда напьюцца пьяни, не тужат о том и не скорбят, хотя б и все сгибли»*) с общим «нестроением» Речи Посполитой: *«Делом своим во всем подобятца скотине, понеже не могут никакого государственного дела сделать без бою и без драки»*⁸.

Но тот же Толстой весьма высоко оценил образ жизни венецианцев: *«Народ самой трезвой, никакова человека нигде отнюдь никогда пьяного не увидишь; а питей всяких, вин виноградных разных множество изрядных, также разолинов и водак анисовых, изрядных, из виноградного вина сиженых, много, только мало их употребляют»*. Почти так же отзывались об испанцах члены русского посольства 1667—1668 гг. стольник Петр Потемкин и дьяк Семен Румянцев: *«Во нравах своеобычны, высоки... неупьянчивы: хмельного питья пьют мало, а едят помалу ж. В испанской земле будучи, посланники и все посольские люди в шесть месяцев не видели пьяных людей, чтоб по улицам валялись, или, идучи по улице, натився пьяны, кричали...»*⁹ В данном случае московские люди XVII века, кажется, встретившись с иным типом повседневного алкогольного потребления, были удивлены тем, что при изобилии крепких напитков даже «пбдлый» народ их гнушается и избегает валяться по улицам.

Любопытно, что в немецком сочинении XVIII столетия о нравах разных народов пьянство объявляется присущим именно немецкой нации увлечением, тогда как похожему на осла *«злобному московиту»* оно якобы не свойственно¹⁰. В то же время бытовавшая у немцев поговорка «пьян как швед» явно отдавала первенство в потреблении спиртного своим северным соседям; а сами скандинавы, в свою очередь (во всяком случае, в сочинениях XVII в.), считали наибольшими пьяницами все-таки русских¹¹.

Приведенные беглые заметки о распространении и восприятии пьянства в массовом сознании жителей разных стран показывают, что это явление было свойствен-

но не только нашей стране; тем более, что в России XVII—XIX веков пили скорее не больше, а меньше, чем в Англии или Германии. Но пьяницами все же считали русских. Едва ли подобные единодушные отзывы могут быть объяснимы лишь предвзятостью и стереотипом восприятия чужой страны; хотя и это, несомненно, имело место. Современные исследования показывают, что распространявшиеся в XVI—XVII столетиях немецкие издания подавали преимущественно негативную информацию о России, рассматривая ее наравне с «турком» как врага европейского христианства¹².

Отчасти такие оценки вызывались религиозными установками. Характерна логика, с которой много лет проживший в петровской России английский капитан-инженер Джон Перри искренне полагал: *«...если бы христианская вера была изложена им (русским. — Авт.) согласно учению английской церкви, в той чистоте, в которой Спаситель наш передал ее апостолам, и если бы они жили в стране, где существовала бы проповедь и были бы образованность и нравственность жизни такая, какую славится духовенство в Англии, и честность и бескорыстие в отношении друг друга, присущая английскому народу...»*¹³

Несомненно и то, что закрытость русского общества, необычное могущество царской власти, постоянные войны с Польшей и Швецией не могли способствовать проявлению симпатий к России, особенно в то время, когда нараставшая экономическая и культурная отсталость страны все более способствовала территориальным претензиям соседей (Польши и Швеции) или экономической экспансии передовых европейских держав — таких, как Англия и Голландия. Реализация подобных планов нередко порождала весьма искаженный стереотип даже близкой и знакомой страны. Так, просвещенные англичане XIX столетия создали образ жителя своей «домашней колонии» — ленивого, непостоянного, драчливого и вечно пьяного ирландца. Но в это же самое время российский путешественник считал своим долгом отметить, что в цивилизованном Лондоне *«чернь предана пьянству, в шинках жертвует трудами целой недели и, отказывая иногда себе в пище, пресыщается джином до потери рассудка»*¹⁴.

И все же утверждавшийся стереотип русского пьянства имел под собой некоторые основания. Иностранцев в России удивляло, пожалуй, не столько само пьянство, сколько стремление к неумеренной выпивке как условию нормальных человеческих отношений. Не случайно поразился де Кюстин тому, что «...напившись, мужики становятся чувствительными и вместо того, чтобы угощать друг друга тумаками, по обычаю наших пьяниц, они плачут и целуются. Любопытная и странная нация!» Спустя 250 лет об этом же социокультурном феномене в корректной научной форме говорила уважаемая «Кембриджская энциклопедия России и Советского Союза» как о необходимой стороне процесса социализации в нашей стране¹⁵.

Такое недоумение можно отнести не столько к количеству, сколько к характеру потребления спиртного, который имеет, на наш взгляд, несомненную связь с наследственно-природными и социокультурными условиями российской действительности.

Русский «образ пития». Независимо от национальности и вероисповедания, многие писавшие о русском пьянстве иноземцы XVI—XVIII веков относили его именно к праздничной поре, как это сделал еще в 60-х гг. XVI века венецианец Р. Барберини: «...дается им две недели праздника и полной свободы, и в это время им только и дела, что пить день и ночь! По домам, по улицам, везде, только и встречается, что пьяных от водки...»¹⁶ И эти же самые авторы, как правило, отмечали характерную, с их точки зрения, для русских приверженность к обрядам и церемониям в религиозно-бытовой сфере.

В книге современного исследователя К. Касьяновой, посвященной систематическому изучению русского национального характера по определенной методике на стыке разных наук, связь питейных традиций с обрядами получила обоснование с помощью конкретных исследований на массовом материале. Оказалось, что для русского этнического типа личности характерна повышенная эмоциональность и трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой (эпилептоидность): современные социологические сопоставления русских и немцев пока-

зывают, что русские в два раза чаще «выходят из себя», чем их немецкие ровесники, хотя и более «отходчивы»¹⁷.

«Переключиться» нашим соотечественникам помогала система ритуалов, которая, таким образом, представляла собой «своеобразный способ упорядочения (и, следовательно, подчинения себе) мира». Создававшиеся и хранимые веками обряды способствовали эмоциональной разрядке, вызывали или успокаивали определенное настроение; а строго расписанное и упорядоченное время праздников предоставляло достаточный срок, чтобы скинуть время забот, разгуляться в играх и плясках, а затем вернуться с помощью иных ритуалов к повседневной жизни.

Как полагает исследователь, *«все это приходило в свое время и возвращало человека самому себе, снимая с него на данный момент бремя всех забот и мысли о повседневных делах, давая выход и даже повелительно требуя выхода для эмоций, чувств... "Привязывание" к праздникам пьянства — явление более позднее и само оно — уже результат распада всей этой сложной структуры организации времени, которая, по-видимому, в более древние времена обеспечивала нашему предку эмоциональное равновесие. И распад этот начался именно с сокращения времени праздников. Сокращение это, вероятно, началось давно и шло постепенно. Закрепощение крестьян, развитие рынка и товарно-денежных отношений, постепенный отлив части населения в города и увеличение налогов, поборов, повинностей — все это требовало от крестьян все больше и больше работы. Работа отнимала у праздников дни и недели. И эпилептоид стал ощущать эмоциональный дисбаланс — он не успевал "разрядиться" в праздничные дни. И обряды постепенно тоже отмирали — те, которые не вобрала в себя православная церковь и не освятила своим культом. Все эти игры, хороводы, кулачные бои, зимние городки — становились необязательными и проводились от случая к случаю. И тогда эпилептоид прибег к древнему средству интенсификации переживаний — к алкоголю. Нельзя сказать, чтобы он не употреблял его и раньше, но, по-видимому, в меру, не злоупотребляя им. Теперь он стал употреблять водку вместо праздника. И чем меньше оставалось праздничного времени, тем больше употреблялось водки. Опьянение создавало — и бы-*

стро — то раскрепощение, которое так необходимо эпилептоиду, чтобы начать праздновать: оно снимало тормозные механизмы и высвобождало эмоции». Вот так появившийся в относительно массовом количестве не регламентируемый традицией кабацкий алкоголь постепенно, но успешно становится средством быстрого перехода к эмоциональной раскрепощенности, заменяя собой традиционные ритуалы: так пьянство само превращается в обряд¹⁸.

К этим причинам добавлялись и факторы социального порядка. На протяжении многих столетий жизнь в «казенном» Российском государстве была лишена ставших привычными для Запада гарантий собственности и прав личности. Эту особенность замечали иностранцы, уже начиная с XVI века: *«Здесь никто не может сказать, как простые люди в Англии, если у нас что-нибудь есть, что оно Бога и мое собственное»,* — писал цитированный выше Р. Ченслер. Абсолютная царская власть, двухсотлетнее крепостное право, внутренняя нестабильность (смуты, войны и восстания, потрясавшие страну до конца XVIII столетия) — и вместе с тем необозримые пространства, куда можно было уйти за лучшей долей; сильные общинно-патриархальные традиции и резкий культурный перелом в начале XVIII века — именно эти условия становления Российского государства и великорусской нации в XIV—XVIII веках (а не собственно татарское влияние, как иногда полагают) также не могли не сказаться на складывании национального характера, образа жизни и изменении культурных традиций народа¹⁹.

К этим факторам можно добавить и фундаментальные особенности ведения хозяйства в наших почвенно-климатических условиях, которые формировали способность русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно узком отрезке времени *«всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством земледельческих работ и урожайностью не выработали в нем ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности в работе»²⁰.* Этот вывод современного историка на эмпирической основе осознавался уже 100 лет назад: *«Наш работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в*

течение года — он работает порывами. Это уж внутреннее его свойство, качество, сложившееся под влиянием тех условий, при которых у нас производятся полевые работы, которые, вследствие климатических условий, должны быть произведены в очень короткий срок, — признавал в 70-х гг. XIX века известный ученый и общественный деятель А.Н. Энгельгардт, ставший по воле судьбы удачливым сельским хозяином-предпринимателем²¹.

Существенными чертами такого характера стали раскол и безмерность, что точно выразил Н.А. Бердяев: *«Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»²².*

Эти особенности и традиции патриархально-служилого общественного устройства выработали определенный «небуржуазный» тип личности. Для нее не свойственны «умеренность и аккуратность»; терпеливая, без принуждения и без страха, работа с дальним прицелом, уверенность в будущем, готовность к компромиссам и договорам — все то, что характерно для более «правового» мышления западного человека. Для русского справедливость чаще более предпочтительна, чем экономическая эффективность, а моральная правота стоит выше юридических норм²³. Поговорки типа «жизнь — копейка», «либо грудь в крестах, либо голова в кустах» свидетельствуют, что умеренная середина была не слишком почетна в традиционной русской системе ценностей, среди которых нередко отсутствовали бережное отношение к деньгам, умение соотносить расход с доходом.

Слабость городской культуры и неразвитость общественной жизни порождали затягивающую скуку российской провинции, многократно отображенную в классической литературе и не менее живо воспроизведенную бытописателями XIX века — к примеру, в следующей картине жизни уездного центра Тульской губернии:

«Безусловная покорность ко всем случайностям, равнодушие ко всем неудобствам, несчастьям и недо-

статкам в жизни есть единственная характеристика жителей г. Одоева и уезда его... При всей неразвитости и необразованности местные жители г. Одоева и уезда его отличаются удивительной сметливостью, выражающейся нередко в самых затруднительных, тяжелых и критических моментах жизни, необыкновенную находчивостью, но особенную деятельностью они не отличаются, а напротив того, в работах ленивы, в хозяйстве, торговле и промыслах небрежны, во всех действиях своих поступают как попало, наудачу...»²⁴

Оборотной стороной терпения и покорности стал «безудерж» — тоже русская национальная черта, очень хорошо показанная Ф.М. Достоевским. Крайности рабства и произвола порождали противоположные крайности: пьяные излишества внутри холопского или крепостного состояния были лишь начальным этапом, за которым могли следовать побеги, сколачивание разбойничьих шаек, разинщина и пугачевщина²⁵.

Все эти особенности русского быта интенсивно эксплуатировались «государевым кабацким делом», успешно развивавшимся от столетия к столетию. Кабацкое питье усиленно внедрялось в повседневную жизнь и даже становилось элементом официальных ритуалов. В XVII—XVIII веках хотя бы невольный отказ пить «государево здоровье» мог вызвать настоящее расследование, когда захмелевшего собутыльника его же приятели обвиняли в том, что он «против той государевой чаши не встал и не принял и для царского величества и шапки не снял».

Интересны в этом смысле наблюдения Юрия Крижанича — ученого хорвата, с гордостью писавшего: «...отчасти с послами, отчасти с купцами большую часть Европы объездил. Я ведь был в Париже, Лондоне, Венеции, Вене, Амстердаме и во многих других известных городах Европы. И куда бы я ни приезжал, я стремился подражать тому, достойному похвалы греческому герою Улиссу, которого прославил поэт Гомер за то, что он видел обычаи многих людей и их города». Представитель западной образованности и убежденный католик, он почти 20 лет пробыл в России (и как «иностраный специалист», и как сибирский ссыльный) и до конца жизни призывал к единству славянских народов, в котором Россия должна стать ведущей страной. Но этому мешала ее отсталость, и Крижанич в 1660 г. приехал в Москву, чтобы рассказать, почему другие народы плохо

отзываются о России, и помочь ей стать передовой страной. Его критика российских порядков была беспощадной, из-за чего он и угодил в ссылку; но она была вызвана не презрением к москвитам, а скорее желанием исправить их недостатки, и потому особенно интересна.

Как и многие другие иностранцы, Крижанич был неприятно удивлен: *«Нигде на свету несть тако мерзкого, бридкого и страшного пьянства, яко здесь на Руси»*. «Государев кабак» представлялся побывавшему в европейских столицах ученому местом весьма «гнусным» во всех отношениях от обстановки и «посудия» — до «бесовских» цен. Но, в отличие от прочих, он стремился обнаружить причины этого явления.

Пьянство идет *«не от урощения нашего»*, считал он и указывал на общепризнанное в его время лидерство в этой сфере немцев, с чем, по его мнению, согласны итальянцы, испанцы и французы. Причины его распространения в России — в государственной монополии, в политике ограничения прав горожан и крестьян на свободное производство спиртного, «загонявшей» их в кабак или заставлявшей «выдумывать пиры и поводы» к разрешенному пьянству, когда загулявшие *«уже ... в конец сбесят, да и рухлядь, кую имеют, дома, и сукно из хребта пропуют»*. Внедрение кабацких традиций, полагал публицист, в самом обществе приводило к *«подневольным пирам»*, питью без закуски *«на тоще сердце»* и *«к напрасному упоению»* гостей. Подобных традиций «принуждения к упоению» он не видел ни в Западной Европе, ни даже в соседних Украине и Белоруссии. Кабацкие порядки в России Крижанич прямо связывал с *«людодерской»* политической властью и делал печальный вывод: *«Всякое место полно кабаков и монополий, и запретов, и откупщиков, и целовальников, и выемщиков, и таможенников, и тайных доносчиков, так, что люди повсюду и везде связаны и ничего не могут сделать по своей воле...»*²⁶

Крижанич был не одинок в своем понимании причин пьянства. Через сто лет, во второй половине XVIII в. поэт Федор Козельский в «Размышлении о вине» также попытался связать порок пьянства с гражданской несвободой подверженных ему:

«... Чем в большем рабстве кто, тем склоннее к вину,
Чем более из нас теснится кто в неволе,
От грусти завсегда тем пьет вина он боле...
Он тем надеется печаль свою смягчить
И горести свои несносные забыть...»

Далее, впрочем, следовала характерная для образованных современников поэта идея, что пьянство есть порождение цивилизации, враждебное естественной простоте природного, не затронутого ей человека:

Для смелости Колумб, я чаю, упивался,
Когда он новую страну найти старался.
Невинной простоте нанес немало бед,
Свиристства своего оставил вечный след²⁷.

Еще через столетие заливали свое горе сивухой поколение интеллигентов-разночинцев. Известный писатель XIX века Н.А. Лейкин сожалел о многих своих талантливых современниках: *«Усиленное поклонение Бахусу считалось в ту эпоху для писателя положительно-таки обязательным... Это было какое-то бравирование, какой-то надрасд лучших людей 60-х годов. Недоделанные реформы только разожгли желанья широкой общественной деятельности, не удовлетворив их в той мере, в какой требовала душа. Наиболее чувствительные, наиболее отзывчивые в обществе писатели видели, что та свобода, которая им рисовалась в их воображении, вовсе не такова в действительности, что личность по-прежнему порабощена, что произвол по-прежнему гуляет по всей матушке Руси рядом с самым беззастенчивым, самым гнусным насилием... И эти умные, эта соль русской земли, вся поголовно молодая и жизне-радостная, стала с горя пить чару зелена вина»²⁸.*

На другом социальном полюсе общества крепостной гнет и чиновничий произвол порождали, в свою очередь, бесшабашность, надежду на «авось», неизбывное желанье вырваться на «волю» и «погулять»: *«Атаманы, молодцы, дорожные охотники, волные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конех поездить, то приезжайте в Черны вершины самарские!»* — так поэтично звучала «программа» широкого крестьянско-казацкого движения на Дону в 1708 г., которое еще недавно оценивалось как третья по счету крестьянская война в России. Не случайно для многих поколений русских людей разных сословий идеалом был не зажиточный хозяин или удачливый предприниматель (при российских порядках им и в XX веке жилось несладко), а

вольный казак в «диком поле», без властей и помещика, рискуя жизнью добывавший удачу острой саблей.

Другим вариантом осуществления вековой народной мечты о «воле» было широкое распространение утопической легенды о далеких землях, сказочном Беловодье, где нет ни чиновников, ни помещиков, ни рекрутчины, ни казенной церкви. В XVII—XIX столетиях сотни, а порой и тысячи крестьян пускались в путь на Дунай, на Амур, в алтайские горы и даже далее, в «Китайское государство», чтобы отыскать сказочную страну всеобщего равенства, где *«земные плоды всякие весьма изобильны бывают: родится виноград и сорочинское пшено, и другие сласти без числа. Злата же и серебра и камня драгого зело много, ему же несть числа»*²⁹.

Но попытки реализовать на практике оба этих способа, как правило, завершались неудачей. Куда более доступным оставался лишь один выход — питейный дом и «зелено вино». Эти атрибуты повседневной жизни при неуклонном внедрении их «сверху» уже и «внизу» воспринимались как вполне естественные даже во время активных выступлений против господ.

Киевский богатырь Илья в поздних былинных редакциях громит кабаки и велит выкатывать бочки народу:

Собирайтесь вы, голи, до единого!
Пейте-тко, голи, зелено вино,
Зеленого вина вы пейте допьяна,

что и творили на деле казаки и крестьяне Степана Разина в захваченных городах: *«Да те ж де воровские казаки, будучи в Керенском, на государеве на кабацком дворе государево кабацкое питье розграбили и выпили»*. В другом случае митрополичьи крестьяне и казаки разграбили кокшайский кружечный двор *«и вино выпили, а иное с собою увезли, и мед пресной, и всякие запасы грабежом взяли»*; на Унге на кружечном дворе *«вино пили и зборные деньги пограбили»* и т.д. А вот Пугачев — «Петр III» — во время восстания 1773—1775 гг. уже восстанавливал на подвластной ему территории не только практику набора в армию, налоги, но и казенную продажу вина, как естественное право государя³⁰.

В «галантном» XVIII веке только в 1742 г. прекращены были пытки детей, в 1763 г. запрещено употреблять матерную ругань в официальных документах, а указы «добродушной Елизаветы» официально воспрещали поданным любые рассуждения *«о нынешних статских, по-*

литических и военных делах». В этой жестокой и неудобной действительности кабак оказывался едва ли не единственным местом неформального общения с себе подобными, где можно было залить горе, отметить удачу и вообще «отвести душу».

И в более поздние времена строгой регламентации службы и быта (в николаевской России даже чертежи частных домов, модели причесок и маскарадных костюмов требовали «высочайшего разрешения»), тягостной повседневности и всеобщей несвободе русский обыватель противопоставлял не знающий никакой меры «загул». Чины и звания здесь роли не играли, менялся лишь социальный фон такого типа поведения: дворянская гостиная, полковое собрание, ресторан, трактир или полотняный «колокол»; богач мог прокутить целое состояние столь же успешно, как мелкий чиновник или мастеровой пропить последние гроши. Такое «питейное поведение» ориентировалось не на постоянное вкусовое употребление спиртного небольшими дозами во время еды, а на питье «до дна», не заботясь о закуске и всем том, что составляет культуру застолья.

Эта традиция, достаточно давняя, отразилась еще в былинных текстах (записанных в XIX в.):

«Чару пьешь, другу пить душа горит.
Другу пьешь, третья с ума нейдет,»

а также в юридическом памятнике сборнике церковных правил т.н. Стоглавого собора 1551 г.: «...*Пити по чаши или по две, или по три, сего мы ниже слышати хотим, ниже ведати меру чаш оных, но сицева мера наша есть егда тияни*»³¹.

Четыре столетия спустя, в конце XIX века привычка пить как бы запоем уже отмечалась в специальных научных изысканиях как сложившаяся особенность русской питейной традиции: «*В других странах население пьет вино более равномерно, и... посему при большем сравнительно с Россией душевом потреблении алкоголя в виде разных крепких напитков пьянство развито несравненно слабее, нежели у нас*»³². Отмечался также и особый престиж водки как обиходного средства платежа за услуги и как почетного угощения, особенно со стороны знати и начальства, от которого никак невозможно отказаться³³, о чем писал еще в XVII в. упоминавшийся Адам Олеарий.

Такой механизм социального общения хорошо рисуют бесхитростные воспоминания сказителя былин И.А. Касьянова, которому пришлось внезапно предстать перед собирателем фольклора ученым-филологом и действительным статским советником (т.е. генералом) А.Ф. Гильфердингом: *«Александр Федорович принял меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоял перед ним с дрожащим сердцем. И он, господин, видит во мне перемену, говорит Ефиму Ивановичу: "Налей рюмочку хорошей водки!"»* Еще более оробевший гость отказывался (*«потому, что никогда не пивал»*), и только после поданного ему генералом чая *«просветился духом, как будто стало и посмелее. Тогда начал я петь былинку о Добрыне Никитиче, а генерал начал сам писать...»*³⁴

Иными словами о социальной роли водки в народной жизни рассказал Н.А. Некрасов в поэме *«Кому на Руси жить хорошо»*:

«Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас...
Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?..
У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!»

Однако питейная «разрядка» могла завершиться и не столь благополучно. В XVII веке в кабаке или на домашней попойке нередко начинались политические «розыски»: подгулявшие участники не стеснялись в выражениях, а порой в хмельном кураже объявляли за собой «государево слово и дело», становясь на время особо важными персонами.

Иногда за такими отчаянными поступками стояла личная вражда, иногда — желание рассказать в центре о злоупотреблениях провинциальных властей. А чем руководствовались простые мужики, вроде Богдана Рязанова

(«пьючи на кабаке, говорил непригожее слово и называл себя царевым сыном, а какого царя сыном, того именно не выговорил»), Ивашки Григорьева («напився пьян и взяв к себе на руки сына своего только ныне году и называл его царскими семяны») или кабацкого откупщика из Епифани Ивана Перфильева («сидя за пивом», вдруг объявил себя в 1638 г. «государевым братом»)³⁵?

Как правило, большинство подобных происшествий никакой политики не касались. Поутру при расспросе у пытки вчерашние гуляки одинаково в десятках дел отвечали, что говорили «пьяным обычаем», «в забвении ума», «спьяна», «пьяным без памяти» и вообще «не помнючи ничего». В большинстве случаев подобные объяснения считались вполне достаточными. Соответствующим было и наказание: битье кнутом или батогами с возвращением к прежним обязанностям. Иногда такие дела достигали самых верхов бюрократической иерархии и удостоивались милостивой резолюции самого царя Алексея Михайловича, вроде: «*Пей, мужик, вор пьяный, и не ври сам...*»

Впрочем, стечение народа в питейных заведениях могло порой вызывать и серьезное беспокойство властей. Так, в тревожном августе 1774 г., когда в Поволжье шли решающие бои правительственных войск с крестьянской армией Емельяна Пугачева, в Туле капрал одного из московских полков Даниил Медведчиков, выйдя из питейного дома, тут же, на улице, объявил себя посланцем крестьянского вождя «Петра III» с указами к местным властям. Гуляка наделал в городе немалый переполох, пока дело не прояснилось после протрезвления виновника беспокойства. Опасение любых неуказных народных «скопищ» заставляло правительство Екатерины II негласно контролировать обстановку в кабаках, и в декабре 1773 г. московский главнокомандующий Михаил Волконский докладывал императрице о распоряжении по московской полиции «*употребить надежных людей для подслушивания разговоров публики в публичных собраниях, как то в рядах, банях, кабаках, что уже и исполняется...*».³⁶

В эпоху Просвещения предметом рассмотрения службы безопасности Тайной канцелярии постоянно становились дела по доносам о *непитии* здоровья ее императорского величества; никакие извинения при расследовании

таких политических преступлений во внимание не принимались. Только при Екатерине II такая практика стала исчезать, и поэт Г.Р. Державин мог искренне приветствовать наступление новых времен:

Можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Использовали власти спиртное и в качестве испытанного средства усмирения народных выступлений. В бунташном XVII столетии во время грозных волнений в столице в 1648 и 1682 гг. по приказу царя выкатывались бочки вина и меда для наиболее активной части восставших стрельцов, что помогло привлечь их на сторону правительства и направить против вчерашних союзников посадских людей и холопов.

Водка использовалась и в качестве средства социальной демагогии, когда очередной дворцовый переворот или утверждение на престоле нового монарха сопровождалось объявлением некоторых льгот, повсеместным открытием кабаков и угощением черни за казенный счет.

Юный солдат Преображенского полка и будущий поэт Гавриил Державин хорошо запомнил день революции 1762 г., когда Екатерина II свергла своего мужа Петра III и все петербургские кабаки были предусмотрительно открыты: *«День был самый красный, жаркий... Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступил к Летнему дворцу, требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова... Их уверяли дежурные придворные..., что государыня почивает и, слава Богу, в вожденном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка».* Позднее содержатели питейных заведений под-

несли императрице счет на 77 133 рубля, в какую сумму обошлась радость подданных по поводу ее восшествия на престол. Счет императрица оплатила³⁷.

В том же XVIII веке становится традицией организация казенных гуляний для народа по случаю государственных праздников с неременной раздачей вина. В такие дни коронованные особы, двор и дипломатический корпус «с немалым веселием» наблюдали, как на площади жарились целиком быки, били фонтаны белого и красного вина и собравшийся народ «прохлаждали» водкой из пожарных насосов, с помощью которых разгоряченную толпу потом приходилось и успокаивать³⁸. Тогда под грохот салютов и крики «виват» на короткое время наступала социальная гармония, так трудно достижимая в обыденной жизни...

Красноречиво говорит о подобных торжествах картина праздника в маленьком городе Псковской губернии Опочке по поводу коронации Николая I (1825—1855 гг.): по окончании церковной службы и проповеди *«в магистрате было все купечество и мещанство угощено лучшим образом, а для черни и инвалидной команды была выставлена неисчерпаемая кадь с вином, и всем совершенно давали пить по хорошему стакану, и тоже закуска, состоящая из ситников и сельдей. Разгулявшись, начали пить без запрещения сами, кто сколько хотел, отчего двое из мещан в тот же день умерли, а многих очень едва могли привести в чувство и обратиться к жизни»*³⁹. А в начале следующего царствования торжественный прием в Москве героев обороны Севастополя, организованный столичным купечеством во главе с крупнейшим откупщиком В.А. Кокоревым, включил в себя трехдневное бесплатное угощение моряков во всех заведениях.

Вслед за властями — но с меньшим успехом — питьевые традиции пытались использовать и русские революционеры. Уже декабристы стремились возродить (для начала в своей среде) патриотический дух и, вопреки моде на европейскую кухню в столичных ресторациях, собирались в квартире К.Ф. Рылеева на «русские завтраки», неизменно состоявшие *«из графина очищенного русского вина, нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба»*⁴⁰.

В решающий момент 14 декабря 1825 г. молодые офицеры-заговорщики сумели вывести войска на площадь, не открывая им истинных целей восстания. *«Солдаты были в пол-пьяна и бодро покрикивали "Ура! Константина!"»* — отмечал очевидец. Но привлечь на свою сторону столичные низы — собравшихся на площади рабочих, приказчиков, дворовых — традиционными, опробованными в эпоху дворцовых переворотов средствами руководители восстания так и не решились. Известно, что люди из толпы требовали у них оружия: *«Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном перевернем!»* но лидеры движения как раз любой ценой хотели избежать грабежа и насилий, «бессмысленного и беспощадного» бунта⁴¹. Это хорошо понимали и власти, даже находясь в состоянии растерянности. Не случайно единственным распоряжением правительства накануне восстания было запрещение открывать 14 декабря кабаки. Вожди восстания на Юге столкнулись с той же проблемой: солдаты поднятого ими Черниговского полка, заняв местечки Васильков и Мотовиловку, опустошили местные шинки и приступили к грабежу евреев; так что С.И. Муравьеву-Апостолу и М.П. Бестужеву-Рюмину стоило большого труда их успокоить и восстановить относительную дисциплину⁴².

Пятьдесят лет спустя новое поколение российских революционеров само пошло «в народ» с уверенностью в повсеместной готовности крестьян подняться на борьбу. Агитировать старались везде: в поле, на ярмарках, в крестьянских избах и даже в кабаках, где сам историк кабацкого дела И.Г. Прыжов советовал студентам Петровской академии искать социальных мстителей. Но из «хождения» по харчевням и ночлежкам ничего не вышло как рассказывал один из его участников, студент Ф.Ф. Рипман: *«Когда я вошел туда, со мною чуть не сделался обморок при виде той грязи, физической и нравственной, которая господствовала в этом вертепе. Если бы не водка, которой я выпил, я бы упал. Я в первый раз просидел там недолго; потом еще несколько раз приходил, и с каждым разом впечатление, производимое на меня этим местом, делалось тяжелее и тяжелее. Дело дошло до того, что здоровье мое начало портиться, что было замечено Прыжовым и некоторыми товарищами моими. Вследствие этих обстоятельств, я*

вскоре совсем прекратил посещение этих мест». Посещали общежития фабричных, солдатские казармы и кабаки и другие пропагандисты, с тем же результатом⁴³.

Даже с помощью «косушки» или «шкалика» растолковать крестьянам идею социалистического переустройства общества — *«что богатых и знатных не должно быть и что все должны быть равны»,* — не удавалось. Молодые интеллигенты оставались в глазах мужиков «господами», и многие из них впервые почувствовали *«разделяющую стену между нашим братом и народом»*. Пропагандистов поразили и проникший в деревню «торгашеский дух», и традиционность крестьянского сознания, не воспринимавшего радикальных идей. В ответ на призывы к выступлению против угнетателей они слышали, что «народ сам виноват», так как все поголовно пьяницы и забыли Бога. *«Пробовал я возражать, указывал на то, что, наоборот, самое пьянство порождается их обездоленным положением и цыганской бездомной жизнью, — вспоминал об опыте своей пропаганды в плотницкой артели А.О. Лукашевич, — но в ответ получал общие фразы вроде того, что кабы не вино, можно бы еще жить»⁴⁴.*

Заложенный еще в петровскую эпоху глубинный раскол общества с не меньшей силой сказывался и в последующее столетие. Разные уклады жизни формировали различные типы потребления спиртного (установленные еще в социологических работах рубежа XIX—XX веков), при его неуклонном увеличении за 300 лет; стремительное развитие капитализма лишь подчеркивало эти различия.

Кто и как пил в России. В хорошем дворянском доме середины XIX века вкусы хозяев были устойчивыми: вина, как правило, закупали оптом несколько раз в год. Обычно к столу подавали натуральные (сухие) красные и белые вина от проверенных поставщиков. Меньше пили крепленых вин — таких, как херес или малага. Кроме того, употреблялись различные наливки, которые готовились в деревнях и привозились оттуда вместе с другими домашними припасами: мукой, маслом, солениями, фруктами. Шампанское и редкие изысканные вина закупались партиями во время поездок за границу.

При этом утверждение светских манер позволило должным образом смягчить в этом кругу отечественные традиции воспитания. Упоминавшийся выше И.Н. Болтин не без доли лести, но в целом справедливо полагал, что эпоха Екатерины II *«во многих вещах изменила общий вкус и нравы на лучшее»*, и пьянство в благородном обществе, в отличие от «черни», *«признавать стали за стыд»*. Разнообразие ассортимента и прочих возможностей лихого куража умерялось для представителей «света» достаточно жесткими рамками принятых условностей и приличий, где был недопустим не только грубый жест или слово, но даже неправильный выбор вина к столу.

Высшие сословия российского общества пили постоянно, преимущественно «для аппетита», и эта традиция была обеспечена возможностью выбора разнообразных напитков, в том числе самых высококачественных и престижных. Такая публика даже в провинциальных ресторанах могла заказать знаменитые европейские вина. *Издесь были все лучшие марки вин — "Шато д'Икем", "Шато-Лаффит", "Грюо-ла-Розе", "Вдова Клико", "Реддерер", "Мозт", "Штернберг-кабинет", а также все знаменитые марки английского пива»*, удивлялся изобилию буфета на станции Бологое Николаевской железной дороги французский писатель Теофиль Готье в 1859 г. На такой же круг посетителей была рассчитана алкогольная продукция лучших магазинов — таких, как «Елисейские» в Москве и Петербурге. К началу XX столетия подобные заведения можно было встретить не только в столицах, но и в провинции: например, в Калуге винный магазин Капырина предлагал посетителям около 300 сортов вин, водок, настоек, ликеров и коньяков на любой вкус и карман — от дешевых кавказских вин (40 коп. за бутылку) до французского шампанского по 7 руб.⁴⁵

На вершине иерархии трактирных заведений стояли фешенебельные рестораны. Особой институцией старого Петербурга стал «Restaurant de Paris» на Большой Морской, который имел репутацию *«приюта хорошего тона»* уже в 1854 г. Особый блеск он приобрел под управлением французских рестораторов Бореля и Кюба в 60—90-х гг. XIX века. Старик Борель лично выходил в зал к своим постоянным гостям, которых знал лично и которым предоставлял кредит. Он отлично умел угодить самым высокопоставленным и капризным посетителям,

случалось, заезжавшим к нему на 2—3 дня вместе с целой оперной группой, заказывавшим «котлеты из соловьиных языков» и вина из погребов Наполеона I и оплачивавшим счета в 4—5 тысяч руб.

Соседями и конкурентами Бореля были «Дюссо», «Контан», «Пивато», «Эрнест», обстановка которых отличалась изысканным вкусом: гостей ожидали уютные кабинеты, зимний сад, бассейн с гротом и живой рыбой. Они раньше других стали освещаться электричеством вместо газовых фонарей. Такие рестораны высокой кухни (где гости могли заказывать лучшие в мире образцы коньяка по 100—200 рублей за бутылку) и с «немиловидными ценами» посещала высшая родовая и чиновная знать, включая членов императорской фамилии.

Летом 1913 г. только что надевший офицерские погоны лейб-гвардии кирасирского ее величества полка двадцатилетний корнет и член старинного рода князь В.С. Трубецкой завершал свой первый выход в столицу в качестве «настоящего человека»: *«...Вместо того чтобы улыбаться, я напускаю на себя усталое равнодушие. Во всех своих движениях я сдерживаю себя. Я стараюсь в точности копировать известных мне наиболее манерных и тонких гвардейских франтов... Заканчиваю я день, конечно, там, куда целый год не смел и помышлять даже взойти. Я заканчиваю этот день у "Медведя", в знаменитом фешенебельном петербургском ресторане. За ужином я устало заказываю *Mout sec cordon vert* (иные марки шампанского в полку пить не принято — по мнению сослуживцев юного корнета, это "такое же хамство, как и пристражные манжеты или путешествие во втором классе". — Авт.) и выкалываю подлинный фасон приличного гвардейца, едва выпив один бокал из поданной мне цельной бутылки дорогого вина»⁴⁶.*

Нарочитая изысканность гвардейского франта при этом не препятствовала участию в офицерских кутежах, столь же строго освященных традицией.

Этот незабываемый для юного офицера день описал тот же князь Трубецкой: *«Трубачи на балконе грянули оглушительный марш. Подали суп и к нему мадеру, которую разливали в хрустальные фужеры внушительных размеров. Нас, новоиспеченных (офицеров. — Авт.) рассадили порознь, не позволив держаться вместе. Возле*

каждого новоиспеченного сел старый бывалый корнет, приказывавший вестовым подливать вино. Моим соседом оказался корнет Розенберг, с места выпивший со мной на брудершафт и все время твердивший: "Трубецкой, держи фасон! Пей, но фасона не теряй, это первое правило в жизни. Помни, что если тебе захочется пойти в сортир поплевать, — ты и это отныне должен суметь сделать с фасоном. Фасон — прежде всего, понимаешь?"

...Вот тут-то и началось!

— Трубецкой, давайте на брудершафт! — кричал кто-то напротив меня.

— Эй, князь, выпьем на "ты", кричали слева и справа со всех сторон. Отовсюду ко мне протягивались бокалы с пенящимся вином. С каждым нужно было облобызаться и выпить — выпить полный бокал "от души до дна..." То, что происходило в нашем собрании, происходило в этот день во всех прочих полках гвардейской кавалерии без исключений. Традиция требовала, чтобы в этот день напивали в дым новоиспеченных гвардейских корнетов, с которыми старые корнеты, поручики и штаб-ротмистры сразу пили на брудершафт, ибо в гвардейском полку все офицеры должны были говорить друг другу "ты", невзирая на разницу в чинах и годах»⁴⁷.

Вдали от столиц в армейской среде изысканный «фасон» и дорогие вина заменялись более простыми развлечениями в виде обычной водки и казарменных шуток в духе анекдотов о поручике Ржевском. О таких развлечениях потом вспоминали в мемуарах озорники-гусары николаевской эпохи: «Это было то время, когда гусары, стоявшие в местечках на западной нашей границе, еще ездили друг к другу в гости по грязи верхом на обывателях из евреев, стреляли в них клюквой, провинившемуся перед ними статскому мазали лицо горчицей или заставляли выпить смесь вина с пивом, уксусом и елеем... Кутили эти господа резко, а потому не всегда были пригодны к посещению балов и вечеров»⁴⁸.

Водка в кругу сослуживцев помогала скрасить однообразие полковой жизни. «Пошли переходы — через 2 дня на третий дневка, и всякий день офицеры эскадрона и мы, юнкера, обедали и ужинали у капитана. Всякий день повторялся тот же веселый разгул, и всякий день все так же упивались до зела». На таких пи-

рушках нестройный, но полный одушевления хор оглашал комнату:

«Плохой драгун...
Который пунш тянуть не любит;
В атаках будет отставать,
На штурмах камергерить будет».

«После такого поэтического приговора можно ли было не пить отвратительной кизлярки!» — вспоминал армейскую молодость бывший юнкер Казанского драгунского полка⁴⁹.

Вдогонку за высшим светом тянулись новые хозяева жизни крупные дельцы, фабриканты, высокооплачиваемые служащие частных фирм, для которых на рубеже века в столицах открывались «шикарные» заведения с громкими названиями «Международный», «Альказар», «Эльдорадо». Недостаток воспитания, образования и приниженность социального статуса компенсировались лихим купеческим загулом, демонстративной тратой денег на цыган и актрис варьете, экзотические напитки и блюда, вроде *«ухи из крупной стерляди, вареной на заграничном шампанском»*.

Грандиозные попойки русских «миллионщиков» входили в историю. Нередко разгулявшиеся гости ресторанов крупнейшей в России оптовой Нижегородской ярмарки под занавес требовали подать *«рояль-аквариум»*, куда под исполняемый марш наливали шампанское и пускали плавать сардинки. На *«похоронах русалки»* певичку укладывали в настоящий гроб, и пиршество шло под погребальные песни хора. Купцы заказывали изысканное фирменное блюдо — *«шансонеточку с гарниром»*: *«Официанты и распорядители вносили в отдельный кабинет специально имевшийся для этой цели громадный поднос, на котором среди цветов, буфетной зелени и холодных гарниров лежала на салфетках обнаженная женщина. Когда ставили эту «экзотику» на стол, начиналась дикая вакханалия. Стриженные в кружок длиннородые «первогильдийцы» в сюртуках, почти достигавших пят, и в сапогах «бутылками», приходили в неистовый восторг, кричали «ура», пили шампанское и старались перещеголять друг друга в щедрости. Под гром оркестра они засыпали «Венеру кредитками», поливали вином и т.п., наперебой закусывая окружавшими ее яствами»⁵⁰.*

Даже обычная встреча нового года превращалась для посетителей московских ресторанов прежде всего в демонстрацию собственного богатства, разудалой щедрости и отсутствия вкуса, как это увидел корреспондент газеты «Русское слово» в ночь под 1912 год:

«В "Метрополе". За столиками вся заводская плутократия московского промышленного района. Здесь не только Москва, здесь Шуя, Серпухов, Подольск, Коломна, Иваново-Вознесенск. Умопомрачающие туалеты, безумные брильянты точно вступили в этот вечер здесь в состязание. Вино льется рекой. Крики, хохот, шум от различных игрушек обратили ресторан в какой-то содом...

В "Новом Петергофе". В 12 часов, после гимна, зал преобразуется. ...Один толстяк надевает на себя абажур от электрической лампочки. А публика восторженно рукоплещет. Толстяк сваливается со стула...

"Билло". Не успели встретить новый год, а у "Билло" уже "выставляют" кого-то. Солидный господин в бумажном колпаке и такой же кофточке, оклеенной бахромой, что-то бессвязно говорит, стоя на стуле. В заключение громкое "кукареку", и почтенный господин, взмахнув "крыльями", летит под стол. ...В другом углу почтенная фрау поет шансонетку и канканирует.

У "Мартьяныча". ...Кто-то подает дурной пример, срывая украшения с елки для своей дамы. Это послужило началом: почти в мгновение украшения со всех елок переселяются на головы дам.

"Аполло". В новом кафе-шантане рекой льется шампанское. Счета растут баснословно. Встреча нового года проходит если не с помпой, то с шиком»⁵¹.

Средние слои городского населения — мещане, чиновники, служащие, купцы, лица свободных профессий — также стремились подражать «господам» в еде, манерах и одежде, что требовало немалых расходов. Ускорение ритма жизни в больших городах вызвало во второй половине XIX в. «беглую» форму застолья: в ресторанах появились специальные буфетные комнаты — нынешние бары. Там можно было наскоро выпить пару рюмок водки с доступной по цене «закусочкой»: впервые появившимися бутербродами, кильками в масле, селедкой⁵².

На таких посетителей были рассчитаны относительно недорогие рестораны второго разряда и трактиры с рус-

ской кухней, где к столу подавали чаще всего водку и обязательно в запечатанной посуде, чтобы покупатель не сомневался в ее качестве. В.А. Гиляровский вспоминал, что в старой Москве *«трактир был первой вещью»*. Он заменял и биржу для коммерсантов, и столовую для одиноких, и разгул для всех — от миллионера до босняка. Атмосфера многих подобных заведений, как и культура их посетителей, далеко не всегда располагала к спокойному отдыху:

«Эй, болван, собачий сын!
Подойди сюда, скотина!
Живо водки нам графин
Да салат из осетрины!» —

такой видел свою повседневную работу безвестный поэт-официант в журнале «Человек», издававшемся в 1911 г. Обществом работников трактирного промысла⁵³.

В ресторан или трактир нередко приходили «гулять», что обычно оборачивалось заурядной дракой, битьем зеркал или купанием прислуги в бассейне. Безответные официанты и «половые» обязаны были беспрекословно выполнять любые требования разошедшихся гостей; щедрым и постоянным клиентам на праздники посылали специальные поздравительные карточки с приветствиями, а то и с описаниями гульбы:

«Убрался долой графин,
И пошло на счет все вин,
Пили все, кто сколько мог,
И пришли в большой восторг».

Для тех, кто торопился, действовали многочисленные винные магазины с витринами, загроможденными батареями бутылок и рекламными плакатами. С середины XIX в. в мещанско-чиновничьей среде становится популярным дешевое крепленое вино типа портвейна — «Лиссабонское». В начале XX века чаще всего рекламировали ликер «Бенедиктин» и лечебное вино «Сан-Рафаэль», именовавшееся еще *«друг желудка»*; из произведений отечественных фирм коньяки Шустова, водки и настойки Смирнова, крымские и кавказские вина имений царской семьи (так называемого Удельного ведомства)⁵⁴.

Общественный подъем на рубеже 50—60-х гг. XIX века в атмосфере начавшихся реформ вызвал к жизни целое поколение, отрицавшее идеалы и образ жизни предшественников: *«Наши отцы были стяжате-*

лями, ворами, тиранами и эксплуататорами крестьян». Юные нигилисты — студенты, гимназисты, семинаристы — носили красные рубашки и длинные волосы, барышни — стриженные волосы и очки; они активно протестовали против светских манер, беспорядка, казенной системы преподавания.

На бытовом уровне такой протест порой перерастал в отрицание принятых приличий и утверждение далеко не самых изысканных вкусов. В небогатой студенческой и богемной среде становились популярными ядреные смеси, вроде «медведя» (водка с пивом), «крамбамбуля» (разогретая смесь водки, пива, сахара и яиц) или «лампопо»: *«во вместительный сосуд — открытый жбан — наливали пиво, подставлялся в известной пропорции коньяк, немного мелкого сахара, лимон и, наконец, погружался специально зажаренный, обязательно горячий, сухарь из ржаного хлеба, шипевший и дававший пар при торжественном его опускании в жбан»*⁵⁵.

Традиционно пьющим сословием оставалось и духовенство. Не случайно знаменитый граф А.А. Аракчеев в 1825 г. сообщал министру внутренних дел «высочайшее повеление» всем губернским властям не допускать, чтобы традиционное угощение священника сопровождалось приведением его *«в нетрезвое положение»*, поскольку *«случалось, что быв оные напоены допьяна, от таковых угощений некоторые из них, духовных, скоропостижно умирали»*⁵⁶. Вызвала общественный резонанс и знаменитая картина В.Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 г.), срочно снятая властями с выставки и запрещенная к репродукции. «Безмерное пьянство» духовных лиц по-прежнему строго преследовалось (лишением сана, сдачей в «светские команды» и обязательствами с подпиской *«не пить вина и пива в компании, кроме как в доме и то одну перед обедом»*⁵⁷), но это не очень помогало.

Для подавляющего большинства населения основным спиртным напитком оставалась водка, тем более что ее производители и продавцы не стеснялись публично выступать против употребления виноградного вина и даже чая с *«патриотическим опасением за будущее, которое ожидает страну, если низшие классы будут изнежены азиатской роскошью»*⁵⁸. Поэтому огромное большинство городских питейных заведений, предназначенных для

низших слоев общества, торговали преимущественно водкой и пивом. На таких трактирчиках можно было видеть вывески «Париж», «Лондон», «Сан-Франциско» или проще, вроде «Трактир "Приют весны" с крепкими напитками», «Трактир "Свидание друзей" с органом и отдельными кабинетами», «Муравей», «Цветочек». Большинство городских питейных заведений, предназначенных для низших слоев общества, кормили своих посетителей щами, горохом, кашей, вареным мясом с луком, дешевой рыбой — салакой или треской.

Лишь немногие из них стремились привлечь публику чем-либо, кроме выпивки например, появившимся в начале столетия грамофоном, «которым будут исполняемы следующие пьесы: "Вот мчится тройка почтовая", "Вниз по матушке по Волге", "Карие глазки, куда скрылись", "Ой, полным-полна коробочка", марш "Под двумяглавым орлом"» —, как обозначила репертуар одна из московских пивных в 1911 г.

Современники делили подобные заведения на «серые» и «грязные». *«Самым несимпатичным и злобредным следует бесспорно считать серый трактир, — полагал петербургский бытописатель рубежа XIX—XX столетий Н.Н. Животов, — предназначенный для публики средней, между чернорабочими и достаточными людьми, таковы мелкие служащие, торговцы, разносчики, приказчики, писцы, канцеляристы, артельщики и т.п. люд. Это... вертепы, служащие для спаивания посетителей и рассчитанные только на одно пьянство, разгул и разврат... Серая публика невзыскательна, неразборчива, безответна, неумеренна, невоздержанна, и, разойдясь, истратит все, что есть в кармане...»*

К "грязным" относятся трактиры для чернорабочих, извозчицы, постоялые дворы, чайные, закусовые, народные столовые и кабаки. Все помещения таких трактиров состоят из 2—3 низких, тесных комнат с промозглым, вонючим запахом: сюда набирается народу "сколько влезет", так что повернуться негде; мебель состоит из простых скамеек и столов, посуда деревянная, никогда не моющаяся... Понятно, что никто не пойдет сюда есть или пить, а идут для оргий или укрывательства...»⁵⁹

Такие трактиры, помимо пьянства, служили и рассадниками преступности. Впрочем, и в некоторых даже рес-

пектабельных с виду заведениях иного клиента запросто могли «посадить на малинку»: опохмелить наркотиком, обыграть в карты, ограбить в бесчувственном состоянии до нитки и выкинуть на улицу.

При отсутствии желания или денег на посещение таких трактиров жажду можно было утолить рядом с любой казенной винной лавкой. С купленной «сотки» или «шкалика» (*«мерзавчик мал для желудка, да дешев для кармана»*) сбивался сургуч, затем пробка вышибалась из бутылки, которая тут же выпивалась прямо из горлышка. Такой тип потребления спиртного был типичным для обитателей городского дна и составлял обычный рацион поденных рабочих, получавших 30—50 копеек в день. *«8 копеек — сотка водки, 3 — хлеб, 10 — в «пырку», так звались харчевни, где за пятак наливали чашку щей и на 4 копейки или каши с постным маслом, или тушеной картошки»* — сообщал знаток московской уличной жизни конца позапрошлого века В.А. Гиляровский⁶⁰.

Впрочем, что касается культуры потребления, то порой она и на самом вершине оставалась не слишком высокой. Про императора Александра III рассказывали, что он любил по вечерам распить с начальником своей охраны генералом Черевиним бутылку-другую коньяка и в веселом расположении духа побарахтаться на полу⁶¹. Сын Александра III и его наследник Николай в молодости служил в лейб-гвардии гусарском полку, офицеры которого славились беспробудным пьянством; в то время наследника российского престола можно было иногда застать в компании друзей на четвереньках перед лоханью с шампанским. Его дневник тех лет содержит многочисленные сообщения типа *«пили дружно»*, *«пили хорошо»*, *«пили пиво и шампанское в бильярдной»* и т.п. Будущий царь добросовестно подсчитал, что только за один вечер было выпито 125 бутылок шампанского, и в качестве своего спортивного успеха отмечал, как *«напили нашего консула»* во время путешествия по Нилу⁶². Перебесившись в лучших гвардейских традициях, Николай впоследствии пил весьма умеренно; но для управления огромной страной ему не хватало совсем иных качеств...

Двор, купцы, мещане и рабочие, как и прочие городские жители, составляли на рубеже веков лишь несколько процентов населения империи. Основными налогоплательщиками и потребителями спиртного оставались крестьяне. В деревенском быту потребление долго сохраняло

традиционный, обрядовый характер: пили в основном «миром» по семейным и церковным праздникам в духе старинных братчин-«канунов» и с неперменной «гостьбой» — активным общением крестьян из разных селений: родственников, свойственников и знакомых. Свидетельством неприятия господского образа жизни могут служить, на наш взгляд, народные исторические песни XIX века, где безымянный генерал обвиняется в том, что

«Три суточкы запил-загулял,
он запродам матушку Москву
за три бочечки злата-серебра,
за четвертую зелена вина!»,

а вполне исторический граф Аракчеев предстает пьяницей, который *«заедает, запивает наше жалованье»* и приводит французов в Москву⁶³.

Достаточно странными, на взгляд нынешнего поколения, могут выглядеть воспоминания стариков-крестьян о том, что еще в годы их молодости выпивка в будний день была из ряда вон выходящим событием, или что в гостях принято было пить маленькими рюмочками (а не гранеными стаканами) и только по предложению хозяина. Постоянный общинный и внутрисемейный контроль воспитывал внутреннюю культуру крестьянина и вводил винопитие в рамки «степенного» поведения, когда спиртное становилось лишь одним из атрибутов общения, а никак не его целью: *«Отец и два соседа три вечера пили ...четушку водки, разговоров было очень много»*, — именно так вспоминали об ушедших традициях вятские колхозники, и речь при этом шла не о глубокой старине, а о довоенной деревне⁶⁴.

С глубокой древности до XIX века дожили в русской деревне коллективные братчины-«кануны» и коллективные трапезы по обету отдельных лиц или целого «мира». В этих праздниках и застольях сохранилась память о древних языческих приношениях. Личные обеты давались обычно в память того или иного святого в случае болезни домашнего животного; общие — при падеже скота или другом несчастье, постигшем всю деревню. Празднество по коллективному обету происходило вблизи деревенской церкви, а по личному — во дворе владельца жертвенного животного. Из церкви приносились иконы, и совершалось богослужение, после чего все садились за общий стол: ели, пили пиво, устраивали хоро-

вод или с песнями шли по деревне, заходя во все дома, чтобы попить пива. Среди взрослых мужчин практически не было непьющих; но не было и горьких пьяниц, потому что выпивка на празднике была делом публичным⁶⁵.

Необходимо также отметить и сезонный характер «пития». Даже в XX веке, как и за триста лет до этого, «гуляли» преимущественно осенью и зимой, после уборки урожая; в страду потребление падало⁶⁶. Систематический упорный труд земледельца не допускал постоянной выпивки; но уж по праздникам, на ярмарке или на городском торгу, да еще в хороший урожайный год можно было отвести душу: *«...Шум, крик и разудалые песни еще более усилились. К колоколу подвезли новых питий... Гулянье было в полном разгаре. Фабричные щеголихи, обнявшись, расхаживали гурьбами, распевая во все горло веселые песни. Подгулявшие мастеровые, с гармонью в руках и с красным платком на шее, бесцеремонно с ними заигрывали... Но что делалось на качелях и в соседних ресторанах, на коньках и в питейных заведениях — описать невозможно. Одним словом, веселье было одуряющим. И, Боже, сколько было выпито вина и пива! Сколько выпущено остроут, язвительных и милых! Перетоптано пчел и перебито посуды!»* — эту меткую зарисовку народного гулянья оставил выдающийся художник-передвижник В.Г. Перов⁶⁷.

Картины таких шумных празднеств вполне могли внушить заезжим иностранцам представления о повальном пьянстве народа, тогда как их участники после тяжелого похмелья возвращались к повседневному напряженному труду и длительному воздержанию от спиртного. Упомянувшийся выше А.Н. Энгельгардт, обосновавшись в своем смоленском имении, был немало удивлен трезвостью крестьян, составлявшей разительный контраст привычкам городских обитателей: *«Такие пьяницы, — писал он, — которых встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помещиками, спившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами людьми, находящимися в работе и движении на воздухе весьма редки»*⁶⁸.

Деревенские праздничные застолья проходили весело и мирно, употребляли крестьяне напитки домашнего производства: в праздники — сыченый мед (медовуху), брагу и пиво; покупное вино пили реже. Ситуация стала

меняться только в XIX веке по мере проникновения в деревню денежно-рыночных отношений и постепенного разложения патриархального уклада жизни. Утверждению кабака в деревенском быту способствовали и ликвидация помещичьей опеки, и объявленная в 1863 г. свобода торговли водкой. *«Народ, почуя свободу, упивался и волей, и вином»*, — вспоминал об этом времени бывший крепостной, ставший волостным старшиной⁶⁹.

Дешевая водка, соответствующие нравы и развлечения все более вторгались в крестьянскую жизнь. Даже в селах из нескольких десятков дворов открывались 2—3 кабака, а богатые торговые селения и слободы встречали своих и чужих разнообразием питейных заведений:

«Помимо склада винного,
Харчевни, рестораны,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных дворишков,
Да ренского погреба,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе».

В таких палатках пили «крючком» — мерной кружкой на длинной ручке, которой приказчик черпал водку из бочки и по очереди подносил желающим.

Пресса с грустью отмечала и возросшие, при прежней нищете, траты на водку в крестьянском бюджете, и разрушительное влияние пьянства на деревню, где при активном содействии кабатчиков случалось, что *«большая часть обильного урожая или значительно пострадала, или совершенно погибла под ранним снегом, единственно благодаря нашим осенним престольным праздникам... и вследствие восьмидневного беспробудного пьяного празднования дня преподобного Сергия»*. Отмечалось и увеличение количества пьющих, в том числе среди женщин и подростков⁷⁰.

При минимальном развитии сети школ, больниц и прочих общественных мест «трактир с продажей крепких напитков распивочно и на вынос и подачей чая парами» становился центром деревенской жизни, *«местной биржей, местом общения»* —, как отмечали корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в ответах на вопросы его анкеты о состоянии деревенского быта, разосланной в самом конце XIX в.

Хозяин такого заведения, нередко сам вчерашний мужик, «соединял в себе и перепродавца, и маклера, и ростовщика. Обладая громадным знакомством в среде купечества, хорошо угадывая настроение рынка, он умел и скупить вовремя у нуждающихся товар, перепродать его, выменять, согласовать и уладить какую-либо сделку и дать в рост, взаимобразно, под обеспечение, известную сумму денег. Иногда такой оседлый провинциальный трактирщик держал в долговой кабале весь земледельческий округ, простирая руку даже и на состоятельный городской класс. Продукты деревни часто хранились в его складах, как залог за забранные у него в разное время и обложенные процентами ссуды. Иногда же за вино принимались в виде платы холсты, мешки, продукты, скотина. Связи с местными властями, заинтересованными подарками трактирщика, делали его малоуязвимым для суда и закона»⁷¹.

При этом крестьянская община, достаточно жестко контролировавшая своих членов, снимала с себя ответственность за их поведение в кабаке: там можно было расправиться с обидчиком (особенно чужим) или оскорбить начальство, что было недопустимо на сходе или просто на улице. Жалобщику в таких случаях отвечали: «Хорошие люди в кабак не ходят, там всякое бывает, там и чинов нет: на улице бы тебя никто не тронул!»⁷²

Частная инициатива кабацкой торговли и постепенно усиливавшееся расслоение деревни приводили в кабак оба крайних полюса деревни — богатеев и бедноту, как наиболее связанных с рынком и сторонними заработками. Социологические исследования начала XX века приводили к однозначному выводу: крестьянин-середняк, в большей степени сохранявший традиционный уклад хозяйствования и быта, пил умеренно, поскольку «всегда счет деньгам держит и больше известной доли своего бюджета не пропьет»⁷³. Зато деревенские богатеи и бедняки стали пить чаще и больше, хотя по разным причинам и в разной манере. «Богатых не видно, они берут вино четвертями и пьют в своих домах. А бедный у винной лавки — без закуски вино-то продают и стака-на не дадут. Поневоле всякий будет пьяница, если пьет из горлышка», — пояснял эту разницу один из опрошенных мужиков⁷⁴. Для людей, «выламывавшихся» из условий привычного крестьянского существования, водка бы-

стро становилась обычным продуктом. Теперь даже самые бедные семьи, обходившиеся без своего мяса, молока, овощей, все же находили средства на очередную «косушку» или «сороковку», независимо от урожая и прочих доходов.

Там, где в деревню вторгались чуждые ей явления, быстрее шел и процесс приобщения к новым культурным традициям с «безобразными вольностями» в виде курения, карточной игры, неслыханной ранее свободы поведения. В старом фабричном районе — селе Иванове графов Шереметевых управляющие уже в начале XIX столетия отмечали, *«что народ фабришной, то и обращаются более в гульбе и пьянстве, что довольно видно... Не точно мужчины, но и девки ходят вместе везде и сколько им угодно, смешавшись с мужчинами, ночью и поют песни»*⁷⁵. Но еще больше начинал пить уже окончательно «раскрестьянившийся» мужик, в массе становившийся после 1861 г. как бы временным городским жителем.

Глеб Успенский привел в очерках «Власть земли» типичный пример такого коренного расстройтва крестьянского быта в лице поденщика Ивана Босых, приобщившегося уже к городской работе на железнодорожном вокзале и новому образу жизни: *«Как позабыл крестьянствовать, от труда крестьянского освободился, стал на воле жить, так и деньги-то мне стали все одно что щепки... Только и думаешь, куда бы девать, и кроме как кабака ничего не придумаешь»*⁷⁶. Художественной иллюстрацией драмы раскрестьянивания могут служить картины В.Е. Маковского «В харчевне», «Не пуцу!» и особенно «На бульваре» (1887 г.), где подвыпивший мастерской и его приехавшая из деревни жена — уже совершенно чужие друг другу люди.

Урбанизация и приток в города и на фабрики массы вчерашних крестьян в сочетании с другими условиями развития российского капитализма (низким культурным уровнем большей части населения, высокой степенью эксплуатации рабочей силы, ее бесправием, произволом хозяев и властей) порождали новый тип бесшабашного «фабричного». Статистические исследования бюджетов крестьян и горожан вполне подтверждали наблюдения писателя. Они показали, что *«при переходе крестьян-земледельцев в ряды промышленно-городского пролетариата расход их на алкоголь возрастает в большее*

число раз, чем возрастает при этом переходе общая сумма их дохода»⁷⁷.

Поэтому именно в городской среде быстрее входили в моду шумные застолья до «восторженного состояния» по любому поводу. Старинные обряды стали приобретать не свойственный им ранее «алкогольный» оттенок например, обычай «пропивать» невесту. В этом же кругу с середины XIX века становятся популярными и входят в постоянный репертуар песни вроде:

*«Раз из трактира иду я к себе,
Улица пьяною кажется мне.
Левая, правая где сторона,
Улица, улица, как ты пьяна!»⁷⁸*

В России, стране запоздалого капитализма, его развитие было, по сравнению с веками европейской истории, сжато по времени и «накладывалось» на сопротивление традиционных общественных институтов и патриархальные стереотипы сознания. Такой путь развития приносил не только успехи (известный по любым учебникам рост современной промышленности, строительство железных дорог и т.д.), но имел и обратную сторону: разрушение, распад прежнего уклада жизни и социальных связей, и не только в нижних слоях общества.

Не случайно судебная практика эпохи отмечала быстрый рост самых варварских преступлений, совершаемых в погоне за наживой вполне чистой публикой. Громкие процессы давали основание современникам даже говорить об «озверении нравов всего общества»⁷⁹.

К началу нового XX столетия появилось и городское хулиганство. Привычное для наших современников явление тогда было еще в новинку, и в 1912 г. Министерство внутренних дел России разослало по губерниям специальную анкету с вопросом: «*В чем оно, главным образом, проявляется и не имеется ли особых местных видов хулиганства?* В ответ московские власти указали: *В пених во всякое время дня и ночи, даже накануне праздников, безобразных песен, в сплошной площадной ругани, битье стекол, открытом — на площадях и улице — распивании водки, в самом нахальном и дерзком требовании денег на водку; в дерзком глумлении без всякого повода над людьми почтенными, в насмешках и издевательствах над женщинами и их женской стыдливостью»⁸⁰.*

Рядом с центральными улицами и бульварами крупных городов вырастали перенаселенные фабрично-заводские районы с мрачными казармами-общежитиями и грязными переулками, где кабаки целиком заменяли все прочие очаги культуры.

Только за один день 9 июня 1898 г. Московская городская дума утвердила целый список новых питейных заведений:

«Управа позволяет себе к этому докладу присоединить дополненный список, дабы не задерживать открытия трактиров. Прошу выслушать этот список:

Разживина Евдокия Николаевна, жена весьегонского купца. Ресторан с продажей крепких напитков, с четырьмя кабинетами, в доме Романова, 2-го участка Арбатской части, по проезду Тверского бульвара.

Кузьмина Евдокия Ивановна, московская купчиха. Трактир с продажей крепких напитков, с садом в собственном доме, 1-го участка Хамовнической части, на Большой Царицынской улице.

Мотасова Евдокия Петровна, крестьянка. Трактир с продажей крепких напитков в доме Львовой...

Моисеев Сергей Васильевич, каширский мещанин. Трактир с продажей крепких напитков, с садом, в доме Гудковой и Смирновой, 1-го участка Якиманской части, по Сорокоумовскому переулку..

Бурханов Иван Акимович, крестьянин. Трактир с продажей крепких напитков, с тремя кабинетами, в доме Попова, 2-го участка Пресненской части, по Камер-Коллежскому валу...»⁸¹

Аграрное перенаселение постоянно выталкивало в города все новые и новые массы безземельных и малоземельных крестьян, которые не находили себе рабочих мест: спрос на рабочую силу в промышленности не успевал за этим процессом. В конце XIX столетия русская литература и периодика уловили еще один новый социальный тип босяка, воспетого молодым Горьким. В деклассированную среду городских трущоб попадали не только крестьяне, но и выходцы из других сословий, не нашедшие своего места в новых условиях: купцы, интеллигенты, дворяне, священники — все те, кто собрался в ночлежке в известной горьковской пьесе «На дне».

Для этих слоев, так же как и для массы малоквалифицированных рабочих, был характерен постоянный,

«нарквтический» характер потребления спиртного, когда «водка переходит в разряд обычных, ежедневных продуктов», а тяга к ней подавляет все прочие человеческие потребности⁸².

«Время некуда девать,
никакой отрады.
Не дано просвета знать
значит, выпить надо» —

пели в начале XX в. петербургские рабочие фабрики «Треугольник». На отношении к труду и досугу оказывали влияние и невозможность распоряжаться результатами этого труда, и ограничения социальной мобильности. Выбиться наверх было трудно; куда легче дождаться следующего после тяжелой работы праздника, отдыха. Но для многих этот праздник начинался и заканчивался в кабаке, что нашло отражение в фольклоре:

«День и ночь он работает,
Ровно в каторге всегда.
Придет праздник воскресения
Уж шахтер до света пьян».

14—16-часовой рабочий день, постоянное переутомление, плохое питание, неуверенность в завтрашнем дне — все это в наибольшей степени было характерно для работников многочисленных мелких мастерских с меньшей, по сравнению с квалифицированными рабочими крупных предприятий, оплатой труда.

В этой среде петербургских мастеровых исследователи сталкивались с самым тяжелым, запойным пьянством: «Нам не очень редко попадались лица, которым в день выпить 1—2 бутылки водки нипочем и они даже за трезвых и степенных людей слывят... Другие работают всю неделю не беря в рот ни одной капли водки, но зато утро праздника они пьяны. Третьи месяцами в рот водки не берут, но если запьют, то обыкновенно допиваются до белой горячки»⁸³. Наиболее отличавшимися в этом смысле профессиями были сапожники и столяры.

Обычно после праздничных гуляний московские репортеры сообщали:

«...в эти дни у нас переполнены все специальные отделения больницы, приемные покои, полицейские камеры... В Арбатский приемный покой, например, на праздниках было доставлено около 150 человек пьяных.

Из них 25 были бесчувственно пьяны. Один "сгорел от вина" — скончался. 15 человек пьяных были доставлены с отмороженными частями тела.

В Лефортовский полицейский дом на празднике, как мы слышали, доставлено было 28 трупов. Из них большая часть "скоропостижно умерших", т.е. тоже "сгоревших от вина"».

Приводимые цифры, конечно, приподнимают только один краешек завесы, за которой скрываются целые гекатомбы жертв праздничного алкоголя⁸⁴.

А вот официальная статистика: в 1904 году в камеры для вытрезвления при полицейских участках Петербурга попало 77 901 человек, в 1905 г. — 61 535 чел., в 1906 г. — 58 452 чел., в 1907 г. — 59 744 чел. и в 1908 г. — 64 199. (это люди, появившиеся в публичных местах в «безобразно-пьяном виде», арестованные полицией и доставленные для вытрезвления⁸⁵).

Обследование бюджетов петербургских рабочих показало, что и с повышением уровня квалификации и заработка их расходы на спиртное росли и абсолютно, и относительно⁸⁶. Особенно велика доля таких расходов (до 11% бюджета) была у тех, кто не имел своего угла и поэтому больше времени проводил в трактирах и тому подобных общественных местах. Эта закономерность показала: при почти поголовном употреблении спиртного (постоянно пили 90% опрошенных рабочих) и непрерывных тратах на него — даже при нередкой нехватке денег и превышении расходов над доходами — алкоголь в городских условиях уже стал привычным, необходимым и даже престижным продуктом.

Таким был несколько неожиданный для самих исследователей конца XIX — начала XX века вывод: при более высоком доходе и культурном уровне горожан (и больших возможностях удовлетворения своих культурных потребностей) они пили намного больше деревенских жителей в 3—4 раза. Отмеченное же статистикой некоторое снижение душевого потребления спиртного в 80-е гг. XIX столетия объясняются падением уровня производства и относительным застоём в промышленности⁸⁷. Напротив, периоды промышленного подъема и связанный с ними рост городского населения привлекал десятки тысяч новых «питухов», переходивших от традицион-

ного деревенского к более интенсивному городскому стилю питания.

К водке приучала и армия. В солдатских песнях славного победами русского оружия XVIII века неизменно присутствует и кабак-«кружало», где вместе с царем-солдатом Петром угощаются и его «служивые»⁸⁸. Но в том же столетии главнокомандующему русской армии уже приходилось докладывать, что *«за малолюдством штаб- и обер-офицеров содержать солдат в строгой дисциплине весьма трудно и оттого ныне проезжающим обывателям по дорогам чинятся обиды»*.

Подобные обиды происходили не только где-то на марше или на неприятельской территории, но и в самой столице. Книги приказов по гвардейским полкам за 1740—1741 гг. из месяца в месяц повторяют распоряжения, чтобы солдаты *«в квартирах своих стояли смирно и никаких своевольтв и обид не чинили и без позволения никто никуда с квартир не отлучались, тако же и по улицам от солдат никакого стуку и шуму и никому никаких обид не происходило»*. На службу гвардейцы являлись *«в немалой нечистоте, безвестно отлучались»* с караулов, играли в карты *«на кабаках»*, *«бесстрашно чинили обиды»* полицейским постам и обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, являлись в кражах на городских рынках и у своих же товарищей, многократно впадали во *«французскую болезнь»* и не желали от таковой *«воздерживаться»*. Обыденной *«продерзостью»* стало *«пребезмерном пьянство»*, так что даже приходилось издавать специальные приказы по полку, *«чтоб не было пьяных в строю»*⁸⁹.

Страдали обыватели и от неизбежного в то время постоя служивых, ведь до второй половины XIX века армия не имела казарм. Поэтому полковым командирам приходилось периодически предписывать: *«накрепко смотреть за маркитантерами, дабы оные вина, пива и меду, кроме съестных припасов и квасу, продажи не производили»*, — что оставалось не более чем благим пожеланием.

Принципиально не изменило ситуацию и введение всеобщей воинской повинности, тем более, что спиртное по-прежнему полагалось к выдаче от казны: матросы ежедневно получали чарку во время плавания, а солдаты, по положению о ротном хозяйстве 1878 г., не менее 9 раз в год по праздникам, а сверх того — по усмотре-

нию начальства в качестве поощрения за успешно проведенные учения или смотры.

Не менее торжественно отмечались в старой армии — за счет офицеров — полковые или эскадронные праздники, временно разряжавшие атмосферу муштры и кастовой отчужденности офицерского корпуса от нижних чинов:

«Празднество начиналось с молебна в казармах в присутствии командира полка и всех свободных офицеров полка. Помолвившись и прослушав многолетие, приступали к выпивке, для чего переходили в эскадронную столовую. Там были уже для солдат расставлены покоем столы, устланные чистыми скатертями и ломившиеся от закусок. В углу на особом столе стояли ведра с водкой. В комнате рядом накрывался особый стол для господ офицеров. Когда солдаты занимали свои места, выпивку открывал сам генерал. Он подходил к столу с водкой, где вахмистр наливал ему стопочку, черная водку половником из ведра. "Ну, ребята, поздравляю вас с вашим праздником от души и до дна пью за ваше здоровье!" — бравым баритоном провозглашал генерал и, картинно осенив себя по-мужицум широким крестным знаменем, лихо опрокидывал стопку. "Покорнейше благодарим, ваше превосходительство!" — степенно отвечали солдаты. После генерала ту же процедуру проделывали по очереди все присутствующие офицеры, начиная от старшего и кончая младшим. На этом кончалась официальная часть, после которой все садились, и тут уже каждый безо всякого стеснения принимался жрать и пить в полное свое удовольствие. Офицеры пили шампанское, солдаты — водку и пиво. К концу пиршества выступали песельники, появлялась гармошка и начиналась пляска»⁹⁰.

Приобретенные на службе питейные традиции оказывались весьма прочными. Даже при николаевской муштре и дисциплине отборные ветераны, георгиевские кавалеры роты дворцовых гренадеров, не могли удержаться от злоупотреблений, и их приходилось исключать с почетной службы «на собственное пропитание»⁹¹.

По этнографическим данным, именно в XIX в. запойное пьянство, в его наиболее тяжелых формах, связанных с жестокостью и убийствами, прочно входит к фольклор ненцев и других народов Севера, где рефре-

ном многих эпических песен звучит фраза «*Так-то мы угощались*»⁹².

Что же касается высших сословий, то в начале XIX века культ заздравных чаш означал не только прославление радостей жизни и чувственной любви:

«Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель!» —

но имел и отчетливый политический привкус торжества свободного содружества свободных людей в противовес абсолютистскому государству:

«...Здесь нет ни скиптра, ни оков.
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны...
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом Бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем...
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятие и безделье!..»

От все более нарастающей в общественной сфере реакции, иерархии чиновничества и скуки

«...казенной службы
рыцари лихие
Любви, свободы и вина...»

стремились уйти в вольную среду: за кулисы театра, в цыганский табор или дружеский кутеж.

Не случайно сам Николай I в 1826 г. лично принял участие в расправе над поэтом Александром Полежаевым, поводом для чего послужила поэма «Сашка», героиней которой, московские студенты-гуляки, искали «*буйственной свободы*» с подчеркнута «демократическими» манерами, порой переходящими в отрицание любых общественных норм:

В его пирах не проливались
Ни Дон, ни Рейн и ни Ямай!
Но сильно, сильно разливались
Иль пунш, иль грозный сиволдай.
Ах время, времечко лихое!
Тебя опять не наживу,
Когда, бывало, с Сашей двое
Вверх дном мы ставили Москву!

Но при ликвидации «свободы» остальные компоненты такого образа жизни становились вполне приемлемыми для режима: пьянство и гульба без какой-либо политической подкладки воспринимались как вполне благонамеренное занятие.

Наблюдая за нравами московского светского общества середины XIX столетия, маркиз де Кюстин проницательно заметил: «Русское правительство прекрасно понимает, что при самодержавной власти необходима отдушина для бунта в какой-либо области, и, разумеется, предпочитает бунт в моральной сфере, нежели политические беспорядки»⁹³. Пометки Николая I на полицейских характеристиках гвардейских офицеров показывают, что императора интересовала лишь их политическая благонадежность; прочие сведения (типа: «игрок, предан вину и женщинам») и даже обвинения в продаже водки в казармах полагались вполне приемлемыми⁹⁴.

Для интеллигенции и студенчества «отдушиной» стал Татьянин день — 12 (25) января; в этот праздник студенты и профессора могли произносить самые либеральные речи, т.к. в полицию никого не забирали.

Начинаясь с торжественного акта в Московском университете, празднование быстро превращалось в массовую гулянку, как описал ее Чехов в 1885 г.: *«Татьянин день — это такой день, в который разрешается напиваться до положения риз даже невинным младенцам и классным дамам. В этом году было выпито все, кроме Москвы-реки, которая избегла злой участи, благодаря только тому обстоятельству, что она замерзла. В Патрикеевском, Большом Московском, в Татарском и прочих значных местах выпито было столько, что дрожали стекла, а в "Эрмитаже", где каждое 12 января, пользуясь подшефейным состоянием обедающих, кормят заваливающей чепухой и трупным ядом, происходило целое землетрясение. Пианино и рояли трещали, оркестры не умолкая жарили "Gaudeamus", горла надрывались и хрипли... Тройки и лихачи всю ночь не переставая летали от "Москвы" к "Яру", от "Яра" в "Стрельну", из "Стрельны" в "Ливадию". Было так весело, что один студент от избытка чувств выкупался в резервуаре, где плавают натрускинские стерляди...»*⁹⁵

Но и в обычные, не праздничные дни к услугам студентов были дешевые пивные на Тверском бульваре, где

можно спустить последние деньги и за кружкой провозглашать:

«Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных,
Первый гост за наш народ,
За святой девиз "Вперед"»...

Не случайно бедные российские студенты (доходы половины из них в начале XX века не превышали 30—35 руб. в месяц) тратили около 10% своего бюджета на пиво и водку⁹⁶.

В XIX столетии появлялись не только революционные организации. И в столицах, и в провинции возникали общества нетрезвости («Кавалеры пробки», «Общество невымытых кобелей», полтавское «Общество мочемордия» или «всепьянейшая артель» в гвардейском Измайловском полку). Их члены обязывались ежедневно употреблять горячительные напитки, присваивали себе шутовские звания и своеобразную иерархию наград за способность неограниченно поглощать водку: *«сиволдай в петлицу, бокал на шею и большой штоф через плечо»*⁹⁷.

В погоне за покупателем. За основную массу городских потребителей шла ожесточенная борьба конкурирующих фирм, не стеснявшихся в выборе средств.

Молодой сотрудник популярного журнала «Осколки» Антон Чехов выразительно описал в 1885 г. подробности борьбы «архикабатчиков и обер-водочников» в современной ему прессе: *«Водочник Шустов предал анафеме все существующие водки и изобрел на страх врагам свою "аглицкую горькую". Зимин ест Смирнова, Смирнов — Зими́на. А какая-то Авдотья Зимина, чтобы истребить Петра Смирнова, выпустила водку № 21, совершеннейшую подделку под смирновский № 21. Бутылка и ярлык совсем смирновские, а чтобы иллюзия была полнее, на ярлыке написано: "Петра Смирнова" (московского трактирщика, знакомством коего заручилась Зимина), а несколько выше самым мелким петитом: "по заказу". Чтобы показать, что Зимина знает по-французски, на углах ярлыка написано: "Eudoxie Zimina", отчего водка, говорят, получает особый специфический вкус. Братья Поповы наняли какого-то магистра химии, который в столовом вине "известного в Москве завода (понимай: врага Смирнова) и вине за*

№ 20 другого завода (Кошелева?), старающегося ввести себя в известность своими рекламами", нашел мутность. Заводчик Кошелев распинается за свой ректификационный спирт и т.д. Все наперерыв печатают в газетах громаднейшие объявления и "сторонние сообщения", в которых обливают друг друга помоями»⁹⁸.

Но наиболее опасной для покупателя была не столько хвастливая реклама, сколько изготовление дешевых аналогов и даже прямая фальсификация престижных иностранных вин. Образцами подобного виноделия были «полушампанское» — шипучее яблочное вино купца Н.П. Ланина (по совместительству издателя либеральной московской газеты «Русский курьер») или «Ром № 2», изготовленный на паровом водочном заводе Ф.А. Некрасова — брата известного поэта.

Другие делались на десятках предприятий в Ярославской и Тверской губерниях из низкосортного кавказского «чихиря» (недобродившее виноградное вино), спирта и различных добавок: сахара, патоки, соков, красителей и прочих, иногда далеко не безвредных, ингредиентов.

В путевых очерках «Волга и волгари» А.П. Субботин, рассказывая о городе Кашине, подробно описал процесс производства «иностранных» вин, тем самым подтвердив достоверность сатирических строк: *«Кто не слышал анекдота о том, что когда один проезжающий через Кашин, захав к знакомому купцу и не застав дома, спросил о нем у его сына, то получил в ответ: "тятяка в погребе хереса размадеривает". В Кашине производились высокие сорта вин: в 1 р., в 1,5 и даже в 2 р. бутылка. Для них материалом служил разбавленный чихирь, то есть плохо выбродившее жидкое кизлярское вино, подвоз которого был удобен из Астрахани водою. К чихирю местные доморощенные Либихи и Менделеевы подбавляли разные специи, и в результате получались разнообразные вина лучших иностранных марок. Приготовляли не только подмадеренный херес, но разлиссабонивали портвейны, фабриковали го-сотерны и го-марго (что подало повод к известной остроте: дай мне очищенно-"го"), дримадеры, бордо тре-вье (то самое, которое у Гоголя называлось просто бурдашкой) и т.д. Изготавлилась даже настоящая неподдельная ост-индская мадера, подобной которой нет и не было и на самом острове Мадере; раньше, как подмечено еще у*

Гоголя, она называлась в общежитии "губернской", ибо шла в большие города и была особенно ценима за то, что обжигала полость рта»⁹⁹.

Технологию виноделов Кашина язвительно описал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Процесс выделки изумительно простой. В основание каждого сорта вина берется подлинная бочка из-под подлинного вина. В эту подлинную бочку наливаются, в определенной пропорции, астраханский чихирь и вода... Когда разбавленный чихирь провоняет от бочки надлежащим запахом, тогда приступают к сдобриванию его. На бочку вливается ведро спирта, и затем, смотря по свойству выделяемого вина: на мадеру — столько-то патоки, на малагу — дегтя, на рейнвейн — сахарного свинца и т.д. Эту смесь мешают до тех пор, пока она не сделается однородною, и потом закупоривают... Когда вино поспело, его разливают в бутылки, на которые наклеивают ярлыки и прежде всего поят им членов врачебной управы. И когда последние засвидетельствуют, что лучше ничего не пивали, тогда вся заготовка отправляется на нижегородскую ярмарку и оттуда нарасхват разбирается для всей России»¹⁰⁰.

В XIX веке существовали многочисленные пособия по выделке фальшивых вин. Например, один из рецептов приготовления искусственного рома советовал: «Берут хорошо очищенный спирт 60—70%, смешивают по усмотрению с известным количеством настоящего ямайского рома, подкрашивают вытяжкой из дубовой коры и оставляют стоять по крайней мере на 1 год. Это полезно и даже необходимо не только для отстоя и осветления, но и для того, что даже простая водка, как показывают опыты, стоявшая продолжительно, в деревянной дубовой посуде, приобретает запах настоящего рома, без сомнения вследствие химического изменения сивушного масла в масляный эфир». Другие технологии были еще проще и экономичнее, предусматривая многократное использование сырья: «Чернослив, винные ягоды и сахарный стручок, несколько фунтов на ведро по усмотрению, наливают очищенной водкой или не очень крепким спиртом, настаивают, сцеживают, дают отстояться, слива-осадка, и ром готов к употреблению. На остаток, с некоторым прибавлением ягод

и стручков, опять можно налить водки и получить ром»¹⁰¹.

Таким образом, в стране появились дешевые, по сравнению с настоящими, кашинские и ярославские фальсификаты импортных вин по 40—70 копеек за бутылку, что было вполне доступно для небогатых мещан с претензиями из пьес А.Н. Островского: *«Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим, какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется!»¹⁰²*

Эти вина превосходили свои оригиналы преимущественно «убойной силой» и весьма своеобразным букетом, который, однако, вполне устраивал российских обывателей, привыкших пить по принципу «было б мокро да в горле першило».

«С таким вином плохие шутки,
Но к счастью, милостивый Бог
Нам дал луженые желудки,
Чтобы его пить каждый мог», —

писал еще в начале XIX века баснописец А.Е. Измайлов¹⁰³. Воздействие низкопробных суррогатов (вероятно, не уступавших современным дешевым крепленым винам или импортируемым подделкам) на человеческий организм никак не учитывалось, и такое производство, похоже, никем не преследовалось, несмотря на принятый еще в 1825 г. закон о запрещении *«подделок иностранного вина и составлении искусственных вин»*.

На протяжении столетия ситуация едва ли изменилась к лучшему, несмотря на то, что виноделы были освобождены от акциза и получили право на беспатентную торговлю в местах выделки вина. Однако результата эти меры не дали.

Проведенная в 90-х гг. экспертами Министерства финансов проверка образцов продукции со всех концов России показала, что меньше 10% ассортимента являются настоящим виноградным вином; все остальное было подделкой, каковую изготавливали даже самые солидные фирмы. В самом Петербурге даже в начале XX столетия свободно торговали ананасным вином по 40 коп. за бутылку. Первый же закон о фальсификации вин разработа-

тывался около 15 лет и появился в России только в 1914 г.

Пожалуй, только знаменитый винодел князь Лев Сергеевич Голицын искренне стремился приучить соотечественников к хорошему вину. Он организовал в своем крымском имении-заводе «Новый свет» выделку первоклассного русского шампанского, которое в 1900 г. получило Гран-при на конкурсе во Франции, на родине этого напитка. Продукцию своего завода — натуральные вина — князь продавал в столицах по доступным ценам: 25 коп. за бутылку. Выступал за развитие отечественного виноделия и создатель образцовой русской водки Д.И. Менделеев. В своих официальных записках (в качестве члена комиссии по улучшению русского виноделия) он указывал на возможность создания в южных областях России прекрасных вин, способных не только завоевать внутренний рынок, но и успешно соперничать с продукцией традиционных винодельческих стран¹⁰⁴. В 1873 г. в Вене на выставке к Всемирному конгрессу по виноделию были впервые представлены российские вина, отправленные Крымским обществом садоводства и виноградарства. На следующей международной выставке в Лондоне в 1874 г. крымские вина уже удостоились наград¹⁰⁵.

Однако такие выступления являлись скорее исключением, чем правилом: шампанское Голицына и вина царских «удельных заводов» («Массандра», «Абрау-Дюрсо») были знакомы лишь немногим знатокам. Министерство финансов и его чиновники, не получавшие акцизных доходов с вина, не были особенно заинтересованы в распространении продукции виноделов. Кроме того, по свидетельству двоюродного дяди Николая II, великого князя Александра Михайловича, чиновники Министерства уделов не стремились рекламировать эти вина, «т.к. опасались, что это может вызвать неудовольствие во Франции»¹⁰⁶: Россия была связана конвенциями о режиме наибольшего благоприятствования в торговле со всеми основными винодельческими странами и прежде всего — со своей основной союзницей Францией. Конвенционный таможенный тариф предоставлял льготы для российских коммерческих партнеров, которым, таким образом, было выгодно ввозить французское шампанское и другие вина¹⁰⁷. Во время Крымской войны

патриотическая «мода» заставляла отказываться от импортных вин и демонстрировать:

«Умеем пить и русским пенным
Здоровье русского царя».

Тогда же появлялись и мнения, что все пороки русского народа (в том числе и пьянство) измышлены иностранцами и являются клеветой «*со злостными и своекорыстными видами*», а на деле как приписываемые русским недостатки занесены к нам из Западной Европы нашими врагами, «*потомками рабов развратного Рима*». Автор этого утверждения полагал даже, что Россия не нуждается ни в каких обществах трезвости по европейским образцам, по причине «*силы нравоучения и воли*» русского человека¹⁰⁸.

Алкоголь не только успешно пополнял казну, но и становился социально необходимым как символ единения власти с народом, избранности своего круга, заслуженной награды, уважительного отношения. Немало одаренных людей, представителей всех сословий, пали жертвой традиции «обмыть», «отметить», «сбрызнуть» любое событие в жизни.

Ограничений масштабов питейной торговли почти не существовало; правда, с 1803 г. запретило открывать кабаки без разрешения в своих деревнях Удельное ведомство, ведавшее хозяйством членов императорской фамилии. В 1805 г. Александр I направил министру финансов рескрипт с пожеланием пресечь «*вредные действия на нравственность и здоровье народные, происходящие от непомерного размножения кабаков*». Был даже создан особый комитет по этому вопросу, но начавшаяся война с наполеоновской Францией и развитие откупной торговли сразу же прекратили его деятельность¹⁰⁹.

Позднее, в николаевскую эпоху, проблемы пьянства как бы и не существовало вовсе. В 1843 г. Петербургский цензурный комитет запретил печатать статью «О пьянстве в России», подготовленную по вполне официальным и уже опубликованным данным о питейных сборах в 1839—1842 гг.: министр финансов посчитал, что такого рода материалы недопустимы «*для обнародования во всеобщее известие*»¹¹⁰.

Те материалы, которые все же пропускались в печать, объясняли неумеренное потребление водки исключительно «грубой невежественностью» народа, который

предпочитает пьянствовать, «несмотря на многие благотворные меры правительства». Казенные крестьяне империи, по расчетам одного из авторов (о крепостных он вообще не упоминал), пропивают по 15 рублей в год и в течение жизни лишают себя значительной суммы, что и является главной причиной их бедности и недоимок в уплате податей¹¹¹.

Эти причины во многом объясняют темпы роста производства и потребления основного в России алкогольного напитка водки на рубеже XIX—XX вв.:

в 1900 г. было произведено	36 000 000 ведер;
в 1904 г.	64 017 000 ведер;
в 1913 г.	95 538 000 ведер.

Соответственно росло и потребление на душу населения:

1891—1895 гг.	4,3 л;
1898—1900 гг.	5 л;
1901—1905 гг.	5,23 л;
1906—1910 гг.	6,09 л.

К 1913 г. душевое потребление достигло уже 8,6 л водки или 4,7 л абсолютного алкоголя¹¹².

В это время спиртное уже прочно вошло в народную жизнь и стало своеобразным атрибутом национального образа жизни, сопровождая любое сколько-нибудь выдающееся событие, как в официально-государственной сфере, так и в быту. Подрядчик или предприниматель выкатывал бочонок рабочим после успешного завершения работ. Молодой сапожник или портной обязан был устроить «спрыски» товарищам и мастерам по окончании обучения. Помещик ставил ведро-другое своим крестьянам на праздник, тем же часто заканчивалась сельская сходка; а уважающий себя хозяин обязан был угостить соседей, собравшихся к нему на «помочи» или по каким-либо иным делам. Отсутствие в таких случаях выпивки уже рассматривалось как «бесчестье».

«Сильно противились, пришлось пропить 40 рублей, прежде чем позволили выйти...; когда просил о выходе — $\frac{1}{4}$ ведра, при составлении приговора — $\frac{1}{2}$ ведра, домой пришли — $\frac{1}{4}$ ведра, к земскому начальнику пошли — $\frac{1}{2}$ ведра...» — такие проблемы были у псковских крестьян, собиравшихся выйти из общины на рубеже XIX—XX вв.¹¹³ Ответы на упоминавшуюся выше анкету

кн. В.Н. Тенишева отмечают, что в деревне уже и женщины «*напиваются при любом удобном случае*», а сама выпивка теперь превращается в обряд: «*Без блинов не масленица, а без вина не праздник*»¹¹⁴.

Однако именно в это время и зарождается в России без излишнего административного шума настоящее общественное движение против пьянства, опыт которого был, к сожалению, не востребован инициаторами антиалкогольных кампаний советской эпохи.

Примечания

1 Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 65.

2 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 197.

3 Из записок Фридриха Великого // Русский архив. 1877. № 1. С. 8; *Кюстин де А.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 239.

4 Цит. по: *Янжул И.И.* В поисках лучшего будущего: Социальные этюды. СПб., 1893. С. 316; См. также: *Лампрехт К.* История германского народа. М., 1898. Т. 3. С. 360.

5 См.: Общественная жизнь Англии. М., 1898. Т. 5. С. 119; *Герман М.Г.* Уильям Хогарт и его время. М., 1977. С. 179; *Шервин О.* Шеридан. М., 1978. С. 8.

6 Цит. по: *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII—XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 171.

7 *Курганов Н.А.* Письмовник, содержащий в себе науки русского языка. М., 1837. Ч. 1. С. 353.

8 Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697—1699 гг. М., 1992. С. 25, 28.

9 Там же. С. 102; Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. IV.

10 См.: *Russen und Russland aus deutscher Sicht.* 9—17. Jahrhundert. München, 1985. S. 25.

11 См.: *Коваленко Г.М.* Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 74—75; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 388—389.

12 См.: *Дмитриев М.В., Пушкарева Н.Л.* Русские и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 201.

13 *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе... // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. С. 146—147.

14 См.: *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм и стереотип ирландца в XIX в. // Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 67—68; Он же. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825—1853. М., 1982. С. 224.

15 См.: *Кюстин де А.* Указ. соч. С. 239; The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. Cambridge, 1982. P. 391.

16 Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 16, 207. См. также: Английские путешественники... С. 65; Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991. С. 165; *Петрей П.* Указ. соч. С. 390; *Перри Д.* Указ. соч. С. 147—148; The american image of Russia 1775—1917. New York, 1974. P. 48.

17 См.: Русские и немцы. М., 1991. С. 12.

18 См.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994. С. 142, 144—152, 155.

19 См.: *Segal B.* Russian drinking. P. 37.

20 *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4—5. С. 53.

21 *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1987. С. 153.

22 *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 78—79.

23 См.: *Подберезский И.В.* Россия: из Европы в Азию и обратно // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. № 3. С. 25—26.

24 Цит. по: *Глаголева О.Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тверской губернии. XVIII — I половина XIX в. Тула, 1993. С. 149.

25 См.: *Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX века. // Из истории русской культуры. (XIX век). М., 1996. Т. V. С. 61.

26 См.: *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII в. М., 1859. Ч. I. С. 297—300; Ч. II. С. 172, 268; Он же. Политика. М., 1965. С. 587.

27 *Козельский Ф.Я.* Сочинения. СПб., 1778. Ч. 1. С. 203, 207.

28 Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 194—195.

29 Цит. по: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 239—277.

30 См.: Пугачевщина. М.—Л., 1926. Т. 1. С. 92; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 181.

31 Цит. по: *Булгаковский Д.Г.* Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным. СПб., 1902. С. 11; Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 328.

32 Попечительства о народной трезвости. 1895—1898. СПб., 1900. С. 6.

33 См.: *Канель В.Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 20, 269—270.

34 Цит. по: *Бахтин В.С.* От былины до считалки. Л., 1988. С. 62.

35 См.: *Новомбергский Н.* Указ. соч. С. 42, 121, 125—126.

36 Цит. по: *Сивков К.В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского государственного педагогического института. 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 104.

37 См.: *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 37; *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 2. С. 33.

38 См.: *Левинсон А.Г.* Попытка реставрации балаганных гуляний в эпоху Российской Империи // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 144.

39 Дневник И.И. Лапина // Труды Псковского археологического общества. Псков, 1915. Вып. 11. С. 76.

40 Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951. С. 53—54.

41 См.: *Житомирская С.В.* Рассказ очевидца о событиях 14 декабря 1825 г. // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 22; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783—1883. М., 1986. С. 105—106.

42 См.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1933. Т. 2. С. 388—389, 391—393, 401—402.

43 См.: *Базанов В.Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 417, 453.

44 Цит. по: *Пантин И.К.* и др. Указ. соч. С. 243, 245; *Лукашевич А.О.* К истории хождения в народ // Красный архив. 1926. № 2. С. 133.

45 *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1988. С. 215; *Фридрих Е.И.* Калуга и калужане: Быт и нравы жителей губернского города (конец XIX — начало XX вв.). Калуга, 1998. С. 148—149.

46 *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М., 1991. С. 190—191.

47 Там же. С. 173—174.

48 *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1913. Т. 2. С. 234.

49 *Селиванов В.В.* Сочинения. Владимир, 1901. Т. 1. С. 272, 279.

- 50 *Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1985. С. 287.
- 51 Русское слово. 1912. 1 января.
- 52 См.: *Похлебкин В.В.* Кушать подано! Репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии с конца XVIII до начала XX столетия. М., 1993. С. 276, 296, 294.
- 53 См.: *Гордеев М.Г.* Полвека унижений и борьбы. Повесть жизни ресторанный человека. М., 1925. С. 41.
- 54 См.: *Ривош Я.Н.* Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 1990. С. 22—23; *Похлебкин В.В.* Кушать подано... С.287.
- 55 См.: К характеристике современного студенчества. СПб., 1910. С. 83; *Похлебкин В.В.* Кушать подано... С. 288; *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1913. Т. 1. С. 47.
- 56 См.: Русская старина. 1901. № 2. С. 358.
- 57 См.: *Лотоцкий А.И.* На повороте // Русская старина. 1907. № 1. С. 192—198.
- 58 Цит. по: *Фридман М.И.* Винная монополия. Пг., 1916. Т. 2. С. 348.
- 59 *Животов Н.Н.* Петербургские профили. СПб., 1895. Вып. 4. С. 42—43.
- 60 *Гиляровский В.А.* Москва газетная. Минск, 1989. С. 192.
- 61 Голос минувшего. 1917. № 5—6. С. 99.
- 62 См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 47; *Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг.* М., 1991. С. 24, 29, 43.
- 63 См.: Исторические песни XIX в. Л., 1973. С. 51, 152—159.
- 64 См.: *Бердинских В.А.* Россия и русские: Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев. Киров, 1994. С. 86—87.
- 65 См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 457.
- 66 См.: *Полонская И.* Страничка из истории кабацкого дела XVII в. // Юбилейный сборник статей историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 168—169; *Голосенко И.А.* Указ. соч. С. 205.
- 67 *Перов В.Г.* Рассказы художника. М., 1960. С. 183—184.
- 68 *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 70.
- 69 Подлинные воспоминания бывшего крепостного // Русское богатство. 1883. № 5—6. С. 364.
- 70 См.: *Назарьев В.* Современная глушь // Вестник Европы. 1876. С. 230; *Белов А.В.* Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1899. № 1—2. С. 218—219.
- 71 *Иванов Е.П.* Деревенские ярмарки, базары и кабаки // Альманах библиофила. 1989. Вып. 25. С. 210.

- 71 Цит. по: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. С. 98.
- 73 *Добровольский Н.С.* К вопросу о народном пьянстве. М., 1914. С. 25.
- 74 См.: *Фридман М.И.* Указ. соч. С. 458; *Голосенко И.А.* Указ. соч. С. 205.
- 75 Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 321.
- 76 См.: *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 8. С. 14.
- 77 *Дмитриев В.К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. XI.
- 78 См.: *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 229–230; *Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А.* Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993. С. 173.
- 79 *Козлилина Е.И.* За полвека. 1862–1912. М., 1913. С. 343, 389, 405–407.
- 80 *Болдина Е.Г.* Озорнические посягательства. // Московский архив: вторая половина XIX начало XX в.: Историко-краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 117.
- 81 *Блок Г., Тертерян А.* В старой Москве. М., 1939. С. 42.
- 82 См.: *Дмитриев В.К.* Указ. соч. С. 170–171; *Голосенко И.А.* Указ. соч. С. 206.
- 83 *Григорьев Н.И.* О пьянстве среди мастеровых в Петербурге // Труды комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб, 1899. Вып. II. С. 118–119.
- 84 Раннее утро. 1911. 30 декабря.
- 85 См.: *Канель В.Я.* Указ. соч. С. 408.
- 86 См.: *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909. С. 24.
- 87 См.: *Дмитриев В.К.* Указ. соч. С. 161, 171; *Голосенко И.А.* Указ. соч. С. 205; *Фридман М.И.* Указ. соч. С. 448; *Christian D.* Living water: vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford, 1990. P. 74; *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 235.
- 88 См.: Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С. 132–134, 135–136.
- 89 РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 62. Ч. 1. Л. 44 и далее; № 63. Ч. 1. Л. 158об. и далее.
- 90 *Трубецкой В.С.* Указ. соч. С. 125.
- 91 См.: *Гринев С.А.* История роты дворцовых гренадеров. СПб., 1911. С. 11.
- 92 См.: *Мишкинд А.* Пьянство на Крайнем Севере сквозь призму фольклора // Трезвость и культура. 1990. С. 40.
- 93 *Кюстин де А.* Указ. соч. С. 247.

94 См.: *Б.Ю.* Полицейские характеристики офицеров лейб-гвардии Измайловского полка // *Русская старина*. 1906. № 12. С. 706—710.

95 *Чехов А.П.* Собр. соч. в 12 т. М., 1985. Т. 4. С. 399—400.

96 См.: *Иванов П.* Студенты в Москве: Быт, нравы, типы. М., 1903. С. 296; *Татьянин день* // *Заря*. 1914. № 2. С. 9.

97 См.: *Мартемьянов Т.А.* Общества нетрезвости на Руси // *Исторический вестник*. 1903. № 4. С. 213; *Имеретинский Н.К.* Из записок старого преображенца // *Русская старина*. 1893. № 4. С. 22.

98 *Чехов А.П.* Указ. соч. С. 423—424.

99 *Субботин А.П.* Волга и волгари: Путевые очерки СПб., 1894. Т. 1. С. 54.

100 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 8. С. 245—246.

101 *Юзвиевич В.* Полное общедоступное практическое руководство, заключающее в себе изложение основных правил и усовершенствованных методов фабричных, заводских и домашних способами более главных производств, относящихся до обработки предметов, составляющих принадлежность сельского хозяйства и кустарного промысла. М., 1882. Т. 2. С. 359—360.

102 *Островский А.Н.* Пьесы. Л., 1977. С. 582—583.

103 Цит. по: *Кошелевский В.Н.* Город Кашин. М., 1988. С. 20.

104 См.: *Менделеев Д.И.* Соч. М.—Л., 1951. Т. 16. С. 418.

105 См.: *Поликарпов А.* Указ. соч. С. 16.

106 *Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 131.

107 См.: *Поликарпов А.* На службе у Бахуса // *Былое*. 1996. № 3—4. С. 17.

108 *Паневиц.* Западные европейцы и русские. М., 1860. С. 7, 51, 311.

109 См.: *Фридман М.И.* Указ. соч. С. 10.

110 ЦГИА. Ф. 771. Оп. 1. № 1732. Л. 2:

111 См.: *Шопен И.И.* О страсти народа в России к горячим напиткам и влиянию пьянства на хозяйственное и нравственное состояние крестьян // *Труды Вольного экономического общества*. 1842. Вторая треть. С. 78, 82, 92, 102.

112 См.: *Канель В.Я.* Указ. соч. С. 25; Пьянство и преступность: история проблемы. Киев, 1989. С. 84, 107.

113 См.: *Петров Р.* Петр Столыпин // *Европа + Америка*. 1992. № 1. С. 77.

114 Там же; Быт великорусских крестьян-земледельцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 286.

Глава 5

БОРЬБА С «ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗЛОМ»

Первые попытки. — Забытый опыт. — Православное кодирование. — Трезвенники и власти. — Был ли «сухой порядок?»

Пройдет еще несколько лет трезвой жизни, народится новое поколение и на нас будут показывать пальцем: «Посмотрите, вот идет человек, который когда-то был пьян...» Мы будем горды сознанием своего исторического прошлого.

А. Аверченко. Осиновый кол на могилу зеленого змия. Пг., 1915

Первые попытки. Открытие винокурения и производство дешевого спирта начали новую эпоху алкогольного потребления в Европе, а затем и в других странах, куда предприимчивые торговцы доставляли новый продукт. Однако рост потребления спиртного во многих странах вызывал и ответную реакцию. Поначалу это были довольно грубые меры, вроде указов XVI в., украшающих до сих пор пражские пивные: «Если горожанин будет уличен в пьянстве — на первый раз посадить его в яму на хлеб и воду. Если этот же человек попадает вторично — бить кнутом и посадить в яму на хлеб и воду. Если проштрафиться в третий раз — отрезать нос».

Но все эти строгости сразу же показали свою неэффективность и постепенно сменялись более гибким подходом. В Англии поток дешевого джина, способствовавший развитию массового пьянства в первой половине XVIII века, был ограничен законом 1751 г., введившим высокое налогообложение для производителей спирта. С 1843 г. в США на уровне отдельных штатов стали по-

являться первые запретительные законы. В Швеции с 1854 г. получила распространение так называемая готенбургская система: право продажи спиртного на территории города или сельской общины передавалось одной акционерной компании, имевшей право получать не более 5—6% прибыли; остальное целиком шло на местные нужды.

С начала XIX столетия стали возникать общественные движения, направленные на борьбу с пьянством. Впервые общества трезвости были учреждены в Америке: в штате Нью-Йорк в 1808 г., а в Бостоне 1826 г. было образовано «Американское общество трезвости». Аналогичные организации появились в Англии в 1829 г., в Швеции в 1835 г. Трезвенническое движение в США середины прошлого века возглавлял сам Авраам Линкольн, предупреждавший, что если алкогольная промышленность пустит в стране глубокие корни, то это принесет *«беды еще большие, чем рабство»*. В последней четверти XIX века по Америке прошел крестовый поход женщин за трезвость; активно действовали «Женский христианский союз трезвости», «Лига трезвенников» и другие подобные организации.

За несколько десятков лет антиалкогольное движение получило широкое развитие, накопило большой опыт пропагандистской работы, в сочетании с законодательными инициативами и внедрением материальных стимулов поощрения трезвого образа жизни на работе и в быту. С 1886 г. начали собираться международные конгрессы по борьбе с пьянством; появились и первые международные организации трезвенного движения: «Общество синего креста» (1877 г.), «Независимый орден добрых рыцарей храма Господня» (1852 г.), «Общество белой ленты» (1874 г.). В XX веке движение еще более развернулось с помощью неалкогольных промышленников, заботившихся об отрезвлении рабочей силы.

В 1835 г. возникло первое подобное общество на территории Российской империи, в Лифляндии. Собственно же в России единственной известной нам публичной реакцией на рост пьянства стало появление нескольких изданий анонимной брошюры «Берегись первой чарки». Безвестный автор рассказывал о судьбе молодого купца, сделавшегося *«в одну неделю... банкротом и закоснелым пьяницей»*, и призывал «удаляться от питейных домов». Более или менее массовое антиалкогольное дви-

жение началось с крестьянских волнений 1858—1859 гг., вызванных, правда, специфическими причинами.

Последнее откупное четырехлетие (1859—1862 гг.) было отмечено утверждением колоссальных сумм платежей, превышавших предыдущие торги на 40 миллионов рублей. К тому же к концу 50-х гг. XIX столетия в правящих кругах явно обнаружились реформаторские стремления, и в правительстве обсуждалась будущая отмена откупной системы. Желая получить напоследок максимальную прибыль, откупщики уже в 1858 г. стали повышать цены с 3—3,5 до 8—10 рублей за ведро водки при официальном распоряжении, что подобная акция *«не должна быть считаемая за злоупотребление»*. В кабаки начали поставлять крайне недоброкачественную водку, добавлять в нее разные дурманящие примеси — например, табак. Вот тогда в ожидании скорой отмены крепостного права в стране с осени 1858 г. развернулось невиданное прежде «трезвенное движение» и возникли первые общества трезвости.

«С молебствием и водосвятием» крестьянские сходки в Тульской, Калужской, Саратовской, Курской, Орловской, Тамбовской, Тверской и других губерниях принимали решения: *«Не пить откупного вина и не ходить в питейные дома»* полгода или год под угрозой денежного штрафа, а в повторных случаях нарушения — порки. При этом принятые на сходках приговоры о трезвости учитывали конкретные житейские ситуации: они разрешали приобретать вино на свадьбы, поминки, праздники, по просьбе стариков и по другим чрезвычайным случаям¹.

Образцы такого народного творчества приводились тогда же в сообщениях газеты «Московские ведомости»: *1859 года, марта 15-го дня, мы, нижеподписавшиеся, избранные от мира старшины, рядовые крестьяне и дворовые села П-ва с деревнями Кр-ною и Пог-вою, быв на мирском сходе, по случаю возвышения содержанием болховского питейного откупа на хлебное вино цен, что мы для себя и семейств своих почитаем разорительным, во избежание чего, и для распространения в нас и детях наших доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всех своих обязанностях, сделали между себя сию добровольную подписку, которую сим обязуемся: вино отныне впредь в питейных домах не пить и на вынос в свои дома, кроме каких-либо необходимых слу-*

чаев, не покупать, зачем обязуемся друг за другом смотреть и о нарушителях сего, чрез выбранных нами старшин, доносить вотчинному начальству для по-ступления с таковыми как с вредными для нашего общества, а именно: ослушников штрафовать в пользу приходской нашей церкви 10 руб. сер. за каждое взятое ведро и 5 руб. сер., если кто выпьет в питейном доме, а при безденежье наказывать розгами, согласно общему приговору старшин. В случае же, если откроется какая надобность купить вина, то испросить всякий раз на то разрешение избранных нами старшин и брать в количестве, ими дозволенном; разрешение одного старшины не есть действительное; необходимо общее дозволение всех старшин в присутствии вотчинной конторы, где имеется книга для записывания всякого приговора старшин. Старшина, имеющий надобность купить вино, обязан испросить разрешение мира и брать в количестве, определяемом мирским приговором. Все эти признанные нами условия для утверждения меж нами доброй нравственности обязательны и для всех посторонних, живущих в нашем селе».

Весной следующего 1859 г. еще сотни тысяч крестьян 32 российских губерний отказались от продаваемой откупщиками сивухи и начали массовый разгром кабаков. Несмотря на посылку воинских команд, в 12 губерниях было разграблено 220 питейных заведений².

Официальные власти были захвачены врасплох. Вот как сообщал об этом небывалом в России событии императору Александру II доклад III отделения Собственной его императорского величества канцелярии — тайной полиции России:

«Возвышение новым откупом цен на вино, весьма дурное его качество и увеличение дороговизны на все вообще предметы привели крестьян к решимости отказаться от употребления вина, если не навсегда, то, по крайней мере, временно. Это началось в Саратовской, и вслед за тем зароки повторились в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях. Крестьяне на мирских сходках добровольно отрекались от вина, целыми обществами составляли о своих обетах письменные условия с назначением денежных штрафов и телесных наказаний тем, которые изменят этому соглашению, и торжественно, с молебствиями, приступали к исполнению условий. Этим

примерам последовали в скором времени жители разных местностей Самарской, Орловской, Владимирской, Московской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, а также Воронежской, Курской, Харьковской и других губерний.

Содержатели откупов всемерно старались отклонить крестьян от трезвости: угрожали взысканием правительства за уменьшение питейных доходов, понижали цены на вино, даже предлагали оное в некоторых местах безвозмездно. Но крестьяне твердо хранили свои обеты и только в двух случаях отступили от своих намерений: в Сердобском уезде Саратовской губернии откупщик заявил, что цена водки возвышена для того, чтобы уделять по одному рублю с ведра на их выкуп, и это удержало крестьян от составления условий о трезвости; Московской губернии, в Серпуховском уезде содержатель откупа заплатил за жителей села Дракина недоимки 85 рублей и также успел от зорока их отклонить...»³

Тогда же на волне общественного подъема в стране стали выходить и первые книги о вреде пьянства. Проблема впервые стала гласной. В наиболее радикальном журнале «Современник» в 1858 г. была опубликована нашумевшая повесть В.Н. Елагина «Откупное дело», в которой со знанием предмета описаны обычная практика откупщиков по обману казны и их фактическая безнаказанность, обеспеченная отлаженной системой подкупа местных чиновников.

Публицисты демократической печати призывали к увеличению производства пива и вина, утверждению норм культурного потребления водки с неперменной закуской, сокращению ее продажи. Но эти предложения оказались слишком наивными, как и надежды ведущего критика «Современника» Н.А. Добролюбова: *«Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате! Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело»* (подразумевалось массовое революционное выступление. — Авт.). Правда, в той же статье Добролюбов признавал, что трезвенное движение вызвано не столько возросшей сознательностью крестьян, сколько

дороговизной и дурным качеством водки, и считал его «непродолжительным и непрочным»⁴.

В конце концов массовое крестьянское движение было подавлено властями при помощи военной силы. При этом Министерство финансов обращалось за помощью даже к руководству Русской православной церкви: священники должны были объяснять крестьянам, что воздержание от водки *«не должно быть допускаемо как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании коих правительство отдало питейные сборы в откупное содержание»*. В результате местные власти стали получать циркуляры, где эта «польза» доказывалась ссылками на Священное писание⁵.

Правда, следует сказать, что были известны и случаи административных кампаний против пьянства по инициативе слишком деятельных местных начальников. Так, пензенский губернатор Татищев в целях искоренения народного порока приказывал исправникам требовать от крестьян приговоров о закрытии кабаков. А ретивые полицейские чины стали соревноваться в деле принудительного отрезвления обычными средствами: организацией массового «общественного мнения», угрозами, а то и прямым рукоприкладством. Естественно, что в этом случае результат бывал обратным задуманному⁶. На такие сугубо административные опыты еще в 1861 г. откликнулся специальной статьей Н.С. Лесков, предупреждая: *«Как ни велико и ни возмутительно зло, причиняемое пьянством, но все-таки бесполезно стремиться противодействовать ему созданием охранительных правил»*⁷.

Неудачными оказывались и попытки отдельных лиц бороться с разлагающим влиянием кабака. В этом смысле поучителен опыт сибирского купца-миллионера Н.М. Чукмалдина, потратившего 20 лет на то, чтобы устранить это зло из своей родной деревни Кулаковой. Открыв кабак на свое имя, новый владелец свел его оборот к минимуму и все доходы обратил на нужды деревни. Но такая «хитрость» вызвала доносы и недовольство властей тем, что казне намеренно наносился ущерб сокращением акцизных сборов. Тогда Чукмалдин стал платить своим односельчанам за то, чтобы они вообще отка-

зались от устройства кабака на своей территории, — и здесь уже столкнулся с сопротивлением снизу.

Позднее он вспоминал: *«Мне явно не противодействовали даже пьяницы и мироеды, но чуть только появлялся кабатчик с несколькими ведрами водки для схода и несколькими отдельными подачками мироедам, как все доброе настроение разрушалось и появлялись кабаки, разорители крестьян. Туда влекло неудержимо: пьяниц — пьянство, а слабых людей — отсутствие силы воли, а потом мало-помалу наступала пагубная привычка к водке, приводившая их, в конце концов, к полному разорению... Я посылал им хлеба, выстроил школу, дал деньги на учреждение банка, сооружаю новую каменную церковь. Казалось бы, простой расчет закрыть кабак, с которым я веду войну, но вот, подите же, кабак господствует и насмеяется над всеми усилиями одиночного человека!»*⁸ Последние слова, кажется, указывают и на возможную причину неудачи: попытки просвещенного мецената оставались «усилиями одиночного человека»; не приобщая к делу самих крестьян, трудно было добиться единодушной поддержки с их стороны.

Забытый опыт. Новый подъем антиалкогольного движения уже на иной основе начался на рубеже 80—90-х гг. XIX века усилиями нарождавшейся в России демократической общественности. По инициативе интеллигенции и земских деятелей в различных городах России создавались небольшие постоянные группы и общества: «Общество борьбы с алкоголизмом женщин и детей», «Кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом», «Комиссия по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охраны народного здоровья», «Всероссийское Александрово-Невское братство трезвости» и т.п. По некоторым данным, первое из таких обществ было основано в 1874 г. в полтавском селе Дейкаловка⁹.

Организаторами и наиболее активными членами таких обществ становились выдающиеся юристы (Н.С. Таганцев, А.Ф. Кони), врачи (В.М. Бехтерев, М.Н. Нижегородцев, Д.Г. Булгаковский), общественные деятели (М.Д. Челышев). Основателем одного из первых обществ трезвости в России был Лев Толстой, пользовавшийся огромным авторитетом среди интеллигенции. В статье «Для чего люди одурманиваются?» он объяснил

основную причину пьянства тем, что *«употребление одурманивающих веществ в больших или в малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается... потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видеть разлада жизни с требованием сознания»*. Но при этом писатель делал пессимистический вывод о бессмысленности всей современной цивилизации, которая создается *«большей частью людьми, находящимися в ненормальном состоянии»*¹⁰.

По-иному подходил к проблеме известный в начале XX века всей России борец с пьянством Михаил Дмитриевич Чельшев (1866—1915 гг.). Владимирский крестьянин, не получивший систематического образования, он благодаря своим способностям и энергии сумел стать крупным предпринимателем и членом городской думы Самары. С 1902 г. Чельшев начал в своем городе активную борьбу с пьянством и привлек на свою сторону важных дельцов из Биржевого комитета, исходя при этом из вполне практических соображений: *«Я говорил с купцами, с заводчиками, с промышленниками — все в один голос: "Дайте трезвых рабочих, трезвых приказчиков, служащих, по 10 рублей в год будем платить с головы". Это за служащих трезвых. А что заплатили бы они за трезвый многомиллионный народ? Не сноси народ ежегодно 700 миллионов в казенку — он на 700 миллионов рублей покупал бы себе ситцу, обуви, сельскохозяйственных орудий...»*¹¹

Энтузиастам-трезвенникам приходилось преодолевать немалые трудности: надо было привлечь к новому делу редких представителей местной интеллигенции — учителей, врачей, земские органы; наладить связи с другими организациями, завоевать личным примером уважение крестьян и уметь терпеливо и тактично вникать в их нужды например, отказать в ответ на просьбы *«выписать из книги (куда записывались "зароки". — Авт.) на именины»* или убедить их пожертвовать деньги на покупку книг, на постройку школы и т.д.¹²

Основные направления деятельности трезвенного движения были изложены в воззвании Петербургского общества трезвости в 1890 г. Это, во-первых, борьба со сложившимся стереотипом «престижности» пьянства и пользы употребления спиртных напитков; во-вторых, со-

здание специальных амбулаторий и лечебниц для алкоголиков и, в-третьих, поиски и организация иных форм проведения досуга, исключавших спиртное¹³. В духе этой программы и была построена деятельность новых обществ и кружков.

В Москве первое массовое общество трезвости возникло на рубеже 1892—93 гг. в среде фабрично-заводских рабочих во главе со священником Семеновского кладбища К. Остроумовым. Об этом начинании стала писать пресса.

«Первое общество трезвости в Москве»

Недавно утвержденный комитет Рогожского отделения общества трезвости приступил в настоящее время к действиям. Одной из первых мер для борьбы с пьянством комитетом намечено открытие в Рогожской слободе чайной, на что уже поступили и денежные пожертвования. В числе других мер, предполагаемых к осуществлению, стоят следующие: устройство читальни, библиотеки с книжною и картинною торговлей и организация общедоступных отвлекающих от кабака или трактира разумных развлечений. Озабочиваясь широким привлечением членов, комитет отделения, как нам передают, предполагает обратиться ко всем фабричным, заводским и ремесленным предпринимателям своего района с просьбою оказать возможное содействие в деле привлечения рабочих в члены-трезвенники. В деле борьбы с пьянством Москва, по мало понятным причинам, и во всяком случае не по отсутствию поля для деятельности общества трезвости, вообще говоря, значительно отстала. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы первые шаги на пути трезвления нашего города привлекли всеобщее сочувствие и вызвали деятельную общественную поддержку»¹⁴.

Собирая со своих членов небольшие взносы (1рубль в год), оно сумело, тем не менее, развернуть энергичную деятельность: организовало свое издательство, книжную торговлю, чайную, платные концерты, танцевальные вечера и на вырученные средства открыло свою библиотеку, устраивало общеобразовательные чтения и рождественские елки, содержало хор и другие «*полезные и здорové развлечения*»¹⁵.

Казанское общество трезвости, помимо библиотеки и больницы, содержало два ночлежных приюта (платный и бесплатный), несколько мастерских, издавало журнал

«Деятель». Царицынское общество сумело построить на свои средства в 1911 г. «Дом трезвости», где размещались амбулатория для алкоголиков, чайная-читальня, детские ясли, типография, печатавшая журнал «Царицынский трезвенник». Там же действовал *«научно-показательный, исторический и видовой кинематограф»*. Для своих членов общество организовало пекарню, похоронную кассу, бесплатную юридическую консультацию и комиссию для трудоустройства безработных-трезвенников¹⁶.

Уже с конца 80-х гг. XIX века появились специальные «трезвенные» издания: «Трезвые всходы», «В борьбе за трезвость», «Сеятель трезвости», «Вестник трезвости», «Трезвая жизнь», газета «Трезвость», где публиковались рассчитанные на разные общественные группы материалы о медицинских, экономических, социальных последствиях пьянства; широко освещался опыт антиалкогольного движения в других странах. Относительная организационная, правовая и финансовая слабость российского трезвенного движения порой представлялась его инициаторам плюсом: в более демократических странах нужно было ждать «созревания» общественного мнения, а у нас дело могло быть решено царским указом¹⁷. Однако, эти надежды на решение проблемы «сверху» оказались преждевременными — быть может, и к лучшему, поскольку это способствовало развитию движения «снизу» и избавляло от чрезмерных надежд на административные средства...

Ведущие российские журналы помещали статьи, где растущая алкоголизация общества характеризовалась как *«государственное зло, которое не только губит силы нынешнего поколения, но, при доказанном влиянии алкоголизма на потомство, обрушивается всей своей тяжестью на будущие поколения, которые... окажутся во всех отношениях еще хилее настоящего»*¹⁸.

Это предупреждение крупнейшего ученого-невропатолога В.М. Бехтерева было тем более своевременным, что военное ведомство России в то время уже несколько раз вынуждено было понижать медицинские требования к призывникам. Известнейший юрист и крупный чиновник А.Ф. Кони приводил в своих статьях тревожную статистику последствий пьянства, вполне сопоставимую с условиями нашего времени:

«Положение вещей, при котором с 1896 по 1906 год население Русской империи увеличилось на 20%, а пищевой доход на 133%, причем в последнее время народ пропивал ежедневно почти 2 млн. рублей, не могло быть признано нормальным. Необходимо принимать во внимание, что уже в девяностых годах прошлого столетия в Европейской России ежегодно в среднем сгорало и умирало от ожогов около 1 000 человек, лишило себя жизни и отравлялось по неосторожности свыше 3 200 человек, тонуло со смертельным исходом 7 300 и отивалось смертельно свыше 5 000 человек, причем в числе погибших по первым трем категориям было, без сомнения, значительное число лиц, находившихся в состоянии опьянения или доведенных до самоубийства злоупотреблением спиртными напитками. В это же десятилетие среднее число преступлений и проступков, совершенных в нетрезвом виде, составляло 42% общего числа, 93% воинских проступков было результатом чрезмерной выпивки, и, наконец, вскрытие мертвых тел лиц, скоропостижно умерших, давало 57% умерших от пьянства и его последствий»¹⁹.

Стали издаваться своеобразные наглядные пособия — такие, как красочный «Альбом картин из жизни людей преданных пьянству»; появились насчитывавшие уже сотни выпусков указатели соответствующей «трезвенной» литературы²⁰. Среди них были и серьезные исследования медицинского и статистического характера, и предназначенные для малограмотных литографические рассказы в картинках и поучительных надписях — вроде листка «Камаринский мужик» (1878 г.) с описанием пьяного загула и его трагических последствий:

«Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыв жену сердечную
И своих родимых деточек
Близнецов двух малолеточек...»

Выпущена была в 1903 г. «Первая русская хрестоматия (с подборкой статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность)», подготовленная доктором Д.Г. Булгаковским. Ставился вопрос и о снижении пошлин на ввозимые кофе и чай, поскольку даже самый дешевый сорт

китайского чая стоил в 1900 г. 1 руб. 42 коп. за фунт и такая цена препятствовала расширению его потребления.

В начале XX столетия усилиями таких обществ в России стали создаваться первые вытрезвители, приюты и бесплатные лечебницы-амбулатории. Наиболее известные из них находились в Москве, Петербурге, Ярославле, Туле, Вильно, Казани, Уфе, Туле, а также и в менее крупных городах. Кроме того, задержанных на улицах пьяных хулиганов стали отправлять на принудительные работы — например, мести улицы. В 1908 г. Московское общество борьбы с алкоголизмом организовало первую противоалкогольную выставку²¹. Затем подобные выставки появились в петербургском «Народном доме», на Нижегородской ярмарке и в других местах.

В армии были созданы первые «войсковые музеи трезвости», где наглядно, на особых муляжах и картинах, изображались болезненные изменения организма под влиянием алкоголя²². Не осталось в стороне и новое для России зрелище — кино. Известная фирма А. Ханжонкова выпустила специальный научно-популярный фильм «Пьянство и его последствия». В школах в качестве эксперимента уже началось чтение специальных антиалкогольных курсов.

Появился даже специальный противоалкогольный задачник по арифметике для народных школ, где детям предлагалось самостоятельно ответить на такие вопросы:

— *«На каждого действительно пьющего мужчину в России приходится ежегодно 1 ведро и 16 бутылок водки, 1 ведро и 10 бутылок пива и 9 бутылок виноградного вина. Вычислите расход 1 чел. на всю эту отраву, если ведро водки стоит 8 руб.40 коп., ведро пива 2 руб., а бутылка вина 23 коп.»*

— *«В Ярославле в приюте для алкоголиков принято было за 3 года 2 967 мужчин и 271 женщина. Из них имели: пьяницу-отца 1 544 мужчин и 157 женщин; пьяницу-мать 176 мужчин и 25 женщин; пьяниц — обоих родителей — 1 176 мужчин и 84 женщины. У скольких алкоголиков оба родители были трезвые?»²³*

Как всегда, не обходилось в новом деле и без шарлатанства: в столицах желающим избавиться от вредной привычки сбывали по сходной цене чудодейственный «эликсир трезвости»²⁴.

С размахом действовал Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников, основанный в 1911 г. под покровительством великого князя Константина Константиновича Романова. На Пасху 1914 г. этот Союз с подчиненными ему «кружками христианской трезвой молодежи» устроил в Петербурге «праздник трезвости» с шествиями и молебнами; на улицах был организован массовый сбор средств, и все жертвователи получали специально выпущенные жетоны. «Летучие отряды» Союза распространяли на улицах антиалкогольные брошюры и плакаты, устраивали в «антиалкогольные дни» проповеди и публичные чтения о вреде пьянства, организовывали на заводах и фабриках кассы взаимопомощи и библиотеки.

Изданный в 1912 г. «Противоалкогольный адрес-календарь» помещал образцы необходимых для организации общества трезвости документов и юридические консультации по вопросам их деятельности.

Православное «кодирование». После указа Синода 1889 г. «О содействии возникновению обществ трезвости» в новом движении стало активно участвовать духовенство: нередко в провинции приходская церковь со своим причтом была единственным культурным центром. В церковной традиции святыми, имеющими особую благодать излечивать от «пьянственной страсти», считались мученик Вонифатий и преподобный Моисей Мурин.

В 1878 г. в Серпуховском Владычном монастыре произошло «явление» иконы Богоматери «Неупиваемая чаша», по преданию, открывшейся в видении какому-то запойному солдату. С тех пор и до сего дня икона почитается как обладающая чудотворной силой исцеления от пьянства: молитвы ей от имени пьяниц, их жен, матерей и детей должны укрепить заблудших в «трезвении и целомудрии». Эта икона и сейчас находится в возрожденном монастыре. Каждое воскресенье перед ней совершается молебен с поминанием имен страдающих и нуждающихся в помощи. И хотя медицинские последствия этого действия едва ли кем-то зафиксированы, число паломников к иконе постоянно растет: по оценкам прессы, до 10 000 человек ежегодно²⁵.

Первые опыты борьбы за трезвость под эгидой церкви оказались удачными, тем более что священники (более авторитетные в глазах народа в силу своего сана

и благодати) с успехом применяли психотерапевтический метод, отчасти похожий на практикуемое в наше время «кодирование». В 90-х гг. XIX века большую популярность получило Сергиевское общество трезвости, основанное в подмосковном селе Нахабино священником отцом Сергием Пермским.

Из Москвы и окрестностей туда тянулись паломники-алкоголики. Священник принимал только трезвых — остальным приказывал сначала прийти в человеческий вид и хоть день-другой воздержаться от выпивки. Перед оставшимися он выступал с проникновенной проповедью, а затем индивидуально беседовал с каждым страждущим. Результатом такой беседы становилось добровольное принятие «клятвенного зарока» не употреблять спиртного на определенный срок: *«Обещаюсь перед Господом Богом и иконою преподобного Сергия в том, что в продолжение избранного мною срока не буду пить вина и других спиртных напитков, и на том целую икону преподобного угодника»*. Давшие такой зарок записывались в специальную книгу и получали особый «билет» общества трезвости. По подсчетам самого отца Сергия, его общество насчитывало до 80 000 участников.

Вместе с выдачей «билета» священник делал предупреждение, что *«неисправные в своих обещаниях перед св. иконой слепли, калечились и страдали от различных болезней»*. Основатель общества считал такую практику достаточно эффективной для простого народа: *«Эти люди более чутки к религиозным ощущениям и с меньшим рассуждением подчиняют свою совесть страху Божию»*. По его подсчетам, количество «сорвавшихся» после принятия зарока не превышало 25%²⁶.

Вскоре опыт психотерапевтического воздействия стал применяться и врачами. В 1900 г. доктор А.А. Токарский доложил в специальной комиссии при Русском обществе охранения народного здоровья о своем методе лечения алкоголиков: *«Уже при первом гипнотизировании делается внушение не пить. На следующий день гипнотизирование продолжается с тем же внушением...»* Затем интервалы между сеансами увеличивались, но в целом такой курс для «привычных пьяниц» был рассчитан на год²⁷. Впоследствии опыт такого лечения успешно использовал В.М. Бехтерев в клинике при Военно-медицинской академии.

Новые общества иногда даже вступали в конкурентную борьбу за привлечение страждущих богомольцев. Так церковные власти ополчились против сектантской трезвеннической организацией Ивана Чурикова. Несмотря на энергичную и успешную проповедь трезвости, его последователи подвергались преследованиям, а сам Чуриков «за учения, противные православной церкви», был отправлен в психбольницу, с последующим заточением в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Появились и новые формы «трезвенной» работы. Троице-Сергиева лавра выпускала дешевые Троицкие листки («В чем корень пьянства», «Всем пьющим и непьющим» и пр.) и проповеди против пьянства:

«Если ты не будешь бороться с этим недугом, то попадешь под полную власть бесов. Они будут возбуждать тебя пить все больше и больше и через это расстраивать нервную систему. Ты сделаешься раздражительным, гневливым. Легкие сначала ссоры будут все грубее, длительнее. Денег не будет хватать, сгонят со службы — надо будет продавать вещи, выпрашивать в долг унижительным образом, может быть, даже воровать. Гнев усилится до бесовской злобы, до желания убить. Бесы, действовавшие втайне, станут являться в виде разбойников, диких зверей, змей и проч. Потом могут явиться и в своем безобразно гнусном виде. Если и тут ты не образумишься, то заставят тебя совершить какое-либо тяжкое преступление, например, поджог, убийство, а затем приведут в полное отчаяние и заставят покончить с собой...»

При Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом возникла в 1905 г. первая в России Сергиевская школа трезвости с помощью субсидий Синода, Министерства финансов и при содействии местных крестьян. Школа содержала бесплатную столовую, «Дворец трезвости», обучала детей бедных родителей различным профессиям (переплетному, сапожному, столярному и слесарному делу) и действовала на принципе самокупаемости — на средства от принадлежавшего ей доходного дома и работы ее учеников на пасеке и маленькой свиноферме²⁸.

Причиной успеха церковных обществ трезвости были преимущества, связанные с их созданием близко знакомыми соседями-общинниками, а также возможностью для духовных властей контролировать трезвенную рабо-

ту духовенства. В отличие от казенных попечительств о народной трезвости, заботившихся только о предотвращении «*неумеренного потребления питей*», эти трезвенные общества стремились утвердить в народе идею полной трезвости.

Такие общества должны были иметь свой устав, утвержденный епархиальным епископом и гражданскими властями. Каждое общество непременно должно было быть приписано к определенному приходу или храму и возглавляться местным приходским священником, представлявшим отчеты в местную духовную консисторию. Общества трезвости имели всесловный характер; в члены принимались православные обоюбого пола, начиная с 12-летнего возраста.

Деятельность членов церковно-приходского общества трезвости при храме Богородицы г. Кирсанова регламентировалась таким образом:

«Обязанности трезвенников

§ 5. Трезвенники не должны употреблять спиртных напитков ни при каких случаях.

§ 6. Трезвенники отговаривают и других от употребления спиртных словом, беседами, рассказами и занимательными чтениями.

§ 7. Общество трезвости устраивает для народа, проводящего время в трезвении, богослужения, а в свободные часы от богослужения, с разрешения начальства, чтения с туманными картинками о вреде пьянства и о нравственном исправлении жизни.

§ 8. Трезвенники должны оказывать уход за опьяневшими и удерживать их и в гостях и дома от дальнейшего опьянения.

§ 9. Обедневшему по какому-либо случаю своему члену трезвенники обязаны оказывать возможную поддержку примером, приставить к делу, найти работу или помочь материально деньгами, вещами.

§ 10. При своем полном отречении от употребления спиртных напитков трезвенники должны стараться о полном же воздержании и детей, отроков, отроковиц и юношей от всякого вина, даже сладкого, в котором также есть алкоголь или винный яд, вредно действующий на развитие молодого тела...»

Принятие в состав общества происходило торжественно, часто по специально составленному «церковному чину»: в воскресенье или праздничный день после молебна в присутствии священника и всего общества вступающий обещал на кресте, Евангелии или иконе святого покровителя общества не пить «*ни водки, ни пива, ни вина, никаких хмельных напитков*» в течение определенного времени. После произнесения торжественной клятвы каждому новому члену общества выдавались на память образок небесного покровителя, членский билет, устав общества, «священный» или «обетный» лист с текстом клятвы трезвости по типу приведенной ниже:

Обетная грамота

Во имя Отца, Сына и Св. Духа.

Дана сия грамота возлюбленному о Господе брату нашему... в том, что он, пришед в себя, в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, перед пречистым образом ее, изъявил твердое намерение и дал крепкое обещание не пить вина и ничего хмельного, а также не склонять к тому и других, равно не принимать никакого участия в различного рода предосудительных играх и не произносить скверных, гнилых слов, сроком на...

В чем и да поможет ему Господь Бог силой честного животворящего креста, заступлением Всепречистой Владычицы нашей Богородицы и молитвами всех святых. Аминь.

Настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы».

Имя вновь принятого члена, а также время его вступления и сроки обета записывались в особую книгу учета трезвенников. Отдельные общества практиковали предварительное испытание кандидатов в члены общества на короткий срок, например, на две недели.

Минимальный срок действия обета трезвости в каждом обществе устанавливался разный: от одного месяца до одного года. Некоторые трезвенники давали обет «*воздержания от алкогольных напитков*» на всю жизнь. Большинство же вступающих предпочитали обет сроком на год.

Обычным средством «профилактики» пьянства было устройство религиозно-нравственных противоалкогольных чтений. Затем выступал местный хор, который ис-

полнял церковные песнопения и песни, посвященные борьбе с пьянством. Особенно популярно было стихотворение «Что ты пьешь, мужичок?», переложенное на музыку. В городских обществах использовались последние достижения техники: демонстрация «световых картин». В те времена зрителей еще поражали изображения органов человеческого тела — печени, сердца, желудка — со сравнением их состояния у трезвого человека и алкоголика²⁹.

Общества трезвости активно распространяли среди населения книги, брошюры и печатные листки религиозно-нравственного и антиалкогольного содержания: «Вино — яд», «Отчего происходят многие болезни», «В пьяном угаре» и др. При возможности каждое общество стремилось открыть в своем приходе бесплатную библиотеку. К 1911 г. в России существовало 1818 различных (в основном церковно-приходских) обществ трезвости, в которых состояли 498 000 человек³⁰. Издавались даже специальные пособия по их организации³¹.

Трезвенники и власти. Благодаря усилиям энтузиастов дело народной трезвости сдвинулось с мертвой точки: так, например, в 1901 г. было сокращено время работы казенных винных лавок — до 18.⁰⁰ в городах и до 17.⁰⁰ в деревнях.

Однако возможности общественных организаций были весьма ограниченными. Даже их учреждение сопровождалось длительной канцелярской волокитой: уставы (при наличии собственности и прав юридического лица) необходимо было утверждать в Министерстве внутренних дел, а полицейские власти прежде всего беспокоились о политической благонадежности учредителей. Вся деятельность таких обществ протекала под бдительным контролем бюрократического аппарата и заинтересованных ведомств. Любые неугодные инициативы нередко умело тормозились разными способами — от недопущения духовных лиц к делу открытия новой чайной, запрещения публичных чтений с «туманными картинками» до отклонения проекта закона «Об опеке над привычными пьяницами и принудительном их лечении», который был разработан еще в 1889 г. особой комиссией Общества охранения народного здравия.

К тому же не все попытки внедрения трезвости были успешными. Когда под давлением общественности власти закрыли на Пасху 1914 г. столичные трактиры и пивные,

то рабочие нескольких предприятий устроили забастовку, требуя дополнительных дней на «нормальный» отдых. Не всегда была на высоте положения и местная общественность. Порой не только власти, но и земские органы не отзывались на просьбы обществ трезвости и не спешили помочь им своими средствами. Тем не менее, масштабы развернувшегося антиалкогольного движения заставили и правительство несколько изменить свою политику по отношению к питейной проблеме, чтобы не отдавать эту инициативу в руки общественности.

Почувствовав новые тенденции в общественной жизни, правительство в 1894 г. одновременно с введением винной монополии образовало губернские и уездные комитеты «попечительства о народной трезвости». В их обязанность входил надзор как *«за правильностью производства питейной торговли, так и, в особенности, распространением среди населения здравых понятий о вреде злоупотребления крепкими напитками, заботами об излечении страдающих запоем, устройством народных чтений»* и т.д.³² Попечительства должны были пресекать тайную торговлю водкой, заботиться о «нравственности» продавцов и трактирщиков, не допускать распития водки на улицах, ее продажи в долг или под залог. На эти цели они расходовали казенные субсидии (до 50 тыс. рублей в год), а также сборы от штрафов за нарушение правил торговли, частные пожертвования и собственные членские взносы.

К 1911 г. в России было создано 791 попечительство с 16 тыс. членов, большая часть которых назначалась по должности. Как правило, во главе этих комитетов стояли губернаторы или местные предводители дворянства. «Первенствующим членом» являлся епархиальный архиерей, а остальными — чиновники: управляющие палатами (контрольной, государственных имуществ, казенной), председатель и прокурор окружного суда, вице-губернатор, директор народных училищ, директор одного из средних учебных заведений, председатель отделения крестьянского поземельного банка, начальник губернского жандармского управления, уездный воинский начальник, врачебный инспектор и даже управляющий акцизными сборами (т.е. тот, кто непосредственно отвечал за получение дохода от продажи казенной водки). Кроме того, в состав комитета включались председатель губерн-

ской земской управы, два депутата от губернского земского собрания и городской голова губернского города. Столь же казенным был и состав уездных попечительств, куда входили, соответственно, уездный предводитель дворянства, уездный воинский начальник, помощник начальника жандармского управления и так далее, включая чинов акцизного ведомства.

Попечительства организовывали так называемые «Народные дома» нечто вроде советских «Домов культуры». Торжественно открытый в 1899 г. главой Петербургского попечительства принцем Ольденбургским столичный Народный дом с парком был специально оборудован для устройства самых разнообразных развлечений. На его сцене *«шел дивертисмент эстрадно-циркового характера с какой-либо аллегорической картиной в качестве апофеоза, на полуоткрытой сцене-раковине давались одноактные комедии, которые, как я убедился, очень нравились публике, либо концерты симфонического оркестра; и одновременно работали многочисленные аттракционы, как отлично посещавшийся павильон обсерватории с превосходными телескопами, павильон-лабиринт.., детская железная дорога миниатюрной конструкции, но с паровозами, шедшими на своей тяге, "Чертово колесо".., специальный трэк для катаний, "летающие аэропланы", т.е. особо устроенные качели, принимавшие горизонтальное положение при полете, аэропланчики "мертвая петля", галереи "кривых зеркал", и конечно же горы, электрифицированные горы, размещавшиеся у Невы, как раз напротив Зимнего дворца»*, — так рассказывал об этих популярных увеселениях известный организатор народных гуляний, театров и празднеств в Старом Петербурге А.Я. Алексеев-Яковлев³³. В этом Народном доме имени Николая II был впервые показан русский вариант фильма о приключении Шерлока Холмса.

Такие «народные дворцы» появились и в других городах — Томске, Тамбове, Одессе, Харькове; причем в провинции в их создании принимали участие не только попечительства, но и городские думы, и частные благодетели.

Попечительства открывали чайные-столовые и библиотеки-читальни. В 1909 г. чайных и столовых попечительств о народной трезвости было более 1 400, читален и библиотек — 4 027. Книжными складами попечи-

тельств ежегодно продавались и бесплатно раздавались десятки тысяч экземпляров книг, листов и картин и прочих «полезных народных изданий» о вреде пьянства, чаще всего представлявших собой пропагандистские листки с названиями: «Фабричные гуляют», «Что должна знать каждая мать о спиртных напитках», «Я не враг себе» и т.п., ценой в 3 копейки, которые рекомендовалось наклеивать на картон и развешивать на стенах чайных, столовых и читален, организованных попечительствами. Издавали и брошюры с довольно красноречивыми названиями: «Приключения бутылки с вином, рассказанные ею самою», «Пора опомниться!» и т.п.

Попечительства субсидировали публичные чтения и деятельность 879 народных хоров и оркестров. Большинство этих учреждений и мероприятий оставались убыточными; трудно оценить и какую-либо их эффективность, поскольку часто упоминавшаяся в отчете библиотека была лишь ящиком с книгами на сумму в 5 рублей, которым заведовал буфетчика чайной³⁴.

Министерство финансов вынуждено было уже в 1898 г. признать, что *«благотворные последствия введенной реформы ослабляются растлевающим влиянием частных питейных заведений, в которых сохранились традиции прежнего кабака»*, т.е. обман покупателей, содержание притонов и т.д.³⁵ А «сидельцы» казенных винных лавок были прямо заинтересованы в увеличении продажи, поскольку от оборота зависела категория «точки» и их собственное жалованье.

К тому же одной из главных целей попечительств было утверждение в массах официальной идеологии «единения царя с народом». Содержание «Народных домов» и библиотек, организация публичных чтений и театральных представлений, издание дешевых книжек, выдержанных в патриотически-охранительном духе, занимали в бюджете попечительств почти 70%; и только 2% средств расходовалось непосредственно на лечение алкоголиков³⁶.

Каких-либо эффективных мер против спаивания народа попечительства предпринимать не могли, поскольку не имели права самостоятельно прекращать на местах торговлю спиртным, а их ходатайства об упразднении местных казенных лавок далеко не всегда принимались во внимание. Проведенный в 1909 г. опрос общественно-го мнения показал, что лишь небольшая часть созданных

попечительств вела активную работу по антиалкогольному просвещению населения; остальные же *«никакой почти жизненности не обнаруживают»*, а их назначенные члены сами вовсе не служили примером трезвости³⁷.

Что же касается общественных организаций, то малейшие попытки критики существовавших порядков и казенной монополии пресекались. Так, в 1909 г. члены ряда ученых и педагогических организаций, представители обществ трезвости и земские деятели с большим трудом создали в Петербурге I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Его открытие готовил оргкомитет во главе с М.Д. Чельшевым, А.Ф. Кони и В.М. Бехтеревым, а в работе приняли участие член Государственного Совета Н.С. Таганцев, председатель Русского Технического общества В.И. Ковалевский (избран председателем съезда), члены Государственной думы А.И. Шингарев, В.Д. Набоков.

На съезде прозвучали 150 докладов по всем основным направлениям изучения проблемы пьянства, и 450 его участников на достаточно профессиональном уровне обсуждали проблемы координации трезвенного движения, стратегии и тактики искоренения пьянства в России. При этом речь шла не только об успехах, но и о проблемах движения. Так, например, распространенная в 1908 г. Александро-Невским обществом трезвости среди сельского духовенства анкета показала, с какими трудностями приходилось сталкиваться инициаторам создания обществ трезвости. Оказалось, что порой им противодействует не только местная власть, но и интеллигенция *«в лице крестьянских начальников, станových приставов, участковых врачей и фельдшеров, мировых судей и учителей министерских школ, которые все вместе составляют общество пьянства, картежной игры и прочих безобразий»*.

Но как только некоторые делегаты заговорили о финансовой политике правительства, о необходимости улучшения жизни народа в целом как обязательной предпосылке успешной борьбы с пьянством — президиум съезда немедленно прервал обсуждение и даже хотел запретить любые высказывания в адрес казенной монополии. Отреагировали и власти: по распоряжению градоначальника доклад «О взаимоотношении между нищетой и алкоголизмом» был снят с обсуждения.

Все же после длительных и острых дебатов съезд принял итоговые резолюции, в которых признал *«руководящим началом общественного движения»* принцип абсолютного воздержания от спиртного и весьма критически оценил итоги введения винной монополии, не оправдавшей ожиданий в силу того, что она одновременно вынуждена была решать взаимоисключающие задачи: пополнять казну и способствовать отрезвлению общества. Съезд решил, что необходимо добиваться сокращения выпуска спиртных напитков (с параллельным изысканием других источников казенных поступлений) и предоставления местным органам самоуправления права прекращать торговлю вином на своей территории. Правда, эти требования практически сводились на нет оговоркой, что их осуществление возможно лишь в будущем *«при изменении всей финансовой политики государства»*³⁸.

Прозвучали на съезде и более радикальные выступления. Бравшие слово делегаты рабочих организаций во главе с В.П. Милютиним (в будущем — советский экономист и государственный деятель) резко критиковали показной, по их мнению, характер борьбы с пьянством со стороны казенно-бюрократических учреждений. Они же утверждали, что невозможно устранить предпосылки всеобщей алкоголизации в условиях царской России, и выступали против религиозно-нравственных основ воспитания в школе. В результате представленная группой Милютина резолюция была съездом отклонена, а самих рабочих делегатов арестовали³⁹. Оскорбленные их выступлениями, из зала ушли представители духовенства; чиновники Министерства финансов, в свою очередь, покинули съезд, и в итоге его работа оказалась безрезультатной.

Критика в адрес правительства звучала не только со стороны радикальной общественности. Проходивший в 1912 г. первый *«Всероссийский съезд для обсуждения нужд виноделия и торговли вином и пивом»* считал необходимым обратить внимание властей на свою отрасль, которая, по мнению делегатов, должна была играть куда большую роль и в сфере развития национальной экономики (по приводимым на съезде данным, Россия ввозила виноградных вин на 10 млн. руб., а вывозила только на 51 тыс. руб.), и в борьбе с пьянством. В резолюции съезд записал вполне злободневную мысль: *«Там, где*

культурный уровень общества очень высок, где народ дошел до сознания, что пьянство — порок, где пьяный человек считается опозоренным, там почти нет вопроса о пьянстве. У нас же, где, к сожалению, народное образование стоит на низком уровне, где общие культурные условия жизни народа очень неблагоприятны, где быть пьяным не считается позором, нужны еще многие, долгие годы, чтобы отрезвить народ, причем главнейшими мерами для достижения этой цели могли бы явиться только меры культурного порядка».

Таким образом, видимых успехов в борьбе с пьянством достичь не удалось, тем более что и сами антиалкогольные общества не всегда находили нужные формы работы и порой воспринимались массами как бесполезные барские или чиновничьи затеи. Так, в приложении к ленинской «Искре» (октябрь 1901 г., № 9) появилась брошюра И.В. Бабушкина, где автор от имени иваново-вознесенских рабочих протестовал против журнальных статей, свысока описывавших их быт. В брошюре явно звучала обида на официальную «заботу» о рабочих со стороны «культурных личностей», которые сами были весьма далеки от проповедуемых ими норм. Наглядным примером лицемерия послужил визит тогдашнего министра внутренних дел Сипягина, который *«всюду принимал предлагаемые обеды и был пьян хуже сапожника.., а что это верно, то рабочие видели, как он с морозовского обеда выходил еле можахом»*⁴⁰.

К тому же любые меры в этой области наталкивались на финансовую политику самодержавия. По-прежнему 40-градусная водка и повышение цен на нее были одним из основных средств пополнения государственной казны. Даже предлагаемые активистами трезвенного движения полумеры отвергались Министерством финансов и заинтересованными кругами виноторговцев и спиртозаводчиков.

Сам автор реформы Витте вынужден был признать, что некоторая стабилизация потребления спиртного (для чего, собственно, по официальной версии, и осуществлялась реформа) наблюдалась лишь до 1904 г.⁴¹ После этого военные нужды и борьба с революционным движением не давали правительству возможности принимать сколько-нибудь серьезные меры, грозившие уменьшением питейного дохода. Сменивший Витте на посту мини-

стра финансов В.Н. Коковцов не желал заключать новые обременительные займы за границей и основной упор в своей политике делал на повышение налогов и цен на водку. При этом министр вполне сознавал, что эти тяготы в большей мере лягут *«на беднейшие слои населения, преимущественно потребляющие вино»*, как он указывал в специальной записке для премьер-министра П.А. Столыпина и членов его кабинета⁴².

Но и игнорировать общественное движение было уже невозможно. С 1907 г. в Государственной думе неоднократно и горячо выступал М.Д. Чельшев с требованием скорейшего принятия целого ряда мер, в том числе ликвидации винных «казенок» в деревнях, ограничения времени торговли спиртным. Депутат призывал вообще прекратить изготовление и продажу водки с 1908 г., заменив ее пивом, а потерю дохода от ее продажи компенсировать увеличением налогов. Он даже предложил новую этикетку для водочных бутылок с названием «Яд» и изображением черепа и костей⁴³.

Чельшеву и поддерживавшим его депутатам удалось добиться создания специальной парламентской комиссии по борьбе с пьянством во главе с епископом Гомельским Митрофаном. Эта комиссия стремилась обратить *«внимание руководителей финансовой политики, а также и частных лиц, на приближение момента введения более радикальных мер в интересах народного отрезвления, дабы устранить тем самым поводы и основания к расчетам, исходящим из наблюдавшегося до сих пор роста питейного дела»*.

Вместе с тем, эта и другие комиссии, создаваемые на разных уровнях для выработки мер по борьбе с пьянством, признавая необходимость решительных мер, были убеждены в том, что их немедленное осуществление не даст желаемых результатов и может даже *«поколебать государственный бюджет»* и внести замешательство в хозяйственные расчеты заинтересованных кругов. Тем не менее, думская комиссия в итоге подготовила законопроект «Об изменениях и дополнениях некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений». После длительных обсуждений он был утвержден Думой в 1911 г. и поступил в Государственный Совет, но до самого начала войны так и не получил силу закона, хотя «трезвенная» печать отмечала, что в ходе обсуждения

Дума отгрызла у законопроекта ограничения, нарушавшие интересы виноделов и пивоваров»⁴⁴.

Новый законопроект предусматривал право волостных и сельских крестьянских обществ и городских дум принимать решение о запрете на продажу водки на своей территории. Не разрешалась торговля спиртным в буфетах государственных учреждений и других общественных местах, а в лавках — по субботам и предпраздничным дням после 14 часов. Кроме того, предусматривалось понижение крепости водки до 37°, прекращение ее розлива в мелкую посуду. Размер жалованья продавцов теперь не должен был зависеть от объема проданного спиртного. Впервые предполагалось ввести в школах обязательное *«сообщение сведений о вреде алкоголизма»⁴⁵.*

Подготовка этого закона была использована Николаем II в январе 1914 г. для смещения неугодного премьера и одновременно министра финансов В.Н. Коковцова, убежденного сторонника казенной монополии и сохранения питейного дела в руках своего ведомства. Против слишком самостоятельного чиновника действовали царица, Распутин и сам отец винной монополии Витте, взявший теперь на вооружение лозунг трезвости. Преемник Коковцова П.Л. Барк получил царский рескрипт, где говорилось о невозможности строить обогащение казны на народном пороке и необходимости переустройства финансовой системы *«на началах развития производительных сил страны и упрочения народной трезвости»⁴⁶.*

В итоге расплывчатые формулировки высочайших указаний нашли воплощение в циркуляре управляющего Министерства финансов местным акцизным органам, которым предлагалось учитывать мнение земств и городских дум о целесообразности открытия новых винных лавок и энергичнее преследовать тайное винокурение: выдавать *«сидельцам»* награды за его обнаружение⁴⁷.

Смена министров на практике никак не повлияла на динамику питейного дохода, и в 1914 г. предполагалось собрать сумму, намного превосходящую прошлогоднюю, в том числе и за счет нового повышения продажной цены обыкновенного вина — с 8 руб. 40 к. до 12 руб. и столового вина — с 10 руб. до 16 руб. за ведро. Новый премьер И.Л. Горемыкин высказывался вполне откровенно по поводу намерения изменить правительственный курс: *«Все это чепуха, одни громкие слова, которые не полу-*

чат никакого применения; государь поверил тому, что ему наговорили, очень скоро забудет об этом новом курсе, и все пойдет по-старому».

Последовали и другие пропагандистские жесты, вроде распоряжения Николая II военному министру не подносить ему на высочайших смотрах и парадах обязательной пробной чарки. Только в самой преддверии войны приказом по русской армии было запрещено пить: солдатам — в любое время, офицерам — на учениях, маневрах, в походах и в *«присутствии нижних чинов»*, что мотивировалось, в частности, тем, что во время предыдущей (русско-японской) войны пьянство на передовой приводило к сдаче войсками позиций противнику. Тогда же в армии были введены наказания для солдат и офицеров за употребление спиртного на службе и предписано создавать полковые общества трезвости. Отныне сведения об отношении к спиртному должны были фигурировать в аттестациях офицеров, а командиры частей обязывались составлять списки заведений, которые их подчиненным разрешалось посещать⁴⁸. Только Морское ведомство держалось стойко и отстояло традиционную чарку для матросов.

В апреле 1914 г. появился на свет и закон о запрещении выделки и продажи фальсификатов и подделок, «не соответствующих по своему составу понятию виноградного вина».

Был ли «сухой порядок»? Только с началом первой мировой войны правительство вынуждено было пойти на более решительные шаги, хотя и здесь не обошлось без колебаний.

С 17 июля 1914 г. на время проведения мобилизации повсеместно была запрещена продажа спиртного, затем цена ведра водки была повышена на два рубля, а крепость ее понижена до 37°. 22 августа Николай II *«повелеть соизволил существующее воспреещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продлить впредь до окончания военного времени»*⁴⁹; правда, тогда никто не знал, что война затянется на несколько лет. При этом российские винокуры получали от правительства компенсацию (к сентябрю 1917 г. она составила 42 миллиона рублей), а уже произведенная продукция оставалась в целости на складах и

периодически сбывалась по особым разрешениям Министерства финансов. Тысяча с лишним заводов была пере-профилирована на изготовление денатурата и других изделий для нужд армии и промышленности⁵⁰.

Однако эти меры отнюдь не означали введения «сухого закона». Исключительное право продажи спиртного было сохранено для дорогих ресторанов первого разряда и аристократических клубов. Уже в августе 1914 г. было разрешено продавать виноградное вино (крепостью до 16°), а в октябре — и пиво. Торговля спиртным допускалась даже в районах боевых действий⁵¹. В конце концов правительство склонилось к достаточно мягкому варианту запретительных мер, и министр финансов П.Л. Барк заявил М.Д. Чельшеву, что пойдет навстречу инициативе местной общественности. В итоге принятое 10 октября 1914 г. Советом Министров положение давало право *«волостным, гминным, станичным, сельским, хуторским, аульным или заменяющим их сходам и сборам, а в городах и посадах городским или заменяющим их учреждениям возбуждать, установленным порядком, выраженные в законно состоявшихся постановлениях и приговорах, ходатайства о воспреещении в состоящих в их ведении местностях, а также на расстоянии ста сажень от границ означенных местностей, продажи крепких напитков»*⁵².

Первыми этим правом воспользовались Петроградская, а затем Московская городские думы. Они добились полного прекращения продажи всяких спиртных напитков до окончания призыва новобранцев. Их примеру последовали и другие крупные города.

Однако наступление «трезвых порядков» встречало и упорное противодействие. Часто в провинции губернаторы блокировали такие ходатайства⁵³. Сопротивлялись и владельцы различных «заведений»: в Москве трактирщики даже пытались организовать выступление своих служащих под лозунгом спасения их от нищеты и голода. В бульварной прессе была развернута кампания за открытие питейного промысла, и от имени *«истосковавшихся по ресторанному веселью»* обывателей властей призывали вернуть *«вредные, но милые привычки ночей безумных, ночей бессонных»*. Эти же предложения выдвигались на министерских и межведомственных совещаниях⁵⁴.

В короткий срок было достигнуто значительное сокращение потребления водки: если в январе—июле 1914 г. было продано 5 400 тыс. ведер, то в августе—декабре — только 700 тыс. ведер⁵⁵. Крестьянские депутаты в Государственной думе настаивали на принятии специального закона о сохранении «трезвого» положения. В 1915 г. соответствующий проект («Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости») стал официально рассматриваться в Думе, но лишь через год был принят, поступил для утверждения в Государственный Совет, где и оставался вплоть до 1917 г. без движения⁵⁶.

Все-таки, несмотря на господствовавшее во многих умах мнение о «национальной природе» российского пьянства и на короткий срок действия указанных мер по ограничению торговли спиртным, результаты не замедлили сказаться. Проводившиеся в то время социологические исследования, статьи в «трезвенной» прессе единодушно показывали благоприятный разворот событий.

Уменьшилось количество преступлений на почве пьянства. *«Прекращение продажи спиртных напитков оказало самое лучшее влияние на производительность рабочих, их поведение и сокращение прогульного времени»*, — таков типичный отзыв промышленников, среди которых в 1914 г. был проведен опрос о результатах действия перечисленных выше законов. Это и подобные исследования обнаружили, что прогулы на фабриках и заводах сократились на 27%, а производительность труда в промышленности выросла в среднем на 7%⁵⁷. Новые порядки пришли и в деревню: земские опросы населения осенью 1914 — весной 1915 г. показали сочувственное отношение крестьян к реформе: *«Приняли образ человека, даже домашние животные повеселели»*, *«мир в семье»*, — отзывались о последствиях запрета питейной торговли даже ее постоянные клиенты.

В сентябре 1916 г. Совет Министров России запретил производство спирта на всех винокуренных заводах, и в этом году казенная монополия принесла дохода всего в 51 миллион руб. — примерно 1,6% бюджета⁵⁸. Казалось, в стране, наконец, утверждается трезвость. В 1915 г. Государственная дума получила от Сената США официальное письмо с просьбой рассказать о российской практике «сухого закона», и практичные американцы уже приезжали изучать этот опыт в Самару. Знаменитый «Сатирикон»

А.А. Аверченко выпустил специальный прощальный сборник «Осиновый кол на могилу зеленого змия».

Однако по мере становления «сухого» порядка возникали и новые проблемы. Уже в первые недели войны начались волнения, которые нередко изображались в нашей литературе как антивоенные, а на самом деле были связаны с повсеместными проводками в армию. «Гуляния» закончились не менее чем 40 погромами в дни всеобщей мобилизации.

Как отмечалось во всеподданнейшем отчете пермского губернатора, в селениях призванные громили казенные винные лавки, причем в 6 случаях нападение было отбито полицейскими, а в 23 селениях вино было расхищено. Полиция применила оружие, вследствие чего было убито 4 и ранено 13 человек. На Надеждинском заводе «призванные, бывшие рабочие, требовали выдачи им пособия от заводоуправления, а затем толпой, к коей примкнули женщины и подростки, разгромили три частных пивных склада и покушались разгромить казенный винный склад и квартиру полицейского надзирателя, ранив при этом околоточного надзирателя. Полиция также отбила нападение, причем из числа нападавших выстрелами было убито 2 и ранено 5, в том числе и 2 женщины». На Лысьвенском заводе «рабочие и запасные нижние чины, не получив удовлетворения на свое незаконное требование (открыть винные лавки. — Авт.), заперли в конторе заводскую администрацию и чинов полиции, облили здание керосином и зажгли его, а выбегавших оттуда зверски убивали»⁵⁹. Особенно масштабными были события в Барнауле, где многотысячная толпа взяла штурмом винный склад, а затем целый день громила город; при усмирении погибло 112 чел. Позднее беспорядки и пьяные погромы проходили и при новых воинских призывах в 1915—1916 гг.⁶⁰

В 1915 г. при попустительстве властей в Москве начались погромы немецких фирм и заведений, которые нередко заканчивались теми же результатами — разгромом винных складов и массовым пьянством: «Имущество разбиваемых магазинов и контор уничтожалось без расхищения, но к вечеру и настроение толпы и состав ее значительно изменились, начался грабеж, в котором немалое участие приняли женщины и подростки; во многих случаях ограбленные помещения поджигались.

Разбитие водочной фабрики Шустера и винных погребов еще более озверило толпу, которая начала уже врываться в частные квартиры, разыскивая немцев и уничтожая их имущество. Поджоги, грабежи, буйство продолжались всю ночь с 28 на 29 мая, и только утром этого дня был прекращен совместными усилиями полиции и войск, с применением оружия, так как в некоторых местах толпа проявила попытки строить баррикады», — докладывало об этих «патриотических» акциях московское градоначальство⁶¹.

Деревня сравнительно легко отказалась от повседневного питания, но с трудом привыкала к трезвости по праздникам, издавна освященным питейными традициями. «Сухие» свадьбы, поминки, масленицу многие воспринимали как неприличие и компенсировали его изготовлением домашних напитков — хмельного кваса, пива, браги, поскольку производство их для себя законом не запрещалось. Появились трудности и в традиционных крестьянских взаиморасчетах: за работу на «помочах», крещение детей, участие в похоронах издавна требовалось угощение, т.к. брать деньги в таких случаях было не принято⁶².

Не было особых трудностей в приобретении спиртного и в городах. «Трезвенная» пресса с тревогой отмечала, что уже осенью 1914 г. на улицах стали продаваться листовки с рецептами: «Как изготавливать пиво и водку дома». Но и существовавшее законодательство оставляло немало возможностей для желающих выпить. Октябрьское Положение Совета Министров 1915 г. сохраняло вполне легальную возможность выдачи казенного спирта для химических, технических, научно-исследовательских, фармацевтических и косметических надобностей, чем не замедлили воспользоваться предприимчивые аптекари: в продаже появились «целебная» перцовая настойка и крепкий «киндербальзам».

По разрешению от полиции можно было получить водку на свадьбу или на похороны, и блюстители закона стали пользоваться открывшимися возможностями. На особо отличившихся чинов полиции стали поступать жалобы, как на пристава 2-го Арбатского участка Москвы Жичковского: *«Когда Жичковский, расплотив в своем участке всюду тайную торговлю вином и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок*

автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его, четыре месяца тому назад, перевели в 3-й Пресненский участок... Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершнев, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и за пристава в тройном размере»⁶³.

Сохранялась легальная торговля спиртным и «для господ», чем активно пользовались рестораторы для вздувания цен. Тем не менее, спрос не уменьшался. Под новый, 1917 год в московских ресторанах «нарасхват требовали вина и водок, платя за них от 50 до 100 р. за бутылку...»⁶⁴ Отцы города были обеспокоены и тем, что «все крепкие напитки и другие спиртосодержащие вещества, оставшиеся от продажи прежнего времени или приобретенные разными способами впоследствии, хранятся у владельцев ресторанов, трактиров, харчевен, столовых, театральных, клубных и вокзальных буфетов, чайных и проч. при помещениях означенных заведений, вследствие чего, с одной стороны, совершенно не поддается учету количество и способ расходования этих веществ, а с другой стороны, удобство доставать напитки из здесь же находящихся складов дает возможность во всякое время брать их оттуда как для подачи посетителям, так и для продажи на вынос», — отмечала Московская городская управа осенью 1917 г.

Уменьшение доходов от водки нанесло серьезный удар по бюджету. В условиях военного времени правительство решило компенсировать потерю «водочных» поступлений увеличением старых и введением новых налогов-акцизов: на пиво, табак, сахар, спички, керосин, на пользование телефоном, на проезд по железной дороге и т.д. С их помощью новый министр финансов рассчитывал даже превысить сумму прежних питейных поступлений в 1917 г.⁶⁵ Однако повышение налогов в 5—6 раз неблагоприятно отразилось на уровне потребления населения, который составил в 1916 г. лишь 52% от довоенного, и увеличило и без того высокую социальную напряженность в обществе.

Сокращение и удорожание продукции гражданских отраслей вызвало спекуляцию хлебом и стремление перегонять его на самогон: именно тогда этот продукт прочно

утвердился в российской деревне в качестве не только заменителя исчезнувшей водки, но и универсального средства обмена. Быстро развивалась и нелегальная торговля спиртным, на которую полиция и власти в ряде случаев смотрели сквозь пальцы. В продажу поступали огромные количества фальсифицированных вин. Клиенты исчезнувших «монополек» стали употреблять различные суррогаты: очищенный денатурат («ханжу»), одеколон, что приводило к тяжелым отравлениям. Резко увеличилась покупка сахара для перегонки на брагу: в условиях запретительных мер эта операция приносила несколько рублей дохода по сравнению с 5—10 коп., которые до войны выручали от спекулятивной торговли казенной водкой.

1916 г. дал резкое увеличение статистики городской преступности (в деревне она, напротив, сократилась); и хотя пьянство, конечно, было лишь одной из составляющих этого явления, тем не менее общеуголовная полиция накануне Февральской революции занималась преимущественно борьбой с подпольным изготовлением и торговлей спиртным⁶⁶. Отмечалось и увеличение потребления наркотиков; правительство даже вынуждено было принять в 1915 г. отдельное постановление «О мерах борьбы с опиекурением» с запретом сеять опиумный мак, производить и сбывать полученные из него препараты на территории Забайкальской области, Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств⁶⁷.

Введение запретительных мер в 1914 г. дало весьма важный опыт проведения «трезвой» политики. Однако эта, преимущественно административная, акция не была подкреплена в условиях войны материальными средствами и в итоге имела отнюдь не повсеместный успех. К тому же поражения на фронтах и падение жизненного уровня народа делали правительственную политику все более непопулярной.

Едва ли такие средства были способны быстро решить алкогольную проблему в стране, где потребление водки шло по нарастающей в течение 300 лет. Во всяком случае, последние проведенные перед революцией социологические опросы показывали уже не такую радужную картину, как в 1914 г., и вынуждали их авторов признать, что *«пьянство народа продолжается теперь в*

таких же чудовищных размерах, хотя и не открыто, как прежде»⁶⁸.

Мы не беремся предсказывать, насколько успешной была бы борьба за трезвость образца 1914 г. при иных условиях. Временное правительство пыталось сохранять введенные ограничения и даже усилить их. Его постановление «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков» от 27 марта 1917 г. воспрещало *«повсеместно в России продажу для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, из каких бы припасов или материалов и какими бы способами эти напитки и вещества ни были приготовлены»*, но при этом признавало свободным промыслом производство и продажу *«в винодельческих местностях... с соблюдением действующих узаконений и правил, натуральных виноградных вин из произрастающего в России винограда»*. Городские и земские общественные учреждения по-прежнему имели право издавать постановления, ограничивавшие или запрещающие такую продажу. Нарушение этого порядка каралось в первый раз заключением в тюрьме на время от двух до четырех месяцев, а в третий — от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев⁶⁹.

Однако политическая нестабильность и экономический кризис не позволили реализовать ни этот, ни многие другие планы Временного правительства. События октября 1917 г. принципиально изменили обстановку в стране, а вместе с ней и алкогольную политику, которая досталась в наследство новому большевистскому режиму.

Примечания

1 См.: Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение 1858—1860 гг. // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1962. Вып. 2. С. 116.

2 См.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С. 139.

3 Цит. по: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1934. Т. 4. С. 301—302.

4 См.: Добролюбов Н.А. Народное дело // Полн. собр. соч. М., 1927. Т. 4. С. 126.

5 См.: Колокол. 1860. 1 августа. С. 647.

- 6 Голос минувшего. 1923. № 1. С. 193—195.
- 7 Цит. по: *Казьмин В.* Из всех зол // Наука и жизнь. 1989. № 4. С. 151.
- 8 *Чукмалдин Н.М.* Записки о моей жизни. М., 1902. С. 145—146.
- 9 См.: Пьянство и преступность: история проблемы. Киев, 1989. С. 86.
- 10 Цит. по: *Алексеев П.С.* О пьянстве. М., 1981. С. 5, 24.
- 11 Цит. по: *Бажанов Е. М.Д.* Чельшев // Трезвость и культура. 1991. № 12. С. 59.
- 12 См.: *Попов И.* Что могла сделать школа для общества трезвости в деревне // Народное образование. 1904. № 2. С. 130.
- 13 См.: *Алексеев П.С.* Указ. соч. С. 181—183.
- 14 Московский листок. 1896. № 163.
- 15 См.: *Бойко Т.* Первое московское // Трезвость и культура. 1991. № 12. С. 59.
- 16 См.: Вестник трезвости. 1914. № 230. С. 24—25; В борьбе за трезвость. 1916. № 3—4. С. 22—32.
- 17 См.: *Фавр В.В.* Способы общественно-государственной борьбы с пьянством. Харьков, 1900. С. 6.
- 18 *Бехтерев В.* Алкогольная политика или алкогольное оздоровление // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 290.
- 19 *Кони А.Ф.* К истории нашей борьбы с пьянством // Трезвость и культура. 1990. № 12. С. 29.
- 20 См.: *Булгаковский Д.Г.* Горе-Злосчастье: Альбом картин из жизни людей преданных пьянству. СПб., 1906; Он же. Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятниках древнерусской письменности. М., 1902.
- 21 См.: К вопросу о народной трезвости. М., 1917. С. 59.
- 22 См.: *Евдокимов Л.В.* Войсковые музеи трезвости // Военный сборник. 1914. № 2. С. 145.
- 23 *Беляев М.М., Беляев С.М.* Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914. С. 27, 29.
- 24 См.: *Райский Д.* Борьба русского правительства с кабаком // Наблюдатель. 1901. № 4. С. 145.
- 25 См.: Молитвы об исцелении от недуга пьянства. М., 1994; Аргументы и факты. 1995. № 3.
- 26 См.: *Шевляков М.* К истории насаждения трезвости // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 198—204.

27 См.: Труды комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья. СПб., 1900. Вып. 4. С. 269.

28 См.: Труды комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним. СПб., 1909. Вып. 10. С. 146—148.

29 См.: *Ушакова О.* Народный недуг // Родина. 2001. № 3. С. 43.

30 См.: Первый противоалкогольный адрес-календарь на 1912 г. СПб., 1912. С. 84.

31 См.: *Успенский С.* Памятная книжка трезвенника. Практическое осуществление дела борьбы с пьянством. М., 1912.

32 См.: Попечительства о народной трезвости. 1895—1898. СПб., 1900. С. 1.

33 Русские народные гулянья по рассказам А.Я. Алексева-Яковлева. М.—Л., 1948. С. 148—149.

34 См.: *Канель В.Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 149, 489.

35 См.: Борьба с пьянством и питейная монополия // Русский вестник. 1898. № 10. С. 387.

36 См.: Попечительства о народной трезвости в 1911 г. М., 1912. С. 16.

37 См.: *Проппер С.М.* Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900. С. 288.

38 Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. Т. 1. С. 89—92, 177.

39 См.: *Бородин Д.Н.* Итоги работы I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. С. 14, 144, 169, 171, 215.

40 Воспоминания И.В. Бабушкина. М., 1955. С. 159—160.

41 См.: *Добровольский Н.С.* К вопросу о народном пьянстве. М., 1914. С. 13.

42 См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы I мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1960. С. 33.

43 См.: Речи М.Д. Чельшева, произнесенные в III Государственной Думе. СПб., 1912. С. 14, 60, 89, 755.

44 Вестник трезвости. 1912. № 206. С. 10.

45 См.: *Добровольский Н.С.* Указ. соч. С. 1—12.

46 Цит. по: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1911—1919. М., 1991. С. 343—344.

47 См.: Вестник винокурения. 1914. № 2. С. 19.

48 См.: Вестник трезвости. 1914. № 231. С. 3; № 234—235. С. 14—16; Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 59—61.

49 Вестник трезвости. 1914. № 236. С. 32; № 237. С. 6, 12.

- 50 См.: *Segal B.* Russian drinking, P. 119.
- 51 См.: Вестник трезвости. 1915. № 238. С. 1; 1916. № 260—261. С. 9.
- 52 Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1914. Ст. 2471; См. также: Вестник трезвости. 1915. № 243. С. 1.
- 53 Вестник трезвости. 1915. № 241. С. 1.
- 54 См.: *Коломаров Н.Н.* Теперь или никогда. Пг., 1915. С. 4—5, 25, 35, 38.
- 55 См.: *Михайлов И.И.* Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917. С. 26.
- 56 См.: *Воронов Д.Н.* Алкоголь в современном быту. М.—Л., 1930. С. 37.
- 57 См.: Вопросы финансовой реформы в России. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 13, 48, 52; *Голосенко И.А.* Указ. соч. С. 206.
- 58 См.: Вестник трезвости. 1916. № 262—263. С. 30; Социальная революция и финансы. М., 1921. С. 100.
- 59 Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 г.? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 46.
- 60 См.: *Канищев В., Протасов Л.* Допьем романовские остатки! // Родина. 1997. № 8. С. 62.
- 61 Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Майские беспорядки 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 140; *Воронков М.И.* Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С. 11.
- 62 См.: *Воронов Д.Н.* Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916. С. 21—23, 51.
- 63 *Кустова М.К.* Получают жалованье, а за что, неизвестно... (Москвичи и полиция) // Московский архив: Вторая половина XIX начало XX в.: Историко-краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 132.
- 64 *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 7—8.
- 65 См.: Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 55.
- 66 См.: *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 76; *Анисимов Н.Н.* Охранные отделения и местные власти царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 125.
- 67 См.: Сборник действующих постановлений. Второе дополнение. Пг., 1915. С. 186—187.
- 68 *Гордон Г.* Об алкоголизме в средней школе // Летопись. 1916. С. 15—16.
- 69 Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. С. 115—117.

Глава 6

ВНУКИ ЛЕНИНА ПИТЬ НЕ БУДУТ!

*Диктатура трезвости. —
Можно ли чуточку выпачкаться в грязи? —
На баррикадах быта. — Жить стало веселее*

*А что народ? Сыны отчизны?
Как бы присутствуя на тризне,
По вынесении икон, —
Усердно гонят самогон.*

Г. Горбовский. Сижу на нарах.
Из непечатного. СПб., 1992

Диктатура трезвости. Советской власти с первых же дней ее существования пришлось столкнуться с проблемами, оставленными прежним режимом. На какое-то время одной из главных стал алкоголь, огромные запасы которого были сосредоточены на складах и прочих хранилищах в столице. В ноябре 1917 г. эта бомба взорвалась: под лозунгом «Допьем романовские остатки!» в Петрограде начался разгром винных складов.

Кто конкретно являлся инициатором этой акции и насколько она была организована — сейчас установить довольно трудно. Во всяком случае, в то время на основании изъятых при арестах документов и листовок обвинение было предъявлено кадетской партии. Однако о будущих пьяных погромах предупреждал уже в мае 1917 г. известный публицист Влас Дорошевич, призывавший со страниц газеты «Русское слово» уничтожить все запасы спирта. Скорее всего, в условиях полного крушения государственной власти и порядка провокационные призывы штурмовать винные склады сочетались со стихийным подъемом деморализованных солдат и прочей городской публики, не склонной поддерживать «царский» трезвый

порядок. Правда, в свое время один из самых информированных участников событий, управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич сообщал историку П.Я. Канну, что большинство документов по делу о погромах было в конце 1917 г. передано из Петроградского Совета в Наркомюст, а затем уничтожено наркомом И.З. Штейнбергом, поскольку якобы содержало компрометирующие его партию левых эсеров материалы¹.

Однако как бы то ни было, волна погромов быстро распространилась по городу и приняла к началу декабря угрожающий характер. Срочно предпринятые новыми властями меры по выявлению и ликвидации запасов спиртного успеха не принесли: 23 ноября 1917 г. призванные для этой цели солдаты устроили новый «штурм» погребов Зимнего дворца, о чем вынужден был доложить Военно-революционному комитету нарком просвещения А.В. Луначарский².

Ситуация требовала от нового правительства чрезвычайных мер; срочно был создан Особый комитет Петроградского Совета по борьбе с погромами во главе с управляющим делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевичем. Позднее он вспоминал, что Ленин одобрил самое радикальное решение проблемы — уничтожение всей готовой алкогольной продукции, хранившейся у частных владельцев. В те же дни вождь обращался за помощью в Петроградский комитет партии: *«Прошу доставить не менее 100 человек абсолютно надежных членов партии в комнату № 75, III этаж — комитет по борьбе с погромами (для несения службы комиссаров). Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы»*³. Учрежден был и специальный пост комиссара по борьбе с погромами.

Петроградский Военно-революционный комитет 2 декабря 1917 г. поставил вне закона производство спирта и всех алкогольных напитков. Население столицы было предупреждено: *«Вина в Петрограде не будет. Те из вас, кто верит в народное правительство и хочет помочь ему поддержать порядок среди трудящихся, не должны:*

1) останавливаться около предполагаемых или известных мест хранилищ вина;

2) покупать, брать и хранить вино.

Те граждане, которые нарушат эти указания — наши враги, и с ними будут поступать по всей строгости революционных законов».

Другое воззвание от 5 декабря призывало немедленно сообщать в ВРК о местонахождении любого хранилища спиртного⁴.

Отряды красногвардейцев закрывали рестораны, охранили склады со спиртом, проводили обыски и ликвидировали конфискованные запасы вин. *«По распоряжению Военно-революционного комитета уничтожен ряд винных погребов. Значительный отряд солдат и матросов явился в погреб на углу Вознесенского проспекта и Почтамтского переулка. Бутылки с вином были разбиты, а подвал залит водой. Таким же образом уничтожен огромный винный склад Петрова в доме № 8 по Пантелеймоновской улице, причем разлитое вино выкачивалось пожарными машинами в сточные трубы. Наряд Красной гвардии уничтожил вино, находившееся в погребах клуба по Галерной улице, 41...»* — такие сводки поместила 1 (14) декабря газета «Рабочий и солдат».

Чуть ранее наиболее надежные воинские части и матросы закончили операцию по очистке подвалов Зимнего и спустили в Неву запасы коллекционных вин. *«Вино стекало по канавам в Неву, пропитывая снег, пропойцы лакали прямо из канав»* — вспоминал события тех дней Троцкий. Такие же операции прошли и в Москве, где были уничтожены громадные количества вина из хранилищ бывшего Удельного ведомства. В декабре в столице было объявлено осадное положение. Для наведения порядка применялись самые решительные меры, включая использование *«бронемашин для разгона толп погромщиков»* и пулеметного огня.

Но на самом деле погромы начались раньше — еще в сентябре 1917 г., когда провал корниловского путча деморализовал армию, а Временное правительство стремительно теряло былую популярность. В провинции толпы солдат и примкнувших к ним жителей разоряди винные склады: в Липецке, Ельце, Новочеркасске, Ржеве, Белгороде, Курске, Торжке, Ярославле, Моршанске, Саранске, Вышнем Волочке, Гжатске, Галиче⁵. В Пензе громили избирательные участки по выборам в Учредительное собрание, т.к. был пущен слух, что в день голосования народ будут поить.

Очевидец-гимназист описывал разгром винного завода в городе Острогжске Воронежской губернии: *«Пили из ведер, из солдатских котелков и просто перегнувшись через край огромного чана, пили тут же у бочек, пили во дворе, усевшись у стенок подвала. К заводу бежали со всех сторон всякие проходимцы. Теснота и давка в подвале нарастала с каждой минутой. Солдаты, чтобы не лазить по гладким и скользким стенкам чанов и не черпать водку, перегибаясь через стенки, просто простреливали чаны из винтовок. Струйки водки лились прямо в котелки. Вскоре в подвале ходили по пояс в водке. Кто падал, больше уже не вставал — тонул в ней. Тут же возникали драки пьяных из-за мест у бочек и чанов, из-за прохода в подвалы.*

Все кончилось чрезвычайно печально. То ли кто-нибудь, выпив, решил закурить в подвале и бросил горящую спичку, то ли кто-то зажег спичку, чтобы найти упавшего товарища, но вдруг в подвале вспыхнул пожар, который моментально охватил все помещение. Началась страшная паника. Все ринулись к выходам. Образовались пробки. Люди с громкими воплями выскакивали из подвалов и с воем катались по земле, стараясь потушить свою горящую одежду»⁶.

Только к началу 1918 г. новая власть сумела справиться с волной анархии. Погромы были прекращены, а спиртозаводы (в 1919 г. их оставалось всего 72 из 680 действовавших в 1915 г.), как и другие отрасли промышленности, вскоре были национализированы; их продукция шла исключительно на технические цели, прежде всего — на изготовление пороха. Но проблема винной политики очень быстро вновь дала о себе знать в условиях продовольственного кризиса.

Развал промышленности и транспорта в годы гражданской войны привел к разрыву связей между городом и деревней. Не получая промышленных товаров, крестьяне придерживали хлеб до лучших времен и перегоняли миллионами пудов на более удобный для хранения и универсальный при натуральном обмене продукт — самогон. Борьба за хлеб для промышленных центров и армии заставила советское правительство в 1918 г. применять к изготовителям и торговцам сивухой самые жесткие меры: *«Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на сыпные пункты, а*

также всех расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины, а самогонщиков сверх того к принудительным работам» — считал необходимым в то время Ленин⁷.

Юридически эти требования были закреплены в декретах в мае 1918 г. («О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими») и в декабре 1919 г. («О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»)⁸.

Второй декрет гласил:

«1) Воспрещается повсеместно в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике изготовление без разрешения спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, из каких бы припасов или материалов, какими бы способами, какой бы крепости и в каком бы количестве спиртовые напитки и вещества ни были приготовлены.

2) Воспрещается продажа для питьевого потребления спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ. Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает полтора процента (градуса) по Траллесу. Для виноградных вин крепость допускается не свыше двенадцати градусов...

8) За выкурку спирта в недозволенных законом местах из каких бы то ни было припасов, каким бы то ни было способом, в каком бы то ни было количестве и какой бы то ни было крепости виновные подвергаются: а) конфискации спирта, припасов, материалов, аппаратов и приспособлений для выкурки; б) конфискации всего имущества и в) лишению свободы, соединенному с принудительными работами на срок не ниже 5 лет. Тем же наказаниям подвергаются виновные в соучастии в тайном винокурении и в пособничестве ему, а также виновные в продаже, передаче, приобретении, хранении, проносе и провозе незаконно выкуреного спирта».

Эти декреты в целом не означали введения «сухого закона», т.е. не запрещали вообще употреблять спиртные напитки или изготавливать натуральные виноградные вина, а имели главной целью воспрепятствовать переводу зерна на самогон. Тем не менее, они карали не только за самогонование (от 5 до 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества). Преследовалось также распитие незаконно изготовленных крепких спиртных напитков и появление в пьяном виде в общественных местах (лишение свободы с привлечением к принудительным работам на срок не менее 1 года).

26 августа 1920 г. новое Постановление Совнаркома объявило все имевшиеся на территории РСФСР запасы вина, коньяка и водки *«национальной государственной собственностью»*⁹. Однако в условиях войны и многократной смены власти на местах эти распоряжения едва ли могли буквально исполняться. Реальная, а не «декретная» история эпохи не дает доказательств существования в те годы сколько-нибудь эффективного сухого порядка. «Совслужащий» обыватель-москвич отмечал в своем дневнике, что и в условиях «диктатуры трезвости» бутылка спирта или самогона была вполне доступным рыночным продуктом для тех, кто мог заплатить за нее от 50 до 250 миллионов руб. — именно так менялись цены с декабря 1917 г. по июнь 1922 г.¹⁰

Глубочайшие социальные потрясения и остервенение гражданской войны способствовали деморализации по обе стороны линии фронта. Сам Ленин вынужден был признать, что *«отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями, но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства»*; так же порой не выдерживали искушения и состоявшие из рабочих продовольственные отряды, которые вместе с частями Красной Армии изымали хлеб у крестьян¹¹.

Не только в боях «прославилась» Первая конная армия, о безобразиях которой в захваченном Ростове-на-Дону вынужден был доложить в Москву представитель ВЧК Я.Х. Петерс: *«Армия Буденного разлагается с каждым днем: установлены грабежи, пьянство, пребывание в штабе подозрительных женщин и расхищение трофеев»*. Характерно, что руководство Первой конной не видело в этом ничего чрезвычайного, и К.Е. Ворошилов оправдывал перед главкомом разгул своих подчинен-

ных тем обстоятельством, что русскому человеку после тяжелых трудов свойственно немного «расслабиться»¹².

Председатель Совнаркома требовал беспощадного применения смертной казни за спаивание красноармейцев; эти угрозы не оставались пустым звуком, о чем сообщали грубоватые агитки Демьяна Бедного:

«Аль ты не видел приказов на стене
О пьяницах и о вине?
Вино выливать велено,
А пьяных — сколько ни будет увидено,
Столько и будет расстреляно».

Параллельно с применением репрессий большевистское руководство пыталось вводить и новые традиции: во время праздников «смычки» Красной армии с крестьянством попойки заменялись (неизвестно, насколько успешно) культурным времяпровождением: коллективной читкой газет, лекциями «начиная с вопроса о сифилисе и кончая вопросами перспектив мировой революции», пением революционных песен¹³.

В борьбе с пьянством местные военные и гражданские власти применяли уже более суровые наказания, чем это было предусмотрено перечисленными выше декретами; нижегородская губчека, например, предупреждала: уличенные в продаже и выделке спиртных напитков будут расстреляны! В Тульской губернии же за аналогичные нарушения суды давали 20 лет тюрьмы или даже пожизненное заключение¹⁴. Не менее суровой была в те годы и партийная ответственность. Московский комитет РКП(б) регулярно проводил суды чести над замеченными во хмелю коммунистами и исключал их из партийных рядов, поскольку «подобные поступки подрывают авторитет партии, ...ссылка же на партийное прошлое в данном случае являетсяотягчающим вину обстоятельством»¹⁵.

Правда, принятая в 1919 г. новая программа РКП(б), рассматривала пьянство наряду с другими социальными болезнями. Но сколько-нибудь серьезное развитие этой идеи на практике было совершенно нереальным. Конфиденциальные сводки ВЧК о положении дел в стране рисовали картины повсеместного злоупотребления горячительным со стороны самой советской администрации — как, например в Полтавской губернии: «Некоторые ответственные работники на глазах всего народа ведут

нетрезвую жизнь; пьянство и разгул дошли до невероятных размеров, пьянствует железнодорожная охрана, пьянствуют сотрудники»¹⁶.

Надо отметить, что политические противники большевиков — от эсеров до монархистов — были гораздо более либеральны в «питейном» вопросе. Однако пьянство и грабежи в рядах белых армий заставляли и их командование осуждать (как это сделал знаменитый генерал Краснов в 1918 г.) безобразное поведение «лиц в офицерской форме» и хотя бы формально усиливать ответственность за пьянство и дебоши. О кутежах своих подчиненных, которые *«не раз обижали население»*, деликатно упоминал в мемуарах и А.И. Деникин.

В целом общий упадок хозяйства и названные выше меры, несомненно, повлияли на сокращение пьянства в стране, хотя никак его не устранили ни самого питья, ни порождавших его причин. Не стоит доверять приводимым в современной «трезвенной» литературе данным о минимальном душевом потреблении в это время по сравнению с довоенным периодом; точные подсчеты такого рода для эпохи гражданской войны вообще едва ли возможны. Но с возвращением к мирной жизни питейная проблема вновь напомнила о себе.

Можно ли «чуточку выпачкаться в грязи»? Строительство нового мира предполагало радикальное искоренение всяких буржуазных пережитков, и с этой точки зрения Ленин считал вполне необходимым *«принуждение в целях достижения социального блага»*. С началом нэпа он по-прежнему оставался решительным сторонником ликвидации алкогольного производства и торговли. Допущение рыночных отношений вовсе не означало, по его мнению, разрешения торговать сивухой. *«За это мы будем карать»* — был уверен главный большевик¹⁷.

Водка, наравне с духовной сивухой религией, оставалась для Ленина до конца его жизни символом страшного и недопустимого зла. Правда, справедливости ради надо сказать, что до революции вождь пролетариата по отношению к обоим явлениям проявлял ббольшую терпимость: религиозность он не считал неодолимым препятствием при вступлении в партию, а по отношению к спиртному не выказывал безусловной непримиримости. По воспоминаниям финского социал-демократа Юрьи Сиро-

ла, в 1910 г. во время очередного конгресса II Интернационала его устроители-датчане пригласили приехавших гостей на вечер. *«...Когда графин с водкой по кругу дошел до нас, я спросил у Ленина: "Вы позволите себе перед обедом рюмочку?" — "Моя партия не запрещает этого"»*, — был ответ. Работавший с вождем в качестве секретаря ЦК В.М. Молотов указывал, что Ленин, как компанейский человек, не отказывался от вина и позднее¹⁸. Однако принятый в 1920 г. план ГОЭЛРО предусматривал сохранение официально существовавшего «сухого порядка в стране».

Реальность оказалась сложнее. С началом НЭПа решение частного предпринимательства и торговли и сама практика рыночного хозяйствования заставили руководство страны постепенно отойти от жесткой антиалкогольной политики. Уже в августе 1921 г. Совнарком разрешил свободную выделку и продажу виноградного вина крепостью до 14°, а в декабре — до 20°. Затем в конце 1922 г. легальным напитком стал коньяк. В 1923—1924 гг. стали возрождаться остановленные в свое время монопольные «винные склады», становившиеся советскими ликеро-водочными заводами. Со склада под № 1 — будущего завода «Кристалл» пошли в продажу первые 30-градусные наливки и настойки. ЦИК СССР разрешил их изготовление и продажу не только государственным, но и кооперативным организациям и акционерным обществам с преобладанием государственного капитала¹⁹.

На московских улицах вновь появились всевозможные увеселительные заведения — от солидного ресторана «Амбир» до подозрительных «чайных-столовых», где посетителям предлагали уже не только виноградные вина, но и «не существовавшую» по закону водку по полмиллиона за бутылку. Зато вполне легально стало продаваться пиво, тем более что появилась возможность открывать частные пивные.

Советские пивовары учли конъюнктуру новой эпохи: их продукция получила соответствующие названия — «Стенька Разин», «Красная Бавария»; к годовщине революции 1923 г. выпустили новый сорт — «Октябрьское» с должной рекламой в газетах: «Партийным, профсоюзным, воинским и гражданским учреждениям скидка — 15% с оптовой цены». Но появились и конкуренты:

«Трехгорное пиво выгонит вон ханжу и самогон»;

«Не забудьте запастись пивом и медовым шампанским кустарно-химического производства "Александр Балогурский" в Москве»;

«Ты говоришь, к Пасхе нельзя купить коньяк? Так купи вино В.Г. Сараджева», под такими лозунгами в начале 20-х гг. шла уличная реклама, вытесняя с алкогольного рынка подпольный товар. Центральное управление государственной спиртовой монополии периодически отпускало свою продукцию *«для пищевого употребления при тяжелых работах»* в виде поощрения, что иногда имело место и раньше, в период гражданской войны, на военных заводах²⁰.

В печати между *«Правдой»* и либеральным журналом *«Экономист»* прошла дискуссия о возможности торговли водкой. Старый большевик А. Яковлев заверял своего оппонента профессора И.Х. Озерова, обещавшего новому правительству доход в 250 миллионов золотых рублей при разрешении торговли водкой по двойной (по сравнению с дореволюционной) цене: *«Советская власть, которая существует для народа и его хозяйства, не говоря о прочем, не может становиться на этот губительный путь уже по одному тому, что в погоне за вилами писанными или даже верными 250 миллионами народное хозяйство понесет такие убытки, такие разрушения, которые никакими миллионами не оплатятся. Это не пройдет!»*²¹

Большевик оказался не прав. Главный запрет в стране *«водочной культуры»* успешно подрывался усилиями самогонщиков, благо новый уголовный кодекс 1922 г. практически отменял *«сухие»* декреты 1918—1919 гг. и предусматривал за самогонование минимальное наказание. Но такой либерализм в условиях хорошего урожая 1922 г. быстро привел к массовому самогоноварению и повальному пьянству: общество снимало накопившийся за революционные годы стресс.

Процесс пошел так энергично, что в информационных бюллетенях ГПУ появились специальные *«пьянь-сводки»*, фиксировавшие практически во всех губерниях резкий рост пьянства и соответствующих правонарушений²². Против самогонщиков была развернута настоящая кампания. Пропаганда объявила пьяниц пособниками белогвардейцев, помещиков и фабрикантов: *«Что ему стоит в*

погоне за лишней чаркой самогона продать интересы рабочих и крестьян? Что ему за дело до восстановления народного хозяйства? Он — враг восстановления».

Борьба с самогонщиками и их клиентами в 1922 г. была объявлена ударным фронтом милиции, которая к тому же стала получать премиальные отчисления от штрафов. По стране шли обыски, срочно ужесточили наказание: самогонный промысел по новой статье карался 3 годами тюрьмы с конфискацией всего имущества. За два года были заведены сотни тысяч уголовных дел и конфисковано более 300 000 самогонных аппаратов²³.

Но строгие меры давали лишь некоторый эффект в городе и минимальный — в деревне. Ведь из пуда хлеба можно было выгнать 10 бутылок самогона, стоивших на рынке примерно 10 рублей. Выгода была очевидной, поскольку пуд муки стоил всего 50—60 копеек; часто беднейшее население деревни гнало самогон специально на продажу, что обеспечивало верный и сравнительно легкий заработок: *«3—4 раза прогонишь как следует, можно, пожалуй, и лошадь купить»*, — оценивали преимущества этого промысла сами крестьяне, тем более что согласно классовому подходу с бедняка брали гораздо меньший штраф. Кроме того, самогонование становилось главным источником дохода для крестьянских вдов и их детей (иначе общине пришлось бы их содержать за свой счет); по традиции оплачивали спиртным и общественную «помочь». По расчетам экономистов, около трети всего производимого самогона шло на рынок, и это давало продавцам доход в 280 млн рублей²⁴.

Более успешным оказалось вытеснение самогона настоящей водкой. Нарком финансов Г.Я. Сокольников публично признал поражение новой власти *«в своей попытке добиться установления в стране режима абсолютной трезвости»*. Еще при жизни Ленина летом 1923 г. вопрос о выпуске водки обсуждался в ЦК партии, и Троцкий горячо убеждал коллег *«отвергнуть и осудить всякую мысль о легализации водочной монополии»*, которая неизбежно, по его мнению, должна была привести к деморализации рабочего класса и самой партии. Однако после смерти вождя позиции Троцкого в руководстве партией и государством все более слабели; и в этом вопросе, как и во многих других, верх одержали его противники во главе со Сталиным.

Троцкий тщетно протестовал против производства и продажи настоек, коньяка и ликеров на октябрьском пленуме ЦК РКП(б) 1924 г., обвиняя своих оппонентов в фактическом проведении в жизнь питейной монополии без официальной санкции партии²⁵. Спор окончательно завершился в августе 1925 г. принятием специального постановления Президиума ЦИК СССР «Положение о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими»²⁶. Государственная монополия на изготовление 40-градусной водки была, таким образом, восстановлена. Ее продукция, тут же окрещенная «рыковкой» по имени нового главы правительства А.И. Рыкова, уже в октябре пошла на рынок по весьма низкой цене — 1 рубль за поллитровую бутылку.

Историческое решение партии и правительства немедленно вызвало самый живой отклик в массах, о чем свидетельствует перлюстрация писем жителей страны Советов. Некто Новиков из Ленинграда писал товарищу: *«...за последнее время сказывается влияние нэпа, возрождающего капитализм, а вместе с ним и все то, что свойственно ...для буржуазии. В Ленинграде открыта официальная госвинторговля ...решили построить бюджет на продаже водки... Государственное признание и допущение пьянства — грубая, непростительная ошибка. Эта ошибка может быть для нас роковой»*. Менее сознательные просто описывали сцены невиданного ажиотажа: *«В первый день выпуска сорокаградусной люди на улицах... плакали, целовались, обнимались. Продавать ее начали в 11 час. утра, а уже в 4 ч. все магазины были пустые. ...Через 2 прохожих третий был пьян.... ...У нас стали ей торговать с 3 октября. За ней все кинулись, как в 1920 году за хлебом. С обеда на заводе больше половины на работу не ходили»*, — так отметили праздник в подмосковном Голутвине. Чувство юмора благодарного населения тут же проявилось в новых названиях водочной посуды: *«Если кому нужно купить сотку, то просят — дайте пионера, полбутылки — комсомольца и бутылку — партийца»*²⁷.

Почему же партийно-государственное руководство все-таки пошло на эту меру? Официально в тезисах Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) водочная монополия рассматривалась как вынужденная мера из-за крайней нужды в средствах для поднятия народно-

го хозяйства. В качестве второй причины называлась необходимость противодействия самогонварению, которое, как утверждалось, стало *«средством перекачки сотен миллионов рублей от бедняцко-среднеяцких слоев крестьянства к наиболее зажиточным слоям»* и к тому же потребляло значительное количество товарного зерна.

В 1927 г. Сталин в одной из бесед с иностранными рабочими, часто приезжавшими в то время в СССР для ознакомления с практикой построения социализма в отдельно взятой стране, подробно разъяснял причины принятого решения:

«Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива:

— либо пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик и получить за это известные средства, необходимые для того, чтобы обернуться;

— либо ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами и избежать, таким образом, иностранную кабалу.

Члены ЦК, в том числе и я, имели тогда беседы с Лениным, который признал, что в случае неполучения необходимых займов извне придется пойти открыто и прямо на водочную монополию, как на временное средство необычного свойства...

Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти в кабалу к капиталистам, что является еще большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка дает более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки, значит отказаться от этого дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном...

Правильно ли поступили мы, отдав дело выпуска водки в руки государства? Я думаю, что правильно. Если бы водка была передана в частные руки, то это привело бы:

— во-первых, к усилению частного капитала,

— во-вторых, правительство лишилось бы возможности должным образом регулировать производство и потребление водки, и

— в-третьих, оно затруднило бы себе отмену производства и потребления водки в будущем.

Сейчас наша политика состоит в том, чтобы постепенно свертывать производство водки. Я думаю, что в будущем нам удастся вовсе отменить водочную монополию, сократить производство спирта до минимума, необходимого для технических целей, и затем ликвидировать вовсе продажу водки»²⁸.

Заявление было обстоятельным и аргументированным; но генсек, как это не раз бывало, лукавил.

Во-первых, со ссылкой на авторитет Ленина: никакими подтверждениями якобы высказанного им мнения о принятии идеи водочной монополии мы пока не располагаем. Известно, правда, ленинское письмо Сталину для членов ЦК от 13 октября 1922 г., заканчивавшееся фразой: «С Внешторгом мы начали рассчитывать на золотой приток. Другого расчета я не вижу, кроме разве винной монополии, но здесь и серьезнейшие моральные соображения...»²⁹ Таким образом, винная монополия упоминалась Лениным явно в негативном плане, да к тому же лишь применительно к сфере внешней торговли и валютных поступлений. Но, по словам самого же Сталина, эта ссылка помогла на пленуме ЦК партии в октябре 1924 г. убедить колебавшихся и принять решение о введении водочной монополии³⁰.

Во-вторых, неискренен Сталин был и в постановке вопроса об источниках казенных доходов. По всей видимости, деньги можно было получить и иным путем, например, увеличив акциз на сахар, чай и другие продукты. Но производство спирта было проще и при низкой себестоимости гарантировало быстрое и надежное увеличение доходов.

В-третьих, вождь явно вводил в заблуждение собеседников, говоря о том, что крестьянин «начнет производить свою собственную водку»: самогон давно уже стал реальностью в русской деревне. В горбачевские времена в «трезвенной» прессе можно было встретить утверждения о преувеличении лидерами ВКП(б) самогонной опасности ввиду крайне низкого душевого уровня потребления спиртного. Подтвердить или опровергнуть

это утверждение не представляется возможным из-за отсутствия сколько-нибудь достоверной статистики. Но несомненно то, что расчеты на полное вытеснение самогона казенной водкой (особенно в деревне) так и не оправдались, и это были вынуждены признать в 1929 г. организаторы новой противоалкогольной кампании.

Власти и формально, и по сути свернули борьбу с самогоноварением. Новый уголовный кодекс 1927 г. вообще не предусматривал какого-либо наказания за домашнее производство самогона³¹. Этот странный и единственный в 70-летнем советском законодательстве шаг, напротив, как раз способствовал распространению самогоноварения и приобщению к нему крестьян, в том числе молодежи.

По-видимому, Сталин не случайно обошел молчанием проблему народного здоровья и недвусмысленно дал понять, что рассматривает водку прежде всего в качестве средства увеличения государственного дохода. Более интеллигентные партийные и государственные деятели, как ведущий идеолог Емельян Ярославский или нарком здравоохранения Николай Семашко, на первый план выдвигали как раз необходимость *«вытеснения более опасного для здоровья и более доступного населению самогона»*³². Твердо был настроен на временный и исключительный характер этой меры и нарком финансов Сокольников: *«По пути пьяного бюджета мы пойти не можем и не должны; разрешив эту продажу, мы должны вместе с тем взять твердый курс ограничения потребления алкоголя в стране не более 1/3 от объема довоенного выпуска»*³³, — но уже в январе 1926 г. был снят со своего поста.

Кстати, этот аргумент в пользу водочной монополии опровергался и главным противником Сталина, Троцким, язвительно критиковавшим идею спасения казенным спиртным от самогона: *«Отвлекать от пивной при помощи пива — это почти то же самое, что изгонять черта при помощи дьявола... Почему не изгонять религию при помощи религии? Почему не завести в клубе богослужения в коммунистическом духе?»*³⁴ Как и во многом другом, несостоявшийся лидер оказался прав...

Наконец, очень характерна вера Сталина во всемогущество государственной власти, которая может вводить по собственному усмотрению те или иные общественные

явления (вроде массового потребления водки) или упразднить их. К сожалению, это осталось традицией и в последующее время, при издании антиалкогольных постановлений 70—80-х гг.

Плоды принятого в 1924—1925 гг. курса появились очень скоро. К 1928 г. производство водки стремительно возросло с 4 до 41 миллиона ведер в год. Доходы от ее продажи были уже вполне сопоставимы с дореволюционными, хотя и уступали по доле в бюджете: 12% в 1927 г. против 26,5% в 1913 г. Помянутые Сталиным 500 млн. руб. весьма внушительно смотрятся на фоне суммы 800 млн. руб. — всех государственных капитальных затрат в 1926 г.³⁵ После ряда колебаний цены (вызванных поиском ее оптимальной величины, чтобы составить конкуренцию самогону) она установилась в 1926 г. на приемлемом для работающего горожанина уровне — 1 руб. 10 коп. за бутылку. Соответственно росло и потребление, причем вопреки наивным надеждам на то, что пьянствовать будут только классово чуждые граждане: *«Пусть буржуазия прокучивает свои деньги в ресторанах, пивнушках и кафе это принесет только пользу советскому государству, которое еще больше обложит налогом владельцев пивных и ресторанов»*³⁶.

Однако потребление росло вопреки этим классовым прогнозам:

«Казалось бы, теперь налицо много условий, которые должны были сильно ограничить потребление алкоголя: продолжительный период воспрещения питейной торговли, исчезновение богатой буржуазии, крупного чиновничества, подъем революционного энтузиазма, общественных интересов, повышение вообще культурного уровня рабочих и красноармейцев, развитие клубной жизни, доступность различных развлечений, распространенность занятий спортом, упадок религиозности и ограничение роли обрядов, с которыми были связаны многие питейные обычаи и пр., — все это должно иметь могучее отвлекающее от алкоголя действие. Следовало ожидать, что эти результаты особенно резко должны были обнаружиться в таких крупных культурных и торгово-промышленных центрах, как Ленинград и Москва, где наиболее интенсивно ведется работа по строительству нового быта. Но монополияная статистика безжалостно разрушает эти надежды.

Она свидетельствует, что за три года продажи вина столицы дошли уже до 65% довоенного потребления и — что еще хуже — потребление продолжает расти», — искренне удивлялся такому противоречию опытный врач и участник дореволюционного трезвенного движения Д.Н. Воронов.

Тем не менее, по официальным данным самого Центроспирта, к 1928 г. на среднюю российскую душу приходилось уже 6,3 литра водки, что составляло 70% от довоенного уровня³⁷. При этом сохранялись прежние питьевые традиции: горожанин пил намного больше крестьянина, хотя и в деревне потребление спиртного увеличилось, во многом благодаря фактической легализации самогонварения. Одновременно к дореволюционному уровню приблизились показатели прямых и косвенных потерь от пьянства, заметно помолодевшего. Исследования бюджетов юных строителей социализма показали, что в 1925 г. рабочая молодежь тратила на спиртное уже больше, чем до революции. Только за 1927/1928 г. было зарегистрировано 300 тысяч пьяных преступлений, ущерб от которых оценивался (вероятно, по разной методике подсчета) от 60 млн. до 1 млрд. 270 млн. руб.³⁸

Не оправдалась и надежда на снижение масштабов самогонварения. Попытка вытеснить самогонку путем выпуска в продажу казенного вина, при цене его в 1 руб. 10 коп. за бутылку, увенчалась успехом в основном в городах, где цена на самогонку держалась сравнительно высоко — 70 коп. за бутылку и выше. При такой разнице в ценах городской потребитель предпочитал покупать менее вредное казенное вино, легко получая его в многочисленных торговых заведениях, чем разыскивать продавца самогонки и подвергать себя неприятностям от милиции. Но для деревенского потребителя была слишком соблазнительна дешевизна самогонки, заготовительная цена которой была ниже цены казенного вина в 4 раза, а покупная цена на местном рынке в 2,5 раза.

В итоге в деревне самогонварение и при водочной монополии не только не уменьшилось, но даже возросло, особенно после временного увеличения цены на водку до 1 руб. 50 коп. «У нас самогон все село пьет... Как же! Через каждый двор свой завод. Нам Госспирта не надо, мы сами себе Госспирт! У нас только покойник не пьет», — простодушно рассказывал деревенский парень корреспонденту молодежного журнала. Безуспешная

конкуренция казенной водки с самогонкой побудила правительство коренным образом изменить свою политику в этом деле: с 1 января 1927 г. оно вовсе отказалось от преследования самогонщиков, обеспечивавших свои домашние надобности, и переключило милицию на борьбу с явно промышленной самогонкой. В новый УК РСФСР 1927 г. было внесено дополнение:

«Ст. 102. Изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговля им в виде промысла — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года с конфискацией всего или части имущества. Те же действия, но совершенные, хотя бы и в виде промысла, но вследствие нужды, безработицы или по малосознательности, с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи — принудительные работы до 3 месяцев».

Проведенная ЦСУ РСФСР акция по оценке потребления водки и самогона в стране через специальные анкеты, заполняемые на местах 50 тысячами добровольцев-статкоров, показала невеселую картину:

«По статкоровским показаниям количество пьющих хозяйств в деревне равно 84% и средняя годовая выпивка на 1 двор — 54 литра (4,4 ведра) за 1927 год. Исходя из 17 миллионов хозяйств РСФСР, таким образом, получается сумма выпитых крепких спиртных напитков 7 804 тысячи гектолитров (63,4 миллионов объемных ведер), а в переводе на 1 душу сельского населения — 9,3 л (0,76 ведра). По статкоровским данным эти спиртные напитки деревни состоят из хлебного вина и самогонки далеко не в равных долях, и хлебное вино дает около 1 600 тысяч гектолитров (13 миллионов ведер) против 6 235 тысяч гектолитров (50 миллионов ведер) самогонки. Таким образом, из 9,3 литра душевого потребления алкоголя 7,50 литра составляет самогонка».

К присланным статистическим данным статкоровы добавляли и свои личные наблюдения и оценки. Из них, в числе прочего, можно увидеть, что в деревне местами еще сохранился, несмотря на все революционные бури, традиционный крестьянский уклад, где праздники и гуляния подчинялись древним традициям. Так, из Вологодской губернии шли сообщения:

«Наше селение относится к малопьющим спиртные напитки, и объясняется это тем, что в нем нет казенной продажи водки; ближайший магазин с водкой находится в 9 верстах, и бегать за 9 верст за бутылкой водки охотников мало, покупать же у шинкарей по 1 р. 60 к. — 1 р. 80 к. под силу очень немногим. Поэтому население пьет только по торжественным случаям — в Рождестве, на масляной, в Пасху, в храмовой праздник Покров и на свадьбах; остальное время население вполне трезво. Все свадьбы справляются обязательно по обычаю с вином»;

«В нашем селении (Дымовское, 24 двора) больше всего хлеба тратится на пивоварение, на справление праздников. Мною было подсчитано сколько израсходовано на пиво, оказалось 120 пуд. ржи по 1 р. 50 к. — всего 180 руб., да хмелю 80 кило по 2 р. 50 к. — на 200 руб., да чаю с сахаром в праздник уйдет на 30 руб., так что каждый храмовой праздник обходится нам в 410 руб., а их в году 2 храмовых, да Пасха, да Рождество, да масляница, вот что стоят нам праздники».

Зато в других местах традиционный деревенский уклад жизни быстро разрушался:

«Пьянство в нашей местности увеличилось; увеличение произошло за счет пьянства молодежи от 15 до 20 лет. Молодежь пьет потому, что нет никакого культурно-просветительного развлечения — красного уголка, избы-читальни, клуба, а самогонное есть», — Иваново-Вознесенская губерния.

«В нашем селе Порецком самогон не гонят, а привозят из соседних деревень, платят 40—50 коп. за бутылку. Пьянство распространяется. Я знаю многих, которые прежде вина в рот не брали, а теперь пьют и пьют; молодежь раньше стеснялась пьянствовать, а теперь считают, кто не пьет — баба или плохой человек», — Чувашская автономная область.

«До войны женщины и малолетки не пили совершенно, а теперь и женщины пьют при всяком случае — на праздниках, свадьбах, на базаре, в городе. Пьющие женщины все замужние, девицы не пьют»³⁹.

Улицы больших городов через 10 лет после революции стали напоминать о старорежимном быте: «Недалеко, в темноте, ярко горит пивная. Окна и двери от-

крыты настезь... Около дверей толпятся рабочие. Уже пропившиеся просят денег у товарищей и клянутся, что завтра же отдадут. Некоторые падают, другие тут же за дверью, прислонясь к стене, громко, на всю улицу вякают. В пивной не пройти и не продохнуть...»⁴⁰

Столичная пивная поприличней, где можно было и газету почитать, и послушать куплеты на злободневную тему, выглядела так: «У входа елочки в кадках, на стенах картины: «Утро в сосновом лесу» Шишкина, «Венера» Тициана, плакаты: «Если хочешь быть культурным, окурки и мусор бросай в урны», «Здесь матом просят не крыть» или «Неприличными словами просят граждан посетителей не выражаться». Были и другие плакаты, такие, как: «Лицам в нетрезвом виде пиво не подается», «За разбитую посуду взыскивается с посетителя», «Со всеми недоразумениями просят обращаться к заведующему», «Во время исполнения концертных номеров просят не шуметь»; а еще можно было кое-где прочесть и такое: «Пей, но знай меру. В пьяном угаре ты можешь обнять своего классового врага»⁴¹.

Тогдашние председатели Совнаркома и Совета труда и обороны Алексей Рыков и Лев Каменев вынуждены были признать: «Не бывает бы счастьем, да несчастье помогло. Введение крепкой водки ставит во весь рост вопрос об алкоголизме. Раньше на него не хотели обращать внимания. Теперь он встал как социальная проблема»⁴². Сам Сталин в 1927 г. вынужден был оправдываться не только перед иностранной аудиторией. В ответ на критику в адрес водочной монополии он решительно заявлял (в письме некоему Шинкевичу): «...если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела»⁴³.

Так проблема, приглушенная на несколько лет бурными политическими событиями, вновь стала в середине 20-х гг. вполне очевидной и получила широкое освещение в печати. В те годы выходило множество книг и брошюр, разъяснявших политику партии в этом вопросе и излагавших научные сведения о вреде алкоголя. Выпускались даже примерные сценарии суда над пьяницей, которого, как это подразумевалось в то время, спаивал

классовый враг⁴⁴. Иллюстрированный журнал для крестьян «Лапоть» отвел в 1924 г. целый номер проблемам пьянства и хулиганства в деревне.

Появлялись и фантастические проекты организации «красных тракторов» с идейными тракторщиками-агитаторами, читальнями, юридической консультацией для крестьян и отсутствием спиртного. Попытки совместить просветительскую деятельность с торговлей спиртным были высмеяны в фельетонах молодого М.А. Булгакова («Библифетчик» и др.) о том, как заведующие культурных уголков назначались одновременно и продавцами пива для посетителей: «Вам пивка или книжку»?⁴⁵

Глубокий социальный переворот, ликвидация многих привычных жизненных традиций и норм, стремление к обновлению старого мира порождали отнюдь не только комсомольский энтузиазм. Отмеченный Лениным «разрыв между величиной поставленной задачи и нищетой не только материальной, но и культурной»⁴⁶ и сама обстановка нэпа вызывали неприятие не только у искренних сторонников новой власти, но и у людей старшего поколения:

«Тянет на воздух, но на воздухе убийства, грабежи и ад музыкально-вокальных звуков. Поют и играют в домах, на бульварах, во дворах, и больше всего — в бесчисленных кабаре, кафе, "уголках", ресторанах, чайных, столовых; в наших местах у Сухаревой по Сретенке в каждом доме какое-нибудь "заведение", а по переулкам "самогон". Самогон распивочно, самогон на вынос (4—5 млн. бутылка)... На Кузнецком мосту и в Рядах, или на Тверской, на Петровке завелось много магазинов, по роскоши обстановки и товаров мало чем уступающих довоенным... На каждом шагу можно встретить и шикарную женщину, и франта по-европейски. Откуда-то явились и жирные фигуры, и красные носы. В газетах тысячи реклам о пьяных напитках, о гастрономии и об увеселениях самого легкого жанра. По содержанию этих реклам видно, что существует теперь и Яр и Стрельна, и всякие шантаны, только разве не под прежними названиями. Новые-то, пожалуй оригинальнее. Что-то вроде "Не рыдай", или "Стоп-сигнал" Недавно разбирался процесс о содержательницах домов терпимости. Значит, все "восстановилось" И стоило огород городить?» — такой виделась

советская действительность лета 1922 г. глазами пожилого москвича-слушающего⁴⁷.

Неудивительно, что «гримасы нэпа» (а иногда и сам протест против них) порождали у молодежи или «упадочнические» настроения, грубость, или увлечение «изячной жизнью» с выпивкой как ее естественным атрибутом. В молодежной публицистике тех лет с тревогой говорилось о грубости и пошлости в отношениях, проявлениях шовинизма, пьянстве, хулиганстве и прочих негативных явлениях⁴⁸. С другой стороны, неприятие «мещанского» быта приводило в иных случаях к стремлению «отменить» многие обычные нормы человеческого общежития. *«Где написано, что партиец может иметь только одну жену, а не несколько?»* — интересовался один комсомольский работник. Другой полагал, что застолье является необходимым условием общественной работы: *«Я пью — я не теряю связи с массами!»* Многие брали пример со старших товарищей: *«Раз пьют партийцы, то нам и подавно пить можно»*⁴⁹.

Пьянство, половая разнузданность, антисемитизм, хулиганство живо обсуждались в прессе тех лет. Но нередко публицистическая яркость и острота оборачивались поверхностными выводами о «мелкобуржуазном влиянии» нэповской среды, безосновательном «упадничестве» или влиянии *«варварской культуры деревни»*.

Истинные причины были сложнее: колоссальный социокультурный переворот в обществе, гражданская война и быстрая смена «генеральной линии» — от скорой победы всемирной революции до нэповской «реставрации» не могли не сместить привычные традиционные представления о системе общественных ценностей и норм поведения. Дискредитация достаточно тонкого в российских условиях слоя старой интеллигенции, систематическая борьба с «пережитками» буржуазного быта (галстуками, модами, танцами и пр.) порождали не только энтузиазм и нравственную чистоту Павки Корчагина, но и их антиподы. *«Увлечение галстуком для рабочего будет похуже пристрастия к водке»*, — утверждали авторы писем в редакцию Комсомольской правды.

На бытовом уровне «революционная» прямота и бескомпромиссность оборачивались хамством, отрицание старой школы и интеллектуальной культуры — полуграмотным «комчванством», презрение к «буржуйскому»

обиходу — утверждением худшего типа бытовой культуры в духе городских мастеровых начала XX века с их набором трактирных развлечений. *«Как тут не запьянствовать», — рассуждали многие "новые рабочие" 20-х гг. — И музеи содержать, и театры содержать, и буржуазию содержать, и всех дармоедов содержать, и все мы, рабочие, должны содержать?»*⁵⁰

Сельский молодежь, перебираясь на промышленные предприятия и стройки города, быстро отрывался от традиционного деревенского уклада с его контролем общественного мнения, но куда медленнее усваивал иной образ жизни, нередко воспринимавшийся им как чуждый не только с бытовой, но и с «классовой» точки зрения. Альтернативой трудному пути приобщения к культурным ценностям были «брюки клеш», кино, пивные, прилащенное (но отнюдь не «контрреволюционное», а свое «в доску») уличное общество со своим кодексом понятий и нормами поведения.

Скорейшему формированию «нового человека» препятствовали и неустроенность коммунальных квартир или рабочих общежитий, низкий жизненный уровень, безработица, бьющие в глаза противоречия нэповской России. Эти условия порождали отмеченный в литературе тех лет рост молодежной преступности под «идейным» соусом: создание антисемитских групп русского комсомола или развлечений под лозунгом *«Взять девчурок на коммуно!»*⁵¹

В 20-х гг. явственно обозначился вполне определенный тип парня городских окраин, для которого пьяный кураж, хулиганство, неуважение к общепринятым нормам поведения становились своеобразной компенсацией его низкого культурного уровня и который в то же время быстро и без особого разбора усваивал далеко не лучшие ценности «изячной жизни» по ее бульварным образцам.

Блестящим выражением такого социального типа стал «бывший партиец» Пьер Скрипкин — «Клоп» Маяковского и дальний родственник горьковских персонажей, но в новых условиях весьма гордый незапятнанным пролетарским происхождением:

«Присыпкин. Товарищ Баян, я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?»

Баян. Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Плеханову, дозволенного марксистам воображения, я как бы сквозь призму вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество! Невеста вылезает из кареты — красная невеста... вся красная, упарилась, значит; ее выводит красный посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, — он как раз мужчина тучный, красный, апopleксический, — вводят это вас красные шафера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками...»⁵²

Растущее пьянство стало беспокоить и властные структуры. В 1925 г. ЦКК РКП(б) опубликовала тревожную статистику, свидетельствующую о растущем количестве партийных взысканий и падении престижа партии по причине пьянства и разложения ее активистов и руководящих работников. Через несколько лет обследование Политического управления РККА показало, что 40% армейских парторганизаторов привлекались к ответственности за пьянство⁵³. Судя по протокольной статистике НКВД, бытовое хулиганство возросло в 1927 г., сравнительно с 1925 г., в городах на 13%, а в селах на 45%⁵⁴. Нужно было принимать меры.

Необходимость борьбы против пьянства вызывалась не столько ростом потребления спиртных напитков (по данным ЦСУ РСФСР, среднегодовое потребление спиртного на душу населения составляло в 1913 г. 8,6 л, в 1927 г. — 8,7 л), сколько озабоченностью последствиями массового пьянства. В те годы советская статистика еще соответствовала своему предназначению и показывала, что динамика продажи спиртных напитков в течение всего периода от введения винной монополии до 1929 г. была подвержена резким колебаниям, а в целом имелся незначительный рост. Но влияние пьянства на производительность труда в СССР в 1927 г. уже выражалось в красноречивых цифрах: прогулы на почве пьянства принесли 135 млн. руб. убытка, понижение производительности труда — 600 млн. руб. убытка⁵⁵.

На XV съезде партии уже стоял вопрос о постепенном свертывании выпуска водки и расширении таких источников государственного дохода, как радио и кино. Однако уровень развития радиофикация и киноиндустрии еще не позволял этим отраслям стать в финансовом отношении заметными статьями дохода. В директи-

вах по составлению пятилетнего плана съезд подчеркнул необходимость повышения культурного уровня населения города и деревни как одного из условий индустриализации. Там же провозглашалось: «Необходима энергичная борьба за решительное переустройство быта, борьба за культуру, против пьянства, за настойчивую ликвидацию неграмотности, за трудовую сознательность и трудовую дисциплину рабочих и крестьянских масс»⁵⁶.

«На баррикадах быта». В 20-е годы появились и ростки нового антиалкогольного движения в наиболее восприимчивой ко всему новому молодежной среде — причем раньше, чем оно стало официальной линией комсомола. Уже в 1924 г. по инициативе Сокольнического райкома РКСМ в Москве был создан первый отряд комсомольцев-наркодружинников, прошедших специальную медицинскую подготовку. С их помощью создавались «противоалкогольные уголки» на заводах и фабриках и боевые группы по борьбе с пьянством. Комсомольцы устраивали агитсуды над любителями спиртного, вручали им специальные «почетные дипломы», организовывали публичные выступления людей, порвавших с алкоголем⁵⁷.

В преддверии скорого наступления коммунизма комсомольские ячейки тех лет принимали решения *«не пить всем с 15 числа сего месяца, всем бросить курить, а то скоро износимся!»*, боролись с самогонщиками, устраивали «красные вечеринки», где высмеивали местных пьяниц и хулиганов. Однако трудно назвать благополучным тогдашнее положение в молодежной среде, да и в самом комсомоле: проводившиеся в то время социологические исследования показали, что комсомольский актив как раз пьет больше других⁵⁸.

В 1926 г. пленум ЦК ВЛКСМ уже рассматривал эту проблему как важнейший политический вопрос. Докладчик, один из видных комсомольских лидеров А. Мильчаков, достаточно объективно объяснил причины роста пьянства и хулиганства социально-экономическими причинами: *«Безработица и беспризорность в городах, перенаселение деревни, тяжелые жилищные условия значительной части молодежи, вовлечение в производство новых общественно и культурно отсталых слоев молодняка из деревни»*⁵⁹. В качестве мер противодейст-

вия предлагалось перестроить всю идейно-воспитательную и просветительную работу.

Выступавшие призывали удовлетворить культурно-бытовые и общеобразовательные запросы молодежи; разъяснять необходимость здорового образа жизни, привлекать юношей и девушек к новым формам организации досуга (под лозунгом: *«Вместо бутылки пива — билет в театр!»*), образовать на добровольной основе кружки и объединения молодежи по интересам. Вожди комсомола направили всем организациям письмо с призывом к объединению в кружки по борьбе с алкоголизмом и созданию нетерпимого к пьянству и хулиганству общественного мнения: *«Пьянство несовместимо со званием коммуниста, комсомольца, нового человека»*⁶⁰.

Затем последовали и соответствующие решения V Всесоюзной конференции и VIII съезда ВЛКСМ (1928 г.), где в качестве важнейших задач комсомола на культурном фронте выдвигались *«упорная и напряженная борьба с пьянством, хулиганством, половой распущенностью и неряшливостью»*, создание специальных кружков и объединений для активных действий *«на баррикадах быта против старья, плесени, предрассудков...»*⁶¹

Выдвижение молодежи на передний план в ходе огромного по масштабам культурного переворота было не случайной, а вполне сознательной акцией высшего руководства страны: в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) были утверждены директивы по составлению первого пятилетнего плана и подчеркнута важная роль комсомола как *«инициатора и проводника новых начинаний в городе и деревне по рационализации хозяйства, труда и быта»*. В это время борьба за трезвость становится одним из элементов «большого скачка» — форсированного строительства экономики и социальной структуры общества на рубеже 20—30-х гг. Но это произошло не сразу.

В 1926—1927 гг. в партийной печати опять стали публиковаться материалы о распространении пьянства и его последствиях. Особенно интересными были попытки оценки экономического ущерба (потери рабочего времени, производственный брак, пожары и т.д.), хотя и дававшие разные результаты, но тем не менее весьма интересные для сопоставления с дореволюционными расчетами и современными экспертными данными⁶².

В 1926 г. декрет Совнаркома РСФСР «О ближайших мероприятиях в области лечебно-принудительной и культурно-воспитательной работы по борьбе с алкоголизмом» обязал ведомства здравоохранения, юстиции и внутренних дел организовать принудительное лечение алкоголиков.

Наркомпросу же поручалось разработать систему противоалкогольного воспитания, в том числе *«ввести в программы школ всех ступеней и типов основные сведения о вреде алкоголя»*. Это решение имело под собой основания: школьная комиссия врачей-наркологов выяснила в 1925—1926 гг., что 90% учащихся уже начали приобщаться к спиртному⁶³. Предполагалось также выпустить соответствующие пособия, разработать план проведения антиалкогольной пропаганды в избах-читальнях, «домах крестьянина», рабочих клубах, красных уголках и т.п. Предстояло активно использовать в борьбе за трезвый образ жизни периодическую печать и радиовещание, создать кинофильмы *«по вопросам борьбы с самогонварением и алкоголизмом»*.

В 1926 г. в Ленинграде появились первые в СССР вытрезвители. В следующем, 1927 г. постановление правительства РСФСР «О мерах ограничения продажи спиртных напитков» запрещало продажу водки несовершеннолетним и лицам, находившимся в нетрезвом состоянии, а также наделяло местные советские органы правом прекращения продажи спиртных напитков в праздничные и нерабочие дни⁶⁴. Тогда же появилось за подписью М.И. Калинина еще одно постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации местных специальных комиссий по вопросам алкоголизма», которые рекомендовалось создавать при местных Советах.

Но все же переломным моментом в развитии кампании по преобразованию быта стал 1928 г. Чрезвычайные меры при проведении хлебозаготовок были дополнены изменением Уголовного кодекса: вновь вводились строгие наказания за самогонварение — причем не только за производство на продажу, но и для собственного потребления⁶⁵.

В феврале 1928 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное учредительное собрание Российского общества по борьбе с алкоголизмом (ОБСА), основанного на базе незадолго до того возникшего Москов-

ского наркологического общества. Поддержку новой общественной организации оказали МК ВЛКСМ и Моссовет, а в числе ее основателей были крупные медицинские авторитеты — Н.А. Семашко, В.А. Обух, П.П. Ганнушкин. В руководство ОБСА вошли и видные советские деятели Е.М. Ярославский, С.М. Буденный, Н.И. Подвойский, Демьян Бедный. Их собственная приверженность идее полной трезвости сомнительна; но традиция председательства «свадебных генералов» во главе общественных организаций, несомненно, жива и по сей день.

Председателем Общества был избран экономист и литератор Ю. Ларин (М.А. Лурье; 1892—1932 гг.), его первым заместителем — рабочий-металлист, член Президиума ЦКК ВКП(б) С.М. Семков, секретарем — врач Э.И. Дейчман. Членство в Обществе сначала было индивидуальным, затем появились и коллективные члены; одним из первых вступил в Общество Московский городской совет профсоюзов. За первый год существования Общества было создано более 150 местных (губернских, окружных) организаций по борьбе с алкоголизмом, общая численность ОБСА выросла до 200 тыс. членов. Что касается возраста, то большинство составляли рабочие с большим производственным стажем; молодежи в обществе было мало.

В начале 1929 г. Общество разработало и опубликовало специальную инструкцию для фабрично-заводских ячеек ОБСА. В ней определялась общая линия работы ячеек: создание на предприятиях «правильного» общественного мнения по вопросам алкоголизма. Члены ячеек должны были «изучать вопросы наркотизма и борьбы с ним»; организовывать лекции, доклады, диспуты, митинги на противоалкогольные темы; вести индивидуальную работу с отдельными рабочими. 30 мая 1929 г. состоялось первое заседание Всесоюзного Совета противоалкогольных обществ (ВСПО) СССР, в котором участвовали более 100 делегатов, в том числе представители Украины, Азербайджана, Белоруссии, Туркмении. В состав ВСПО вошли представители ЦК ВКП(б), ЦК комсомола, Всесоюзного центрального совета профсоюзов, наркоматов здравоохранения РСФСР и УССР, Наркомата труда СССР, Высшего совета народного хозяйства СССР, Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР и др.

Так в 1928—1929 гг. антиалкогольное движение стало государственной кампанией. Одной из ее первых жертв стал Сергей Есенин. В 1924—1925 гг. поэт пользовался явным покровительством властей, смотревших сквозь пальцы на его дебоши и даже предпринимавших по линии ОГПУ меры для его лечения: *«Мы решили, что единственное еще остающееся средство заставить его лечиться — это Вы, — обращался член ЦК Х.Г. Раковский к Ф.Э. Дзержинскому в октябре 1925 г. — Пригласите его к себе, проберите хорошенько и отправьте вместе с ним в санаториум товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать...»* Но уже через год после смерти поэта началась кампания по развенчанию Есенина; после публикации «Злых заметок» члена Политбюро Н.И. Бухарина он был объявлен главным «певцом хулиганства» в СССР⁶⁶.

Основные задачи Общества его председатель Ю. Ларин сводил к следующим 10 пунктам:

«1. Создание кадра агитаторов по этому вопросу, агитаторов, подбираемых из рабочих от станка, бывших алкоголиков и непьющих.

2. Общество должно заботиться об издании популярной литературы и журналов по этому вопросу.

3. Должны быть созданы передвижные выставки, агитационные грузовики и т.д.

4. Общество должно агитировать за использование закона о местном запрете, чтобы он не оставался на бумаге, как до сих пор, а действительно проводился рабочими в жизнь.

5. Общество должно поставить на ноги женщину, направить ее внимание на рабочую кооперацию, торгующую водкой, натравить на это. Надо добиться, чтобы рабочая кооперация больше уделяла внимания овощам, мясу, маслу, и т.п. предметам, которые трудно достать

6. Общество должно двигать, возбуждать те многочисленные организации, которые ведают у нас спортом, кино, культурной работой, клубами и т.д. и которые очень часто недостаточно живо организуют свою работу.

7. Организовать борьбу с шинкарством, искоренять его и беспощадно уничтожать, создать рабочие дружины по его выявлению.

8. Дать толчок развитию сети лечебных учреждений против алкоголизма, диспансеров.

9. Поднять на ноги детей, школьников и бросить их на пьющих родителей...

10. Важнейшей задачей является внедрение рабочим сознания вредности алкоголизма, презрения к тому безволию, которое побуждает к пьянству, преодоление неверия и враждебности к борьбе с алкоголизмом, которые чувствуются среди многих и многих рабочих — как беспартийных, так и партийных»⁶⁷.

К 1929 г. в ОБСА состояли, по оценкам самих участников, уже более 250 тысяч человек⁶⁸, которые развернули кампанию за скорейшую всеобщую трезвость. В первую очередь внимание было обращено на подготовку соответствующего законодательства. По инициативе ОБСА в августе 1928 г. Совнарком СССР обязал Госплан и Наркомфин представить доклад о прямых и косвенных потерях от пьянства. Этим же ведомствам поручалось обсудить вопрос о замене в бюджете доходов от производства и продажи спиртных напитков другими источниками⁶⁹.

Уже в первые месяцы своего существования ОБСА организовало более 100 специальных уличных массовых противоалкогольных демонстраций, более 60 рабочих конференций. По настоянию Общества в 120 городах были приняты постановления городских или губернских исполкомов по вопросам алкоголизма. Первым среди них был Ленинград, где решением Ленсовета 5 августа 1928 г. была запрещена (еще до выхода в свет декрета 29 января 1929 г.) торговля спиртными напитками по праздникам. В городах и селах стараниями Общества было открыто 300 новых культурно-бытовых учреждений: чайных, молочных.

Но главным делом ОБСА стала подготовка проекта антиалкогольного закона. Он предполагал «предоставить право районным советам крупных городов, горсоветам прочих городов и советам поселений городского типа закрывать всякое место продажи водки, водочных изделий, пива или виноградного вина (или запрещать в нем продажу этих напитков), если они признают это необходимым по культурно-общественным соображениям, или если об этом будут ходатайствовать рабочие предприятия».

Так возрождалась уже опробованная в 1914—1915 гг. на практике идея участия общественности в разработке и проведении в жизнь социальной политики. Но тот же проект считал вполне возможным *«в генеральном пятнадцатилетнем плане хозяйства предусмотреть полное прекращение в десятилетний срок в СССР производства и продажи водки, водочных изделий и пива»*. Предлагался и целый набор административных мер: воспрещение всякого импорта вина, открытия новых мест торговли спиртным, его рекламы и продажи *«во всех курортных местностях СССР, клубах, буфетах всех общественных учреждений»* и лицам моложе 17 лет⁷⁰. Многие из этих рекомендаций вошли в изданные в 1929 г. постановления Совнаркома РСФСР *«О мерах по ограничению торговли спиртными напитками»* и *«О мерах по осуществлению борьбы с алкоголизмом»*.

Первое из них запрещало открытие новых винных магазинов в городах и рабочих поселках, торговлю спиртным в предпраздничные, праздничные и выходные дни, в период выдачи зарплаты и проведения наборов в Красную Армию. Не допускались торговля вином в общественных местах, продажа его несовершеннолетним и любая алкогольная реклама. Другое постановление требовало создания сети противоалкогольных диспансеров, ежегодного сокращения производства водки и крепких спиртных напитков, увеличения изготовления и продажи безалкогольных напитков и спортивного инвентаря и развития системы общественного питания⁷¹.

Официальная поддержка кампании, естественно, способствовала росту трезвенного движения. Только в Москве в 1931 г. существовало 400 первичных организаций ОБСА, насчитывавших более 20 тысяч членов. Кадры для трезвенного движения готовили открывшиеся в 1929 г. Центральные курсы антиалкогольной пропаганды. Активисты движения следили за соблюдением антиалкогольного законодательства, в чем им помогало принятое в апреле 1929 г. постановление *«О мерах борьбы с шинкарством»*. Они проводили рейды по борьбе с подпольными торговцами, организовывали антиалкогольные выставки в Москве (в Центральном парке культуры и отдыха, Третьяковской галерее) и других городах.

В конце 1928 г. в Москве был открыт первый вытрезвитель, где задержанные находились не более 24 часов.

С рабочих, крестьян, служащих, инвалидов, кустарей и красноармейцев за обслуживание брали по 2 рубля, а с прочих граждан (напманов, творческих работников и пр.) — по 5 рублей. Медицинский персонал мог выставить доставленному в вырезатель один из четырёх диагнозов:

- «— Совершенно трезв
- Лёгкое опьянение
- Полное опьянение с возбуждением
- Бесчувственное опьянение».

К середине 1929 г. в Москве появились около 30 специальных противоалкогольных диспансеров.

С 10 ноября 1930 г. ОБСА вместе с ЦК союза железнодорожников, Наркоматом путей сообщения СССР и редакцией газеты «Гудок» провели антиалкогольный месячник на транспорте. Совместно с Госиздатом Общество организовало Первую беспроигрышную книжную лотерею: было выпущено 2 млн. билетов по 30 коп., распространявшихся ОБСА, Госиздатом, потребкооперацией и комсомолом в Москве и других городах. Тираж проходил под девизом «Книга вместо водки!». Ячейки ОБСА на предприятиях выпускали специальные листовки с фотографиями пьяниц и прогульщиков, карикатурами и соответствующим текстом; устраивали производственные суды, выставки бракованных изделий, выпускаемых пьяницами.

Местные ячейки ОБСА объявляли конкурсы на звание «непьющее предприятие», «непьющий цех» или «лучший трезвый рабочий»; призывали к заключению на предприятиях и в учреждениях коллективных обещаний-договоров о неупотреблении спиртных напитков, вроде приведенного для образца в журнале «Трезвость и культура»:

«...обязуется:

- 1) Не опаздывать на работу
- 2) Выполнять требования по службе
- 3) Не получить ни одного выговора
- 4) Не пить
- 5) Не играть в денежные игры
- 6) Не курить»⁷².

Активисты-трезвенники брали шефство над пьющими и их семьями, проводили лекции и беседы о вреде алкоголя. Для оперативности и наглядности пропаганды трезвости устраивались «антиалкогольные киноэкспеди-

ции» и поездки на «антиалкогольных грузовиках» с яркими лозунгами и проведением импровизированных митингов. Тогда же появились и первые фильмы на эту тему: «Косая линия», «Танька-трактирщица», «За ваше здоровье».

О художественных достоинствах этой продукции можно судить по рекламе тех лет (о фильме «Косая линия»): *«Рабочий Власов, поддаваясь плохому влиянию товарищей, начинает пьянствовать, плохо работает, проводит все свое свободное время в трактире "Утюг". Он спивается окончательно и его увольняют от службы. Жена Власова, в противовес мужу, принимает активное участие в общественной и клубной работе, организует жен рабочих на борьбу с трактиром и при содействии клуба им удается трактир закрыть и организовать образцовую чайную. Плохо налаженная работа клуба оживается, и клубу удается стянуть в свои ряды даже бывших прогульщиков. Власов погибает, сорвавшись в пьяном виде с подъемного крана»⁷³.*

В солидных учреждениях в ту пору можно было встретить и чествование «годовщины трезвой жизни» сослуживцев, и торжественные «похороны пьянства», совершенно в духе «похорон бюрократизма» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова. Несколько месяцев в 1929 г. держалась в московской «Рабочей газете» полоса «Я бросил пить! Кто следующий?» с публикацией имен объявившихся трезвенников. Там же 31 мая 1929 г. появилось сообщение о том, как 200 рабочих — «потомственных пьяниц» отпраздновали в городе Орехово годовщину своей трезвой жизни.

Общество издавало научную и пропагандистскую литературу, плакаты, листовки. В 1928—1932 гг. тиражом 25—30 тысяч экземпляров издавался журнал «Трезвость и культура» (с 1930 г. — под названием «Культура и быт»). На его страницах публиковались научные статьи о влиянии алкоголя на организм, статистические данные о потреблении спиртного, критические материалы о нарушениях антиалкогольного законодательства, отчеты о слетах и «бытовых конференциях» по борьбе с пьянством; пропагандировался опыт местных ячеек ОБСА по организации трезвого досуга. Материал подавался броско, с сатирическими сюжетами и фоторепортажами с улицы, хотя и в строго классовом духе: исторические

корни российского пьянства возводились к библейскому Ною, Христу и «первому русскому пьянице» — князю Владимиру. Издана была даже специальная хрестоматия с целью художественного показа отрицательных сторон пьянства⁷⁴.

Ударная роль в движении за трезвый образ жизни отводилась комсомолу. К нему обращались и председатель ОБСА Ю. Ларин, и ЦК ВЛКСМ с письмом «О борьбе против пьянства», содержащим призыв «отвоевать» молодежь у старых традиций и стать главной силой в борьбе за оздоровление быта. Комсомольцы с естественным для эпохи и своего возраста энтузиазмом и максимализмом включились в объявленный в 1928 г. «Всесоюзный культпоход» по борьбе на «баррикадах быта». Начинание было поддержано высшим партийным руководством: на I общегородском собрании ОБСА в Москве сам Н.И. Бухарин — тогда еще член Политбюро ЦК ВКП(б) дал московским комсомольцам письменное обязательство бросить курить⁷⁵.

Комсомольские организации создавали антиалкогольные группы и отряды, проводившие санитарные рейды, организовывавшие общественные суды и «живые газеты». По их инициативе в Ростове-на-Дону открылся первый наркологический диспансер. В Ленинграде на крупных промышленных предприятиях («Красный треугольник», «Электросила», им. К. Маркса и др.) создавались в цехах «бытовые ядра» или инициативные группы по борьбе с пьянством, руганью, антисанитарией. Молодые трезвенники-энтузиасты сумели организовать ячейку ОБСА даже в ленинградских ночлежках! В других городах — Саратове, Днепропетровске, Твери, Пскове — возникали и новые формы работы: открывались «культурные чайные» и столовые, где дежурили молодые активисты ОБСА и можно было послушать радио или граммофон, сыграть в шахматы или посмотреть небольшую художественную выставку. Проводились агитсуды над злоупотреблявшими спиртным, практиковались систематические отчеты комсомольцев о своем поведении, устраивались «бытовые конференции пьющих девушек» и сатирические конкурсы на «лучшего пьяницу и матерщинника»⁷⁶. Пропагандировались регулярные занятия спортом, туристические поездки и кружки по интересам. Молодым матерям оказывалась помощь с устройством детей в ясли и детские сады.

Появились первые показательные безалкогольные свадьбы и даже сценарии их проведения, с помощью которых, по замыслу их авторов, *«красная, веселая, торжественная свадьба должна убить старую: пьяную, суеверную и унижительную для женщины»*. На такой новой свадьбе после церемонии в загсе с пением «Интернационала» рекомендовалось потчевать гостей пирогами «всухую» и от греха подальше — сокращать поздравления-величания молодых и родственников, поскольку *«обилие величаний ведет за собой сугубое выпивание»*⁷⁷. С конца 20-х гг. появились первые общежития-коммуны и соцдоговоры рабочих такого рода: *«Мы обязуемся соблюдать чистоту в бараке, не допускать шума во время отдыха, ликвидировать пьянку, изжить матрешину вызываем на это рабочих всех остальных барачков»*⁷⁸.

Выступавшие на антиалкогольных семинарах и «собраниях пьющей молодежи» агитаторы с цифрами в руках доказывали расширение возможностей семейного бюджета без трат на спиртное. Заодно с позиций «революционного» аскетизма критиковались советские и заграничные фильмы с атрибутами «изячной жизни» роскошными туалетами и непременно шампанским, как инструмент буржуазной идеологии, в борьбе с которой комсомольцы 20-х годов безжалостно осуждали весь импортный «ширпотреб» и отечественные его аналоги даже вполне демократического происхождения. Так, в Москве культурно-бытовая конференция молодежи Красной Пресни постановила объявить *«неумолимую борьбу... не только пьянству, рюмке водки или вина, но и стакану пива»*.

Активистам движения приходилось учитывать, что само же советское государство выпустило сорокаградусную горькую. Объяснялся этот прискорбный факт исключительно *«необходимостью вести борьбу с самогонкой, которую сейчас гонят в каждой крестьянской избе. Эта самогонка не только отравляет организм человека; но она поглощает десятки миллионов пудов хлеба, который мог бы быть экспортирован за границу взамен тракторов, машин, пароходов, аэропланов, медикаментов и т.д. Здесь государство руководствовало революционной целесообразностью»*.

Некоторым товарищам, понявшим политику государства неправильно: *«Раз советское государство выпускает — значит, можно пить, — приходилось ее разъяс-*

нять: — Это и есть нарушение нашей классовой, пролетарской, коммунистической морали. Водка отравляет и разрушает организм, она отрывает нас от действительного мира и уносит в мир иллюзий, она лишает нас рассудка. Водка ослабляет нашу волю, мы не властны над собой, мы не способны собой руководить, когда одурманиваем свои мозги этим отравляющим средством. То физическое покачивание из стороны в сторону которое так характерно для пьяных, есть одновременно и колебание нашей воли»⁷⁹.

Начавшийся в 1928 г. культпоход сопровождался созданием в школах ячеек ОБСА и комсомольских групп «Юный враг водки», организацией во многих городах детских демонстраций под лозунгом «Папа, не пей водки!» у ворот предприятий в дни полочки родителей. Порой эти мероприятия приобретали весьма внушительный характер: в Сталинграде в таких шествиях участвовало до 12 тысяч пионеров⁸⁰. Юные трезвенники выступали с лекциями на подшефных предприятиях, посещали специальные антиалкогольные курсы. В 1930 г. школьники Бауманского района Москвы перешли к новой форме «воспитания» отцов: стали заключать с ними договоры о безусловном неупотреблении спиртного⁸¹. В августе 1929 г. московская конференция областного слета пионеров приняла резолюцию:

«1) Требовать от своих старших товарищей и руководителей от комсомольцев отказа от выпивки.

2) Бороться с алкоголизмом родителей путем демонстраций и т.п. Оказывать помощь родителям в организации домашнего быта.

3) Бороться против спаивания детей родителями и родственниками вплоть до лишения родительских прав и отобрания детей по суду.

4) Добиваться противоалкогольного преподавания в школе».

Для публичного обсуждения предлагались следующие дискуссионные темы:

«Группа товарищей направляется на гулянку, причем эта гулянка предполагает быть "мокрой", т.е. на этой гулянке предполагается выпить изрядное количество бутылок вина, горькой, пива и т.д. Один из этой группы категорически отказывается пить, мотивируя

*свой отказ целым рядом аргументов, как-то: партия запрещает пить, вино вредно отражается на организ-
ме, водка ослабляет мозговую деятельность и волю и
т.д. За свои рассуждения такой товарищ окрещивает-
ся мещанином, потому, что он, якобы, нарушает волю
коллектива, он отступает от товарищеской солидар-
ности, держится изолированно, и проч. Спрашивается,
действительно ли этот товарищ заслуживает назва-
ния мещанина, нарушает ли он волю коллектива?*

*Вот другой пример. Комсомолец старается употре-
бить все свое красноречие на то, чтобы убедить комсо-
молку в необходимости иметь половую связь. Комсо-
молка принципиально не возражает против доводов
своего партнера, но возражает по части своевременнос-
ти этой половой связи. Аргументы комсомолки следую-
щие: необходимость раньше закончить учебу. Нужно
стать совершенно самостоятельным человеком матери-
ально, необходимо создать условия для воспитания бу-
дущего ребенка. Все эти аргументы девушки беспощад-
но отмечают бравым и смелым комсомольцем, они
относятся им к области мещанства, трусости, жеман-
ства и т.д. Но на чьей стороне классовая правда, где
чувствуется социальный подход к вопросу и где виден
один лишь эгоизм, отклонение от этой социальности?»*

В шумной трезвенной кампании было много поверх-
ностного и показного. Административное введение двух-
недельников и месячников трезвости, внезапные «нале-
ты» дружин ОБСА на торговавшие спиртным «точки» и
их принудительное закрытие, а также такие формы дея-
тельности, как призывы к девушкам не целовать пьющих
парней, — все это заканчивалось, естественно, провалом.
Примитивная и грубая агитация (когда в числе привер-
женцев старого быта обличали не только русских царей,
но и Пушкина с Лермонтовым), участие «трезвенников»
в печально известных антипасхальных и прочих анти-
религиозных мероприятиях не добавляли им авторите-
та и поощряли самое примитивное восприятие культу-
ры прошлого. Под горячую руку досталось и МХАТу,
где, по мнению лихих журналистов, в большинстве
пьес воссоздавался «старорежимный» быт с непремен-
ными выпивками.

Образцом разухабистой трезвенно-атеистической про-
паганды может служить опубликованный в «Правде»

«Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» (популярного в те годы пролетарского поэта Демьяна Бедного), так представлявшее евангельское повествование о Христе:

«Иисус со всей апостольской братвой,
Прельстившись обильной жратвой,
Возлегли в блестящей мытарской обители,
Так как, по свидетельству евангелиста Луки —
И поесть они были большие любители,
И выпить не дураки.
Все фарисеи знали Иисусовы замашки,
Что он был слаб насчет рюмашки.
Примеров его пьянства — множество.
Видя Иисусово художество,
Как этот молодой еврей,
Будто бы благочестивый назорей,
Безо всякого к себе уважения
Хлещет вино до ризоположения
Средь гостей, облежавших подоконники...»⁸²

Тот же автор в антиалкогольной поэме «Долбанем!» провозгласил образцом морали «честного трезвого Хама», не побоявшегося обличить родного отца Ноя:

«Отец как свинья напился!
Весь в блевотине! Видеть противно!»

Журнал «Антирелигиозник» рекомендовал костюм — «поповское орудие» для школьного агитационного маскарада: «Школьник одет попом или другим служителем культа. В руках у него четвертная бутылка. На бутылке, помимо обычных этикеток для водки, делаются надписи от имени попов: "Наше оружие против нового быта" или "Водка — наш помощник"»⁸³.

Под лозунгом искоренения «духовной сивухи» участники культпохода обрушивались и на потенциальных сторонников в борьбе за трезвость — как, например, развивавшееся в 20-х гг. движение сектантов-чуриковцев, насчитывавшее до 100 тысяч последователей. «Братцам» Ивана Чурикова не помогла даже образцово устроенная сельскохозяйственная коммуна под Ленинградом: они попали под убийственный обстрел прессы, и в итоге движение было ликвидировано обычными для тех лет административными средствами⁸⁴.

Не оправдали себя и другие «находки» ОБСА: недолго просуществовали «рабочие кафе», никак не вписывавшиеся в образ жизни советских пролетариев 20-х гг.

Распадались показательные «драмколлективы из бывших алкоголиков». «Семейные вечера» для рабочих, призванные «спаивать (т.е. сплачивать. — Авт.) людей и создавать в них коллективное мировоззрение» после соответствующих агитдокладов на тему заканчивались уже настоящим спаиванием, т.е. общей пьянкой и драками. Предметами справедливых насмешек сатириков стали «культурные пивные», где шахматы и прочие интеллектуальные занятия так и не смогли отвлечь посетителей от пива.

И все же в те годы вновь стали серьезно разрабатываться медицинские, социологические и криминологические проблемы пьянства и алкоголизма, которые могли дать солидную научную основу для разработки алкогольной политики: например, сведения о структуре потребления спиртного, половозрастной динамике, путях приобщения к «водочной культуре», традициях потребления (в России, как известно, больше привыкли пить дома, а не на улице или в кафе), связи потребления с заработком и т.д. Кстати, оказалось, что больше пьют не самые низкоквалифицированные с наиболее низким доходом работники, а как раз наоборот: с ростом доходов растет и потребление⁸⁵.

Несмотря на все издержки кампанейского подхода, к началу 30-х гг. потребление водки в крупных городах сократилось на 25—40%⁸⁶. Но, добившись единовременным натиском немалых успехов, ОБСА оказалось не в состоянии закрепить их и разработать сколько-нибудь реальную стратегию и тактику дальнейших действий. У движения не было четко определенной цели (и даже устава), помимо объявленной задачи «будоражить» общественность и создавать «*противоалкогольное общественное мнение*». Первое удавалось сравнительно легко с помощью обычных методов массовых кампаний и при поддержке со стороны власти. Второе оказалось куда труднее. С легкостью отбрасывая привычный бытовой уклад, идеологи новой жизни стремились заменить его достаточно абстрактными лозунгами грядущего совершенства:

«Мы пафосом новым
уьемся допьяна,
Вином своих не ослабим волю.
Долой из жизни
два опиума —
Бога и алкоголь!»

Сейчас при чтении этих строк создается впечатление, что поэт не столько отвергал, сколько призывал (и едва ли не нуждался сам) к своеобразной духовной эйфории строительства небывалого на Земле общества. В таком случае обойтись без «опиума» было довольно трудно...

К тому же и сами трезвенники понимали свои задачи по-разному. У руководства движения стояли наиболее радикальные сторонники полной трезвости; во всяком случае, имевшие место попытки агитации на тему «Как нужно культурно выпивать» Обществом пресекались как идейно вредные⁸⁷. Ю. Ларин и его единомышленники предполагали достичь полного искоренения алкоголизма менее, чем за десять лет⁸⁸. Но тем самым подрывалась массовая база движения, поскольку далеко не все его потенциальные сторонники были способны отказаться от рюмки вина за праздничным столом. Не удалось сделать ОБСА и массовой молодежной организацией, не утвердилось оно и в деревне; это признавали сами трезвенники на I областном съезде Московского ОБСА в 1930 г.

Сравнивая кампанию 1928—1931 гг. с антиалкогольным движением начала XX в., можно сказать, что ее результаты, несмотря на поддержку государства, оказались довольно скромными. Предпочтение явно отдавалось «штурмовым» методам и поголовному охвату в ущерб длительной черновой работе. Другим коренным недостатком стал к началу 30-х гг. принципиальный отказ от комплексной работы по устранению социальных факторов, порождавших такое сложное явление, как пьянство. Тот же Демьян Бедный главной и единственной причиной объявлял

«...распроклятую нашу старину,
К работе не рьяную,
Темную, пьяную...»

Такой типичный для пропаганды 20-х гг. подход был предельно примитивен, да к тому же принципиально отрицал какую-либо ценность исторического опыта, в том числе и в области борьбы с пьянством. Культурный разрыв эпох наглядно воплощался в лозунгах и политических установках вроде: «*Пьющий — враг социалистического строительства*» или «*Никто не имеет права отвращать свой мозг и мышцы, которые должны работать на общую стройку!*» Эти лозунги вообще игнори-

ровали подход к пьянству как к человеческой беде, и необходимость социальной помощи; речь могла идти только о вине несознательных граждан, уклонявшихся от общей стройки.

Однако само Общество к 1931 г. по причинам, о которых еще пойдет речь, потеряло интерес к поискам новых форм и методов работы в своей области. На страницах его издания появились призывы перейти от «узко-резвещеннической агитации» к грандиозной борьбе за переустройство всей сферы быта на принципиально новых началах⁸⁹. В 1932 г. вместо ОБСА была создана новая организация «За здоровый быт», что фактически означало сворачивание антиалкогольной кампании. Но на самом деле она уже была свернута много раньше.

«Жить стало веселее». ОБСА и ему подобные организации неизбежно столкнулись с целым рядом проблем, решение которых от них не зависело. Деятельность самого Общества финансировалась из резервного фонда Совнаркома⁹⁰ и не требовала больших средств. Провозглашенная им цель неуклонного сокращения душевого потребления водки в СССР на 70% к 1933 г. должна была привести к сдвигу в экономической политике, серьезно изменить структуру товарооборота в стране и намного увеличить выпуск товаров народного потребления.

Но одновременно в стране развернулась невиданная перестройка: за годы осуществления первого (1929—1933 гг.) и второго (1933—1937 гг.) пятилетних планов произошла форсированная реконструкция народного хозяйства. В промышленности практически был создан заново весь комплекс машиностроения; появились целые современные отрасли: химическая, авиационная, автомобильная, сельскохозяйственных машин. В 30-е гг. появился военно-промышленный комплекс (в 1928 г. он включал 46, а в 1938 г. уже 220 заводов, опытных производств, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро с 700 тысячами работников), сравнимый по своему потенциалу с английским, французским и германским. Качественное отставание отечественной промышленности было преодолено: СССР стал одной из немногих стран, способных производить любой вид промышленной продукции. Однако первоочередной рост отраслей по выпуску машин и оборудования, ударное стро-

ительство предприятий-гигантов происходило при явном невнимании к социальной сфере. Тогдашний председатель высшего хозяйственного органа (ВСНХ СССР) В.В. Куйбышев видел в растущей нехватке ширпотреба как раз преимущество социалистической экономики, поскольку несоответствие между спросом и предложением должно *«толкать промышленность на быстрое развитие, оно свидетельствует о росте благосостояния, являясь стимулирующим моментом для индустриализации»*⁹¹.

«Большой скачок» с его стройками-гигантами требовал все больше и больше средств, что неизбежно должно было нарушить с трудом налаженную к середине 20-х гг. финансовую систему. Правительство вынуждено было отказаться от только что достигнутой конвертируемости червонца, а с началом «великого перелома» все усилия были направлены на то, чтобы любой ценой обеспечить форсированное развитие тяжелой промышленности. По официальным данным, в 1928—1933 гг. затраты на нее примерно на 45% превысили намеченные расходы. Необходимы были дополнительные миллиарды рублей, тем более что внутривидовые накопления оказались намного меньше запланированных: с 1931 г. промышленность стала нерентабельной и оставалась таковой до конца 30-х гг.

Рывок в промышленности был достигнут за счет сверхцентрализации и мобилизации ресурсов: фонд накопления в составе национального дохода увеличился с 10—15% до 40—44% в 1930—1931 гг., что на практике оборачивалось сокращением производства необходимых товаров, прямым насилием над крестьянством и общим падением жизненного уровня. Как известно, новое руководство не остановилось даже перед угрозой массового голода в наиболее хлебородных районах для выкачивания зерна на экспорт из новообразованных колхозов и совхозов. Соответственно необходимо было максимально мобилизовать все прочие резервы. При таком подходе государственная монополия на спиртное стала представляться необходимым рычагом увеличения государственных доходов. В высшем эшелоне партийно-государственного руководства колебаний и на этот счет не было — с оппозицией к началу 30-х гг. было покончено.

Формально антиалкогольная кампания еще продолжалась. Но Сталин уже в сентябре 1930 г. твердо предписывал В.М. Молотову, только что назначенному председателем Совнаркома вместо обвиненного в «правом уклоне» Рыкова: *«Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны... Имей в виду, что серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке...»*⁹² Указание вполне откровенное: ни о каких временных шагах и уж тем более о здоровье населения речь уже не шла. После таких — разумеется — секретных решений любые попытки развития трезвенного движения были обречены, тем более что за ним было немало действительных грехов.

«Штурмовая» кампания уже в конце 1929 г. привела к смене руководства ОБСА. Ларин и Дейчман были отстранены за излишнюю активность и создание атмосферы *«ожесточенной враждебности к таким правительственным органам, как Наркомфин, Наркомторг, Госплан, в которых, конечно, есть недостатки, но которые, тем не менее, есть органы пролетарской диктатуры»*, — именно так были расценены резолюции митингов ОБСА против намечавшегося увеличения производства спирта⁹³. Нарастание государственной регламентации всех сфер общественной жизни исключало само существование самостоятельного движения; отныне жизнь граждан должна была определяться исключительно идущими сверху распоряжениями. Уместно вспомнить цитированные выше слова Сталина, что государство вольно решать, потреблять или не потреблять водку его гражданам...

Однако первые же попытки форсированного переустройства экономики привели к серьезным трудностям в снабжении продовольствием. Выходом стало введение в 1928 г. карточек для горожан на основные продукты при одновременном повышении цен на прочие товары и расширении коммерческой торговли (1 кг черного хлеба стоил по карточкам 12 коп., а в свободной продаже — 2,5 руб.).

Другим источником бюджетных поступлений стала работа печатного станка: объем денежной массы увеличился к 1933 г. в пять раз по сравнению с 1928 г. Спиртное не вошло в число распределяемых по карточкам товаров, но с июня 1932 г. по постановлению Государственного комитета цен при Совете труда и обороны в продажу пошла пшеничная водка по цене в полтора раза выше прежней⁹⁴. Рост цен на продовольствие продолжался и впоследствии: в 1932—1940 гг. они увеличились еще в 2—5 раз. В 1940 г. цены были в 6—7 раз выше, чем в 1928 г., и съедали все увеличения зарплаты, которая и так была невысокой.

Вот как выглядели цены на продукты в 1937 году: 1 кг пшеничной муки стоил 4 руб. 60 коп., луценого гороха — 3 руб. 60 коп., гречки — 1 руб. 82 коп.; мятных пряников — 5 руб. 75 коп., повидла — 4 руб. 30 коп., кофе — 10 руб. 90 коп.; кусок хозяйственного мыла — 2 руб. 27 коп.; банка сардин — 4 руб. 75 коп., кеты натуральной — 3 руб. 50 коп. Поллитровая бутылка вина стоила около 4 руб., бутылка побольше — около 7 руб. После тарификации, проведенной в начале 1930 года, наиболее распространенной у рабочих была зарплата в 60—90 руб. в месяц. Низкооплачиваемые группы рабочих получали 30—50 руб., наиболее высокооплачиваемые — порядка 180 руб. Постановление СНК СССР от 1 ноября 1937 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта» предусматривало такое увеличение зарплаты этим категориям работников, при котором при повременной оплате тарифная ставка вместе с надбавкой составляла не ниже 115 руб. в месяц, а при сдельной — не ниже 110 руб. Поллитровка же водки перед войной стоила уже 6 руб.

В этих условиях она становилась поистине необходимым универсальным средством для пополнения казны: *«5 миллиардов мы имеем доходу от водки — или 17% всех доходных поступлений. Давно мы простую водку называли пшеничной и давно вы вместо написанных 40° пьете 38°»*, — разъяснял в узком кругу суть «новой линии» в питейном вопросе высокопоставленный чиновник Наркомата финансов в 1932 г.⁹⁵ А вот что видел в знаменитом Елисеевском гастрономе рядовой москвич летом 1930 г.: *«В отделе рыбном до недавнего времени*

торговали папиросами; теперь — пусто. В большом отделе фруктов теперь "весенний базар цветов". В отделе кондитерском детские игрушки и изредка немного сквернейших конфет. В парфюмерном — одеколон, но нет мыла. Торгует один винный, ибо в колбасном изредка жареная птица по 6 руб: за кило. И только в задней комнате торгуют по карточкам хлебом, сахаром, когда он есть»⁹⁶.

В лихие годы стремительного наступления на крестьянство и разрушения старого сельского уклада в деревне наступил настоящий голод. Хлеб из колхозов выгребался в качестве обязательных поставок, а промышленные товары не поступали, т.к. государственная система снабжения была ориентирована на обеспечение прежде всего тех социальных групп, которые прямо поддерживали режим и обеспечивали успех индустриализации. В ответ на пустые полки сельских магазинов появились листовки. В одной из них, стилизованной под народную поэзию, крестьянин жаловался:

«Ты устань-проснись, Владимир,
встань-проснись, Ильич.
Посмотри-ка на невзгоду, какова лежит,
Какова легла на шею крестьянина-середняка
В кооперации товару совершенно нет для нас.
Кроме спичек и бумаги, табаку, конфект,
Нет ни сахару, ни масла; нет ни ситца, ни сукна,
Загрузила всю Россию водочка одна»⁹⁷.

В провинции, впрочем, порой даже водки не хватало. Выездная комиссия Наркомата снабжения во главе с А.И. Микояном весной 1932 г. оценила положение с продовольствием в Мурманске как «очень плохое» и зафиксировала жалобы жителей на подвоз спиртного раз в 10 дней, следствием чего были давки, приводившие в итоге к десяткам раненых. Стараниями комиссии торговля сделалась более регулярной. Бесперебойно торговали водкой лишь в закрытых распределителях для «ответработников» и Торгсинах, где отоваривались сдатчики драгоценных металлов и произведений искусства⁹⁸.

На провал трезвенной кампании 1928—1931 гг. оказала влияние не только прямолинейная сталинская политика. Не стоит упрощать проблему, как это делали недавно наши трезвенные издания, сводя ее к политической ошибке Сталина и злой воле окопавшихся в Наркомате финансов царских чиновников, которые-де и убеди-

ли советское руководство вновь ввести государственную монополию на спиртное⁹⁹.

Отказ от нэповского курса и форсированная перестройка экономики вызвали колоссальные социальные сдвиги и потрясения, которые, в свою очередь, оказали существенное влияние на уровень потребления алкоголя в стране. Окончательная отмена частной собственности, уничтожение «эксплуататоров» и «контрреволюционеров» (буржуазии, духовенства, казачества, офицерства, дворянства, купечества) стремительно разрушали сложившуюся социальную структуру. Общая численность рабочих выросла с 9 млн. человек в 1928 г. до 23 млн. человек в 1940 г.; число специалистов — с 500 тыс. до 2,5 млн. человек, т.е. появились массовые профессии индустриальных работников современного типа. Урбанизация почти в 2 раза (с 18% до 32%) увеличила население городов за счет миллионов выходцев из деревни, где в ходе коллективизации миллионы крестьян были в буквальном смысле выбиты из привычного уклада жизни или вообще оказались сосланы в отдаленные районы страны.

Уже с конца 20-х гг. население городов ежегодно увеличивалось на 2—2,5 млн. человек; стройки новой пятилетки добровольно или принудительно поглощали все новые «контингенты» вчерашних крестьян, не приобщая их, естественно, за столь короткий срок к качественно новой культуре. Старые центры, новостройки и рабочие поселки обрастали бараками, общежитиями, «балками» и прочими крайне неблагоустроенными жилищными скоплениями при минимальном развитии городской инфраструктуры, способной «переварить» или, как выражались в те годы, «окультурить» массы неквалифицированных новоселов. Рывок 20—30-х гг. порождал в социальной сфере те же последствия, что и «первая индустриализация» второй половины XIX — начала XX века, только в большем размере, учитывая скорость и размах преобразований.

Разрушение традиционного деревенского уклада жизни и массовая миграция в значительной степени способствовали появлению нового горожанина: как правило, с низким уровнем образования, не слишком сложными запросами и еще более низкой культурой бытового поведения, т.е. того самого «питуха», для которого выпивка

становилась обыденным делом. Даже несомненные сами по себе достижения имели обратную сторону: сокращение рабочего дня, известное уменьшение доли домашнего труда в связи с развитием коммунального хозяйства порождали непривычную для многих проблему свободного времени¹⁰⁰. Что могли предложить в этом смысле городская окраина или новый рабочий поселок? К перечисленному можно добавить и появление выросшего за десятилетие Советской власти молодого поколения, настроенного на борьбу с «опиумом народа» — религией с ее попедами о воздержании и идейно ориентированного на «рабоче-крестьянский» тип поведения.

В какой-то степени преобразования той поры созвучны петровским реформам. Глубокий переворот в наиболее консервативной бытовой сфере с полной отменой «сверху» традиционных ценностей не мог не вызвать в обществе (весьма неоднородном по своему социокультурному уровню), кроме отнюдь не выдуманного революционного энтузиазма, еще и глубочайшее потрясение, кризис казавшихся незыблемыми моральных устоев. Советская власть не только, подобно Петру I, изменила одежду, знаковую систему, манеры поведения, но «отменила» даже Бога и — временно — семидневную неделю!

В то время людей старого воспитания удивляло стремительное изменение бытовой культуры, в том числе и на почве эмансипации: *«Появился новый тип советской дамы, тип более сознательный, отбросивший старые предрассудки... не то что пить вино, а и самогон почал трескать, и не рюмками, а чашками, почти наравне с мужчинами... До революции это и во сне не снилось, а показаться пьяным порядочной девушке или даже даме было большим хамством для человека из общества. Предстать в пьяном виде можно было нам разве лишь перед проституткой или кокоткой»,* — так воспринимался советский «бомонд» уже известным нам по предыдущим главам, а ныне бывшим князем и лейб-кирасиром В.С. Трубецким¹⁰¹.

Ситуация XX столетия по сравнению с первой четвертью XVIII века была в некотором смысле даже хуже: новая элита, в отличие от петровской, не имела за собой родовых служебно-культурных традиций и после массовых чисток и репрессий 30-х г. потеряла почти всю настоящую интеллигенцию. В итоге она становилась все

более «серой» по своему культурно-образовательному уровню — начиная от Политбюро и кончая начальниками районного масштаба. К тому же пролетарское пуританство первых лет советской власти к 30-м годам сменяется системой иерархических привилегий для новой «знати».

Пример подавали вожди. На склоне лет В.М. Молотов вспоминал, что сам он всегда предпочитал «Цоликаури» и «Оджалешу», Ворошилов — «Перцовку», Рыков — «Старку». Правда, Сталин пил весьма умеренно и до конца дней оставался поклонником замечательных грузинских вин и шампанского. Однако вождь сделал традицией ночные совещания-попойки высшего руководства страны, описанные его дочерью Светланой: *«Отец пил немного; но ему доставляло удовольствие, чтобы другие пили и ели, и по обычной русской привычке гости скоро выходили из строя. Однажды отец все-таки много выпил и пел народные песни вместе с министром здравоохранения Смирновым, который уже совсем едва держался на ногах, но был вне себя от счастья. Министра еле-еле уняли, усадили в машину и отправили домой. Обычно в конце обеда вмешивалась охрана, каждый прикрепленный уволакивал своего упившегося охраняемого. Разгулявшиеся вожди забавлялись грубыми шутками, жертвами которых чаще всего были Поскребышев и Микоян, а Берия только подзадоривал отца и всех. На стул неожиданно подкладывали помидор и громко ржали, когда человек садился на него. Сыпали ложкой соль в бокал с вином, смешивали вино с водкой. Отец обычно сидел, посасывая трубку и поглядывая, но сам ничего не делал. Но он же следил, чтобы участники не пропускали ни одного тоста, поскольку считал нужным проверить людей, чтоб немножко свободней говорили»*. Интересно, что то же самое говорили про Ивана Грозного. Когда подошло время сделать «железного» наркома внутренних дел Н.И. Ежова «козлом отпущения» за волну «большого террора» 1937—1938 гг., Сталин обвинил недавнего любимца в моральном разложении и пьянстве¹⁰².

С политического Олимпа питейно-застольные традиции распространялись вниз. Нельзя выделить ни одной общественной группы, где бы они не получили широкого распространения. Начиная от колхозного крестьянства, характерной чертой быта которого стало самогоноварение, до столпов режима (Жданова, Щербакова) и из-

вестных представителей советской интеллигенции (достаточно вспомнить судьбы А. Толстого, А. Фадеева, М. Светлова, В. Высоцкого) выпивка прочно становилась атрибутом советского образа жизни, постепенно увеличивая за истекшие десятилетия свой удельный вес и престиж.

Складывавшаяся с тех пор система работы с кадрами ориентировалась прежде всего на «выдвиженцев»-исполнителей с безупречным происхождением, не обремененных излишним образованием. Новый тип советского деятеля достаточно отчетливо охарактеризовал еще Н.И. Бухарин, выступая в 1926 г. на X Московском губернском съезде РКСМ: *«Если нужно ловко сказать какую-нибудь приветственную речь, пустить табак в глаза, обойтись без прямого ответа по сути дела, обойти своего противника без соответствующих знаний, хорошо уметь носить портфель, уметь организовать одну группу лиц против другой группы лиц, сообразить насчет всех организационных комбинаций, ловко провести собрание, чтобы трещало у всех в голове — все это умеем на 100%»*¹⁰³.

Новый стиль партийно-хозяйственного руководства требовал агрессивно-нажимных способностей и безусловного проведения «генеральной линии» в любой сфере, независимо от степени компетенции. Партия (превращенная, по меткому определению Сталина, в «своего рода орден меченосцев внутри государства советского») строилась на основе строжайшей централизации в условиях постоянного напряжения борьбы с «врагами», внезапных перетрясок и перемещений.

На уровне человеческого общения и бытового поведения «демократические» (в худшем смысле этого слова) традиции такого культурного типа органично включали грубость, хамство, упрощенные представления о культурных ценностях. В числе прочих ценилось умение «посвойски» пить с выше- и нижестоящими в самой неприятельной манере, что становилось необходимым условием «нормальной» карьеры и естественным способом расслабиться в свободное время.

«Вечером двадцать пятого июля 1940 года один народный судья Куйбышевского района Орлов М.И., член партии, имеющий низшее образование, вместе с народным заседателем Поповым и родственником Киселевым

зашел в буфет речного вокзала "Потылиха", это там, где теперь киностудия "Мосфильм". Выпили, потом добавили еще. Хотели повторить, но администрация им этого не посоветовала. И так хороши. Попов и Киселев настаивать на отпуске спиртного не стали, а наш судья, что называется, полез в бутылку. Стал орать, что он судья, что всех пересаждает и почему-то непременно на половой член, употребляя при этом самую грязную матерщину. Когда Моргунов, тоже посетитель буфета, попросил разбушевавшегося Михаила Кузьмича, так звали судью, выйти, то тот набросился на него и, возможно, избил бы, если бы не заседатель с родственником. За нетактичное поведение в общественном месте получил М.И. Орлов два года лишения свободы.

Аналогичная история произошла в ночь на пятнадцатое апреля 1939 года с прокурором Семеновым Александром Николаевичем, членом ВКП(б), имевшим высшее образование. Он устроил скандал в ресторане "Метрополь", кричал, что он прокурор, ударил по физиономии официанта, а когда милиционеры Савельев и Педаев предложили ему проследовать в пятидесятое отделение милиции, совсем вошел в раж и стал угрожать снять их с работы. Получил он за это год исправительных работ»¹⁰⁴.

Не случайно сталинский террор в отношении военных имел следствием резкое падение дисциплины и морального уровня войск. Наркому обороны К.Е. Ворошилову пришлось издать в декабре 1938 г. специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА», который боролся с явлением вполне в духе времени:

«За последнее время пьянство в армии приняло поистине угрожающие размеры. Особенно это зло укоренилось в среде начальствующего состава. По далеко не полным данным, только в одном Белорусском особом военном округе за 9 месяцев 1938 г. было отмечено свыше 1 200 безобразных случаев пьянства; в частях Уральского военного округа за тот же период — свыше 1 000 случаев, и примерно та же неприглядная картина в ряде других военных округов... Отъявленные негодяи и пьяницы на глазах у своих не в меру спокойных начальников, на виду у партийных и комсомольских организаций подрывают основы воинской дисциплины и раз-

лагают воинские части... Многочисленные примеры говорят о том, что пьяницы нередко делаются добычей иностранных разведчиков, становятся на путь прямой измены и переходят в лагерь врагов советского народа...

Приказываю:

1. Во всех полках созвать совещания командного и начальствующего состава, на которых полным голосом сказать о всех пьяных безобразиях, осудить пьянство и пьяниц как явление недопустимое и позорное...

2. Во всех служебных аттестациях, если аттестуемый пьяница, непременно это указывать. Указывать также и о том, насколько аттестуемый начальник успешно борется с пьянством среди своих подчиненных...

3. Дело о преступлениях, совершенных на почве пьянства, заслушивать выездными сессиями военных трибуналов с привлечением армейской общественности...»¹⁰⁵

Немало образцов поведения новых советских начальников дают материалы так называемого «Смоленского архива» — партийного архива Западной области, оказавшегося после второй мировой войны на Западе и доступного с тех пор для изучения. Десятки документов показывают весьма невысокий нравственный уровень «выдвиженцев», стремившихся компенсировать свои проступки безупречным классовым происхождением и идейной преданностью. Приведем только одно (из многих) заявление исключенного из партии за пьянку и уголовщину деятеля Ульяна Сухалева (орфография и пунктуация сохранены): «...Классовая линия с моей стороны была вполне выдержана. Вся лишь моя вина откровенно признавшись это когда выпьешь водки. За это я получал замечания со стороны Р.К. ВКП(б) и в последствие меня Усмынский РК исключил с рядов В.К.П. Но я не алкоголик и если когда выпиваю то лишь только по своей не культурности и не сознательности. Я принимаю все свои ошибки и сознаю, что я виноват меня не обходимо наказать. Но прошу полегчить мне наказания и отставить меня в рядах ВКП как молодого члена. Возможно я в дальнейшем буду полезным членом и дам многое хорошее в построении социализма и в помощи ВКП(б)»¹⁰⁶.

Одноклассница Михаила Горбачева Мария Жидкова в интервью газете «Собеседник» вспоминала одну из знаменательных дат в жизни будущего Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР: «...однажды открывается дверь и танцующей походкой входит Михаил. Весь аж светится. Ну, — говорит, — девчата, ...организовывайте стол. Есть за что выпить. Я — кандидат в КПСС. Гульнем? Ну мы засуетились, забежали, все, что нужно к столу, собрали — картошечки, грибов, винца яблочного. Ребята спирта принесли... А что, вы всерьез думаете, что он таким святым, трезвенником был? Бросьте! Нормальный парень. Как все...»

Десятки и сотни тысяч «офицеров» партии еще в комсомоле, а затем в кругу «партийно-хозяйственного актива» участвовали в официальных и неофициальных возлияниях на конференциях, слетах, семинарах и т.п. мероприятиях.

Впрочем, всегда надо было помнить, что неумение и неумеренность в такого рода практике были опасны: «Тов. Сталину. Секретариату ЦК в начале текущего года стало известно, что первый секретарь Курганского обкома тов. Шарпов плохо работает и недостойно ведет себя в быту. Он часто не выходит на работу, пьет, причем выпивки происходят не только дома, но также и в помещении обкома и при выезде в командировки в районы. За время своего пребывания в Кургане тов. Шарпов сожительствовал с рядом женщин...»

Подобная информация могла оборвать карьеру любого функционера — правда, в том случае, если сопровождалась утратой деловых качеств: срывом планов или невыполнением иных указаний центра¹⁰⁷.

На установление водочной монополии, надо полагать, повлияла и неудача введенного в 1920 г. в США «сухого закона» 18-го добавления к конституции (Prohibition Act), согласно которому на всей территории страны были запрещены производство, продажа и ввоз алкогольных напитков. Но уже в 1925 г. министр финансов вынужден был заявить, что в его силах перехватить лишь 1/20 часть ввозимой в США питейной контрабанды. На бутлеггерстве — подпольном производстве и торговле спиртным — быстро вырос многомиллиардный криминальный бизнес во главе со знаменитым королем контрабанды и рэкета Альфонсом Капоне, и специальная

президентская комиссия в 1931 г. представила доклад о полной неспособности властей воспрепятствовать ему. В итоге новый президент Ф.Д. Рузвельт отменил «прогибишен» с января 1933 г.

В СССР курс на расширение водочной торговли вместе с коренной реконструкцией общества способствовал появлению массового потребителя спиртного в его наихудшем варианте. После тихого завершения трезвенной кампании 1928—1931 гг. развитие питейной отрасли резко пошло в гору, что особенно заметно на фоне серьезного спада производства важнейших товаров широкого потребления к концу первой пятилетки. В 1936 г. производство спирта увеличилось в 250 раз по сравнению с «сухим» 1919 г. и после коренной реконструкции заводов перекрыло уровень 1913 г., о чем рапортовали работники отрасли к двадцатилетнему юбилею советской власти¹⁰⁸. На новых предприятиях трудились свои 15 тысяч стахановцев.

На питье шла половина их продукции, и 163 водочных завода вполне обеспечивали страну своими изделиями, ассортимент которых постоянно расширялся. Нарком пищевой промышленности А.И. Микоян мог уже в 1936 г. с гордостью отрапортовать на сессии ЦИК СССР: *«Стали придумывать, как бы выпускать что-нибудь получше, и вместо 25 сортов, которые мы давали в 1932 г., сейчас мы производим 69 сортов ликеров, наливок и настоек... Какая же это будет веселая жизнь, если не будет хватать хорошего пива и хорошего ликера!»* Он же пообещал довести производство всех видов спиртного до 10 миллионов бутылок в год к 1942 г.

Согласно официальной статистике, потребление водки государственного производства в 1936 г. составляло 3,6 л на человека за год, в сравнении с 8,1 л в 1913 г. В 1935 г. водки выпускалось (за исключением экспортных и промышленных нужд) 320—330 млн. л в год, тогда как в 1913 г. — около 432 млн. л, однако производительность росла¹⁰⁹. Алкогольный конвейер наращивал мощности. Печально знаменитый 1937 год вошел в анналы Московского ликеро-водочного завода как год расцвета. Перед самой войной в 1940 г. появился первый классический советский напиток — «Московская особая».

В дополнение к росту выпуска ликеро-водочной продукции ударными темпами развивалось и виноделие.

В 30–50-х гг. СССР из импортера стал крупнейшим производителем вина; в 1941–1965 гг. его выпуск увеличился в 6,5 раза¹¹⁰. В довоенные и послевоенные годы нашими виноделами были созданы великолепные образцы марочных вин (например, хереса и вин Массандровской коллекции), успешно конкурировавшие на международных конкурсах с продукцией прославленных фирм Испании, Италии и Франции. К сожалению, до массового потребителя эти вина не доходили; зато ему в изобилии предлагались, особенно в 60–70-е гг., «плодово-ягодные» вина и дешевые суррогаты в виде «портвейнов», ничего общего не имевших с этими благородными напитками.

При этом винный поток вовсе не вытеснил водку: судя по известным для 70–80-х гг. цифрам, потребление того и другого шло по нарастающей. Опубликованные в одной из «юбилейных» статей (1938 г.) данные говорили о том, что при всех успехах питейной отрасли душевое потребление не увеличивалось и в 1932–1936 гг. составляло соответственно 4,3–3,9 л, т.е. всего 53–48% от уровня 1913 г. Но показанная величина царской нормы потребления (3,25 л спирта) не соответствует принятым в то время оценкам (4,7 л); к тому же приведенные цифры, по замечанию автора, относятся только к водке; исключая «цветные водочные изделия» и прочий алкоголь¹¹¹.

Виноделие и пивоварение стали мощными и современно оборудованными отраслями, а рост объемов их продукции заметно обгонял, к примеру, производство мяса:

	1913 г.	1940 г.
пиво	80 млн. декалитров	121 млн. декалитров
мясо	1273 тыс. тонн	1556 тыс. тонн ¹¹²

Не менее показательна изменилась и официальная позиция по питейному вопросу. Еще в 1929 г. в разгар антиалкогольной кампании со страниц журнала «Трезвость и культура» нарком просвещения Анатолий Луначарский с известной горечью писал: *«Советское правительство всегда с тяжелым чувством сознает всю ненормальность государственной продажи водки и других*

спиртных напитков. Однако культурный уровень страны был до сих пор таким, что попытки полного подавления алкоголизма и отказ государства от производства алкогольных напитков приводили только к мрачному усугублению самогонарения, с убылью хлеба и всеми сопровождающими это бытовое явление безобразиями»¹¹³.

Для контраста можно привести заявление другого наркома А.И. Микояна, уже несколько лет спустя убеждавшего в преимуществе советского типа потребления спиртного: *«Почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили, именно чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. Достанет иногда человек на бутылку водки, кушать было нечего, и пьет, денег при этом на еду не хватало и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От сытой и хорошей жизни пьяным не напьешься. Веселей стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью»¹¹⁴.*

Логике и стиль этого заявления можно не комментировать — здесь точно запечатлены уровень мышления советского начальника и его представления о народном благоденствии в 1936 г. Но ведь и у самого вождя, по свидетельству того же Микояна, был вполне определенный критерий уровня развития общества: *«Стахановцы сейчас зарабатывают много денег, много зарабатывают инженеры и другие трудящиеся. А если захотят купить шампанского, смогут ли они его достать? Шампанское — признак материального благополучия, признак зажиточности»¹¹⁵.*

Ответом на пожелание было специальное постановление правительства «О производстве советского шампанского, десертных и столовых вин Массандра» и стремительное увеличение изготовления этого напитка до планируемых 8 миллионов бутылок в 1940 году. Знаменитый завод «Абрау-Дюрсо» близ Новороссийска, выпускал до революции лишь 185 тысяч бутылок, а за время с 1920 до 1936 г. — по 100—120 тысяч бутылок в год. Сталин решил перейти к кардинальным мерам: в начале 1936 г. состоялось решение партии и правительства о передаче всего винодельческого хозяйства (в том числе и

виноградарства) в ведение Наркомпищепрома, а затем в июле того же года было принято постановление ЦК и СНК СССР об энергичном развитии винодельческой промышленности в стране, в частности о выпуске шампанских вин на ближайшее пятилетие (1937—1941 гг.) в размере 12 млн. бутылок, т.е. об увеличении выпуска шампанского в 60 раз!

Наркому А.И. Микояну пришлось в ударные сроки поднимать новую отрасль, в том числе — изучать и опыт виноделия в лучших хозяйствах царского времени, и современные технологии изготовления знакового для Сталина шампанского (проведение брожения не в бутылках, а в резервуарах большой емкости — акротофорах). Первый завод, работавший по этому способу, был организован в Ростове, разместившись в недостроенных цехах маргаринового завода.

Всего же в 1940 году государственная винодельческая промышленность СССР выпускала 115 наименований марочных вин, переработала 300 тысяч тонн винограда и выработала 135 млн. л виноградных ви́н и 8 млн. бутылок шампанского, без учета вина, изготовленного колхозами и колхозниками, которое оставалось во внутриколхозном обороте; таким образом, фактическая выработка вина была значительно выше приведенных цифр¹¹⁶.

Утверждавшийся официальной пропагандой тезис о превосходстве социализма снимал и вопрос о действительных причинах пьянства и других антисоциальных явлений. На много десятилетий вперед они были объявлены пережитками проклятого прошлого: *«Корни алкоголизма — в старом быту. В дореволюционной России труд был тяжелым ярмом, вынужденной повинностью, фактором угнетения и потому способствовал алкогольным зарядкам. Труд в социалистическом Союзе, труд коллективный, принимает здоровые, радостные формы, становится делом доблести и чести, героизма и славы, исключаяющим потребность в алкогольном забытье или возбуждении»*¹¹⁷. Один из призывов ЦК ВЛКСМ к Международному юношескому дню в 1936 г. утверждал: *«Пьянки — главный метод вражеской работы среди молодежи»*.

В этой атмосфере становилось невозможным и сколько-нибудь научное исследование вопроса: при опросах граждане не давали столь откровенных ответов относи-

тельно выпивки, как в 20-е гг. Искажала действительность и статистика, сообщая заведомо заниженные цифры всяких Тантисоциальных проявлений»¹¹⁸.

Пересмотрен был курс на трезвость и в армии. Зимой 1939—1940 гг. воевавшим против Финляндии бойцам и командирам Красной Армии приходилось несладко. Морозы часто «зашкаливали» за 40 градусов. Противник при отходе стремился разрушать любые строения, поэтому красноармейцам нередко приходилось ночевать в шалашах, наспех сооруженных из хвойных веток. Многие дивизии прибывали на фронт в шинелях и брезентовых сапогах. В госпиталях Ленинграда и Вологды тысячами потекли обмороженные, а теплая одежда начала поступать на фронт с большим опозданием.

В поисках эффективных средств для борьбы с холодом и поднятия боевого духа советское командование вновь обратилось к водке. Экономическое совещание при Совете Народных Комиссаров СССР в декабре 1939 г. постановило: *«В связи с низкой температурой в Карелии и Заполярье в целях профилактики обморожений в частях и соединениях действующей Красной Армии установить дополнительный паек для бойцов и командиров, участвующих в боях, в размере 100 граммов водки в день и 100 граммов сала через день»*. Согласно тому же постановлению, армейской элите — летчикам — полагались те же 100 граммов, но не водки, а коньяка. К февралю 1940 г. количество солдат и офицеров, воевавших против Финляндии, перевалило за миллион человек, и в обеспечении такого огромного количества людей продовольствием и спиртным возникли трудности.

Согласно отчету отдела тыла Северо-Западного фронта о работе за период боевых действий, *«с 1 января был введен новый вид снабжения войск — водка и шпиг. В снабжении войск этим видом довольствия были трудности с оборачиваемостью посуды. Недостаток посуды держал вопрос снабжения водкой в напряженном положении, для ликвидации которого были приняты соответствующие меры. Через обком и горком ВКП(б) (Ленинградский — Авт.) был обеспечен сбор посуды через торговую сеть. Были организованы бригады для сбора и транспортировки посуды с фронта, что дало 250 вагонов посуды. В результате проведенных мероприятий с*

задачей обеспечения войск водкой продовольственный отдел справился и обеспечивал войска бесперебойно»¹¹⁹.

В деревне государственная водка, кажется, все же победила крестьянский самогон. При колхозной системе и больших планах государственных поставок зерна в 30-е гг. изготавливать спиртное в домашних условиях стало значительно труднее. Некоторые историки полагают, что, по всей видимости, самогоноварение сошло на нет, судя по редким упоминаниям о нем как в архивных, так и в опубликованных источниках (но кто бы позволил об этом сообщать, особенно в печати?). Кроме того, в деревне стало меньше мест, где можно было выпить вне собственной избы, так как большинство кабаков, являвшихся частными предприятиями, были закрыты¹²⁰.

Поворот к установлению в стране тоталитарного режима вызывал в начале 30-х гг. оппозицию в самой партии. Программа «Союза марксистов-ленинцев» М.И. Рютина в числе прочих грехов сталинской диктатуры специально выделила интересующий нас момент и призвала товарищей по партии выступить *«за уничтожение позорного сталинского пьяного бюджета и спаивания рабочих и трудящихся масс»*. Особую опасность диктатуры оппоненты Сталина видели в деморализации самой партии, члены которой *«превращаются просто в мещан и обывателей, другие погружаются в непробудное пьянство, третьи начинают развратничать и т.д.»¹²¹* Но этот и подобные ему протесты уже не могли повернуть события вспять. Мужественные люди были осуждены как опасные оппозиционеры, а официальная пропаганда не менее уверенно утверждала новый курс питейной политики в духе вышеприведенных цитат.

Примечания

1 См.: *Токарев Ю.С.* Петроградские рабочие в борьбе за установление и охрану революционного порядка (август—декабрь 1917 г.) // *Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма.* М.—Л., 1963. С. 53; *Канн П.Я.* Революционный порядок в Петрограде в дни Великого Октября // *Вопросы истории.* 1987. № 11. С. 180.

2 См.: Петроградский Военно-революционный комитет (далее — ВРК): *Документы и материалы.* М., 1967. Т. 3. С. 318.

- 3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 17.
- 4 Петроградский ВРК Т. 3. С. 17.
- 5 См.: Канищев В., Протасов Л. Доъем романовские остатки! // Родина. 1997. № 8. С. 65.
- 6 Кривошеин С.М. Сквозь бури. М., 1959. С. 31.
- 7 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 18.
- 8 См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 261; 1977. Т. 7. С. 34—38.
- 9 См.: Там же. М., 1980. Т. 10. С. 102—103.
- 10 См.: Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 120, 182, 185, 212, 238, 307, 320, 430, 574.
- 11 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 408, 425, 428.
- 12 См.: Генис В.Л. Батайская пробка // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 153—154.
- 13 См.: Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М.—Л., 1927. С. 63.
- 14 См.: Петров С. Царские наследники самогонщики и борьба с ними. М., 1919. С. 25; На борьбу с пьянством. Тула, 1926. С. 3.
- 15 Правда. 1918. 30 августа.
- 16 Цит. по: Павлюченков С. Ильич в запое: О производстве и потреблении самогона в послереволюционные годы // Родина. 1997. № 11. С. 25.
- 17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 120.
- 18 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 5. С. 252; Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. М., 1991. С. 176.
- 19 См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1924. № 27. Ст. 233.; 1925. № 28. Ст. 188.
- 20 См.: Социалистическое хозяйство. 1923. № 5. С. 307; Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России. Ростов-н/Д, 1994. С. 223.
- 21 Правда. 1922. 4 сентября.
- 22 См.: Павлюченков С. Указ. соч. С. 26—27.
- 23 См.: Николаев П.Ф. Борьба органов милиции с уголовной преступностью в период восстановления народного хозяйства // Труды Омской высшей школы милиции. 1975. Вып. 18. С. 10—11.
- 24 См.: Виноградов Л. О водке // Спутник агитатора. 1925. № 19. С. 41—42; Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 85.

25 См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 1. С. 81—82, 108—109.

26 См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 57. Ст. 426.

27 Измозик В. НЭП через замочную скважину // Родина. 2001. № 8. С. 84.

28 Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 232—233.

29 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 223.

30 См.: Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 191—192.

31 См.: Литвак К.Б. Указ. соч. С. 77.

32 См.: Правда. 1925. 29 августа; Против пьянства. М., 1925. С. 4.

33 См.: Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 245.

34 Правда. 1924. 27 августа; Страшун И.Д. На борьбу за новый трезвый быт. М., 1925. С. 3.

35 См.: Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М.—Л., 1929. С. 143.

36 Григоров Г., Шкотов С. Указ. соч. С. 133.

37 См.: Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту. М.—Л., 1930. С. 65, 73, 92.

38 См.: Коган Б.Б., Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи. М., 1929. С. 64; Дейчман Э.И. Указ. соч. С. 124; Трезвый взгляд на пьянство // Экономика и организация производства. 1974. № 4. С. 50.

39 Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 49, 53.

40 Левин А. У нас только покойник не пьет! // Юный коммунист. 1929. № 5. С. 61; Жига И.Ф. Новые рабочие. М.—Л., 1931. С. 51.

41 Цит. по: Андреевский Г.В. Москва: 20—30-е годы. М., 1998. С. 244.

42 Цит. по: Страшун И. Водка — яд бедноты. М., 1926. С. 2.

43 Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 192.

44 См.: Горбов В.С. Зеленый змей. М.—Пг., 1923; Мендельсон А.Л. На пьяном фронте. Л., 1924; Бурак Ю.Я. Как и почему Советская власть борется с самогоном. Л., 1925; Ковалев И.И. Алкоголь и борьба с ним. М., 1925; На борьбу с самогоном. М., 1925; Страшун И.Д. На борьбу за новый быт. М., 1925; Успенский А. Почему мы пьем спиртные напитки и какой от этого вред. М., 1925; Воронов Д.Н. Указ. соч.; Березовский С. Против алкоголизма. Л., 1929; Сигал Б. Суд над пьяницей Иваном Никифоровым. Самара, 1925.

45 См.: Буров Я. Красный трактор. М.—Пг., 1923; Трезвость и культура. 1986. № 2.

46 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 417.

47 Окунев Н.П. Указ. соч. С. 547.

48 См.: Сигал Б.С. Алкоголизм и молодежь. М.—Л., 1925; Субботин Л. Летний отдых деревенской молодежи. М.—Л., 1926; Дивильковский А. Болезни быта молодежи // Новый мир. 1926. № 11; Чубаровщина. М.—Л., 1927; Горев М. Против антисемитов. М.—Л., 1928; Лебедев Л., Рубинштейн Л. Письма из утерянного портфеля: о пошлости в быту. М., 1928; Оборин А. Против грубости и самодурства. М.—Л., 1928; Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.—Л., 1928; Д.Х. Хмель и буйство // Юный коммунист. 1928. № 4. С. 24—29; Хохрин И. Чуриковцы // Культура и быт. 1930. № 26. С. 13; Мильчаков А.И. Первое десятилетие. М., 1965; Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик. 1921—1925 гг. Л., 1982.

49 См.: Москатов К. О бытовых болезненных явлениях в комсомоле // Юный коммунист. 1926. № 19. С. 40—46; Д.Х. Указ. соч. С. 25.

50 Цит. по: Жига И.Ф. Указ. соч. С. 27.

51 См.: Горев М. Указ. соч.; Лебедев Л., Рубинштейн Л. Указ. соч.; Бобрышев И. Указ. соч.; Мильчаков А. Комсомол в борьбе за культурный быт. М.—Л., 1927; Дивильковский А. Указ. соч. С. 162.

52 Маяковский В.В. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 553.

53 См.: О борьбе с наследием прошлого. М., 1925. С. 15; Коммунист вооруженных сил. 1990. № 3. С. 58.

54 Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 69.

55 См.: Дейчман Э. Указ. соч. С. 124.

56 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 4. С. 46—47.

57 См.: Ковганкин Б. Опыт борьбы с алкоголизмом в Сокольническом районе // Комсомольская учеба. 1926. № 11—12. С. 34; Он же. Алкоголизм и борьба с ним // Там же. № 13—14. С. 23—26.

58 См.: Микоян А.И. В начале двадцатых... М., 1975. С. 252; Ты помнишь, товарищ: Воспоминания комсомольцев-ветеранов. Вологда, 1958. С. 81; Нас водила молодость: Говорят ветераны комсомола Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 83, 94; Выросли мы в пламени, в пороховом дыму. Киров, 1958. С. 184; Коган Б.Б., Лебединский М.С. Указ. соч. С. 82.

59 Мильчаков А. Комсомол в борьбе за культурный быт. С. 57.

60 Там же. С. 70.

61 Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. М., 1969. С.301, 324.

62 См.: *Дейчман Э.И.* Указ. соч. С. 124—133.; Он же. Проблема, заслуживающая внимания // *Большевик*. 1927. № 19—20. С. 130—133; Трезвый взгляд на пьянство // *Экономика и организация промышленного производства*. 1974. № 4. С. 50; *Горшков М., Шереги Ф.Э.* Указ. соч. С. 147.

63 См.: *Лотова Е.И., Павлуцкова А.В.* Опыт антиалкогольного воспитания в школе в 20—30-е гг. // *Советское здравоохранение*. 1976. № 9. С. 77.

64 СУ РСФСР. 1926. № 57. Ст. 447; 1927. № 16. Ст. 107.

65 См.: СУ РСФСР. 1928. № 7. Ст. 60.

66 См.: *Комсомольская правда*. 1993. 28 декабря.

67 *Ларин Ю.* Алкоголизм и социализм. М., 1929. С. 33—36.

68 См.: *Борьба с алкоголизмом в СССР: Первый пленум Всесоюзного совета противоалкогольных обществ в СССР*. М.—Л., 1929. С. 10.

69 См.: *Ларин Ю.* Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М., 1929. С. 29—30.

70 Цит. по: *Дейчман Э.И.* Алкоголизм и борьба с ним. С. 177.

71 См.: *Пархоменко А.Г.* Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // *Советское государство и право*. 1984. № 4. С. 114—116.

72 *Рищев А.* Формы борьбы с алкоголизмом // *Трезвость и культура*. 1929. № 7. С. 13—14.

73 *Трезвость и культура*. 1930. № 1. С. 15.

74 См.: *Алкоголизм в художественной литературе*. М., 1930.

75 См.: *Ларин Ю.* Война рюмке яду // *Юный коммунист*. 1928. № 5. С. 3; *Трезвость и культура*. 1928. № 1. С. 1.

76 См.: *Бухарев А.И.* Комсомол в борьбе за новый быт // *Борьба партии за социалистический быт (1921—1927)*. Волгоград, 1985. С. 85; *Вагин В.* Комсомольская ячейка за новый быт. Л., 1929. С. 11, 41—42.

77 См.: *Марков В.Д.* Красная свадьба в деревне. М, 1927. С. 6, 38.

78 Цит. по: *Бэр Ю.* Коммуна сегодня. Опыт производственных и бытовых коммун молодежи. М., 1930. С. 74—75.

79 См.: *Григоров Г., Шкотов С.* Указ. соч. С. 134.

80 См.: *Трезвость и культура*. 1928. № 5. С. 10.

81 См.: *Берлин И., Рехтерн И.* Внуки Ленина пить не будут // *Культура и быт*. 1930. № 27—28. С. 22.

- 82 *Бедный Д.* Собр. соч. М., 1965. Т. 5. С. 298.
- 83 *Антирелигиозник.* 1929. № 12. С. 83—84.
- 84 См.: *Элиашевич И.Я.* Правда о Чурикове и чуриковцах. Л., 1928; *Воронов Д.Н.* Указ. соч. С. 31.
- 85 См.: *Коган Б.Б., Лебединский М.С.* Указ. соч. С. 79.
- 86 См.: Трезвость и культура. 1929. № 9. С. 3; *Коржихина Т.П.* Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 30.
- 87 См.: Трезвость и культура. 1929. № 1. С. 7.
- 88 См.: *Ларин Ю.* Алкоголизм и социализм. С. 72.
- 89 См.: *Пашинин А.* От узко-трезвеннической агитации к развитию борьбы за переустройство быта // Культура и быт. 1931. № 35—36. С. 4—5.
- 90 См.: *Коржихина Т.П.* Из истории борьбы советского государства и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР. М., 1983. С. 142.
- 91 См.: Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 202.
- 92 Цит. по: Правда. 1988. 28 октября.
- 93 Трезвость и культура. 1930. № 2. С. 14.
- 94 См.: *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964. С. 166.
- 95 Николай Муралов. М., 1990. С. 141.
- 96 *Шитц И.И.* Дневник великого перелома. Париж, 1991. С. 185.
- 97 Цит. по: *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1997. С. 64—65.
- 98 См.: *Осокина Е.А.* Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1925 гг. М., 1993. С. 25, 115.
- 99 См.: *Шевердин С.* Надо ли пачкаться в грязи? // Трезвость и культура. 1988. № 8. С. 13.
- 100 См.: *Бордюгов Г.А.* Культура быта в годы довоенных пятилеток: новые черты в организации и содержании повседневных занятий // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР. М., 1987. С. 139—140.
- 101 *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М., 1991. С. 72.
- 102 См.: *Чувев Ф.* Указ. соч. С. 255; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 1. Ч. 1. С. 263; Ч. 2. С. 280.
- 103 *Бухарин Н.И.* Какой должна быть молодежь? // Молодая гвардия. 1926. № 2. С. 86.

- 104 *Андреевский Г.В.* Москва: 20–30-е годы. М., 1998. С. 161.
- 105 См.: Комсомольская правда. 1995. 11 апреля; *Сувениров О.Ф.* Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 45.
- 106 Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Апп-Арбог, 1987. Кн. 1. С. 160.
- 107 См.: *Аксенов Ю.С.* Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 102.
- 108 *Богданов Л.* Спиртовая промышленность к XX году Октябрьской революции // Спирто-водочная промышленность. 1938. № 10–11. С. 5.
- 109 См.: Справочник по сырьевой базе спиртовой промышленности Наркомпищепрома СССР. М., 1934. С. 4; Справочник по сырьевой базе спиртовой промышленности Наркомпищепрома СССР. М., 1936. С. 3–4; *Микоян А.И.* Пищевая индустрия Советского Союза. М., 1939. С. 88.
- 110 См.: *Микоян А.И.* Пищевая индустрия Советского Союза. С. 88–89, 141; Пищевая промышленность СССР. М., 1967. С. 369, 377.
- 111 См.: *Викторов И.* Водочно-ликерная промышленность за 20 лет // Спирто-водочная промышленность. 1938. № 10–11. С. 10.
- 112 См.: *Бобрик И.П.* Спиртовая промышленность за годы Советской власти. М., 1958. С. 4; *Зотов В.П.* Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 92, 96.
- 113 Трезвость и культура. 1929. № 7. С. 1.
- 114 *Микоян А.И.* Пищевая индустрия Советского Союза. С. 89–90.
- 115 Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 79–80.
- 116 См.: *Сиволоп И.К.* Пищевая промышленность СССР на новом подъеме. М., 1952. С. 21–22.
- 117 Антиалкогольный фронт // Культура и быт. 1931. № 22. С. 14.
- 118 См.: *Лебина Н.Б.* Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2.
- 119 См.: Аргументы и факты. 1995. № 2.
- 120 См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. М., 2001. С. 242.
- 121 См.: Правда. 1992. 19 сентября; Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 186.

Глава 7

ВОДКА НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ (1945—1984 гг.)

*В свободной продаже. —
В годы «оттепели». — Час Волка*

Безвременье вливало водку в нас.

В. Высоцкий

В свободной продаже. Суровые годы войны неизбежно должны были повлиять на уровень алкогольного потребления в стране. Правда, необходимо учесть, что сокращение спиртного в продаже (по известным данным, на 30—40%¹) в некоторой степени компенсировалось за счет никем не учтенного самогона и регулярных выдач в действующей армии. Во время Великой отечественной войны в обстановке резкого сокращения предлагаемых товаров и услуг спирт (или специальные «ордера» на получение водки и иных товаров), как и за двадцать лет до этого, становился всеобщим эквивалентом, а в полевых условиях порой являлся единственным средством анестезии и дезинфекции.

Правда, с 1942 г. выдача «наркомовских» полагалась лишь бойцам на передовой. Остальным 100 грамм полагались только по праздникам: 7 ноября, 5 декабря (день Конституции), Новый год, 23 февраля, 1 мая, 19 июля (день физкультурника), 16 августа (международный день юности), и в день полкового праздника. (См.: Комсомольская правда. 2003. 28 января.)

В 1944 г. ленинградский технолог В.Г. Свирида разработал по заказу для высшего командного состава Советской Армии знаменитую «Столичную». Новая водка так понравилась руководству страны, что была засекречена и в свободную продажу поступила только при Хрущеве зато стала на несколько десятилетий символом праздника во многих советских семьях². В феврале

1945 года прибывшие на Ялтинскую мирную конференцию члены «большой тройки» — Сталин, Рузвельт и Черчилль — первыми попробовали один из самых прославленных коньяков Тбилисского коньячного завода, завоевавший 21 медаль на различных международных выставках. Когда знаток коньяков Черчилль спутал его с французским, Сталин был очень доволен этой маленькой дипломатической победой и распорядился наградить автора напитка; так главный технолог Тбилисского коньячного завода Вахтанг Цицишвили стал лауреатом Сталинской премии.

Что же касается обычных потребителей, то они могли приобрести водку по коммерческим ценам. В 1944 г. она продавалась по цене 160 руб. за поллитровую бутылку); далее цены быстро понижались: в 1946 г. — уже 80 руб., затем — 60 руб.; по этой цене водка продавалась после отмены карточек.

В повседневной жизни послевоенных лет ожидания перемен к лучшему в общественной жизни довольно быстро столкнулись с новым витком репрессий, «холодной войной», очередными идеологическими кампаниями и медленно преодолеваемыми трудностями восстановления. В этих условиях послевоенного быта маленькие кафе-«забегаловки», пивные, закусочные с неизменной продажей спиртного (старшее поколение еще помнит набор «100 грамм» с прицепом — кружкой пива) становились естественными местами встреч вчерашних фронтовиков, их не воевавших сверстников и подраставшего поколения. «Шалманная демократия» этих заведений (их частым прозвищем стало «Голубой Дунай») на какое-то время возвращала людям чувство товарищества и равенства, противостоявшее официальному «идейному единству» и казенному патриотизму³.

После отмены карточек в 1947 г. в городах открылись наполненные товарами магазины. При зарплате в 500—1000 руб. килограмм ржаного хлеба стоил 3 руб., пшеничного — 4 руб. 40 коп.; килограмм гречки — 12 руб., сахара — 15 руб., сливочного масла — 64 руб., подсолнечного масла — 30 руб., мороженого судака — 12 руб.; кофе — 75 руб.; литр молока — 3—4 руб.; десяток яиц — 12—16 руб. (в зависимости от категории, которых было 3). Поллитровую бутылку Московской водки покупали за 60 руб., а жигулевское пиво за 7 руб. Из водок, помимо «Московской», были «Брусничная», «Клюквенная», «Зверобой», «Зубровка»⁴.

Задачи послевоенного четвертого пятилетнего плана предполагали: *«В большом масштабе будет организовано производство высококачественных вин, советского шампанского, пива и различных безалкогольных напитков. Выпуск вина возрастет с 13,5 млн. декалитров в 1940 г. до 18,5 в 1950 г., т.е. на 37%. Единственным продуктом, по которому выработка в 1950 г. не достигнет довоенного уровня, является водка; она будет вытесняться продукцией пивоварения и виноделия»*⁵.

Однако в действительности все было не совсем так. Официальная статистика указывала, что в 1950 г. был значительно превзойден довоенный уровень производства всех основных видов пищевой продукции; особенно *«по таким высокоценным продуктам, как животное масло, мясо, консервы, кондитерские изделия»*⁶, зато умалчивала об истинных масштабах производства спиртного. Но в то же время государство делало его доступнее.

Послевоенные годы памятливы для многих людей старшего поколения систематическими весенними постановлениями Совета Министров и ЦК КПСС *«О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары»*. В число этих товаров неизменно попадала и водка вместе с другой алкогольной продукцией; так, не случайно в 1947 г. цена на нее снизилась на 33%, а в 1953 г. — на 11%. Размеры снижения цен на водку стали предметом специального обсуждения на Политбюро в мае 1949 г. Ведь в послевоенные годы народ стал меньше потреблять водки и больше покупать кондитерских изделий, ширпотреба и пр. Снижение цен на алкогольные напитки должно было, по расчетам правительства, увеличить их реализацию и тем компенсировать снижение цены. Так, только за 1947—1949 гг. производство водки в СССР увеличилось с 41,4 до 60 млн. декалитров, т.е. почти в 1,5 раза, а цена 0,5 л водки снизилась с 60 до 30 руб.; но об этом «достижении» советской экономики пропаганда не распространялась.

Зато сообщалось, что задание четвертого пятилетнего плана (1946—1950 гг.) по восстановлению 144 заводов работники спиртовой промышленности выполнили со значительным превышением: *«Построен ряд новых спиртовых заводов. На непрерывный и полунепрерывный способы переведены все спиртовые заводы, работающие на патоке, и большое количество заводов, работающих на зерновом и картофельном сырье. На основе проведен-*

ных мероприятий по техническому перевооружению, усилению борьбы с потерями в производстве и более полному использованию сырья и топлива спиртовая промышленность СССР достигла более высоких качественных показателей по выходу спирта из 1 тонны сырья по сравнению с 1940 годом. Так, выход спирта из тонны крахмала повысился с 603 литров в 1940 году до 633 литров в 1950 году. Выход спирта из тонны картофеля повысился со 102 до 109 литров... Только в 1950 году перечисленные мероприятия дали возможность получить дополнительно 90 миллионов литров спирта при том же количестве сырья».

В годы первой послевоенной пятилетки работники винодельческой, ликеро-водочной, пивоваренной отраслей восстанавливали предприятия, вели новое строительство и внедряли новую технику: такие операции, как мойка, разлив, укупорка бутылок и наклейка на них этикеток, до войны почти целиком осуществлявшиеся вручную, теперь выполнялись бутыломоечными, разливочными и этикетировочными автоматами и полуавтоматами производительностью до 2 500 бутылок в час.

Минпищепром и Минторг СССР регулярно отчитывались о торговле водкой и водочными изделиями в Совете Министров СССР. Министров могли вызвать «на ковер», если обнаруживались сбои — например, нехватка готовых бутылок, вызванная неудовлетворительной подачей вагонов и плохим качеством водочной посуды. В таких случаях срочно издавались грозные приказы об улучшении торговли водкой и водочными изделиями⁷. Одновременно власти стремились пресечь нелегальное самогонование: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» устанавливал строгую ответственность за изготовление и хранение самогона с целью сбыта, сбыт самогона, а также изготовление и сбыт в виде промысла самогонных аппаратов.

Снижение цен в 1950 году было наиболее резким. Доступнее стал весь алкогольный ассортимент: водка, ликеры, наливки, настойки, коньяки; столовые, крепкие и десертные вина; советское шампанское. Крепкие и десертные вина подешевели тогда на 49%, а пиво — на 30%. Осенью 1948 г. в продаже появилось «плодовоягодное» или «фруктовое» вино; кажется, как раз тогда его и стали называть «*бормотухой*». Бутылка такого пошла объёмом 0,75 литра стоила 25 рублей, а пол-

литра 18. Портвейн продавался в те времена за 40—50 руб., 0,75 л портвейна 777 (знаменитые «три семёрки») в каком-нибудь уличном павильоне можно было приобрести за 66 руб. 80 коп. Бутылка водки стоила теперь 40 руб. 50 коп.

В пивной-«американке» за прилавком около продавца всегда можно было увидеть пивную бочку с вставленной в крышку железной трубкой, через которую выкачивалось пиво. На полках «американок» стояли бутылки, лежали пачки сигарет, а на видном месте красовалась дощечка с надписью: *«Водка один литр 66 руб., 100 гр. 6 р. 60 к. Имеются в продаже горячие сосиски и сардельки (их часто не было, и место для указания цен оставалось пустым. — Авт.), Пиво жигулёвское 0,5 л 4 р. 20 к.»*⁸.

Для более уважаемой публики в отечественных ресторанах уже готовили первые советские коктейли с идейно выдержанными названиями — например, «Таран» (ликер «Шартрез», ликер мятный, настойка «Перцовка», коньяк или настойка «Старка», сок лимонный, фрукты консервированные); «Тройка» (наливка «Запеканка», наливка «Спотыкач», ликер ванильный, фрукты консервированные, сок лимонный); «Арсмат полей» (ликер розовый, ликер алычовый, ликер мятный, ликер ванильный, фрукты консервированные, сок лимонный)⁹.

А.И. Микоян на сессии Верховного Совета СССР в апреле 1954 г. с понятной гордостью за успехи своей отрасли доложил: *«Что касается цен на алкогольные напитки, то они остаются значительно выше довоенных, а именно: пиво и вино виноградное более чем в полтора раза, а водочные изделия — более чем в два раза. Как видно, мы в первую очередь снижали и снижаем цены на важнейшие для населения товары. Поскольку алкогольные напитки не являются товарами первой необходимости, цены на них остаются еще высокими. Когда мы будем еще богаче, будем соответственно снижать цены и на них. (Оживление в зале, аплодисменты). Несмотря на такой уровень цен, продажа водки в 1953 г. достигла размеров довоенной продажи. Что же касается коньяков и виноградного вина, то, несмотря на серьезное повышение производства их против довоенного периода, раскупаются они охотно и на полках не залеживаются, а в летнее время во многих районах ощущается недостаток пива»*¹⁰.

При этом цена водки превышала тот же довоенный уровень в два раза: после отмены карточек в 1947 г. она достигала 60 руб. за литр (30 руб. за поллитровую бутылку). В январе 1955 г. Центральное статистическое управление представило в ЦК КПСС специальную докладную записку о состоянии советской торговли, из которой следовало, что цены 1954 г. в целом превышали уровень 1919 г. вдвое, а розничная стоимость литра водки увеличилась с той поры в 57 раз¹¹.

В такой ситуации доступный алкоголь по-прежнему играл роль безотказного пополнителя казны и вполне допустимого средства для «разрядки» социального неблагополучия в условиях существовавшего режима. При попустительстве местных органов власти расторопные деятели советской торговли распорядились продавать винно-водочную продукцию без каких-либо ограничений. Психиатрические же диспансеры и стационары принимали на лечение лишь лиц, страдавших наиболее тяжелыми и запущенными формами алкогольного заболевания. Вытрезвители в основном выполняли административные функции по изоляции пьяных от общества и лечебных средств почти не применяли. С начала 30-х до середины 50-х гг. ни правоохранительная сфера, ни печать проблемой пьянства и алкоголизма практически не интересовались, не говоря уже о проведении каких-либо серьезных медико-социологических исследований.

В годы «оттепели». Положение принципиально не изменилось и после смерти Сталина, в годы наступившей «оттепели». Несомненные успехи СССР 50-х гг. в области развития просвещения, освоения космоса, атомной энергетики по-прежнему опирались на централизованную и экстенсивно развивавшуюся экономику и принципиально не изменившуюся — за вычетом репрессий — политическую систему. В этих условиях бюджет страны «полностью и окончательно победившего социализма» все больше становился «водочным».

После войны до середины шестидесятых годов ни одной оригинальной водки на прилавках не появилось. Но были другие новшества. По воспоминаниям старожилов знаменитого Московского ликеро-водочного завода «Кристалл», по заказу «дорогого Никиты Сергеевича» им пришлось делать водку с перцем: «*А труд, надо ска-*

зять, это адский. Перец ошпарь, почисть, вытащи зернышки (горечь дают), и все вручную. Рабочие, занимавшиеся этой операцией, очень страдали — руки разъедало, запах прошибал до слез. Вдохнули свободно только после ухода Никиты Сергеевича на пенсию...»¹² Хрущев же порой лично отбирал напитки для своих зарубежных визитов. Сам он предпочитал «Перцовку», но для встреч с иностранцами делал исключение: его свита брала за рубеж от пяти до десяти ящиков «Московской» и «Столичной».

Хрущев запомнился руководителям советской ликероводочной отрасли тем, что распорядился проводить на ее предприятиях «дни открытых дверей», и от желающих лично проконтролировать качество изготовления зелья не было отбоя. В Москве металлурги завода «Серп и молот» направлялись на соседний ликерно-водочный завод с утра, сразу после ночной смены. К концу таких экскурсий некоторые еле стояли на ногах, но прекратить пропагандистские пьянки дирекция не могла. В застойные времена литр спирта стоил 61 коп., пустая бутылка — гривенник, этикетка — пятак, пробка — полторы копейки. Продавалась водка, как помнят многие соотечественники, по 2 руб. 87 коп., и с каждой такой поллитровой бутылки государство имело по 2 руб. 70 коп.

Некоторый поворот в сторону социальной сферы в период оттепели, несомненно, заставил обратить внимание на последствия постепенно нараставшей алкоголизации. Уже в 1954 г. в печати после долгого перерыва вновь появились антиалкогольные публикации; редакционная статья журнала «Партийная жизнь» призывала покончить с либеральным отношением к пьянству, приводя примеры массовых выпивок на производстве и во время различных мероприятий и праздников.

«Мобилизация общественного мнения» требовала соответствующей пропагандистской кампании и — как будет впоследствии не раз — цензуры за произведениями литературы и искусства, демонстрировавшими вредные привычки. Призывы к изживанию «позорного пережитка прошлого» сопровождались разъяснениями, что серьезная борьба с ним может быть успешной только при социализме, а также примерами физической деградации, нравственного падения и уголовных преступлений пья-

ниц. На долгие годы этот стиль стал штампом антиалкогольной пропаганды¹³.

Затем в рамках целого ряда социальных мероприятий 50-х гг. последовали и конкретные акции административно-запретительного характера. Президиумом Верховного Совета РСФСР 19 декабря 1956 года был издан Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство», согласно которому вызывающее поведение граждан в общественных местах (оскорбление, сквернословие и т.д.), в том числе пьяный кураж, наказывалось ныне прочно забытыми пятнадцатью сутками административного ареста, налагавшегося милицией и не считавшегося уголовным преступлением. Тогда же были сделаны и попытки ограничить широкую торговлю спиртным и поставить ее под контроль местных Советов¹⁴.

На совещании передовиков сельского хозяйства Белоруссии Н.С. Хрущев указывал: *«Пришло время резко поставить вопрос о борьбе с пьянством, а также с теми, кто самогон гонит. Этим должна заняться общественность и те, кому поручено следить за соблюдением законов государства»*. На необходимость усиления борьбы с пьянством и самогонварением указывалось и на XXI съезде КПСС, провозгласившем победу социалистического строя в СССР полностью и окончательно.

В 1958 г. глава партии, выступая на XIII съезде ВЛКСМ, счел нужным подчеркнуть: *«У нашей молодежи ясная цель. Она не страдает от безработицы, эксплуатации, и незачем молодому человеку затуманивать свои мозги алкоголем»*.

О других категориях населения Хрущев не упоминал, однако в декабре того же 1958 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками». Этот документ признавал, что, несмотря на полную победу социализма, *«у части населения проявляются еще вредные пережитки помещичье-буржуазного строя, старого быта. Одним из таких позорных пережитков является злоупотребление спиртными напитками — пьянство»*.

В старом обществе пьянство порождалось антинародным социальным строем, невыносимым гнетом помещиков и капиталистов, тяжелыми условиями труда и быта. Трудные условия жизни вызывали у трудящихся стрем-

ление забыться в вине, залить горе вином. В советском обществе нет причин для подобных настроений. В наших условиях пьянство — в значительной мере проявление распущенности, результат плохого воспитания и подражания заразительным дурным примерам, обычаям и привычкам, унаследованным от прошлого: Пьянство подрывает здоровье людей, расшатывает семейные устои, отнимает у человека силы и волю, порождает халатные отношения к порученному делу, ведет к понижению производительности труда, к браку, прогулам и авариям в промышленности и на транспорте»¹⁵.

Постановление впервые за прошедшие тридцать с лишним лет обращало внимание на накопившиеся недостатки, в том числе на устаревшую правовую — базу «антисамогонный» закон 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона», тем более что изготовление самогона без цели сбыта, т.е. для собственного потребления, не считалось серьезным правонарушением, а наличие сбыта было не всегда доказуемо.

Как по команде обратила внимание на проблему и пресса, из знакомства с которой видно, что грозные с виду указы не очень выполнялись. Так, по данным Тульской областной газеты «Коммунар», в одном из районов Тульской области за 1957—1958 гг. были привлечены к ответственности только два самогонщика, хотя самогонварение в этом районе получило серьезное распространение. В других местах стражи порядка предпочитали просто отбирать у застигнутых за делом самогонщиков аппараты и произведенный продукт, но не привлекали виновных к ответственности: обе стороны, надо полагать, оставались довольны.

В постановлении указывалось, что пьянство мешает успешному решению исторических задач, стоящих перед советским народом; поэтому создание нетерпимого отношения к пьяницам и пьянству — одна из важнейших задач партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и всей советской общественности. Там же в очередной раз намечались меры по искоренению пьянства и алкоголизма, впоследствии ставшие традиционными для такого рода акций.

Правительствам союзных республик предписывалось прекратить продажу водки в неспециализированных магазинах, столовых, на вокзалах, вблизи предприятий и «культурных учреждений». Прекращалась реклама водки

и водочных изделий. В начале 1958 года было проведено повышение цен на вино-водочные изделия: именно с этого времени появилась памятная цена в 2 руб. 87 коп. (после деноминации рубля в 1961 г.); продавать их стали только с 10 утра. В ресторанах и кафе полагалась норма в 100 г водки на человека и устанавливалась наценка на водку и коньяк в размере 50% от розничной цены. После долгого перерыва была проведена в 1959 году Всесоюзная конференция по борьбе с алкоголизмом.

Естественно, на подобные меры массы отвечали образцами городского фольклора, прямо обратными по смыслу:

«Дорогой товарищ Сталин!
На кого ты нас оставил?
На Никиту-подлеца:
Не попьём теперь винца!»

Появились новые правовые акты: указ Президиума Верховного Совета СССР, указы Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за самогонварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки», «Об административной ответственности за управление транспортом в нетрезвом состоянии» (1961 г.), «Об усилении ответственности за изнасилование» (1961 г.), указ от 19 апреля 1961 года об установлении денежного штрафа за появление в пьяном виде на улицах или в других общественных местах:

Затем и во многих республиках были приняты новые законы, специально посвященные мерам борьбы с пьянством и самогонварением, — например, предусматривавшие меры общественной, административной и уголовной ответственности лиц, совершающих действия, которые могут способствовать распространению пьянства. Такими действиями были признаны: появление в пьяном виде и пьянство в общественных местах, нарушение ограничений торговли спиртными напитками, вовлечение несовершеннолетних в пьянство, изготовление и сбыт самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки. Законодательно предусмотрено было также принудительное лечение алкоголиков. Согласно вновь принятым Уголовным кодексам союзных республик, общественно опасными и уголовно наказуемыми деяниями признавались изготовление и сбыт самогона и

других крепких спиртных напитков, нарушение ограничений торговли спиртными напитками, вовлечение несовершеннолетних в пьянство¹⁶.

Еще одним постановлением Совета Министров РСФСР (30 декабря 1958 г.) была впервые установлена ответственность продавцов за нарушение правил торговли спиртным, а его покупателей — за распитие в общественных местах. Повсеместно были введены ограничения времени торговли спиртными напитками; запрещена их продажа на предприятиях общественного питания (кроме ресторанов), а также лицам, находящимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним. Предусматривались также расширение ассортимента и увеличение выпуска безалкогольных и слабоалкогольных напитков, улучшение лечения больных алкоголизмом, усиление антиалкогольной пропаганды в печати, по радио, телевидению¹⁷.

Где-то как, например, в Ленинграде — власти отреагировали быстро: сразу запретили продажу водки в столовых, кафе, закусочных и буфетах, в районных универмагах, в специализированных продуктовых магазинах, в мелкорозничной городской торговой сети. Запрет распространялся на все магазины, которые были расположены рядом с промышленными предприятиями, учебными заведениями, детскими учреждениями, больницами, санаториями и домами отдыха, культурными и зрелищными предприятиями, а также в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся. Не разрешалась продажа любых спиртных напитков несовершеннолетним. В ресторанах отмеряли клиентам строго по сто граммов на посетителя. Пивные закрывались в семь часов вечера¹⁸.

Изданный Министерством здравоохранения СССР в 1958 году приказ о мероприятиях по профилактике и лечению алкоголизма предусматривал, наряду с другими мерами, принудительное лечение хронических алкоголиков. С 1964 г. в Казахстане, Латвии и Узбекистане были организованы первые лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), с 1967 г. они появились в России и других республиках. Практика направления на принудительное лечение «опасных для окружающих» алкоголиков была закреплена в статье 36 «Основ законодательства СССР о здравоохранении», принятых в 1969 г.

Однако главным средством истребления упрямого «пережитка прошлого» тогдашнее советское руководство в отличие от Горбачева при проведении кампании 1985 г. — считало все же общественное воздействие: в принятом в марте 1959 года Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» указывалось: борьба с аморальными, антиобщественными поступками должна вестись не только административными органами, но главным образом — «путем широкого привлечения трудящихся и общественных организаций к охране общественного порядка в стране».

Очередной пленум ЦК КПСС в 1963 г. предложил и соответствующие меры общественного воздействия на любителей спиртного: товарищеский суд или — в случае, если человек «уже увяз в болоте пьянства», взятие его на поруки трудовым коллективом, что на практике оказалось для выпивох вовсе не таким страшным. Трудовой коллектив охотно брал на поруки своих друзей и собутыльников; более серьезные меры, как правило, применялись задним числом, после того, как виновный гуляка уже отработал свои 15 суток или был уволен за пьянки и прогулы: *«Суд передовиков строек и промышленных предприятий Москворецкого района города Москвы считает бывшего слесаря завода "Стекломашина" Корнюхина Виктора Егоровича, 1938 года рождения, виновным в тунеядстве, нарушениях трудовой дисциплины и пьянстве, также признает увольнение Корнюхина В.Е. с предприятия законным и правомерным. Учитывая чистосердечное раскаяние и твердое слово исправиться, суд считает высылку Корнюхина В.Е. за пределы города Москвы в административном порядке преждевременным...»*¹⁹

Возможно, эти меры и принесли какой-то результат, но сколько-нибудь принципиально повлиять на решение проблемы были не в состоянии. Ведь одновременно пропагандистам «советского образа жизни» приходилось доказывать, что всякие радикальные попытки резко ограничить спиртное или ввести «сухой закон» принципиально ошибочны, т.е. неразумное население в принципе не поддается отрезвлению: *«Сухие законы не раз вводились в ряде стран, но не давали и не дают положительных результатов. Алкоголики, спекулянты и любители лег-*

кой наживы начинают гнать самогон. Опыт введения "сухих законов" в ряде стран показывает, что этим поставленной цели не достичь. Население прибегает к подпольному изготовлению самогона, который более вреден, чем водка. Кроме того, запрет приводит к появлению большой группы людей, совершающих преступления против закона». Отсюда, следуя странной логике, делался вывод: «В нашей стране нет корней для массового распространения алкоголизма, поэтому не нужны и подобные законы»²⁰.

По опубликованным в хрущевское время цифрам (насколько им можно доверять — неизвестно), послевоенный Советский Союз «пил» умеренно: среднегодовое потребление различных спиртных напитков в 1948—1950 гг. (в литрах абсолютного алкоголя на душу населения) составляло всего 1,85 л²¹. Однако впервые обнаруженные в справочнике «Народное хозяйство СССР в 1958 г.» данные о производстве спирта показывали уверенный рост этой отрасли: 163 млн. декалитров в 1958 г. против 73 млн. в 1956 г.; так же росла и продажа алкогольных напитков. Этот же справочник показал, что и производство вин в СССР увеличилось почти в три раза по сравнению с 1940 г.²²

В самом конце хрущевской «оттепели» в этом же статистическом ежегоднике появились и сведения о производстве водки. Из них следовало, что в 1952 г. страна выпускала 81,1 млн. декалитров этого стратегического продукта, а в 1958 г. его производство достигло 145,4 млн. декалитров. В следующем году последовал спад, очевидно, связанный с ограничениями, о которых говорилось выше: в 1959 в продажу пошло только 137,3 млн. декалитров. Но затем отставание было успешно преодолено, и отрасль вновь стала наращивать обороты: в 1961 г. было выпущено 145,7 млн. декалитров; в 1962 г. уже 162 млн. декалитров²³.

Очень возможно, что именно этот ударный рост в «эпоху развернутого строительства коммунизма» — согласно принятой в 1961 г. новой программы КПСС — был сочтен неудобным для публичного ознакомления. И конкретные данные о потреблении самого популярного российского напитка исчезли сначала со страниц предназначенных для широкого читателя изданий²⁴, а с 1964 г. — из статистических сборников Народное хозяйство СССР.

Отныне там помещались только данные о производстве вина, которое советскими гражданами потреблялось так же охотно — тем более что государство само этому способствовало.

Согласно статистическому ежегоднику за 1964 г., советские граждане получили тогда 127 млн. декалитров виноградного вина, по сравнению с 77,7 млн. в 1960²⁵. По объявленным лишь в 1986 г. данным, рост производства спиртного в СССР выглядел таким образом²⁶:

	произведено (в млн. декалитров)	
	1960 г.	1970 г.
водки	138	243
виноградного вина	77,7	268
плодово-ягодного вина	20,6	49,1

К сожалению, данные приведены только в десятилетнем интервале, и мы не можем точно сказать, на какой цифре остановился уверенный производственный рост винно-водочной продукции к концу хрущевской «оттепели».

К тому же даже относительно небольшое повышение цен и сокращение продажи спиртного вызвало проблемы у торговых организаций, руководствовавшихся жесткой директивой «Выполняйте план товарооборота!». В докладе Центрального статистического управления СССР в Совет Министров СССР об уровне и движении цен в 1959 г. и недостатках в ценообразовании 28 марта 1960 г. констатировалось: *«В 1958 г. государственные розничные цены на виноградные и плодоягодные вина повысились в целом по СССР по сравнению с 1957 г. на 19% и по сравнению с 1956 г. — на 22%. Повышение цен на вина оказало неблагоприятное влияние на ход реализации вина. Объем реализации вина в 1958 г. по сравнению с 1957 г. сократился на 17% и был ниже, чем в 1956 г. При этом поставка вина в розничную торговую сеть в 1958 г. была выше, чем в 1955—1957 гг. Значительная часть товарных ресурсов вина не была продана населению и отложилась на товарных запасах.*

Вследствие этого товарные запасы в розничной торговой сети в течение 1958 г. возросли в 2,2 раза».

В заключение следовал бодрый вывод: *«Проведенное с 1 июля 1959 г. снижение розничных цен на виноградные и плодоягодные вина и отмена сельской наценки на виноградные вина привели к значительному росту реализации вина и резкому сокращению товарных запасов»²⁷.*

Таким образом, отсутствие обещанного товарного изобилия на советских прилавках делало абсолютно необходимым присутствие там же максимально доступного там же вино-водочного ассортимента, вопреки всем благонамеренным попыткам ограничения пьянства. Падение спроса заставило уже через год снизить цены на виноградные и плодово-ягодные вина на 20%, что, по мнению изобретательных пропагандистов, непременно должно было способствовать уменьшению употребления наиболее крепких спиртных напитков. Благодарное население тут же увеличило закупки вино-водочной продукции на 70%²⁸.

В результате от всех этих попыток уцелело лишь изобильное словоблудие в бесчисленных брошюрах и более серьезных псевдонаучных сочинениях о строительстве и почти что наступлении «коммунистического» быта. В те времена воскресли давно забытые планы переустройства быта на коммунистических началах. В 1960 г. академик С.Г. Струмилин на страницах «Нового мира» вновь выдвинул идею создания «коммун-дворцов», где будут ликвидированы противоречия между личными и общественными интересами и исчезнет почва для бытовых драм и преступлений²⁹.

Благостную картину портили только отдельные родимые пятна: *«В городах есть еще молодые люди, которые нигде не работают и не учатся, среди части молодежи еще бытуют явления мелкобуржуазной распущенности, стремление к бездумному времяпрепровождению, обывательские представления о смысле жизни и подражание дурным вкусам, принесенным из буржуазных стран. Именно такие молодые люди чаще других становятся на путь пьянства и хулиганства, ведут праздный, разгульный образ жизни, увлекаются дурными танцами, распутничают и сквернословят»³⁰.*

К сожалению идеологов, имела место и «несознательность» в рядах основных строителей нового мира — ра-

бочего класса. Таких ренегатов осуждали в типичном для эпохи стиле: *«Гермист ремонтно-механического цеха одного из заводов Николай Г., получив зарплату, сильно напился. На следующий день он совершил прогул. Вследствие того в цехе создалась угроза срыва плана: напарники Г. одни выполнить дневное задание не могли. Администрации цеха пришлось заменить Г. другим рабочим, что, в свою очередь, создало серьезные трудности в том участке цеха, который обслуживал этот рабочий. Для ликвидации всех затруднений, вызванных прогулом Г., пришлось ставить на сверхурочные работы трех рабочих. Только таким путем удалось предотвратить перебои в работе цеха».*

Разумеется, не обошлось и без кивания на тлетворное влияние мирового империализма и его агентов, *«которые необходимые для них сведения... получали от подвыпивших людей, а свои кадры изменников Родине вербовали из морально опустившихся пьяниц».* Таким образом они якобы стремились разложить моральную непопечность советских граждан: *«На пресс-конференции советских и иностранных журналистов бывший шпион Якута рассказал: "Мы должны были посещать клубы, рестораны, магазины, пивные и другие общественные места, расположенные вблизи важных промышленных объектов, примечать там часто бывавших посетителей, устанавливать с ними дружеские отношения, выпивать с ними, давать деньги в долг, ставить в зависимость и таким образом изучать подходящих людей для вербовки и получения шпионских сведений"»*³¹.

Беспомощной оказалась антиалкогольная пропаганда, не поднимавшаяся выше описания клинических последствий алкоголизма: *«Инженер Ф. после двухнедельного беспробудного пьянства, будучи у себя дома, стал требовать от домашних, принимая их за рабочих завода, выполнения его приказаний. При попытке его успокоить он встал на четвереньки и, бегая по комнате, с криком, бранью, визгом судорожно ловил какие-то только ему одному видимые мелкие существа».* Популярными были также рекомендации народной мудрости в духе следующих сентенций: *«Пей, пей — увидишь чертей», «Вино любишь — сам себя губишь», «За чаркою заседать — трудней не видать», «Бригадиру грош цена, коль любитель он вина», «Много вина пить — беде быть»* и т.д..³²

Одновременно доверчивых граждан пугали кошмарными картинами дичавшего и загнивавшего капитализма: *«В столице США г. Вашингтоне в любое время дня и ночи можно встретить множество пьяных (например, в районе Диксон-Корт). В Филадельфии пьянство молодежи начинается с раннего утра — со времени открытия винных магазинов — и продолжается в течение всего дня. Уже к полудню толпы пьяных студентов и школьников заполняют улицы города, творят всевозможные бесчинства»*³³.

Мы не располагаем какими-либо сведениями о том, насколько серьезно эта проблема вообще рассматривалась партийно-государственным руководством в 50—60-е гг. (расчеты такого рода стали известны, вероятно, только в 80-е гг.). Но появившиеся в последнее время работы по материалам партийных архивов показывают, что на рубеже 50—60-х гг. пьянство и моральное разложение были вполне характерны для партийной среды: 40% исключенных из КПСС по Ленинграду понесли наказание именно по этой причине³⁴.

К тому же в те времена пьянство вообще не рассматривалось как социальное явление, *«присущее современному обществу, а лишь как пережиток проклятого прошлого, тяжелое наследие, доставшееся нам от царской России, и этот пережиток можно и нужно преодолеть»*. Первые массовые социологические опросы молодежи (анкета «Что вы думаете о своем поколении?», опубликованная в «Комсомольской правде» 6 января 1961 г. и собравшая свыше 19 тысяч отзывов) показали, на радость тогдашнему идеологическому истеблишменту, безусловное одобрение его курса.

На вопрос: «Какие отрицательные черты молодых людей наиболее распространены?» молодые современники дружно отвечали: *«Преклонение перед заграничной модой, пустой музыкой и танцами»; «У нас еще бывают случаи хулиганства, пьянства, преступлений. А почему? Потому что люди равнодушно смотрят на это»; «Это те, кто не желает трудиться, кто живет трудом всего нашего народа, кто позорит священное звание "советский гражданин"»; «Модные техасские штаны и крикливый галстук, низкопробные остроты, подражание заграничной моде, стилиаги, хулиганы, пьяницы»*³⁵.

Спустя много лет авторы этого опроса, ставшие маститыми социологами, были вынуждены даже с некоторым удивлением признать наличие у масс живого, неподдельного, в том числе и чисто материального, интереса к строительству нового общества; причем интереса, до поры до времени этим строительством с лихвой удовлетворяемого, что и было основой возникновения «новой породы» или «разновидности людей». Сохранявшие анатомию и физиологию homo sapiens, новые «особи» существенным образом отличались от своих прародителей как раз своим менталитетом — общим образом своих мыслей и чувств, а также специфически «советскими» механизмами восприятия мира и специфически советской же логикой оценки вещей.

Вот в этой-то специфически советской картине мира сила мифа и поддерживающей его пропаганды в формировании общественного сознания была тогда, вне всякого сомнения, поистине огромной. Из этого, в числе прочего, следовало, что критика «стиляжничества» или преклонения молодежи перед Западом, как и осуждение «врага № 1» — пьянства, воспринималось тогда как некая привычная формула с нечетким содержанием и границами, за которой вовсе не стояли принципиальные и самостоятельно выработанные убеждения. Да и само увлечение спиртными напитками было оценено в качестве главного минуса молодежи лишь самыми юными участниками опроса — школьниками; среди молодых людей старше 18 лет только четверть видела в выпивке действительное зло³⁶.

В итоге отставка «любимого Никиты Сергеевича» в числе прочих отзывов сопровождалась и таким:

«Товарищ, верь: придет она
На водку старая цена.
И на закуску будет скидка,
Ушел на пенсию Никитка!»

Час Волка. Большим любителем застолий был и сменивший Хрущева Л.И. Брежнев, который мог объявить на официальном приеме: «Обожаю компанию! Но дела, дела, никуда не денешься. А вы, товарищи, пейте, пейте! И смотрите за соседом, чтобы выпивал рюмку до дна»³⁷. Порой пристрастия Генерального секретаря приводили к неожиданным осложнениям. Так, во время первого его визита в ФРГ помощники привезли с собой

изрядное количество «Московской». Информация об этом просочилась в местные газеты, и практичные немецкие потребители стали требовать именно ту водку, которую пьет советский лидер, а не ту, что монополично импортировала из СССР немецкая фирма «Симекс»; таким образом продвижению вполне конкурентоспособного товара на привередливый западный рынок был нанесен немалый ущерб³⁸.

Правда, на внешнем рынке имелись и некоторые успехи. В 1954 г. на международной выставке в Лондоне наши «Столичная» и «Московская» были признаны лучшими и тем посрамили американскую «Смирновскую водку № 21». С 1965 г. советская водка начала экспортироваться в США, и отечественные производители выиграли битву за торговую марку. В 1982 г. решением международного арбитража за СССР были бесспорно закреплены приоритет создания водки как русского оригинального напитка, исключительное право на ее рекламу под этим именем на мировом рынке и рекламный лозунг: *«Только водка из России — настоящая русская водка»*.

В самом же Советском Союзе эпохи развитого социализма, по официальным данным, душевое потребление алкоголя (в пересчете на спирт) быстро росло: в 1960 г. оно составляло 3,9 л, а в 1970 г. — уже 6,8 л³⁹. Поэтому неудивительно, что в 1972 г. тем же органам пришлось принимать новое постановление «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» (и последовавшие за ним одноименные постановления Советов Министров союзных республик). На базе этих документов и изданных на их основе актов вновь была предпринята попытка навести порядок в торговле спиртным.

Более жестко регламентировались условия и время продажи: теперь уже с 11 часов (когда выскакивал волк на циферблате знаменитых в Москве часов на фронтоне кукольного театра С. Образцова). Усилилось наказание за нарушение правил торговли — вплоть до уголовной ответственности за их повторное нарушение. Строже стала административная и уголовная ответственность за вовлечение в пьянство несовершеннолетних, самогонование, нарушения общественного порядка и управление транспортом в нетрезвом состоянии. В очередной раз предусматривалось сокращение продажи спиртного в

розничной сети и повышение цен на него: отныне водка стала стоить 3 руб. 62 коп.⁴⁰

Однако (с учетом прошлого опыта?) антиалкогольная акция включала и ряд новых подходов.

Во-первых, с введением в 1974 г. нового «Положения о лечебно-трудовых профилакториях» была сделана попытка усовершенствования системы учета и лечения алкоголиков в этих наркологических учреждениях; правда, эта мера носила в основном репрессивный характер, с внесением соответствующей статьи в Уголовный кодекс РСФСР. Отныне органы внутренних дел могли за нарушение достаточно широко трактуемых правил «социалистического общежития» отправлять своих подопечных на принудительное лечение и трудотерапию сроком на 1—2 года. До недавнего времени и вытрезвители входили в систему МВД с соответствующим обслуживанием клиентов (в Англии, США, Финляндии подобные учреждения находились в компетенции органов здравоохранения).

Во-вторых, в качестве профилактического шага при исполкомах местных Советов и Советах Министров союзных и автономных республик были образованы специальные комиссии по борьбе с пьянством, которые должны были координировать деятельность государственных и общественных организаций в области изучения проблемы, постановки организационной и идейно-воспитательной работы. Их постановления были обязательными для всех местных учреждений; но, как нередко было в советском законодательстве, никаких санкций за невыполнение распоряжений комиссий не предусматривалось.

Наконец, смысл постановления 1972 г. состоял не только в ограничении производства и продажи спиртного, но и в изменении структуры его потребления: сокращении производства водки и других крепких напитков (прежде всего — низкокачественных крепленых вин) с компенсацией бюджетных потерь за счет увеличения продажи натурального виноградного вина и пива. В 1978 г. появилось еще одно постановление Совета Министров СССР («О дополнительных мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом»), предусматривавшее создание системы противоалкогольного воспитания в средней и высшей школе и в системе профессионально-технического образования — той самой, куда переводили школьников, чтобы обеспечить кадрами массовые про-

фессии. Данными об эффективности этой акции мы не располагаем; зато социологические исследования однозначно показывают: «пэтэушники» начинали пить раньше и пили больше своих более благополучных сверстников⁴¹.

Трудно говорить и о сколько-нибудь реальном влиянии неуклюжих «установок» пропаганды трезвости, подобных тем инструкциям Госкино, которые предписывали В. Шукшину изменить сценарий фильма «Печки-лапочки»: *«В сценарии несколько раз показывается, что герой выпивает, а это значит, что в фильме он почти все время будет пребывать "под парами". Режиссеру будущего фильма следует подумать над тем, чтобы картина не стала пропагандистом дурной склонности, против которой наше общество должно вести активную и непримиримую борьбу...»*⁴²

Но и новая кампания, несмотря на более широкую программу, оказалась мертворожденной. Сложившаяся в СССР экономическая система исчерпала к тому времени возможности своего развития: с 1971 г. шло неуклонное падение важнейших экономических показателей (темпов роста национального дохода и производительности труда). С середины 60-х гг. начал снижаться и удельный вес расходов на социально-культурные нужды; в итоге к 1985 г. на просвещение и здравоохранение тратилось меньше, чем в 1940 г. Советская экономика оказалась не в состоянии обеспечить прирост товаров и услуг, призванных «связать» алкогольные расходы населения, и осуществить декларируемые социальные программы. Не позволил отказаться от притока «пьяных» денег в казну и растущий с конца 60-х гг. дефицит бюджета, что признал в 1990 г. тогдашний министр финансов В.С. Павлов. Предусмотренного сокращения продажи низкосортного пошла так и не произошло.

Стремление к «полному удовлетворению потребностей населения» в продовольствии и прочих товарах на практике обернулось массовым производством новых сортов водок («Старорусская», «Пшеничная», «Сибирская») и недоброй памяти крепленых вин типа «Рубин», «Солнцедар», «Кавказ». Интересно, что выпуском последних занялись на предприятиях многих ведомств, в том числе Министерств черной металлургии, лесной и даже угольной промышленности. Проходившая в 1979 г.

проверка около 3 тысяч винзаводов завершилась решением закрыть 519 из них по причине опасности их продукции для потребителя. Но и она неизменно находила сбыт, поскольку системе отечественной торговли для выполнения плана было невыгодно продавать натуральные вина, в два раза уступавшие по цене забористым крепленым «портвейнам».

Такая ценовая политика находила полную поддержку в Министерстве финансов. Его руководители в том же году официально разъяснили коллегам из Министерства пищевой промышленности, что предусмотренное ими увеличение продажи сухого вина означает потерю для товарооборота 120 миллионов рублей⁴³.

Но к началу 80-х гг. и этот источник бюджетных поступлений оказался мал. Несмотря на стремление к стабильности цен, характерное для брежневского режима, пришлось в 1981 г. вновь поднять цену на водку до 5 руб. 50 коп. (при себестоимости 28 коп.) — что, впрочем, не вызвало никакого социального протеста и воспринималось с известным юмором:

«Водка стала 6 и 8,
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу
Нам и 10 по плечу».

Судя по позднейшим признаниям В.С. Павлова, реакция «масс» была услышана: осенью 1982 г. подготовлены соответствующие документы о повышении цен. Но помешала смерть Брежнева, а его преемник не считал возможным начинать свою деятельность со столь жесткой меры⁴⁴. Вероятно, поэтому памятная кампания по борьбе за трудовую дисциплину («от рабочего до министра») сопровождалась появлением в 1983 г. гораздо более популярной новинки — дешевой водки — «андроповки».

Дело обстояло не только в необходимости для бюджета многомиллионного питейного дохода. Неумеренное питье поддерживали и другие условия социального порядка (уравниловка, растущее отчуждение человека от реального участия в экономической и политической жизни, максимальная заорганизованность любого проявления общественной деятельности), вызывавшие на закате советской системы уже не массовый энтузиазм, а пассивное неприятие и стремление «выключиться» из мира

«реального социализма», где лозунги разительно отличались от действительности.

Официальная идеология и пропаганда создавали миф об идеальном трудящемся; он, по характеристике Л.И. Брежнева на XV съезде профсоюзов, *«политически активен, нетерпим к расхлябанности и безответственности, к любым недостаткам в организации производства. Он непримиримый враг всякого мещанства, любых пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Идеалы партии, идеалы коммунизма стали для такого рабочего сутью всего его мировоззрения...»* Однако уже в 70-х гг. немногие проводившиеся по интересующей нас проблеме исследования показывали, что реальный рабочий весьма отличается от идеологически предписанного образца, чье свободное время наполнено исключительно *«богатым содержанием и творческим поиском»*:

— 44% из опрошенных крепко пьющих пролетариев считали, что *«выпивка работе не помеха»*;

— 38% не могли указать никакой существенной причины для выпивки; полагали таковой встречу с приятелем или получку соответственно 26% и 16%;

— 40% не представляли себе предельно допустимой дозы выпивки⁴⁵.

Сухие цифры подводили итог многовековому внедрению не самых лучших алкогольных традиций. Питание не просто стало обрядом, заменой естественного состояния раскрепощенности; оно превратилось в характерный стереотип поведения людей, где естественным являлось уже не только «бытовое пьянство», но и выпивка на работе.

Публиковавшиеся уже тогда данные показывают, что каждый третий ребенок 11–14 лет познакомился с алко-голем в 7–8 лет, получив первую рюмку от родителей и ближайших родственников. У повзрослевших школьников спиртное уже служило важнейшим средством социализации, «включения» во взрослую жизнь своей социальной группы, ее традиции и завоевания признания с ее стороны. В итоге даже среди людей, хорошо информированных о вреде алкоголя, 59% продолжали им злоупотреблять, причем треть из них не могли объяснить причины такого поведения⁴⁶ — вероятно, не только из-за привычных страхов, а по очевидной невозможности жить иначе.

Неудивительно, что при таких установках даже самая правдивая информация о вреде пьянства могла вообще не восприниматься. Опросы, проведенные в 1984 г., показали: 70% посетителей привычных казенно-лекционных мероприятий такого рода были к ним глубоко равнодушны и по своей воле там бы не оказались⁴⁷.

Еще более тяжелая ситуация складывалась в колхозной деревне, уставшей от бесконечных экспериментов, вроде борьбы с «неперспективными деревнями» или показательных кампаний: «Из школы — в колхоз» и т.п. Отток наиболее квалифицированных и энергичных людей в города, отсутствие перспектив, утрата ценностной ориентации привели к тому, что уже в 60-е гг. деревня стала пить даже больше города; в структуре семейных расходов на селе этот показатель составлял 5,1% против 3,8% у горожан — а в дореволюционной России дело обстояло как раз наоборот⁴⁸.

Мнимые успехи внутренней и внешней политики, нарушения законности, коррупция, подавление (не обязательно репрессивное) любого инакомыслия в сочетании с неофициальной вседозволенностью в повседневной жизни — все это формировало ту застойную атмосферу, о которой В. Высоцкий сказал:

«И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы тоже дети страшных лет России —
Безвременье вливало водку в нас».

В условиях унижительного «дефицита» и постоянных привычных ограничений — в жилье, работе, творчестве — выпивка становилась компенсацией неуютного бытия. *«И это желание выпить вовсе не желание просто выпить, а то же тяготение к демократии. Заставить в себе говорить то, что по разным соображениям помалкивало, то есть позволить взглянуть на те же вещи по-иному»*, — писал в 1982 г. автор знаменитой ныне книги «Москва — Петушки», герой которой уходил в ирреальный пьяный мир подмосковной электрички, а за ним вставал образ спившейся страны...

Социологические исследования подтвердили, что в советском обществе выпивка была необыкновенно важна для идентификации с окружением, включения в традицию, как способ получения признания со стороны коллег и товарищей и, наконец, для утверждения известного де-

мократизма, ибо за столом все равны. Другая, не менее важная причина пьянства — крайне слабое развитие индустрии досуга и самодеятельных форм активности граждан, мягко говоря, не поощрявшихся властями. Наконец, в условиях тотального дефицита бутылка оставалась не подверженной никаким колебаниям «валютой» при неформальных рыночных операциях: «ты — мне, я — тебе»⁴⁹.

В реальном мире «развитого социализма» власть поддерживающих интересовало, в первую очередь, сохранение внешней стабильности, а не сущность развивавшихся в обществе тенденций: на рубеже 70—80-х гг. уже ни о какой борьбе с пьянством со стороны официальных структур говорить не приходится. Зато директора Московского ликеро-водочного завода могли вызвать «на ковер» в сельхозотдел ЦК КПСС для выяснения, почему вышла в продажу «Петровская водка» с «царским» Андреевским флагом⁵⁰.

Под осуждения *«еще встречающихся в нашем обществе отклонений от социалистических норм нравственности»* в речах Л.И. Брежнева на съездах КПСС потребление спиртного неудержимо росло при поддержке сложившейся системы отечественных производителей, торговли и финансовых органов. Ведомственные издания Министерства пищевой промышленности начала 80-х гг. рисуют картину стремительного наращивания мощностей (на 65% за годы 10-й пятилетки!) и технического перевооружения спирто-водочного производства⁵¹. Не отставала и импортная политика. Только в течение 1970—1984 гг. зарубежные закупки различных напитков (включая и безалкогольные) увеличились с 200,8 до 685,2 миллионов руб. В последний из названных год на его оплату не хватило даже выручки от всего экспорта отечественных легковых автомобилей (500,5 млн руб.)⁵², однако казна не осталась внакладе за счет разницы оптовых закупочных и розничных цен на вино.

Скороспелые кампании, колебания в питейной политике и забвение исторического опыта общественного движения за трезвость в условиях сложившихся за 400 лет питейных традиций показали несостоятельность расчетов на административные меры. Не произошло и запланированного в 1972 г. изменения вкусов потребителей: рост продажи вина и пива несколько не уменьшил реализации более крепких напитков, в том числе и самогона⁵³.

Что же касается научной базы антиалкогольной политики, то она, по сути дела, отсутствовала: проводившиеся в то время социологические исследования и немногочисленные работы на «бытовую тему» или не были востребованы, или этой проблемы как бы не замечали; читая их, можно подумать, что в России пили только до революции, но никак не после⁵⁴.

В итоге, по официальным данным, душевое потребление алкоголя (в пересчете на спирт) стремительно росло и достигло в 1980 г. 8,7 л⁵⁵. В 1984 году оно уже составляло 10,5 литров алкоголя на человека в год, но без учета самогона.

С 1960 г. расчеты самогонварения и общего потребления алкоголя сначала в СССР, а позже в Российской Федерации производил американский советолог Владимир Трэмл. По его оценкам, истинное среднестатистическое потребление алкоголя в России с учетом самогона в 1970 г. было очень высоким (12 литров), а через десять лет еще выросло: до 14,2 литра алкоголя на душу населения, из которых более четверти приходилось на самогон. Последняя цифра уже на порядок превосходила дореволюционную отметку и вывела Советский Союз на 6-е место в мире, а по потреблению водки — на 1-е; таким образом, мы хоть в чем-то обогнали Соединенные Штаты⁵⁶.

Если считать, что российские мужчины выпивали $\frac{4}{5}$ общего количества спиртного, а главные потребители алкоголя — мужчины в возрасте от 15 до 65 лет, то на одного взрослого мужчину приходилось 180 бутылок водки в год, или в среднем 1 бутылка на два дня. Но так как в России все-таки есть мужчины, которые вообще не пьют или пьют мало, то получается, что 80% взрослых мужчин выпивали в среднем около 220 поллитровых бутылок водки в год. По оценке, в том же 1984 году полные потери в связи с алкоголем, т.е. прямые (смерти при отравлении алкоголем, в связи с алкогольными психозами или циррозами печени, острыми алкогольными панкреатитами и алкоголизмом) и не прямые алкогольные потери (дорожно-транспортные происшествия со смертельным исходом, связанные со спиртным; другие насильственные или неестественные смерти; смерти в связи с соматическими заболеваниями, осложненными алкоголизмом или пьянством или осложненными алкоголизмом или

пьянством, и другие) составили 525 тысяч человек, или 31,8% всех зарегистрированных в России смертей⁵⁷.

В начале 80-х гг. общий кризис системы неизбежно должен был вновь поставить перед руководством страны и эту, так и не решенную за предыдущие годы, проблему.

Примечания

- 1 См.: Пищевая промышленность СССР. М., 1967. С. 406.
- 2 См.: Комсомольская правда. 1999. 14 июня.
- 3 См.: *Зубкова Е.Ю.* Общественная атмосфера после войны // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 8.
- 4 См.: *Андреевский Г.В.* Москва. Сороковые годы. М., 2001. С. 153.
- 5 Советская торговля за 30 лет. М., 1947. С. 145.
- 6 *Мстиславский П.* Неуклонный подъем благосостояния советского народа. М., 1952. С. 22.
- 7 См.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 141.
- 8 См.: *Андреевский Г.В.* Указ. соч. С. 158.
- 9 См.: Кулинария. М., 1955. С. 656.
- 10 См.: История ценообразования в СССР. М., 1975. Т. 3. С. 128.
- 11 См.: Там же. С. 856—857.
- 12 Цит. по: Московский комсомолец. 1991. 12 апреля.
- 13 См.: Борьба за здоровый быт важнейшая задача советской общественности // Партийная жизнь. 1954. № 9. С. 38—41; *Янушевский И.* Вреднейший пережиток прошлого // Молодой коммунист. 1954. № 9. С. 70—71; *Арихбаева Т., Ильин А.* О вреде алкоголя для здоровья человека // Пропагандист. 1954. № 9. С. 63—65; *Зеневич Г.* Вреднейший пережиток прошлого // Клуб. 1954. № 9. С. 4—5; *Стрельчук И.В.* Вреднейший пережиток капиталистического прошлого // Культурно-просветительная работа. 1954. № 9. С. 46—48.
- 14 См.: *Бейсенов Б.С.* Алкоголизм: уголовно-правовая и криминологическая проблема. М., 1981. С. 18.
- 15 Справочник партийного работника. М., 1959. Вып. 2. С. 404.
- 16 См.: Там же. С. 19—20.
- 17 См.: Сборник законодательных и иных нормативных актов об административной ответственности. М., 1978. С. 157;

Трачевский Ю.М. Право и борьба с алкоголизмом. М., 1971. С. 7.

18 См.: За коммунистический быт. Л., 1963. С. 252.

19 Цит. по: Поговорим о тех, кто позорит честь советского человека. М., 1961. С. 75. См. также: *Румянцев П.М.* Пьянству — беспощадную войну. М., 1963. С. 52.

20 См.: За коммунистический быт. С. 246; За здоровый быт. Л., 1957. С. 86.

21 См.: За коммунистический быт. С. 228.

22 См.: Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 318—319.

23 См.: Народное хозяйство СССР в 1962 г. М., 1963. С. 203. По расчетам семилетнего плана, к 1965 г. должно было быть произведено 165 млн. декалитров водки (см.: Экономика СССР в послевоенный период. М., 1962. С. 235).

24 См.: Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957; *Сиволап И.К., Шахтан А.С.* Пищевая промышленность СССР. М., 1957; *Назаров Р.С.* Производство и потребление продуктов питания. М., 1962.

25 См.: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С.343; Народное хозяйство СССР в 1964 г. М., 1965. С. 226.

26 См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 254.

27 См.: История ценообразования в СССР. М., 1978. Т. 4. С. 715—716.

28 См.: Там же. С. 716.

29 См.: *Струмилин С.Г.* Рабочий быт и коммунизм // Новый мир. 1960. № 7. С. 210—218.

30 *Синицын В.Г.* Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1963. С. 204—205.

31 *Румянцев П.М.* Пьянству — беспощадную войну. М., 1963. С. 9.

32 См.: Вино любишь — сам себя губишь. М., 1959; Человек и вино. М., 1963.

33 *Мендельсон Г.А., Трачевский Ю.М.* Алкоголизм и преступность. М., 1959. С. 2.

34 См.: *Ваксер А.З.* Персональные дела членов КПСС как исторический источник // Отечественная история. 1992. № 5. С. 99.

35 *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4 книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 164.

36 Там же. С. 546, 208, 182.

37 Цит. по: *Медведев Р.А.* Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991. Кн. 1. С. 288.

38 См.: Московский комсомолец. 1991. 12 апреля.

39 См.: Трезвость: иллюзии и реальность. С. 94.

40 См.: Справочник партийного работника. М., 1973. С. 182; СП СССР. 1972. № 11. Ст. 61; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 25. Ст. 639.

41 См.: Известия. 1978. 11 апреля; *Климова С.Г.* Изменения в алкогольном поведении молодежи (по данным сравнительных исследований в Московской области в 1984, 1988, 1991 гг.) // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 92.

42 Цит. по: *Фомин В.* Эстетика Госкино или соцреализм в действии // Погружение в трясины. М., 1991. С. 446.

43 См.: *Дорофеев В.* Час Волка // Литературная газета. 1979. 3 ноября.

44 См.: *Павлов В.С.* Финансы — наша главная забота. М., 1990. С.301.

45 См.: *Левин В.* Социальный портрет алкоголика // Мнение неравнодушных. М., 1972. С. 75, 91; *Струмилин С.Г., Сонин М.Я.* Алкогольные потери и борьба с ними // Экономика и организация промышленного производства. 1974. № 4. С. 40.

46 См.: *Иванов А.И.* Антиалкогольное воспитание школьников // Здравоохранение РСФСР. 1983. № 3. С.30; *Рыбаков А.И.* Ценностно-нормативные представления о потреблении алкоголя // Социологические исследования. 1988. № 2; *Смолин Г.И.* Аспекты профилактики пьянства и алкоголизма // Здравоохранение РСФСР. 1985. № 2. С. 8.

47 См.: *Михайлов В.Е.* Из опыта организации борьбы с пьянством и алкоголизмом // Здравоохранение РСФСР. 1984. № 10. С. 15.

48 См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 190; *Васильев Ю.А.* Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта. М., 1992. С. 94.

49 См.: *Рыбаков А.И.* Ценностно-нормативные представления о потреблении алкоголя // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 81—82.

50 См.: Московский комсомолец. 1991. 12 апреля.

51 См.: Спиртовая и ликеро-водочная промышленность. 1983. Вып. 4.

52 См.: *Устинов И.* Валютная дань Бахусу // Трезвость и культура. 1990. № 12. С. 34.

53 См.: Трезвость: иллюзии и реальность. Киев, 1991. С. 14.

54 См.: *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977. С. 235–239; *Бромлей Ю.В., Бромлей Н.Я.* Советский социалистический образ жизни (бытовые аспекты) // Советская культура: история и современность. М., 1983. С. 53–78.

55 См.: Трезвость: иллюзии и реальность. С. 94.

56 См.: Советская Россия. 1984. 13 марта.

57 Данные приведены по книге А.В. Немцова «Алкогольная смертность в России: 1980-1990-е годы» в Интернете (на сайте [www. E-alcohol. ru](http://www.E-alcohol.ru)).

Глава 8

«...И В БОРЬБЕ С ЗЕЛЕНЫМ ЗМЕЕМ ПОБЕЖДАЕТ ЗМЕЙ»

*«Архиважное дело». — Трезвенники по указу. —
Антиалкогольное «похмелье». — Тупик трезвости. —
Цена титейной свободы.*

*Очень странная страна,
Не поймешь — какая?
Выпил — власть была одна.
Закусил — другая.*

Г. Горбовский. Сижу на нарах.
Из непечатного. СПб., 1992

«Архиважное дело». Под таким заголовком в очередном двенадцатом номере главного партийного журнала «Коммунист» за 1985 г. была помещена редакционно-установочная статья, призванная обосновать историческое майское постановление ЦК КПСС о начале новой противоалкогольной кампании. Это была первая и несколько неожиданная для общественности акция нового руководства страны, намного опередившая какие-либо серьезные преобразования в социально-экономической и политической жизни.

Несомненно, причины для принятия такого решения имелись. Стремительный рост потребления спиртного в 60—80-е гг. вызывал уже настолько серьезные последствия, что их невозможно было игнорировать «наверху». Многолетний председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков поведал в мемуарах, что уже в 70-х гг. руководство страны располагало данными о размерах экономического ущерба от последствий пьянства в виде прогулов, брака, производственного травматизма и т.д.; но в те времена все эти «сигналы» клались под сукно¹. Согласно резуль-

татам проводившихся в начале 80-х гг. обследований (преданных гласности значительно позже), в стране насчитывалось более 4 миллионов только зарегистрированных органами милиции и здравоохранения алкоголиков. По тем же расчетам, среди рабочих-мужчин спиртным злоупотребляли 37% (для сравнения: в 1925 г. — 11%); на каждый рубль реализованной промышленной продукции приходилось от 1, 5 до 3 рублей убытков по причине пьянства².

Экспертные оценки независимых специалистов также однозначно рисовали весьма тревожную картину. По данным известного в те годы поборника трезвости академика Академии медицинских наук СССР Ф.Г. Углова, использовавшего методику расчета, применявшуюся в СССР в 20-е гг., оказалось, что проданные в стране только в одном 1975 г. алкогольные напитки принесли общие экономические потери народному хозяйству примерно в 60—65 миллиардов рублей. По мнению ученого, эта цифра скорее отражала нижнюю границу действительных потерь³. С этими показателями вполне соотносились приведенные выше данные профессора Дьюкского университета (США) Владимира Тремла.

Разница подходов и методик влияет на их результаты: мы встречали весьма серьезные расхождения в цифрах у разных исследователей. Например, некоторые из них полагают, что количество алкоголиков в бывшем СССР составляло около 30 миллионов⁴. По-видимому, принятая на Западе практика расчетов нашего алкогольного потребления⁵ более правильна, чем официальные советские данные о реализации вина, пива и водки в государственной торговле. Но методика таких исчислений и их источники нам неизвестны. Так что пока по-прежнему трудно представить, сколько самогона и прочих домашних напитков производили и потребляли советские граждане.

Особенно тревожным, по мнению специалистов, было положение в славянских республиках, т.к. в Прибалтике не гнали самогон, в Молдавии и Закавказье были распространены столовые вина, а мусульманское население Средней Азии потребляло лишь 40% спиртного от общесоюзного уровня. Таким образом, главными потребителями оставались Россия, Украина и Белоруссия, где средняя семья тратила на спиртное 15% своего дохода, а

60% питейного ассортимента составляли крепкие напитки и дешевые крепленые вина.

Печальными результатами этого, по данным самой же советской печати, явились рост смертности (наиболее частой была смерть от отравлений: 19,5 случаев на 100 тыс. чел. против 0,3 случая в развитых странах), ежегодная гибель 13—14 тыс. человек на дорогах, прошедшие через вытрезвители 15 миллионов человек, что вполне сопоставимо с численностью населения целого государства. Существенная доля «пьяных» денег в общем доходе бюджета (12—14%) оборотной стороной имела понижение и без того не слишком высокой производительности труда на 15—17%⁶.

Еще более удручающими выглядели расчеты другого американского специалиста — профессора Б. Сегала: к 1985 г. расходы советской семьи на алкоголь составляли 21% ее бюджета — намного больше, чем до революции! Что же касается общих экономических потерь, связанных с пьянством (производственный брак, преждевременная смерть, преступность, расходы на лечение и т.д.), то они, по его мнению, лишь за один мирный и сравнительно благополучный 1970 г. обошлись стране в 200 млрд рублей. К середине 80-х гг. этот показатель составлял уже 500 млрд рублей, что превышало сумму советского государственного бюджета. Для сравнения можно указать, что (по тем же данным) аналогичные американские экономические потери составляли всего 1/7 часть советских.

На форму и содержание новой антиалкогольной кампании повлияла и неудачная попытка в короткий срок изменить сложившуюся структуру алкогольного потребления, предусмотренная помянутыми выше директивами 1972 г. Абсолютный рост потребления вина и пива никак не отразился на таком же росте потребления водки. Неудивительно поэтому, что при отсутствии научно обоснованных представлений о путях и средствах борьбы с пьянством на первый план вновь стали выдвигаться административные методы.

На страницах периодических изданий 80-х гг. можно было, как и за 50 лет до этого, прочитать, что провал американского «сухого закона» нам не указ: *«Не удавшееся в мире капитализма непременно удастся в мире социализма, поскольку никаких корней советское пьян-*

ство не имеет и представляет собой только распущенность, только вредную привычку»⁷. В итоге новые противоалкогольные меры были направлены на утверждение абсолютной трезвости, а сама идея «культурного потребления» была предана в 1985 г. анафеме. Справедливости ради надо заметить, что научная норма «умеренного» или «культурного» потребления спиртного до сих пор не поддается точному определению и на этот счет высказываются самые разноречивые суждения⁸.

Наконец, возможно, что перестройка началась с «трезвенного» постановления именно потому, что эта мера была к тому времени наиболее подготовленной. Еще в 1983 г. были внесены изменения в «Основы законодательства о труде»: отныне появление на рабочем месте в нетрезвом виде стало самостоятельным основанием для увольнения. В то же время идея борьбы за трезвость появилась и в нарождавшемся общественном движении. В 1984 г. общество «Память» выдвинуло лозунг «Трезвость — норма жизни», а по рукам стал ходить подготовленный Ф.Г. Угловым и А. Ждановым доклад, где главными виновниками алкоголизации («сионистского алкогеноцида русского народа») были объявлены сионисты, троцкисты и прочие агенты мирового империализма.

Во всяком случае, потребность в эффективной идеологической акции была у нового руководства велика, а серьезные экономические и политические реформы требовали не в пример более глубокой разработки и не могли не вызывать в правящем кругу опасений. Активный сторонник антиалкогольной кампании Егор Кузьмич Лигачев (секретарь ЦК КПСС с декабря 1983 г.) главным ее инициатором называл члена Политбюро и председателя Комитета партийного контроля М.С. Соломенцева, в аппарате которого и готовились соответствующие документы еще задолго до мая 1985 г. По признанию бывшего заместителя Соломенцева П.Я. Слезко, началу кампании предшествовала двухлетняя работа и даже обсуждение проектов итоговых документов в трудовых коллективах с непременным учетом пожеланий трудящихся⁹.

Итак, «наверху» проблему обсуждали и даже экспериментировали. По воспоминаниям члена комиссии Политбюро по борьбе с алкоголизмом Н.К. Байбакова, он вместе с тогдашним главой правительства Н.И. Рыжковым лично исследовал свойства «каприма» — биологи-

чески активного вещества, снижающего токсичность алкоголя: *«Вдвоем опорожнили бутылку водки с капримом, закусив лишь яблоком. Домой уехали навеселе»*. Затем эксперимент был продолжен уже в масштабах Магаданской области и привел, по словам того же Байбакова, к сокращению продажи водки по причине отсутствия необходимости опохмеляться¹⁰.

Составленный в Комитете партийного контроля проект антиалкогольной реформы вызвал сопротивление со стороны планово-финансовых органов, требовавших тщательной проработки и обоснования предлагаемых мер с точки зрения их экономических и социальных последствий. На некоторое время вопрос был отложен. Однако после смерти К.У. Черненко Политбюро во главе с новым Генеральным секретарем на первом же заседании вновь рассмотрело этот вопрос, итогом чего было принятие решения, с которого М.С. Горбачев и начал свою активную «перестроечную» деятельность. Об атмосфере вокруг новой инициативы и степени ее подготовленности несколько лет спустя (не без доли самооправдания) рассказал Н.И. Рыжков: *«...Возобладала мысль о том, что ежели спиртное исчезнет из магазинов, то и проблема сама собой рассосется. Я был категорически против такого решения. Выступая в Кремле, заранее предсказал и талоны на сахар, и самогоноварение. Единственное, чего не предугадал, — то, что станут вакуу есть да стеклоочиститель пить. М.С. Горбачев со мною был согласен. Но затем он согласился с другими...»¹¹*

Принятое 7 мая 1985 г. постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» в очередной раз — но без каких-либо упоминаний о предыдущих кампаниях — констатировало обострение алкогольной ситуации в стране и предписывало *«разработать и осуществить комплекс всесторонне обоснованных организационных, административно-правовых и воспитательных мер, направленных на решительное усиление антиалкогольной борьбы и повышение ее эффективности»*.

В числе этих мер Госкомитету по науке и технике, академическим учреждениям *«совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами»* предлагалось создать, в духе времени, общегосударственную комплексную программу профилактики и преодоления пьянства и алкоголизма. Но на первое место в том же постановле-

нии были выдвинуты вполне традиционные меры: ужесточение спроса с членов партии (вплоть до исключения из рядов), требование *«показать личный пример»*, обеспечение строгого общественного контроля по профсоюзной линии и административной ответственности со стороны правоохранительных органов.

Опять признавалось важным улучшать организацию досуга, поощряя *«клубы по интересам»*, коллективное садоводство, строительство и эффективное использование спортивных сооружений. Предусматривалось ежегодное сокращение объемов производства водки и ликероводочных изделий при одновременном увеличении производства и продажи безалкогольных напитков, фруктов, ягод, соков и изделий из них.

Наконец, третьим важным положением этого документа был призыв развернуть антиалкогольную пропаганду и ужесточить цензуру: *«не допускать, чтобы в театры, кино-, теле- и радиопередачи, художественные произведения проникали мотивы, пропагандирующие выпивки, застолья»*¹². Кроме того, ЦК КПСС *«счел целесообразным»* создать новое добровольное общество борьбы за трезвость со своим печатным органом.

Все эти положения были конкретизированы в последующих документах: постановлении Совета Министров СССР *«О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения»* и соответствующих указах Верховных Советов СССР и РСФСР. Как обычно, наиболее подробно разрабатывались административно-ограничительные меры. Была запрещена продажа спиртного в обычных, неспециализированных магазинах и отделах, которые к тому же не могли располагаться *«вблизи производственных предприятий истроек, учебных заведений, общежитий, детских учреждений, больниц, санаториев, домов отдыха, вокзалов, пристаней и аэропортов, культурных и зрелищных предприятий, в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся и в мелкорозничной торговой сети»*; т.е., по нормальной логике, их не должно быть нигде.

Вновь повышалась административная ответственность за распитие в общественных местах, на работе; за самогонварение, управление транспортом в нетрезвом виде, спекуляцию и нарушения правил торговли спиртным, которое теперь можно было продавать только с 14 часов

лицам, достигшим 21 года. Предусматривалось, с одной стороны, создание сети хозрасчетных медицинских учреждений наркологического профиля, а с другой — строительство новых ЛТП, куда граждане отправлялись в судебном порядке *«для принудительного лечения и трудового воспитания»* на 1—2 года. Ведать координацией усилий государственных и общественных организаций в этой области были призваны вновь создаваемые при исполкомах местных Советов комиссии по борьбе с пьянством.

Меры социально-экономического характера выглядели заметно скромнее и абстрактнее. В самой общей форме Госплану, Госстрою и ведомствам поручалось *«предусмотреть»* строительство кинотеатров и домов культуры, *«способствовать»* развитию коллективного садоводства, *«увеличить поставки и торговлю»* всевозможным ширпотребом, *«расширить»* продажу фруктовых изделий. Единственной конкретной цифрой было указание отчислять от доходов жилищно-эксплуатационных организаций 3% для развития спортивной работы по месту жительства¹³.

Первая крупная социальная акция нового руководства явно претендовала на комплексное решение вопроса; по всей видимости, ее инициаторы рассчитывали на быстрый эффект. На деле же подготовленный в «доперестроечную» эпоху пакет документов не отличался новизной подходов.

Уже в первых строках постановления пьянство по-прежнему характеризовалось как *«вредная привычка и пережиток в то время, когда все полнее раскрываются созидательные силы нашего социалистического строя»*. На том же настаивала и упомянутая редакционная статья в журнале «Коммунист»: *«В отличие от капиталистического общества алкоголизм и пьянство чужды социализму так же, как они чужды классовой природе пролетариата»*, — хотя далее ее авторы говорили об *«объективных корнях»* этого явления, существующего уже тысячелетия¹⁴. Там же была сделана и достаточно робкая попытка взглянуть на проблему с точки зрения оценки реального положения работника в условиях экономической системы, сложившейся в СССР. О каких-либо социальных и уж тем более политических факторах даже и речи не шло.

Исторические условия развития пьянства в России вовсе не затрагивались, и опыт борьбы с ним не учитывался — как по неведению, так и по другим, вполне понятным причинам. Более того, обращение к традициям потребления спиртного в стране однозначно объявлялось «антинародной пропагандой». К истории обращались сугубо конъюнктурно и избирательно: от упоминаний о том, как русские крестьяне в 1858—1859 гг. в массе своей отказались пить водку, сразу следовал скачок в 1905 г., когда Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов распорядился закрыть винные лавки, и в 1917 г. с борьбой большевиков против погромов винных складов. Прочие эпизоды с их разнообразным положительным и отрицательным опытом не упоминались, как недостойные внимания¹⁵.

В подобной официальной публицистике отсутствовала даже поверхностная оценка уроков прошлого: трезвенного движения рубежа XIX—XX вв., кампании 1928—1931 гг., неудачи 1972 г. Напротив, демонстрировалось пренебрежение к «интеллектуалам» царской России, которые «глубоко страдали» за «темный» народ, но были способны лишь на высоконравственные призывы: просветить, объяснить, усюветить, научить «умеренному», «культурному» питию... Как будто никогда и не было в России массового антиалкогольного движения во главе с этими самыми «интеллектуалами».

Подходя к решению сложнейшей социальной проблемы с таким идейно-теоретическим багажом, инициаторы новой кампании сделали упор, прежде всего, на административно-запретительные меры в сочетании с пропагандистскими акциями, т.е. в духе образцового бюрократического убеждения в том, что принятые «наверху» организационные меры способны справиться с «чуждыми» социальными явлениями. Ни в экономическом смысле, ни в плане учета богатого исторического опыта «руководящие» документы 1985 г. были не проработаны, что не замедлило сказаться на деле.

Новая кампания началась весьма агрессивно. В печати немедленно появились соответствующие моменту письма трудящихся, призывавшие *«вывести водку, вино и пиво из разряда пищевых продуктов, поскольку алкоголь является наркотическим ядом»*. Новый курс был официально утвержден на XXVII съезде КПСС (фев-

раль—март 1986 г.), где высшее партийное и советское руководство в лице Горбачева и Рыжкова заверило, что *линия на резкое сокращение производства и продажи алкогольных напитков будет неукоснительно выдерживаться и впредь*. Последний, правда, в докладе об основных направлениях социально-экономического развития СССР в 1986—1990 гг. и его перспективах до 2000 г. выразил и беспокойство по поводу возможности удовлетворить платежеспособный спрос населения в условиях решительной борьбы с одним из основных казенных доходов¹⁶.

В узком кругу настроение было еще более бескомпромиссным. Рыжков в мемуарах сообщает о «секретном пункте» майского постановления ЦК КПСС 1985 г., содержавшем дату окончательного прекращения выпуска алкогольной продукции в СССР. Н.К. Байбаков рассказал, как первые успехи антиалкогольной кампании привели к пересмотру намеченных рубежей: осенью 1985 г. Секретариат ЦК КПСС решил сократить вдвое производство водки не к 1990 г., как предполагалось, а уже в 1987 г.¹⁷

По части сокращения производства и торговли спиртным были сразу же достигнуты высокие показатели. Официальные документы Совета Министров СССР и вновь появившиеся в справочниках «Народное хозяйство СССР» статистические данные говорили о резком снижении выпуска алкогольной продукции и сокращении соответствующей торговой сети. Особенно сильно уменьшилось производство водки:

1984 г.	281 млн. декалитров;
1985 г.	238 млн. декалитров;
1987 г.	123 млн. декалитров.

Последняя цифра особо примечательна, поскольку она на 96,7 млн. декалитров превышала намеченный в 1985 г. уровень снижения выпуска; план, таким образом, успешно перевыполнялся¹⁸.

Параллельно сокращался выпуск вина и пива. Летом 1986 г. Горбачев заявил, что объем продажи спиртного уменьшился на 35%¹⁹. Одновременно такое резкое сокращение сопровождалось повышением цен. Но купить выпивку становилось все большей проблемой. Только за полгода после майских решений 1985 г. количество торгующих спиртным магазинов сократилось на 55%, а в не-

которых областях — почти до нуля: так, в Астраханской области из 118 «точек» осталось всего 5²⁰. Заветные бутылки мгновенно исчезали из продажи, а длинные очереди за вином и водкой с неременной давкой стали отличительной чертой советских городов.

Именно тогда на улицах Москвы можно было наблюдать такие картины:

«Два часа дня. К прилавку магазина № 9 Севастопольского райпищеторга, торгующему водкой, вытянулась на улице очередь. Внимание стоявших в ней привлекли подошедшие два небольших автобуса, оформленные яркими и броскими антиалкогольными плакатами. К тем, кто пришел за покупкой спиртного, обратился главный нарколог Москвы Э.С. Дроздов. Он говорил в микрофон, и каждое его слово было хорошо слышно собравшимся. Врач с многолетней практикой лечения алкоголиков, он рассказывал о непоправимом вреде алкоголя, калечащего человеческую жизнь. И как бы в подтверждение этих слов были подняты щиты с плакатами: "Пьянство — самоубийство!", "Осторожно: алкоголь!" Речь медика воспринималась вначале равнодушно. Но вот он пригласил желающих подойти к нему для более конкретного разговора. Его окружили десятки людей, и завязалась непринужденная беседа. Главный нарколог убедительно показывал несостоятельность утверждений некоторых о том, что "пить надо культурно", что "рюмка-другая вреда не принесет". Присутствовавший здесь же заместитель председателя исполкома райсовета Г.В. Татаев отвечал на вопросы, связанные с организацией трезвого досуга населения»²¹.

Трезвенники по указу. Поход за трезвость нужно было обеспечить должной общественной поддержкой. Но инициаторы кампании пошли по уже привычному пути создания единой централизованной структуры со столь же привычными средствами организации ее массовости. Вскоре после майских решений состоялась учредительная конференция Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость (ВДОБТ). Из уст компетентных официальных лиц (председателя Оргкомитета Ю.А. Овчинникова, председателя ВЦСПС С.А. Шалаева) прозвучала неутешительная статистика правонарушений и несчастных случаев на почве пьянства (в частности, им

были вызваны 30% травм на производстве и 80% — в быту).

Но итоговая резолюция мероприятия содержала стандартные казенно-бюрократические формулировки: *«...взятый партией курс на утверждение трезвого образа жизни получил горячее одобрение и полную поддержку советских людей»,* а принятые меры *«положительно сказываются на оздоровлении нравственного климата в обществе, трудовых коллективах, на повышении дисциплины и организованности, производительности труда...».* Делом каждого советского гражданина должно было стать создание на предприятиях, в учреждениях, в семейной жизни и общественных местах *«обстановки острой нетерпимости»* к употреблению спиртного, проведение *«наступательной пропаганды»* трезвости и участие в системе *«общественного контроля»* за соблюдением антиалкогольного законодательства.

Формирование такой системы планировалось, естественно, на добровольной основе, но в сжатые сроки. К концу 1985 г. уже должна была действовать сеть обществ трезвости, создававшихся «сверху вниз»: сначала республиканские и областные, затем — городские и районные и к декабрю 1985 г. — первичные организации²².

Права и обязанности членов нового общества были обозначены в его уставе достаточно декларативно и неясно, зато были четко указаны источники финансирования: дотации организаций-учредителей (ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, АН СССР, Минздрав СССР), вступительные взносы (по 1 руб.) и доходы от издания вновь образованного журнала «Трезвость и культура».

Руководить новым движением в Правлении Центрального Совета ВДОБТ были призваны фигуры из партийно-советской номенклатуры, но не из первых ее рядов: А.П. Бирюкова (заместитель председателя ВЦСПС), Т.В. Голубцова (заместитель министра культуры СССР), Л.П. Кравченко (первый заместитель председателя Гостелерадио), Л.П. Лыкова (заместитель председателя Совета Министров РСФСР), А.Г. Сафонов (заместитель министра здравоохранения СССР), Н.Т. Трубилин (министр здравоохранения РСФСР), В.П. Трушин (первый заместитель министра МВД СССР). Партийное руководство было представлено лишь одним первым секретарем обкома (Ульяновской области); осталь-

ные лица были заметно меньшего калибра. Такая, созданная в традиционно-застойном духе организация с «добровольно-принудительным» членством должна была обеспечить массовую поддержку начавшемуся процессу оздоровления общественной жизни.

Возможно, в иных условиях и удалось бы что-то сделать: проводившиеся в те годы социологические исследования показали, что значительная часть населения (50—60%) поддержала начавшуюся сверху кампанию²³. Сказалось, по-видимому, не только понимание масштабов алкоголизации общества, но и ожидание глобальных перемен и реформ, с которыми власть явно не спешила. Но те же опросы показывали: наличие общественной поддержки вовсе не означало безусловного одобрения всех энергично проводимых мер: болезненно воспринимались повышение цен при отсутствии товара, исчезновение не только низкопробных суррогатов, но и всяких вообще вин. Наконец, даже в начале кампании в 1986 г. только 19% опрошенных разделяли идею полного вытеснения алкоголя из жизни — а ведь это была главная цель ее организаторов²⁴.

Начавшаяся борьба набирала обороты. На волне народных ожиданий перемен к лучшему еще действовала «магия слов», и руководству страны рисовались блестящие перспективы. Появившееся летом 1986 г. крылатое слово «перестройка» стало официальным курсом на пленуме ЦК КПСС в следующем январе. Началась столь же показательная борьба с «нетрудовыми доходами». В то время лидер партии и государства призывал работников отечественных автозаводов стать законодателями моды в автомобилестроении, а академик А.Г. Аганбегян авторитетно обещал достигнуть самого высокого в мире уровня жизни ровно к 100-летию Октябрьской революции, т.е. в 1987 г.²⁵

К концу памятного 1985 г. можно было обнародовать достигнутые успехи. По данным МВД, уже к лету количество правонарушений сократилось на 12,3%. За пьянство на работе было привлечено к ответственности 80 тыс. человек, и около 200 тыс. самогонщиков «добровольно» сдали свои орудия производства²⁶.

В сентябре 1985 г. появилось Постановление ЦК КПСС «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма"».

Оно констатировало улучшение структуры товарооборота, уменьшение преступности и дорожно-транспортных происшествий. Признавалось, однако, что наряду с наличием «полного одобрения и поддержки» со стороны советских людей, *«некоторая часть населения из числа пристрастившихся к спиртному ждет послаблений, проявляет недовольство мерами, направленными против пьянства»*. Власть объявила, что ждут несознательные напрасно, и ставила задачу: *«Полностью искоренить какие бы то ни было выпивки на производстве»*²⁷.

Пользуясь приведенными выше данными, следует, конечно, делать поправку на тенденцию статистики выполнять и превосходить планируемые показатели. Ведь выявленные факты «злоупотреблений» равно могли говорить не только об успехах борьбы с ними, но и о повсеместной распространенности явления, что фиксировал фольклор:

«Спасибо партии родной,
Теперь не пьем мы в выходной.
Благодаря ее заботе
Мы выпиваем на работе».

Тем не менее, можно засвидетельствовать определенные результаты: пьяных на улицах действительно стало в то время меньше. Демографические исследования 90-х гг. позволили сделать вывод и о более серьезных достижениях: *«В начале 80-х годов пятнадцатилетняя тенденция сокращения средней продолжительности жизни сменилась тенденцией ее медленного роста. Возможно, дало себя знать постепенное накопление изменений в образе жизни и социокультурных установках, которое шло, хотя и довольно вяло, на протяжении всего послевоенного периода. В 1985–1987 годах эта новая тенденция получила подкрепление и усиление в результате антиалкогольной кампании. Всего за 2 года средняя ожидаемая продолжительность жизни выросла на 2,7 года у мужчин и на 1,2 года у женщин. Основным фактором этого роста было снижение смертности от несчастных случаев, отравлений и травм в трудоспособном возрасте»*²⁸.

Резко сократилось легальное потребление спиртного. В 1987 г. среднестатистическая душа потребляла всего 3,26 л спирта вместо 8,7 л в 1980 г., т.е. советские граждане «по статистике» стали пить меньше, чем в ислам-

ской Турции²⁹. Для продолжавших злоупотреблять была создана система наркологической службы: консультационные областные и региональные центры здоровья и специализированные наркологические диспансеры, количество которых увеличилось с 153 в 1984 г. до 500 в 1988 г. К 1987 г. на учет были поставлены 4,5 миллиона алкоголиков³⁰. С 1989 г. стали открываться методические кабинеты по антиалкогольной пропаганде в учебных заведениях.

Наконец, пленум Центрального совета ВДОБТ (1987 г.) объявил, что организация объединяет в своих рядах 14 миллионов трезвенников³¹.

Достигнутые за столь короткий срок успехи стимулировали дальнейшую деятельность по формированию нового образа жизни теми же средствами. В 1987 г. очередное Постановление ЦК КПСС («О ходе выполнения Постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма и активизации этой работы») во-первых, отметило достигнутые рубежи: преступность на почве пьянства сократилась на 26%, а потребления спиртного прочими гражданами — в 2 раза по сравнению с 1984 г.; во-вторых, сочло реальным *«искоренить пьянство из жизни нашего общества»* в ближайшее время. «Довести до конца борьбу с пьянством» тогда же призвал своих членов и очередной съезд ВЛКСМ³². По свидетельству Б.Н. Ельцина, в бытность его первым секретарем Московской партийной организации Е.К. Лигачев уже требовал закрытия московских пивзаводов и полного прекращения торговли спиртным в столице (даже пивом и сухим вином)³³.

Едва ли такая точка зрения была проявлением только личного экстремизма. В те годы власти, кажется, вполне серьезно верили в то, что добровольное массовое соблюдение трезвого порядка подготовит почву для официального объявления «сухого закона»³⁴. Шагом к нему стало создание «зон трезвости», одной из которых должна была стать даже традиционно винодельческая Молдавия. Тамошние не по уму усердные активисты-трезвенники полагали, что складывавшиеся веками традиции в современных условиях не отвечают интересам социалистической культуры и их можно в нужном направлении *«развивать в духе времени на благо и здоровье людей»*³⁵.

Антиалкогольное «похмелье». Однако оптимистические расчеты на быстрое и решительное наступление на питейные традиции все больше сталкивались — как и в 1915—1916 гг. — с цепной реакцией порожденных им не предусмотренных заранее последствий. Опыт 70-летней давности нередко приводился на страницах прессы в пример, но, похоже, никем всерьез не учитывался.

Одной из таких проблем стал быстро растущий дефицит бюджета. Изъятие алкогольных доходов привело в течение трех лет к потере 67 миллиардов рублей³⁶, которые нечем было восполнить. Наличие «дыры» в финансах усугублялось и растущим уменьшением валютных поступлений, и общим снижением эффективности советской экономики: уже в 1985 г. реальное наполнение рубля составляло чуть больше 50 копеек середины 60-х гг.³⁷

Лихая кампания привела к разгрому целой отрасли виноградарства и виноделия, дававшей 30% прибыли, получаемой от сельского хозяйства южных районов страны. Вместо борьбы с пьянством началась борьба с вином — уничтожение виноградников и заводов. По данным Министерства торговли СССР, к 1989 г. было вырублено и раскорчевано 314 тыс. гектаров виноградников (по сведениям, представленным в 1990 г. группой народных депутатов СССР — 364 тыс. гектаров)³⁸, в том числе немало уникальных; перепрофилированы сотни заводов, в результате чего было фактически уничтожено закупленное за валюту оборудование. Результатом было разрушение интеграции производства, превращение многих винодельческих заводов в недееспособные и нерентабельные.

Быстро заменить технические сорта винограда на столовые было невозможно. В итоге производство винограда уменьшилось более чем на 2 миллиона тонн. Из отрасли начался отток кадров, а ее материальные потери составили 21 миллиард рублей³⁹. Поскольку натуральные вина были приравнены к низкопробной «бормотухе», резко ухудшился их ассортимент; особенно пострадали знаменитые марочные крымские вина, а выпуск некоторых из них (мускат белый «Ливадия», «Черный доктор») вообще временно прекратился. Но и то вино, которое продолжали производить в винодельческих регионах СССР, часто не могло попасть к потребителю, т.к.

стеклозаводы прекратили выпуск винных и водочных бутылок.

Повышение цен на спиртное в 1986 г. не решило проблемы, и дефицит алкогольной продукции с неизбежными очередями и спекуляцией дополнился грабительскими коммерческими ценами в государственных магазинах: именно тогда на пустых прилавках появился импортный виски по 80 рублей, при средней советской зарплате в 240 рублей.

Недоступность спиртного и стремление одним скачком создать непьющего советского человека обернулись массовым употреблением всевозможных суррогатов, из которых лосьоны и одеколоны были наиболее «благородными» заменителями. Тогда же появился и характерный анекдот: *«Дайте два "Тройных" и одну "Розовую воду" — с нами дама!»* Но реальность была такова, что в магазинах появились объявления о продаже одеколона с 14 часов и не более двух пузырьков в одни руки.

Другие суррогаты — бытовая химия (вроде клея «Момент» или дихлофоса), лекарственные растворы, антифриз и тому подобные токсичные вещества — вызвали рост числа отравлений со смертельным исходом (только в 1987 г. — 11 тысяч): к врачам обращаться по понятным причинам боялись. К 1988 г. стало отмечаться увеличение количества наркоманов⁴⁰. Вытеснение пьянства из «общественных мест» привело к еще большей концентрации его в домашнем быту, тем более что граждане очень быстро перешли к выделке всевозможных заменителей исчезнувшего продукта.

Государство втягивалось в безнадежную «самогонную войну» с собственным населением. В 1988 г. Госкомстат и МВД вынуждены были признать, что стремительный рост потребления сахара (увеличение закупок в 1986—1987 гг. на 1,4 млн тонн) означал производство самогона на уровне 140—180 млн декалитров, что вполне компенсировало сокращение продажи водки и прочих алкогольных изделий⁴¹. Выявленные случаи самогонварения (в 1985 г. — 80 тыс., в 1986 г. — 150 тыс., в 1987 г. — 397 тыс.) свидетельствовали не столько об успехах органов правопорядка, сколько о повсеместном распространении явления, пресечь которое, особенно на селе, было практически невозможно. В 1989 г. пресса констатировала, что общее количество нарушителей антиалкогольного

законодательства достигло уже 10 миллионов человек, в следующем году их число составляло, по данным Госкомстата, 9,5 миллионов⁴².

Администрация и милиция оказались — иначе и не могло быть — бессильными перед массовым нарушением «трезвых» порядков, растущей и практически открытой спекуляцией и самогоноварением. Эта «отрасль», по мнению одного из крупнейших экономистов страны Л.И. Абалкина, в рекордный срок стала ведущей в сфере теневой экономики⁴³. Общественная поддержка нового курса неуклонно падала, а призванное ее создать и организовать ВДОБТ превратилось в рутинную бюрократическую структуру со штатом в 6 500 человек и бюджетом в 15 миллионов рублей.

Одному из авторов этой книги довелось присутствовать в сентябре 1986 г. в Политехническом музее на выступлении лидеров трезвенного движения, посвященном годовщине его работы. Уже тогда перечисление достигнутых успехов сопровождалось критикой в адрес и самих активистов, не проявлявших должной энергии, и коммунистов, в массе демонстрировавших социальное лицемерие, и прочего населения, ³/₄ которого, как явственно следовало из социологических опросов, по-прежнему считало возможным употребление алкоголя.

Но поставленные перед движением задачи и в тот вечер по-прежнему предлагалось решать с позиций ограждения народа от спиртного: утверждать «зоны трезвости», вводить «безалкогольные дни», «организовать» доставку пьяных домой с соответствующим штрафом и т.д. Начисто отсутствовали сколько-нибудь серьезный анализ исторически сложившейся алкогольной ситуации в стране и стремление ее учитывать — вплоть до того, что введение государственной монополии на водку в 1925 г. объяснялось происками «окопавшихся» в Наркомфине царских чиновников. О любителях выпить на работе предлагалось докладывать в органы народного контроля по «горячему телефону» 119-33-11. Вполне вероятно, что кому-то пришлось на практике познакомиться в подобных проявлениями «общественного мнения».

Претензии к работе ВДОБТ были фактически признаны одним из его руководителей С. Шевердиным, отметившим в журнале «Коммунист» и отсутствие в стране единой концепции противоалкогольной политики, и на-

личие «липовых» «зон трезвости», и бюрократическую заорганизованность движения: *«Чего, к примеру, стоит... "грандиозный" замысел Казахстанского республиканского совета общества по составлению так называемого антиалкогольного паспорта для всех уровней: от трудового коллектива до республики! Над этим "произведением" наверняка пришлось попотеть: только по вертикали он состоял из 440 вопросов! Мудрено ли, что работники некоторых областных советов ни разу за полгода после образования в Казахстане "Общества борьбы за трезвость" не смогли vybrаться в первичные организации?»⁴⁴*

И в других работах одного из главных «трезвенников» появились призывы к изучению положительного и отрицательного исторического опыта алкогольной политики в 1914—1925 гг. Но в деятельности самого Общества эти лозунги не нашли практического отражения, ведь сами его идеологи видели «корни» проблемы преимущественно в ошибочном сталинском курсе на введение водочной монополии.

Нараставшую критику в адрес Общества его руководители были вынуждены признать справедливой. III пленум Центрального Совета ВДОБТ отметил не только формальный рост рядов организации, но и определенный спад ее активности. «Добровольно-принудительное» членство не способствовало складыванию «боевого союза единомышленников». Бюрократический стиль деятельности не выходил из привычного круга административно-пропагандистских мер. Плакатно-газетное осуждение пьянства не подкреплялось соответствующим практическим опытом трезвой жизни и по причине его отсутствия в нужном количестве, и по бессмысленности «внедрения» новых советских обрядов вроде безалкогольных свадоб или «Дня урожая»⁴⁵.

Не оправдали надежд и созданные для содействия власти специальные комиссии по борьбе с пьянством при исполкомах местных Советов. К полной трезвости их члены оказались «психологически не готовы, т.к. многие из них сами не безгрешны. В таких случаях обсуждение пьяниц носит формальный характер. Но даже если принимается решение о штрафе, то штраф в большинстве случаев не взыскивается — никому нет дела, перечислены ли деньги в Госбанк или нет. В бюджете этот вид штрафов бесконтролен, и целевые рас-

ходования его не предусмотрены», — жаловался заместитель председателя общественного совета ДОБС Запорожской области на Украине В.С. Тропешко⁴⁶. Никак не отразилось на деятельности ВДОБТ и знакомство с зарубежным опытом (в частности, с работой общества «Анонимные алкоголики»), несмотря на поездки в США руководства Общества.

Между тем развернувшиеся в стране исследования объективно показали утопичность мер, утверждавших немедленную трезвость в качестве «закона нашей жизни». Эффект кампании оказался непродолжительным, поскольку она строилась на всякого рода запретах, принудительном ограничении производства и продажи спиртного и т.д., что привело к временному уменьшению потребления алкоголя. Однако неблагодарное население быстро приспособилось к новой ситуации. Уже спустя два года показатели одного из главных завоеваний антиалкогольной кампании — снижения смертности — прекратили рост, и наметилась тенденция возвращения к прежнему, до 1985 г., уровню⁴⁷. Вопреки расчетам, не уменьшилось, а возросло количество алкоголиков, в том числе несовершеннолетних; причем прогнозы социологов предполагали увеличение их числа в 2—3 раза. Не радовала и поднымавшаяся на алкогольной почве преступность, как это было и в 1915—1916 гг.⁴⁸

Материалы социологических исследований подтвердили неэффективность решения проблем пьянства традиционными запретительными средствами. Пить действительно стали как будто меньше; но соотношение непьющих, «малопьющих» и «часто пьющих» не изменилось, т.е. качественного сдвига в потреблении спиртного не произошло. Количество сторонников «сухого закона» не увеличилось.

Сохранилось и двойственное отношение к выпивке: 9/10 опрошенных на словах осуждали алкогольные напитки, но почти столько же их употребляли. А вот прямолинейную пропагандистскую деятельность официальных поборников трезвости народ воспринимал достаточно негативно: раздражало пустое морализаторство и то обстоятельство, что многие из них не являлись достойным примером для подражания⁴⁹. К тому же не изменились за годы «перестройки» ни огромная сфера некавалифицированного труда (где низкий социальный статус

людей требовал простого и доступного средства компенсации⁵⁰), ни убогая сфера досуга. Обнаружилось, что административно-идеологический натиск не изменил сложившихся стереотипов поведения: спиртное по-прежнему выполняло, особенно у молодежи, важную роль в налаживании общения.

В российских условиях хронического дефицита бутылка прочно утвердилась и в качестве своеобразного эквивалента неформального экономического обмена: большинство опрошенных искренне полагало, что оказавшему услугу человеку непременно надо «налить» или «поставить»⁵¹. Выводы были неутешительными: *«Большинство (больше 70%) респондентов пока не мыслит своей жизни без алкоголя»*, — а в обществе нет почвы для внедрения безалкогольных традиций и обычаев.

Традиции неизменно оказывались сильнее любых формальных и профессиональных запретов или обходили их. С ними приходилось иметь дело даже в центре отечественной космонавтики, что поразило японского стажера Тоёхиро Акияма: *«...не лучшее впечатление о Звездном — это то, как там пьют. Речь не о количестве, я сам люблю посидеть в компании, хотя, начиная подготовку на космонавта, был настроен на ограничения. Встретился, однако, с проблемой прямо противоположной. В Звездном нет баров или пивных, формально там "сухой закон". Фактически же идет бесконечная череда дней рождений и других домашних праздников. В ритме, который для меня оказался невыносимым... Дошло до того, что я стал уклоняться от приглашений в гости, отговариваясь необходимостью заниматься»*⁵².

Проведенные в разное время и в разных местах опросы однозначно показали снижение популярности антиалкогольных мероприятий. Если в начале кампании ее поддержали 50—60% опрошенных, то в 1988—1989 гг. — 10—20%, а более половины уже не верили в успех⁵³. Эксперты научно-исследовательского центра Советской социологической ассоциации к 1990 г. пришли к выводу о надвигавшейся национальной катастрофе из-за дестабилизации экономики и роста социальной напряженности в обществе, одной из причин которой и послужила развернутая в 1985 г. кампания. По их мнению, устранить самогонный вал и прочие вредные суррогаты можно было только увеличением продажи алкогольных напит-

ков и снижением цен, но не усилением административных репрессий⁵⁴.

Впрочем, подобные оценки и прогнозы (и это характеризует уровень подготовки очередного похода за трезвость) появились уже на излете антиалкогольной кампании, когда ее провал стал очевиден. НИИ МВД только в 1991 г. (!) выпустил в свет методические указания по *«организации изучения общественного мнения по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом»*.

Однако высшее руководство страны намного раньше приступило к корректировке политики под влиянием финансовых трудностей и социального недовольства. Началась она, очевидно, на уровне ведомств: в 1987 г. в материалах майского Постановления ЦК КПСС уже отмечалось увеличение производства вина на предприятиях Госагропрома. В следующем году проблема уже обсуждалась «наверху». Опубликованные в 1989 г. документы Минторга, МВД и Госкомстата, представленные в Политбюро, отличались явно критической направленностью и послужили, как можно догадаться, предлогом для горячих споров в руководстве.

Если верить Н.И. Рыжкову, он и члены Политбюро Л.Н. Зайков и В.И. Воротников еще в 1987 г. выступали за сворачивание скандальной кампании. Председатель правительства вспоминал позднее о «страшном» заседании Политбюро, где ему и его сторонникам пришлось воевать с поборниками жесткой антиалкогольной политики Е.К. Лигачевым и М.С. Соломенцевым при дипломатичном исчезновении с заседания самого Горбачева⁵⁵. В ходе этих боев позиции «трезвенников» постепенно слабели. Но сражались они до последнего. Даже признавая очевидную непродуманность и штурмовые методы отрезвления на XVIII съезде КПСС летом 1990 г., Лигачев по-прежнему заверял, от имени «подавляющего большинства» сограждан, что спиртное *«нетерпимо в жизни нашего общества»*⁵⁶.

Но уже в июле 1988 г. Политбюро постановило «ликвидировать» выросшие до совершенно неприличных размеров очереди, что было явно невозможно сделать без расширения торговли спиртным. Затем «морально-политические издержки» кампании и «нездоровые настроения среди трудящихся» стали основанием для осуждения допущенного «забегания вперед». Поэтому в сентябре того

же года Политбюро решило исправить эту ошибку и обеспечить в 1989 г. производство всех видов питания «в объемах, предусмотренных Постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1985 г.», — что означало увеличение их выпуска после сверхплановых сокращений 1986—1987 гг. Курс на ликвидацию очередей логично привел к разрешению продажи спиртного в обычных продовольственных магазинах, как и было до реформы⁵⁷. В том же сентябре Политбюро покинул и главный инициатор кампании — М.С. Соломенцев.

Одновременно вышло новое, четвертое по счету «Постановление ЦК» о ходе выполнения всех предыдущих постановлений, по-прежнему провозглашавшее верность взятому курсу на преодоление пьянства и алкоголизма и осуждавшее неприемлемые уклоны от него как призывы к введению «сухого закона», так и возможность «культурного» питания.

Но этот документ, в отличие от предыдущих, говорил уже преимущественно не об успехах, а о неудачах кампании. Осуждались и упор на административно-запретительные меры, и созданные на бумаге «зоны трезвости», и поспешное сокращение производства спиртного «со значительным опережением установленных заданий», будто бы эти решения не были инициированы сверху. Досталось и местным партийным организациям за неспособность поднять на борьбу общественность, и прочим органам за рост спекуляции, преступности и наркомагии. ВДОБТ в постановлении даже не упоминалось: на счет возможностей этих борцов никаких иллюзий уже не было. В результате высший орган политического руководства постановил «устранить условия, вызывающие очереди за спиртными напитками», деликатно не упоминая о средствах для достижения этого. А МВД и Минюст с заинтересованными ведомствами, наконец, получили указание изучить опыт длящейся четвертый год кампании и эффективность принятых мер⁵⁸.

Начавшийся закат эпохи борьбы с пьянством привел к постепенному оживлению работы соответствующих отраслей и наращиванию объемов их производства (в млн. декалитров)⁵⁹:

	1988 г.	1989 г.	1990 г.
водка	136,9	179,5	210,0
вино	184,7	204,8	164,8
пиво	564,8	608,1	627,8

С учетом 150 млн. декалитров произведенного самогона (эта цифра теперь впервые была включена в официальную статистику) потребление достигло, в пересчете на спирт, 6,7 л на душу, что, безусловно, превышало дореволюционный уровень, но было еще далеко до нормы начала 80-х гг. Снизилось только производство вина — по изложенным выше причинам, связанным с дезорганизацией всей сферы виноградарства и виноделия. Но для укрепления отрасли в 1989 г. в России было создано государственно-кооперативное объединение по виноградарству и виноделию (Росвиноградпром).

Одновременно с возрождением питейного дела менялась позиция руководства партии и государства в отношении массового отрезвления. Нараставшее расстройство потребительского рынка, дефицит бюджета, утрата монополии партии на политическую деятельность и раскол в ее рядах, начинавшийся «парад суверенитетов» все больше меняли атмосферу в стране. На этом фоне явно провальная и скомпрометированная кампания утверждения «трезвого образа жизни» становилась обузой, от которой следовало быстрее избавиться — и по финансовым, и по политическим мотивам.

Тупик трезвости. В январе 1989 г. на встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры М.С. Горбачев в последний раз (как следует из его опубликованных речей) упоминал о необходимости борьбы с пьянством и «некоторых искажениях в проведении» этой линии, но саму линию признавал правильной.

Последующие выступления и доклады на апрельском пленуме ЦК и Первом съезде народных депутатов СССР каких-либо упоминаний о ней уже не содержали; зато много говорилось о расстройстве финансовой системы и продовольственных трудностях⁶⁰. А через год Горбачев в числе причин разбалансированности потребительского рынка прямо назвал и собственную антиалкогольную по-

литику, чем заслужил горький упрек журнала «Трезвость и культура»: «И ты, Брут?»⁶¹

Дело, конечно, не только в личной позиции главных борцов за трезвость; предстоит еще выяснить, какой по масштабу вклад внесла эта антиалкогольная кампания в дело дискредитации советского строя. Можно спорить и о размерах нанесенного экономике ущерба: цифры, приводимые в последние 10 лет в разных трудах и средствах массовой информации, порой значительно различаются.

Новый министр финансов В.С. Павлов в сентябре 1989 г. на прямой вопрос народных депутатов будут ли проводиться и какие именно в 1990 г. антиалкогольные мероприятия — ушел от прямого ответа, но сообщил, что содержание наркологических учреждений обходится казне в 800 млн. рублей. Он же заверил: пить по-прежнему будут меньше, чем в 1984 г.; производство водки останется на уровне 1989 г. (фактическое положение см. в приведенной выше официальной статистике), а $2/3$ бюджетных потерь от кампании (67 из 91,8 млрд. рублей) будет компенсировано повышением цен⁶². В том же году завершилась карьера «отца» антиалкогольной кампании Е.К. Лигачева.

Окончательным «закрытием» борьбы за трезвость стали отмена в 1990—1991 гг. всяких дотаций учреждений ВДОБТ и местных органов власти, упразднение комиссий по борьбе с пьянством и алкоголизмом⁶³. Но тяжелые для трезвенного движения времена наступили уже в 1988 г., когда достаточно четко обозначилась смена правительственного курса. Одновременно с поворотными решениями о ликвидации очередей в адрес ВДОБТ было направлено специальное постановление Секретариата ЦК КПСС (от 26 октября 1988 г.), обвинявшее «трезвенников» в формализме, бюрократизме, нарушении принципа добровольности при зачислении в Общество и тому подобных грехах. Обвинения были вполне заслужены, но не Горбачеву со товарищи было выступать в качестве обвинителей; однако ВДОБТ оказалось удобным «козлом отпущения», т.к. возразить на критику не могло.

Отдел организационно-партийной работы ЦК вынес ему приговор: с ослаблением запретительных мер Общество так и не сумело стать авторитетной организацией и подлежало перестройке на основах самодеятельности и самоуправления при сокращении наполовину управленческого аппарата и обновлении руководства⁶⁴. Справед-

ливости ради надо признать, что в конкретных условиях начала антиалкогольного «похода» Общество едва ли могло быть иным. Полуофициальные структуры ВДОБТ и комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом отчасти напоминали столь же казенные попечительства о народной трезвости начала XX в. с их назначенными на должности членами и правовой неопределенностью.

Надо отдать им должное: усилиями настоящих борцов за трезвость были созданы сотни клубов и реабилитационных центров, разработаны методики лечения и курсы подготовки специалистов. Но трезвенники 80-х гг., в отличие от своих предшественников, не сумели основать подлинно массовое движение и тем более организовать сколько-нибудь заметное политическое давление на правительственную политику; однако, принимая во внимание все развитие «советской демократии», это едва ли было возможным.

И все же удар был тяжелым — тем более что как раз в это время уже был накоплен известный опыт и развернулись серьезные исследования комплекса социальных и медицинских проблем пьянства и алкоголизма. Нелегким было и осмысление опыта работы самого Общества в новых условиях, когда «рейды» по выявлению пьяниц, конкурсы антиалкогольных плакатов и ограничительные меры в торговле оказались несостоятельными. Пришлось признать отсутствие ясной и продуманной перспективы действий — и у самого Общества, и у инициировавшей шумную кампанию власти: проект общесоюзной комплексной программы профилактики и преодоления пьянства и алкоголизма до 2000 г. так и не стал реальностью.

Изменился и тон «трезвенных» изданий: теперь оказалось, что *«у каждого народа сложились вековые традиции отношения к различного рода наркотикам, в том числе определенные питейные традиции — такие же, как традиции еды, застолья, одежды, жилья и пр. Поломать такие традиции в одночасье — все равно, что приказом заставить людей перейти с русского языка на итальянский»*. — Появились сомнения: мыслим ли «сухой закон» в стране, *«где едва ли не каждый десятый, если не каждый пятый взрослый — либо алкоголик, либо горький пьяница, а еще три пятых, т.е. подавляющее большинство — "умеренно пьющие" и наливающие, не представляющие себе жизни без "обмывания" всевозможных жизненных ситуаций»*⁶⁵.

Отказ от идеи «внедрения» полной трезвости приводил к пониманию того, что на место краткосрочных кампаний с предписанными заранее сроками и успехами должна прийти длительная, в расчете на несколько поколений, терпеливая работа по вытеснению пьянства из повседневной жизни в связи с решением многочисленных социальных проблем; что такое общественное движение *«должно рождаться естественным путем — на демократической основе и прежде всего с помощью народной инициативы. Ведь были у нас и до 1985 года многочисленные клубы трезвости, общества бывших больных алкоголизмом, психотерапевтические сообщества»*⁶⁶.

Наконец, реалистический подход к антиалкогольной политике заставлял признать, что сдвиг в образе жизни миллионов людей и утверждение иных представлений требуют соответствующих затрат: на развитие сферы досуга, системы медицинского обслуживания, рекламу трезвого образа жизни, социологические исследования и т.д.⁶⁷

Идейная перестройка, как и отказ от многих сложившихся принципов «советской» общественной деятельности, давались нелегко. На страницах журналов и газет появились материалы сторонников и противников антиалкогольного движения, хотя порой подобные споры производили впечатление диалога глухих:

«...Алкоголь в любой самой маленькой дозе есть самое настоящее зло... В России запрещение производства и продажи спиртных напитков было введено в 1914 г., продолжало действовать до 1925 г. ...То, что еще недавно казалось утопией, стало действительностью, притом повседневной, почти привычной... Думается, что сама история указала правоту сторонников "сухого" закона, трезвого образа жизни».

«Есть противоалкогольный указ, который давно стал ширмой для прикрытия бездеятельности и спекуляции и еще есть подорванная антиалкогольной кампанией, как и другими ошибками, наша экономика и процветающий водочный бизнес. И все это, вместе взятое, создает очереди, где стоят советские люди, доведенные до озверения»...⁶⁸

Плюрализм появившихся взглядов на проблему эффективно дополнялся предвыборной программой В.В. Жириновского, пообещавшего немедленно снизить цены на водку...

Споры о принципах и тактике привели в итоге к расколу некогда единого Общества трезвенников. Уже в конце 1988 г. появился «Союз борьбы за народную трезвость» во главе с Ф. Угловым и В. Ждановым, а в журнале «Трезвость и культура» было опубликовано «Открытое письмо» оппозиции новым веяниям в Обществе. Его руководство, вместе с политиками более высокого уровня, обвинялось в совершении *«проалкогольной антитрезвеннической контрреволюции»* и несоответствии *«трезвенническому критерию патриотизма»*, включавшему, в числе прочих составляющих, *«раскрытие подлинных фамилий алкоголизаторов»*, начиная с 1917 г., и осуждение *«сионократического клана брежневщины»*.

Программа «Открытого письма» предусматривала самые жесткие меры против «врагов отрезвления» (восстановления декрета СНК от декабря 1919 г., 5-летнего тюремного заключения за самогоноварение, перезахоронения с Красной площади тела Брежнева), запрещение кефира, поголовные талоны на сахар и... распределение дефицитных управленческих должностей строго на основе *«равновесного, справедливого и пропорционального представительства»* национальностей, наиболее пострадавших от *«алкопожара»*⁶⁹. Полемика завершилась к концу 1990 г. расколом и редакции «Трезвости и культуры»⁷⁰.

Противники столь радикально-патриотического курса пытались перестроить работу Общества на иных началах. Во главу угла была поставлена подготовка общественного мнения с учетом возраста, пола, национальных традиций, степени алкогольной зависимости людей, не допуская по отношению к ним административного нажима и унижения человеческого достоинства, как заявлялось на его II Всесоюзной конференции в конце 1990 г. В феврале 1991 г. обновленное Общество (теперь оно называлось «Всесоюзное общество трезвости и здоровья») получило свидетельство о регистрации своего устава.

Распад СССР внес в этот процесс свои коррективы. На III конференции ВОТиЗ было преобразовано в «Международную лигу трезвости и здоровья — союз равноправных обществ». В новых условиях прежняя централизация общественных инициатив была уже, к счастью, ненужной, и поэтому наряду с Лигой в 1991—1992 гг. стали действовать Всесоюзное объединение «Оп-

тималист», ассоциации «Наркология» и «Возрождение», Православное братство «Отрада и утешение», Московское объединение «Трезвость», «Движение последователей брата Иоанна Чурикова» и иные организации.

И преобразованным, и новым трезвенным организациям приходилось начинать работу в нелегких условиях. Прежний размах был им уже не под силу. Не имела последствий попытка журнала «Трезвость и культура» выдвинуть в 1990 г. законопроект конституционной нормы, запрещающей любую деятельность, связанную с *«изготовлением, распространением, пропагандой потребления алкогольных изделий, наркотических и других дурманящих веществ»*. Без ответа осталось и открытое письмо трезвенников Президенту СССР, опубликованное летом того же года. Аналогичная судьба постигла и переданную в Верховный Совет СССР Госкомитетом по науке и технике и Минздравом СССР программу формирования здорового образа жизни.

Созданные когда-то в духе властных указаний местные отделения бывшего ВДОБТ рассыпались, оставляя нередко лишь единицы действительно заинтересованных делом людей; серьезно скомпрометированной оказалась и сама идея, тем более что на волне свободы печати на «трезвенников» часто сваливали все грехи скороспелой кампании, развернутой совсем не ими. К сожалению, в этом хоре с достойной лучшего применения искренностью звучали голоса тех, кто своей властью и авторитетом санкционировал в свое время «поход» за трезвый образ жизни.

С цифрами в руках подвел экономический итог завершившейся борьбы за трезвость бывший премьер Рыжков: *«Смысла в кампании этой бездарной никакого изначально не было и после не появилось»*. А.Н. Яковлев не менее авторитетно отозвался о более близкой ему идейно-политической сфере: *«Не будем касаться материальных потерь — о них уже много сказано. Но разве в процессе развернутой административной вакханалии наше общество стало морально лучше, чище? Да ничего подобного! И самогоноварения стало куда больше, и наркомании, и токсикомании, и спекуляции развелось невпроворот. И организованная преступность заработала на этом колоссальные средства, по сути, организованно встала на ноги»*⁷¹.

Еще один «специалист по идеологии» из команды Горбачева и бывший секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев теперь уверен, что им же пропагандируемая в свое время кампания *«никак не соответствовала духу перестройки, носила принудительный, нажимной характер по формуле: цель оправдывает средства»*⁷². А сам бывший генеральный секретарь в одном из выступлений весело и с присущим ему профессиональным демократизмом рассказывал анекдот о себе, любимом: *«Пришел мужик за водкой, а там очередь. Час стоял, два стоял — невмоготу стало. Обругал Горбачева последними словами и вызвался его "порешить". Однако очень скоро вернулся: оказалось, что там очередь еще длиннее»*⁷³.

Каждая из приведенных оценок имеет свой смысл, как и вывод того же Яковлева об отсутствии нравственности в политике, применительно к тем, кто ныне не без юмора отзывается о собственных деяниях, в благотворности которых недавно убеждал всю страну. Давно забытый ныне И.И. Полозков, например, в числе группы народных депутатов гневно клеймил практику выкорчевки виноградников и разгром виноделия в России⁷⁴, будто и не он вовсе в чине первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС громил в те годы эту отрасль.

Но что спрашивать с подчиненного? Его начальник в претендующих на известную академичность мемуарах уже писал, что сама инициатива антиалкогольной кампании принадлежала вовсе не ему и даже не возглавлявшемуся им Политбюро, а некоей «общественности»; что ему очень мешало «неуемное рвение» Лигачева и Соломенцева; что, наконец, *«полезное и доброе начинание»* загубили нерадивые чиновники *«на стадии исполнения»*, а сам автор если в чем и виноват — то лишь в *«отчаянной занятости»*, помешавшей, на беду, их проконтролировать. Впрочем, лучше поздно, чем никогда: в 2001 г. Горбачев, можно думать, вполне искренне поведал: *«Русский человек становится откровенным только со стаканом или рюмкой. Антиалкогольная кампания позади, и я могу выпить»*⁷⁵.

С другой стороны, от лица трезвенников-экстремистов, раздаются хвалы в адрес отошедшей в прошлое кампании, сохранившей, их мнению, миллион человеческих жизней и повысившей на 1% производительность труда. Данные о бюджетных потерях от неумеренной борьбы

объявляются «беспардонной ложью», а в провале всей кампании обвиняются злобные враги трезвости в лице партийных чиновников и «алкогольной мафии»⁷⁶. Оценивая вышеизложенные позиции, поневоле приходится подтвердить расхожую истину: история мало кого учит — но зато хорошо проучивает.

Впрочем, и настоящие борцы еще не перевелись. Всероссийское общество трезвости и здоровья действует и продолжает бороться с пьянством. После ухода номенклатуры остались настоящие трезвенники-энтузиасты, испытывающие новые методы лечения алкоголизм, издающие свою газету «Пробуждение», проводящие конференции.

Цена питейной свободы. Независимо от запоздалых признаний политиков и функционеров, алкогольный «прорыв» ослабшей системы запретов был предreshен. Однако крах майских решений 1985 г. означал не только очередной ошибочный шаг — он нанес мощный удар по всей системе.

Попытка одним ударом срезать акцизы и вздуть расходы привела к бюджетной катастрофе. Криминальные структуры в короткие сроки окрепли и накопили стартовые капиталы для дальнейших подвигов. Миллионы вполне законопослушных граждан приобрели неизгладимый опыт сознательного нарушения закона, поскольку, даже если сами не гнали самогон, то покупали его или добывали спиртное из-под прилавка. Почти столь же массовым и еще менее искоренимым стало коррумпирование милиции. Вышла из подполья и быстро усилилась наркомания со своими страшными последствиями.

Сильнейшее воздействие оказала кампания и на общественные настроения: глупость начальственных распоряжений и стояние в очередях воспитывали устойчивое презрение к власти. В результате советский строй в сжатое время получил набор несовместимых с жизнью порождений, без которых он едва бы смог скончаться так спокойно в 1991 г.

С начала 1991 г. отступление имело еще вполне «ограничительный» с виду облик поголовной «талонизации». Практиковалась она в отдельных местах еще в период кампании, хотя официальной прессой и осуждалась: ведь заветный разрешительный документ на спирт-

ное вручался лучшим производственникам и вообще достойным людям, приобретая, таким образом, неожиданное значение награды.

Но теперь речь шла уже не об исключениях: все население, включая малолетних и бабушек (тут же сбывавших свои талоны по сходной цене), получило гарантированное право на получение 1 бутылки дефицитной водки в месяц при условии предоставления взамен пустой тары, с которой также возникли серьезные проблемы по причине остановки соответствующего производства. Торговля вином предполагалась без всяких ограничений. Затем в борьбе с очередями начались и другие послабления для удовлетворения спроса, которыми, например, порадовали москвичей весной 1991 г.:

«На один талон разрешается приобрести одну бутылку водки емкостью 0,5 или 0,7 или две бутылки емкостью 0,33 литра. А вот торговля винами по "водочным" талонам совершенно недопустима: эти напитки должны быть в свободной продаже. Придя с талонами в магазин, не забудьте захватить пустую бутылку: торговля спиртным без одновременного возврата стеклотары разрешена только по случаю похорон.

Увеличено количество бутылок водки (20 вместо 10), которые можно будет приобрести на свадьбу. Столько же предусмотрено на похороны... Столько же бутылок, но не только водки, в том числе наливок и настойки, разрешено приобрести к юбилейным датам... По просьбе ветеранов, инвалидов, участников Великой Отечественной войны и других лиц, имеющих льготы в обслуживании, к празднику 9 мая будет продана дополнительная бутылка водки (помимо той, что положена по талону)... Предприятиям общепита (кроме диетических и студенческих столовых) предписано организовать торговлю вино-водочной продукцией в розлив, будут также открыты рюмочные...»⁷⁷

Продолжалось и устойчивое наращивание темпов выпуска водки по России (СССР к тому времени распался, и поэтому сводные данные отсутствуют): с 138 млн. декалитров в 1990 г. до 154 млн. в 1991 г.⁷⁸ Некоторое сокращение производства в 1992 г. (151 млн. декалитров) не должно обманывать: в условиях начавшегося в стране спада производства только эта отрасль его избежала.

Окончательно открылся кран алкогольного потока, когда усилия нового правительства по либерализации экономики привели к отмене государственной монополии на производство и продажу спиртного согласно указу президента от 7 июня 1992 г. Этот решительный шаг, подобный столь же крутому повороту 1863 г., способствовал росту цен, открыл дорогу новым производителям внутри страны и положил начало массовому притоку на российский рынок при мизерной поначалу пошлине всевозможной иностранной продукции, сразу же расцветившей прилавки и сомнительных палаток, и самых престижных магазинов.

Впервые за много лет вновь открылись специализированные магазины, в свободной продаже появились давно забытые первоклассные армянские коньяки, грузинские, молдавские, крымские марочные и даже коллекционные вина — для тех, кто был в состоянии платить (по ценам 1994 г.) 80—100 тыс. рублей за бутылку редкого вина. Началась конкуренция и в водочной сфере: знаменитый московский завод «Кристалл» освоил выпуск новых сортов: «Привет», «Звезда России», «Маросейка».

Как и в других отраслях экономики, на волне приватизации осуществлялись смелые аферы. В настоящее время продолжается судебная тяжба: идет война за 43 самые известные водочные марки («Столичную», «Московскую», «Лимонную», «Русскую» и т.д.) Продвигавшее их на мировые рынки ВВО «Союзплодоимпорт», принадлежавшее, как и сами эти товарные знаки, государству, путем целого ряда преобразований превратилось в частную компанию «ЗАО Союзплодоимпорт»; а все документы по этому деликатному вопросу, начиная с 1990 года, оказались неведомым образом утрачены. В результате этой операции государство потеряло контроль над использованием знаменитейших марок «Столичная» и «Московская», оказавшихся во владении новых собственников.

Недавно «Роспатент» перерегистрировал эти товарные знаки на Министерство сельского хозяйства России по постановлению Высшего арбитражного суда, признавшего цепочку действий вокруг «Союзплодоимпорта» незаконной. Но руководство ЗАО, купившего эти товарные знаки и владевшего ими до 26 октября 2001 г., с этим не согласилось, грозило подать в суд и пожаловаться лично В.В. Путину, о чем заявил глава компании Андрей Ску-

рихин. Сторонам есть из-за чего спорить: по оценкам специалистов, стоимость брэнда одной только «Столичной» составляет от 200 до 600 миллионов долларов⁷⁹.

Другой пример связан с фамилией некогда знаменитого «поставщика двора» Петра Арсеньевича Смирнова. Один из членов этого рода, Б.А. Смирнов, учредил в 1991 г. малое предприятие «П.А. Смирнов и потомки в Москве». К сожалению, возрождение традиций в данном случае обернулось еще одним скандалом. Как оказалось, скончавшаяся вместе с национализацией после 1917 г. и возрожденная наследниками Смирнова в Польше фирма еще в 1939 г. была приобретена американской корпорацией «Heublein, Inc».

Против предприимчивого родственника выступили другие представители фамилии с не менее патриотическими заявлениями, что только при участии этой корпорации можно возродить на территории нашей страны производство популярнейших во всем мире спиртных напитков: *«Мы верим, что проект фирмы Heublein, Inc., предусматривающий крупные капиталовложения в совместный выпуск "Смирновской" водки в России, будет полезным для нашей страны и послужит еще одним примером взаимовыгодного вложения иностранного капитала в нашу экономику и поможет ускорить производство всего того, что так необходимо нашему народу...»*⁸⁰.

Тем не менее, новая фирма не сдалась, наладила выпуск «Столового хлебного» в Магнитогорске, а затем и в Подмоскowie. Два наших суда уже признали российских производителей единственными преемниками торговой марки. Но и соперники не складывают оружия. Осенью 2001 г. из-за «Смирнова» пострадало около 30 магазинов Екатеринбурга: неизвестные громили витрины и покрывали стены магазинов угрожающими надписями, угрожали продавцам и руководству магазинов. В результате в сентябре владельцы многих магазинов Екатеринбурга были вынуждены отказаться от торговли «Смирновской». В компании «Альфа-Эко», контролирующей «Торговый дом потомков П.А. Смирнова», назвали *«подобные методы конкурентной борьбы беспредельными»* и пообещали противодействовать им *«по всей строгости закона»*. Воюет компания и на другом фронте — против производства конкурирующей водки «Smirnoff» на заводе «Ливиз».

Подобные конфликты отражают весьма серьезную проблему: на огромных прибылях от алкогольной продукции очень быстро вырос целый слой людей и капиталов, отчаянно борющихся за место. Появились организации (подобно Национальному фонду спорта), получившие право ввозить спиртное беспошлинно. Еще одной проблемой стали экспортные махинации в российской алкогольной промышленности. В свое время, чтобы помочь ликероводочным заводам «закрепиться» за рубежом, правительство освободило их от уплаты НДС и акцизов. В результате литр экспортного спирта стал стоить в 2,5 раза дешевле, чем на внутреннем рынке; разница попадала к тем, кто вовремя сообразил, как делать «липовые» контракты и сбывать незаконно закупленный алкоголь.

Продукцию «старых» фирм потеснил и поток экзотических новинок, учитывающих, в числе прочего, бескрайний российский политический плюрализм. На одном прилавке встречались нейтральная «Женьшеневая», казачий «Есаул», непримиримые «Белогвардейская» и «Красногвардейская», лихой напиток «Жириновский» и высокотехнологичная водка «Русская», которую гонят и очищают через особые фильтры на «замороженной» при строительстве Нижегородской атомной электростанции.

В галерее современных «звезд», увековеченных на водочных этикетках, можно найти не только уже примелькавшегося Жириновского, но и «фармацевта»-депутата Брынцалова, модного художника Никаса Сафронова, певца Михаила Шуфутинского. В «историческом» списке — «Суворов», «Кутузов», «Адмирал Ушаков», «Нарком» (с портретом Клима Ворошилова), «Чайковский», «Владимир Мономах» и «Батька Махно».

Недавняя и хорошо памятная старшим современникам политграмма вернулась в ностальгических названиях: «Что делать?», «Кто виноват?» и «Шаг вперед, два шага назад». Потомки уже дождались игристого «Ленин» и водки «Святой Николай» с портретом... императора Александра III. Изобретательность водочных мастеров порой находится на грани кощунства, что вызвало даже возражения «Роспатента» по поводу бутылок с названиями «Исповедальная» или «Причастие».

На российский рынок прорвались «Абсолют», «Смирнофф», «Финляндия». Однако для рядового рос-

сийского потребителя куда более серьезной проблемой оказалось не утверждение на российском рынке продукции под маркой «Смирнофф», шведского «Абсолюта» или известных марок виски (типа «Бэллентайн») — это престижная продукция для людей с достатком. Но вслед за изделиями почтенных фирм на неизбалованных изобилием соотечественников буквально обрушился поток всевозможных ярко упакованных напитков с псевдорусскими названиями: «Rasputin», «Pushkin», «Petroff», «Ekaterina», «Jelzin» и т.д. Очень быстро, с учетом умеренной цены и «убойной силы», лидером среди популярных импортных напитков стал спирт «Royal», в огромном количестве закупувавшийся и заполнявший торговую сеть. Под завлекательными этикетками, как правило, пряталась далеко не первосортная продукция, содержащая посторонние примеси, особенно если товар являлся фальсификацией, изготовленной где-нибудь в Польше в расчете на нетребовательный «российский стандарт»⁸¹.

Впрочем, промышленным способом успешно стали подделывать и российские напитки: фальшивая «Столичная» в миллионах бутылок с фирменными этикетками одной только чешской казне нанесла ущерб в сотни миллионов крон⁸². Но в данном случае подделка хотя бы была сделана на достаточно высоком уровне. По мнению сотрудников московской санэпидемстанции, если система контроля качества импортных алкогольных напитков достаточно надежна, то из 100 образцов отечественной продукции 55 не соответствуют медицинским требованиям⁸³.

Для наших потребителей и сейчас представляют опасность отечественные производители, ринувшиеся в прибыльную отрасль. Только за 1993 г. в России появилось около 150 новых алкогольных предприятий (получить лицензию на выпуск водки было нетрудно)⁸⁴, многие из которых, не обремененные опытом и современной технологией, гнали и разливали сомнительную жидкость под фирменным названием «водка». Российскую продукцию на рынке теснили вместе с заморской украинские, белорусские, кавказские аналоги гораздо худшего качества. Либерализация рынка вывела из-под государственного контроля как многочисленных производителей алкогольной продукции, так и ее реализаторов. В результате в 1995 году доходы теневого бизнеса здесь достигали 3 млрд долларов.

Но самое страшное — никем не учтенное и не контролируемое «самопальное» производство. Милиция периодически обнаруживает целые подпольные цеха по изготовлению фальсифицированной водки. При предельно простой «технологии» (ведро не всегда питьевого спирта, два ведра воды, элементарная очистка), их продукт внешне не отличается от государственного: дельцам нетрудно обзавестись стандартными заводскими этикетками и станками для фабричной закупорки бутылок. Но именно эта «водка» и дает наибольшее количество отравлений из-за наличия опаснейших ингредиентов; порой в крови пострадавших находят ацетон, изопропиленовый или метиловый спирт и подобные вещества.

В 1991 г. от отравления алкоголем в России умерло 17 тысяч человек, в 1992 г. — 25 тысяч; с тех пор этот показатель не снижался. Совсем недавно главный государственный санитарный врач России Геннадий Онищенко заявил на пресс-конференции, что в 2001 году в России от употребления некачественной алкогольной продукции умерли 27 тысяч человек — причем *«не алкоголики, а те, кто выпил плохой спиртосодержащий напиток»*⁸⁵.

Периодика сообщает, что, по данным проверок, 30—50% — а то и более — напитков из коммерческих торговых точек не соответствует их наименованиям (естественно, прежде всего речь идет о наиболее доступных по ценам отечественных водках и крепленых винах); но их все равно пьют, поскольку для массового потребителя цена, а не качество по-прежнему имеет решающее значение. При отсутствии сколько-нибудь надежного контроля за качеством «пития» приходится уже публиковать в прессе специальные инструкции по технике безопасности для пьющих в духе и стиле эпохи:

«...на всякий случай не допивайте бутылку до дна, чтобы можно было при необходимости сделать анализ этого напитка. Ведь если точно знать, чем именно вы отравились, вас легче будет спасти».

При подозрении, что водка сделана из метилового спирта:

«Ее нюханьем и лизаньем не распознаешь. Журнал "Химия и жизнь" советует каждому пьющему... носить в кармане медную проволочку. Сели вы, значит, над речкой в кустах, расстелили газету, откупорили пузырь и вот тогда-то вытаскиваете проволочку — по-

годь, мужики! — раскаляете зажигалкой и погружаете в наполненный стакан. Ежели есть метиловый спирт — резко пахнет формалином — моргом... Если можете — не пейте, выливайте и молитесь Богу — пронесло!

Специалисты насчитали 16 способов определения подделок — и ни один не признается ими стопроцентно надежным. Подобного же рода рекомендации о степени риска употребления спиртного в России публикуют у себя и практичные иноземцы, знакомые с отечественным гостеприимством и сервисом⁸⁶.

Помимо легальной и нелегальной внутренней конкуренции, российское водкоделие получило и еще один удар, поставивший отрасль в крайне тяжелое положение. В конце 1993 г. решением правительства и без того высокая ставка акцизного налога была поднята: на водку — с 85% до 90%, на ликеры и настойки — с 75% до 90%. В итоге отпускные цены на эти товары (без торговых надбавок в размере от 15 до 60%) увеличились в 1,5—2 раза, а на многих заводах производство водки было снижено на 80% в связи с отсутствием спроса из-за недоступной цены⁸⁷.

В газеты пошли потоки писем возмущенных такой несправедливостью граждан, и пресса дружно поддержала традиционное российское производство: и подсчетами возможных убытков, и призывами к патриотическим чувствам государственных мужей: *«Русская водка должна получить особый статус у себя на родине. Охраняться государством. Как памятник старины или национальный символ»*⁸⁸. В защиту доходно-патриотической отрасли народного хозяйства выступили руководители ликеро-водочных заводов России.

Выступавшие были единодушны: отступать некуда, поскольку даже в годы Великой Отечественной войны производство водки не прекращалось, а теперь она оказалась невостребованной на отечественном рынке. *«Ленинград выдержал 900 дней блокады. Но, боюсь, эти 90 дней после нового акциза нам уже не выжить...»* — проводил историческую параллель директор Санкт-Петербургского ликеро-водочного завода Ю. Никулин. Его коллеги доказывали, что увеличение акциза до 90% нанесло гораздо больший ущерб, чем печально известный указ 85-го года, и вместо предполагаемого увеличения поступлений в федеральный бюджет государство недопо-

лучит огромные суммы; для изготовления водки уже давно используется синтетический спирт, а прибыль отечественных водкоделов уже стала в 200 раз меньше реализуемой цены. Раздавались и более громкие фразы: геноцид, предательство русского рынка, вредительство...⁸⁹

Тогда директорский корпус отрасли поставил власть перед выбором: если государство не перекроет поток импортного алкоголя, оно лишится отечественного. Правительство дрогнуло и в феврале 1994 г. снизило акциз на ликеро-водочные изделия до 85%, обложив ввоз крепкого импортного зелья (спирта, водки, виски, рома, ликеров) пошлинами в размере 200—400%⁹⁰ (сравним с 25—80% января 1993 г.). Несомненно, что помимо патриотических чувств, при принятии этого и последующих решений имели место вполне трезвые расчеты: компенсировать потери от катастрофического сокращения государственных доходов в результате либерализации «государева кабацкого дела» при отсутствии квалифицированной контрольно-налоговой службы: их питейная доля (12—13% доперестроечного бюджета) превратилась в 1993 г. в 2,8%⁹¹.

Уже с начала 1993 г. Комиссия по бюджету, планам, налогам и ценам Верховного Совета России начала разработку проекта закона «О государственной монополии на алкогольную продукцию». Первый вариант будущего закона предусматривал крутые меры, почти возвращение к порядкам 1985 г. Против идеи жесткого государственного регулирования выпуска и продажи спиртного резко выступил Антимонопольный комитет, но 11 июня 1993 г. президент Б.Н. Ельцин все же подписал указ «О восстановлении государственной монополии на производство, хранение, оптовую и розничную продажу алкогольной продукции».

Указ предусматривал появление нового контрольного органа — Государственной инспекции по обеспечению государственной монополии на алкогольную продукцию при Правительстве Российской Федерации. Согласно появившемуся лишь в сентябре 1994 г. правительственному постановлению, любая торговля своими и заморскими напитками должна была производиться исключительно на основании лицензии, продавать их лицам до 18 лет запрещалось, нельзя было торговать ими ближе 500 м от учебных и детских учреждений. Продавец же обязывал-

ся «в наглядной и доступной форме» ознакомить покупателя по его требованию со всей необходимой документацией на свой товар и с его «потребительскими свойствами»⁹².

Вслед за тем в 1996 г. правительство попыталось поставить преграду на пути дешевого импортного пойла: была установлена высокая цена за импортную водку (44 тыс. руб. за литр по ценам до 1999 г.). Было установлен и «Временный порядок изъятия, конфискации и использования алкогольной продукции и этилового спирта, находящихся в незаконном обороте»: подразумевалась продукция без лицензии, сертификатов соответствия и маркировки акцизными марками.

С 1 января 1997 г., согласно еще одному постановлению правительства, запрещался ввоз на территорию России этилового спирта и водки без лицензии, что вызвало известный кризис на границе с Грузией, откуда поступал спирт на десятки легальных и нелегальных заводов Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Ингушетии. Мораторий на ввоз спирта из-за границы лишил теневиков былых возможностей. В итоге их совокупный доход упал.

В 2000 г. было создано Федеральное государственное унитарное предприятие «Росспиртпром». Правительство передало в его ведение все находившиеся в федеральной собственности акции предприятий спиртовой и ликероводочной промышленности. 18 заводов — государственных унитарных предприятий — были преобразованы в филиалы «Росспиртпрома»; всего же новая структура владеет акциями (от нескольких процентов до контрольного пакета) более 200 заводов. Росспиртпром, таким образом, сейчас является крупнейшим производителем спиртовой продукции; под его контролем находятся такие известные производители водки, как московский завод «Кристалл», иркутский «Кедр», самарский «Родник», до 80% отечественного производства спирта и 60% ликероводочных изделий. Определена и процедура выделения квот на спирт, т.е. сделан первый крупный шаг в воссоздании государственного контроля над отраслью.

Насколько эффективны эти меры, статистика покажет позже. Пока же ясно, что алкогольный рынок по-прежнему далек от совершенства. Цены на спиртное все так же идут вверх.

Понятно, что необходимо беспокоиться о поддержке отечественных производителей, которые вправе рассчитывать на поддержку государства: оно путем налогового регулирования может доходчиво «рекомендовать» гражданам отказаться от импортных напитков и отдать предпочтение родным водке и вину. Но, к сожалению, у нас пока еще не слишком много цивилизованных производителей. К тому же у нас нет убежденности в том, что страна достигла того уровня перепроизводства хороших и разных напитков, при котором насыщенный рынок может отторгнуть низкосортную продукцию как отечественного, так и импортного происхождения.

Поднятая в 1992 г. «алкогольная волна», похоже, и не собирается спадать: россияне стали больше пить и меньше есть. По данным всероссийского опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 1995 г., 65% соотечественников от 16 лет и старше более или менее регулярно употребляли именно крепкие напитки: водку, коньяк, ликеры. Больше других пили кадровые военные, рабочие и сельские жители, их руководители и «новые русские» — т.е. те, кто испытывает сильные психологические перегрузки, и те, кому уже нечего терять⁹³.

В 1992 г. стоимость спиртных напитков существенно отстала от цен на другие потребительские товары и продукты: водка стала в 2 раза дешевле колбасы (в 1984 г. соответственно в 2 раза дороже). Это, наряду с другими причинами, вызвало резкий рост потребления спиртного. По подсчетам социологов и демографов, абсолютный алкоголь, выпитый в России в 1992 г., составил как минимум 14 л на человека, практически достигнув отметки 1984 г. (14,2 л); т.е. на взрослых мужчин приходится около 80—90 л (в среднем почти по бутылке водки через день)⁹⁴.

Если эти расчеты правильны, то Россия уже вышла на первое место в мире и обогнала не только традиционного лидера — Францию (11,9 л чистого спирта), но и недавно «обошедшую» ее Германию (12 л на душу)⁹⁵. Наше «превосходство» над Европой усиливается за счет низкого качества питания и описанной выше манеры потребления, тогда как среднестатистический немец ежегодно выпивает 140 л пива, 27 л вина и только 10 л напитков покрепче.

В современной России стали и хуже закусывать: потребление мясных продуктов сократилось до уровня

1960 г., рыбы и рыбопродуктов — до уровня 50-х гг. По данным Центра экономической конъюнктуры, средняя российская семья тратила на алкогольные напитки в 1993 г. 3,8% своего бюджета: от 1,5% в Северной Осетии до 7,7% в Башкирии⁹⁶. По официальным данным Минэкономки и «Росалко», в 80-х гг. в России выпивалось 240—250 млн. декалитров; к концу 90-х гг. этот объем увеличился до 270 млн.; но точных оценок рынка водки с учетом нелегального производства и самогонварения не существует. По данным компании «Business Analytica Europe Ltd». (специализируется на исследованиях в области потребительского рынка), у нас выпивается порядка 400 млн. декалитров водки в год; при этом с самогонном успешно конкурирует дешевая подпольная водка, занимавшая 70% водочного рынка⁹⁷; до кризиса 1998 г. бутылку такого продукта можно было купить за 10 руб.

Но и самогон, особенно на селе, прочно удерживает позиции. Сотрудники НИИ наркологии Минздрава РФ при участии социологов ВНИИ МВД в трех типичных областях страны — Воронежской, Нижегородской и Омской — выбрали по 25 типичных сельских семей, еженедельно посещая которые, фиксировали рассказы о том, кто, где, с кем и сколько выпил. Выяснились: до 90% современных крестьян предпочитают самогон напиткам заводского изготовления, поскольку он значительно дешевле (стоимость собственноручно изготовленной поллитровой бутылки составляет около 12 рублей, а покупной — 18—20); к тому же 70% образцов исследованного самогона по качеству не уступают бренди, виски, граппе и другим аналогичным напиткам заводской выделки. Однако получилось, что в целом за год деревня выпивает меньше, чем принято считать: около 7 литров на душу в пересчете на чистый спирт, а не 13, как полагали эксперты⁹⁸. Указанная разница явно свидетельствует: сейчас в стране ни у медиков, ни у компетентных органов нет четких представлений о том, кто, как и сколько пьет в современной России.

Бурный прорыв недавних «трезвенных» канонов поведения, широкая реклама спиртного, мемуарные и газетно-журнальные откровения политиков и актеров о том, где, сколько и с кем выпито, породили и соответствующий политический язык. Очередной пресс-атташе президента Ельцина П. Вощанов характеризовал ситуа-

цию в стране в конце 1994 г.: «Мы вступили в ситуацию политического похмелья. Когда вчерашние собутыльники решают, пить им следующую бутылку вместе или избавиться от одного. А если избавиться, то кто побежит в киоск, с чем побежит и как следует объяснять, что ему надо. Абсурдная политическая ситуация. Я говорю об этом без политических аналогий, без намеков...»⁹⁹

Популярный еженедельник посчитал необходимым информировать читателей о вкусах руководства страны: «Президент России Борис Ельцин отдает предпочтение коньяку (в частности, "Белому аисту" из Молдовы)»; «...Премьер-министр России Виктор Черномырдин любит хороший коньяк и может выпить на приемах 2–3 рюмки. Шампанское только пригубливает. Его предшественник Егор Гайдар, как и Ельцин – любитель минеральной воды. Вероятно, потому, что ею можно развести его любимый напиток – виски "Бурбон", которые производятся в южных штатах США»¹⁰⁰.

Озабоченных излишне раскованным стилем поведения президента успокаивали: «Как стало известно редакции, Б.Н. Ельцин после возвращения из Германии ведет здоровый, трезвый образ жизни. Да вы и сами можете судить об этом по той активности Президента, которая проявляется в многочисленных встречах с военными, представителями интеллигенции, в посещении спортивных соревнований, в поездках по стране. Выдержать такой напряженный ритм работы ему помогает супруга Наина Иосифовна». А экс-премьер Белоруссии В.Ф. Кебич в интервью вполне искренне повествовал: «...неужели, направляясь к Черномырдину, я повезу ему колбасу? Очистились отношения. Правда... Недавно наш белорусский "Кристалл" выпустил юбилейную суперводку на кремневой воде. Так я ему привез, конечно, и подарил – попробуй, Виктор. Вместе и попробовали». И нынешние государственные мужи считают возможным делать заявления, как, например, Е. Строев о планах визита в Австрию: «Я планирую так: мы пойдём, вы нам нальете по 100 грамм, и мы быстро поедём домой». Или В. Шандыбин: «Я вино не пью, только самогон. Потому что и вино, и водка – подделка. Куда ни придешь, выпьешь 100 граммов и на завтра больной ходишь!»¹⁰¹

Современные технологии дают возможность высказаться и другим сторонникам этого уже вполне национального напитка. Теперь на сайте www.e-alcohol.ru желающие могут ознакомиться с наиболее перспективными моделями перегонных аппаратов. Преподнесенной уголовной ответственности за самогоноварение сегодня в России не существует. По старому УК (до 1996 г.) за это полагалось до двух лет исправительных работ, а за сбыт до 3 лет с конфискацией имущества. Сейчас в административном кодексе сохранилась статья горбачевских времен, по которой за изготовление самогона предусмотрен штраф от одного до трех минимальных окладов. К уголовной ответственности за самогоноварение можно привлекать только по статье 171 нового Уголовного кодекса, как за незаконное предпринимательство. Наличие этой статьи позволило думскому Комитету по законодательству отказаться от поддержки инициативы законодательных собраний Брянской и Костромской областей: предложенные ими законопроекты, предусматривавшие введение уголовной ответственности за самогоноварение, были Государственной Думой отклонены в декабре 2001 г.

Алкогольная «победа» дорого стоила россиянам. По данным начальника Главного управления ГАИ (а ныне ГИБДД) В. Федорова, ежегодно 2 миллиона человек лишаются прав за управление автомобилем в нетрезвом виде — при том, что, по его мнению, за руль «под градусом» садятся не менее 15—20 миллионов человек¹⁰². Увеличение смертности (от травм, отравлений и насилия), обозначившееся еще в 1988 г., сделало резкий скачок в том же 1992 г., когда значительно увеличилось потребление алкоголя.

Продолжительность жизни в России сократилась до уровня 1984 г. и составила на 11 лет для мужчин и на 6 для женщин меньше, чем в странах Европейского сообщества. Наша страна, по данным Всемирной организации здравоохранения, замыкает по этому показателю список из 159 стран и находится на уровне стран Африки и Латинской Америки, где потребление спиртного в последнее время так же стремительно выросло в 2—3 раза¹⁰³.

По некоторым же отечественным выкладкам, 7—8,5% населения России вполне можно считать алкоголиками, и при этом значительная часть из них — молодежь 18—

25 лет, в первую очередь из числа тех 20% школьников с умственными и физическими отклонениями, о которых недавно говорил министр образования. Статистику, к сожалению, подтверждает повседневный опыт врачей московской Филатовской больницы: в 1991 г. с диагнозом «алкогольная интоксикация» сюда поступил 91 ребенок, в 1992 г. — 160, за полгода 1993 г. — 90, и врачи полагали, что эти цифры — не предел¹⁰⁴. На таком фоне уже и появление специализированного Фонда спасения детей и подростков от наркотиков и алкоголя «Нарконом» является отрадным фактом, ведь еще одной «победой» послеперестроечного периода стал развал далекой от совершенства, но все же действовавшей системы лечения алкоголизма.

Принятые прежним Верховным советом законы отменили принудительное лечение алкоголиков и наркоманов, обязали милицию передать «не свойственные МВД функции» другим ведомствам и, наконец, предписали закрыть с 1 августа 1994 г. пресловутые ЛТП. В 1993 г. МВД сняло с себя ответственность за приемники-распределители для бомжей и школы-интернаты для малолетних правонарушителей. ЛТП, в которых содержались граждане, направленные за правонарушения на почве хронического алкоголизма, вместе с вытрезвителями было решено передать Минздраву, который столь же решительно отказывался от таких «подарков», не будучи к ним готовым.

В итоге по России с 1989 г. по 1993 г. сокращено количество спецбольниц (с 18 до 13), диспансеров (с 321 до 247); вдвое сократилось количество больничных коек. Слабой компенсацией служит появление в изобилии почувствовавших конъюнктуру рынка медицинских центров и расцвет деятельности экстрасенсов и прочих целителей: радио и газетные объявления настойчиво предлагают их услуги по анонимному и стопроцентному лечению всех видов похмелья и зависимости от алкоголя по вполне умеренной цене. От алкоголизма врачуют по телефону, телевизору и даже заочно, по фотографии.

А пока правительство признало необходимым привести законы и нормативные акты, регулирующие оборот алкоголя и этилового спирта, в соответствие с Налоговым кодексом и прочими законодательными актами.

В принятом правительством законопроекте о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции предусмотрены отмена всех акцизных марок, кроме федеральной и региональной, и стандартизация емкостей для розлива напитков. Кроме того, будут сняты ограничения на выдачу экспортных лицензий и частично — на рекламу алкоголя. А это означает, что реклама алкоголя может в скором времени в массовом порядке вернуться на полосы журналов, рекламные щиты и телеэкраны. Остается надежда на новый проект закона «Об основах антиалкогольной политики Российской Федерации», который должен пройти обсуждение в Государственной Думе, здравый смысл законодателей и, прежде всего, самостоятельные усилия общества, если оно действительно осознает проблему и предложит цивилизованные способы ее решения.

Примечания

1 См.: *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 158; *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993. С. 220.

2 См.: *Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С.* Социальная политика КПСС. М., 1987. С. 323, 326.

3 См.: *Углов Ф.Г.* Из плена иллюзий. М., 1986. С. 230.

4 См.: Комсомольская правда. 1993. 30 сентября.

5 См.: *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union.* Cambridge, 1982. P. 391.

6 См.: *Тремл В.* Борьба с пьянством и алкоголизмом в СССР // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 4. С. 135—138.

7 См.: *Удовенко Н.И.* Некоторые проблемы антиалкогольной пропаганды и воспитания личности // Научные доклады высшей школы (научный коммунизм). 1982. № 1. С. 99, 103.

8 См.: Трезвость: иллюзии и реальность. С. 14, 17—19.

9 См.: Чарка. 1993. № 2; Пятилетний урок // Трезвость и культура. 1990. № 5. С. 8.

10 См.: *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 159—160.

11 Правда. 1991. 4 марта.

12 См.: Трезвость закон нашей жизни: Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Указы Президиума Верховного Совета РСФСР о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения. М., 1985. С. 3—8.

13 См.: Там же. С. 8—24.

14 См.: Там же. С. 3; Архиважное дело // Коммунист. 1985. № 12. С. 44, 46.

15 См.: Коммунист. 1985. № 12. С. 44—45, 52.

16 См.: XXVII съезд КПСС. Стенографический отчет. 25 февраля 6 марта 1986 г. М., 1986. С. 47, 72.

17 См.: *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 95; *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 85, 161.

18 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 49.

19 См.: Правда. 1986. 27 июля.

20 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 49.

21 Вечерняя Москва. 1985. 13 декабря.

22 См.: Материалы учредительной конференции Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. М., 1985. С. 25, 82, 129—130.

23 См.: *Бобряков М.Г.* Социальные аспекты пьянства // Здравоохранение РСФСР. 1986. № 6. С. 20; *Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С.* Указ. соч. С. 29; Комсомольская правда. 1988. 8 января.

24 См.: *Горшков М., Шереги Ф.* Указ. соч. С. 144—151.

25 См.: *Аганбегян А.Г.* Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988. С. 244.

26 См.: Известия. 1985. 7 ноября; 26 ноября.

27 Правда. 1985. 19 сентября.

28 Демографическое положение России // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 97.

29 См.: Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989. С. 668.

30 См.: Агитатор. 1989. № 16. С. 34; *Шмелев Н.П., Попов В.В.* На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С.379.

31 См.: Трезвость и культура. 1987. № 9. С. 2.

32 См.: Там же. 1987. № 7. С. 4; Документы и материалы XX съезда ВЛКСМ. 15—18 апреля 1987 г. М., 1987. С. 82.

33 См.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 55.

34 См.: *Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С.* -Указ. соч. С. 331.

35 Цит. по: Пьянство и алкоголизм. Морали, здоровью и закону вопреки. Кишинев; 1988. С. 32—33.

36 См.: *Рыжков Н.И.* Указ. соч. С. 243.

37 См.: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 286.

38 См.: Аргументы и факты. 1989. № 50; 1990. № 27.

39 См.: Там же. 1990. № 27.

40 См.: *Шмелев Н.П., Попов В.В.* Указ. соч. С. 380; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 50.

41 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 50; *Шмелев Н.П., Попов В.В.* Указ. соч. С. 381.

42 См.: *Шмелев Н.П., Попов В.В.* Указ. соч. С. 380; Алкоголь не сдаётся // Агитатор. 1989. № 16. С. 34; Трезвость и культура. 1991. № 11. С. 4.

43 См.: *Абалкин Л.И.* Неиспользованный шанс. М., 1991. С. 189.

44 *Шевурдин С.* Активизация человеческого фактора и борьба за трезвый образ жизни // Коммунист. 1986. № 12. С. 68.

45 См.: Агитатор. 1987. № 24. С. 23; Трезвость и культура. 1987. № 9. С. 2; *Сазонов Г.* По традиции... рывками // Журналист. 1988. № 5. С. 76.

46 Агитатор. 1989. № 17. С. 56.

47 См.: Демографическое положение России. С. 97.

48 См.: *Шкуронат Е.Е.* Проблема остается // Трезвость и культура. 1989. № 2. С. 14; Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз. М., 1990. С. 28.

49 См.: *Хвоцев В.Е.* Интервальное исследование пьянства и алкоголизма // Социологические исследования. 1988. № 4. С. 85.

50 См.: *Климова С.Г.* Изменения в алкогольном поведении молодежи // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 92, 95.

51 См.: *Рыбаков А.И.* Ценностно-нормативные представления о потреблении алкоголя // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 81—82; Трезвость: иллюзии и реальность. С. 24, 54.

52 Комсомольская правда. 1991. 27 марта.

53 См.: Алкогольная ситуация в зеркале общественного мнения // Политическое образование. 1989. № 6. С. 106—107; Социальная и социально-политическая ситуация в СССР: состояние и прогноз. М., 1990. С. 29.

54 См.: Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. С. 19, 30.

55 См.: Труд. 1993. 31 декабря.

56 См.: Трезвость и культура. 1990. № 4. С. 9.

57 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 48–50.

58 См.: Правда. 1988. 26 октября.

59 См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 132.

60 См.: *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 7. С. 234, 484–492, 561.

61 Трезвость и культура. 1990. № 6. С. 1.

62 См.: *Павлов В.С.* Финансы — наша главная забота. М., 1990. С. 210, 214.

63 См.: Трезвость и культура. 1991. № 10. С. 7; 1994. № 4. С. 15.

64 См.: Там же. 1989. № 12. С. 24–25.

65 *Бестужев-Лада И.В.* Утопии и антиутопии // Трезвость и культура. 1990. № 6. С. 27–28.

66 *Боховкин В., Ганжин В., Лисицын Ю., Сидоров П.* Трево о трезвости // Коммунист. 1989. № 7. С. 50, 52, 55.

67 См.: Там же. С. 51; *Бестужев-Лада И.В.* Одолимы ли восемь фронтов трезвости? // Трезвость и культура. 1990. № 1. С. 13.

68 Труд. 1990. 2 августа.

69 См.: Трезвость и культура. 1989. № 3. С. 24–28.

70 См.: Там же. 1991. № 2. С. 1.

71 *Рыжков Н.И.* Указ. соч. С. 243; *Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 245.

72 *Медведев В.А.* В команде Горбачева. М., 1994. С. 40.

73 Цит. по: Чарка. 1994. № 2.

74 См.: Аргументы и факты. 1990. № 27.

75 *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 2. С. 340–342; Аргументы и факты. 2001. № 52.

76 См.: Неужели пропьем Россию? // На боевом посту. 1993. № 9. С. 33.

77 Московская правда. 1991. 22 марта.

78 См.: Народное хозяйство Российской Федерации в 1992 г. М., 1992. С. 160.

79 См.: Известия, 2001, 11 ноября; Комсомольская правда. 2001. 21 ноября.

80 См.: Комсомольская правда. 1993. 1 апреля.

- 81 См.: Аргументы и факты. 1993. № 39.
- 82 См.: Комсомольская правда. 1992. 29 октября.
- 83 См.: Там же. 1993. 3 августа.
- 84 См.: Там же. 1994. 15 февраля.
- 85 См.: *Бруй Б.П., Королев И.А.* О смертности населения России от неестественных причин // Здравоохранение Российской Федерации. 1993. № 7. С. 23–24; Известия. 1994. 30 сентября.
- 86 См.: Правда. 1994. 1 апреля.
- 87 См.: Аргументы и факты. 1994. № 7.
- 88 Комсомольская правда. 1994. 15 февраля.
- 89 См.: Чарка. 1994. № 3; Комсомольская правда. 1994. 15 февраля.
- 90 См.: Российская газета. 1994. 23 февраля.
- 91 См.: *Абалкин Л.И.* В тисках кризиса. М., 1994. С. 155.
- 92 См.: Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 24. Ст. 2235.
- 93 См.: Известия. 1995. 31 января.
- 94 См.: Там же. 1994. 19 июля.
- 95 См.: Аргументы и факты. 1994. № 19.
- 96 См.: Там же. № 47.
- 97 См.: Итоги. 1998. № 136. С. 44.
- 98 См.: Известия. 2001. 28 сентября.
- 99 Чарка. 1994. № 2.
- 100 Аргументы и факты. 1993. № 11.
- 101 Там же. 1994. № 47; 2001. № 52; Комсомольская правда. 1993. 13 июля.
- 102 См.: Комсомольская правда. 1995. 31 января.
- 103 См.: Известия. 1994. 19 июля; Комсомольская правда. 1993. 7 апреля.
- 104 См.: Аргументы и факты. 1994. № 40; Трезвость и культура. 1994. № 4. С. 4; Социальная и социально-политическая ситуация в России: состояние и прогноз. М., 1993. С. 85; Совершенно секретно. 1993. № 7.

Послесловие

Многовековая история противодействия алкогольной зависимости не знает единственно верного средства ее искоренения — так же, как нет у пьянства одной-единственной причины. Во всем мире его рассматривают как биопсихосоциальное явление, и нас интересует именно последний фактор: социокультурные причины и последствия феномена русского пьянства с точки зрения не только современника, но прежде всего — историка.

Поэтому на этих последних страницах не будет очередного вывода о необходимости противостояния пьянству и алкоголизму — это в нашей стране вроде бы было впервые понято уже 300 лет назад. Предлагать новые пути и методы такой борьбы — дело профессионалов социальных служб; мы же вполне осознаем свою некомпетентность в вопросе ее практической организации, а также приносим извинения за возможные (и даже неизбежные) погрешности, особенно при оценке из вторых рук алкогольной ситуации в стране за последние годы. Иные исследования, очевидно, могут привести к более оптимистичным — или наоборот, совсем печальным — выводам.

Но несомненно, что даже в нынешних нелегких условиях в России уже накоплен необходимый опыт и есть реальные, а не казенно-отчетные результаты утверждения того самого трезвого образа жизни, о котором сейчас принято отзывать с некоторой иронией, и все это заслуживает внимательного изучения.

Мы же стремились показать, что представления об исконной предрасположенности русской нации к пьянству — это миф, ибо исторически у разных этносов складывались различные типы потребления спиртного; но «изначально пьющих» народов не было, как не было и непьющих. Прогресс породил не только великие географические открытия, книгопечатание и искусство Высокого Возрождения; переход от патриархально-средневековой регламентации быта к Новому времени сопровождался и иными вехами, в том числе и качественным сдвигом в массовом производстве и потреблении крепких спирт-

ных напитков. За успехи европейской цивилизации было заплачено и катастрофическими взлетами пьянства то в одной, то в другой стране. Россия в этом смысле отнюдь не была исключением, да и водка далеко не сразу стала «белой магией» русского крестьянина или горожанина. Так, немцы — современники Ивана Грозного и Михаила Романова едва ли являли собой образец трезвости для подражания своим восточным соседям, которые только к середине XVI века стали в массовом порядке приобщаться к «водочной культуре».

Но постепенно за 200—300 лет миф о неумеренности русского пьянства приближался к реальности: оно не регламентировалось (как это рано или поздно происходило в других европейских странах) постепенно нарастающими, утверждавшимися в повседневности нормами, традициями, естественными ограничениями.

На Западе в течение 400 последних лет на смену грозным указам об отрезании ушей у пьяниц пришла достаточно гибкая система мер — и в том числе, что важно, финансовых, позволяющая сдерживать алкогольный поток в приемлемых рамках. Устоявшиеся за это время формы общественного быта также способствовали и утверждению более цивилизованных форм питья, и появлению общественных инициатив в деле ограничения пьянства, имеющих сейчас уже 150-летний опыт. В итоге, например, немецкое питейное поведение стало более умеренным и при этом совместило культуру тонких вин и традиционное пивное застолье.

Важнейшими факторами иного развития событий в России стали условия ее исторического развития, связанные с периодически повторяющимися «скачками». Само возникновение восточноевропейской державы было связано с быстрым формированием государственности при отсутствии развитой сословно-классовой структуры западноевропейского образца и после 200-летнего татарского ига, способствовавшего экономическому торможению и деформации общественного устройства Руси. Опережающим «прорывом» стало создание Московского царства в XV—XVI столетиях путем утверждения специфически «служилого» государства и неограниченной царской власти. И раз за разом для преодоления накапливавшейся отсталости предпринимались новые рывки с максимальным напряжением сил и средств: петровские рефор-

мы, «первая индустриализация» конца XIX — начала XX века, сталинские пятилетки, — каждый из которых приводил к резкому социокультурному сдвигу, ломке привычных типов и норм поведения. При этом характерной чертой было не органичное включение в новую реальность накопленного культурного наследия, а отрицание его как косного и даже прямо враждебного пережитка.

Другой издержкой подобного типа развития стало наличие социального напряжения в обществе, которое так и не сумело построить целостную, прочную систему институтов, связей и коммуналистских структур, обеспечивавших его внутреннюю устойчивость и определенную независимость по отношению к государству.

«Россия — страна казенная», — этот печальный афоризм великого историка В.О. Ключевского помогает понять вековую практику «государева кабацкого дела», систематически внедрявшегося в повседневную жизнь. Постоянные войны, необходимость содержания государственной машины и ее преобразования делали его незаменимым источником доходов в относительно неразвитой стране. Менялись формы и методы, но акциз или монополия исправно служили мощнейшим финансовым рычагом, обеспечивавшим те самые успехи петровских преобразований или первых советских пятилеток, которыми справедливо принято было гордиться.

В условиях многовековой российской несвободы алкоголь неизбежно утверждался в качестве доступного, легального, социально значимого средства социализации личности, компенсации ее приниженности — и формы протеста против нее; наконец, естественного «всеобщего эквивалента» в ситуации хронического дефицита.

Ускорение темпа современной жизни (особенно после второй мировой войны) с ее урбанизацией, миграциями, научно-технической и прочими «революциями» стимулировало использование этого средства отнюдь не только в России: в 70—80-х гг. быстро растущее потребление алкоголя стало национальной проблемой и в устойчиво развивающихся богатых странах, что заставило их власти принимать серьезные государственные меры вроде законов 1971—1974 и 1984 гг. в США. Но именно в России питейное «наследство» в сочетании с традиционной (хотя и прикрываемой словесно) финансовой политикой в «застойной» общественно-политической атмосфере соз-

дало наилучшие условия для ускоренной алкоголизации общества, не выработавшего исторически демократических средств нейтрализации этого натиска.

Пожалуй, именно это обстоятельство и обусловило провал всех четырех антиалкогольных кампаний за последние 350 лет: борьбу с кабаками патриарха Никона, поход 1928—1930 гг. и указные мероприятия 1972 и 1985 гг. Казенный характер этих акций очень быстро обнаруживал их беспомощность, когда начавшиеся под давлением социально-экономических обстоятельств кампании очень быстро «выдыхались» по еще более очевидным финансовым причинам: питейный доход временами достигал $1/3$ государственных доходов, и его резкое сокращение означало крах сложившейся системы — крепостнической или казенно-социалистической. Заменить долю алкогольных поступлений — даже сокращенную с 25—30% в XVIII—XIX веках до 10—12% в XX в. (в США сейчас — около 1,5%) — в бюджете было нечем. А силовые методы проведения антиалкогольных мероприятий на благо народа в стране, где в XX веке систематически «употребляли» 80% населения, при замаскированном стремлении все же сохранить питейные доходы, неизбежно приводили к ситуации, когда большая часть народа пыталась любыми доступными средствами обмануть свое же государство.

Похоже, что глубоко укорененное недоверие к казенной заботе о «подданных» по-прежнему влияет и на восприятие ими реальной информации о вреде пьянства: 50% взрослых знают об этом, однако и не думают отказываться от употребления спиртного.

Единственный случай исключения из этого правила — опыт периода конца XIX — начала XX века. Именно тогда в эпоху быстрой и болезненной, но реальной модернизации преобразования в социальной сфере привели к появлению в России общественного мнения и рождению относительно массового антиалкогольного движения «снизу». Успех этого добровольного движения в итоге определил и ответные шаги власти в 1914 г. Их, разумеется, не стоит идеализировать: процесс утверждения трезвости столкнулся в те годы с весьма серьезными препятствиями, и у нас нет оснований считать его победу безоговорочной, тем более что он был прерван революцией. Утверждения же о якобы имевшем место господ-

стве в России трезвости до 1925 г. (в период жесточайших социальных потрясений и гражданской войны) находятся вообще за рамками серьезного научного понимания — если не считать таковым наличие декретов и отсутствие официальной статистики.

И все же именно опыт развернувшегося в 1890-х гг. трезвенного движения давал определенные шансы на успех. Но в 1930 г. независимое общественное движение подобного рода было сознательно свернуто, а в 70—80-х гг. имела место лишь его имитация, только усугубившая неприятие официальных лозунгов. Перестроечное словоблудие о начавшейся эпохе революции «сверху» и «снизу» потому и вызывает отторжение, что в течение нескольких лет не было ни радикальных мер государственной власти, ни народной инициативы. Применительно к нашему сюжету можно сказать, что в мае 1985 г. был добросовестно избран худший из всех возможных вариантов, без всякой попытки проанализировать предыдущий опыт. Последствия известны, и до сих пор главный инициатор «перестройки» М.С. Горбачев недоумевает по поводу несознательности доставшегося ему народа: *«Результаты расходятся с тем, что можно было ожидать, рассуждая логически и исходя лишь из здравого смысла людей. Много еще в их настроях и действиях иррационального...»*

История может научить, но, к сожалению, никого не может заставить думать. В 1994 г. по советскому образцу ввела антиалкогольное законодательство Монголия — эта кампания так же захлебнулась, доказав в очередной раз неэффективность казенно-приказного внедрения самых лучших намерений.

В заключение процитируем одного из выдающихся ученых России В.М. Бехтерева, активного участника трезвенного движения начала XX века: *«Отрезвление трудящихся есть дело рук самих трудящихся... что возможно только при достаточном культурном уровне широких масс»*. Условия, как видим, жесткие, но не безнадежные: они могут появиться по мере того, как в России реально будут формироваться действующие законы, эффективная экономика и гражданское общество. Процессу этому необходимо активное содействие, но не в форме кампании, а путем осуществления государственной алкогольной политики, направленной на стабилизацию и медленное снижение потребления спиртного.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. РУСИ ЕСТЬ ВЕСЕЛИЕ ПИТИ	19
<i>Языческие пиры. — «Питию время и мера». — Водка на Руси. — Государев кабак. — Винная политика в XVI—XVII столетиях. — Кабак и общество XVII века. — «Нельзя слуги Божия до сорама упоити»</i>	
Глава 2. ЗОЛОТОЙ ВЕК ОТКУПА	71
<i>Реформы и последствия. — «Питие здоровья». — «Для пользы одного дворянства». — «Уймите раба Божьего от вина». — Вступая в новый век</i>	
Глава 3. АКЦИЗ И МОНОПОЛИЯ	123
<i>Питейная свобода. — Утверждение «монополюлки»</i>	
Глава 4. МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ «РУССКОГО ПЬЯНСТВА»	142
<i>Русские и «немцы». — Русский «образ питания». — Кто и как пил в России. — В погоне за покупателем</i>	
Глава 5. БОРЬБА С «ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗЛОМ».	198
<i>Первые попытки. — Забытый опыт. — Православное «кодирование». — Трезвенники и власти. — Был ли «сухой порядок»?</i>	
Глава 6. «ВНУКИ ЛЕНИНА ПИТЬ НЕ БУДУТ!»	235
<i>Диктатура трезвости. — Можно ли «чутьточку выпачкаться в грязи»? — На баррикадах быта. — «Жить стало веселее»</i>	
Глава 7. ВОДКА НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ (1945—1984 гг.)	299
<i>В свободной продаже. — В годы «оттепели». — «Час Волка»</i>	
Глава 8. «...И В БОРЬБЕ С ЗЕЛЕНЫМ ЗМЕЕМ ПОБЕЖДАЕТ ЗМЕЙ»	329
<i>«Архиважное дело». — Трезвенники по указу. — Антиалкогольное «похмелье». — Тупик трезвости. — Цена питейной свободы</i>	
Послесловие	378

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Курукин Игорь Владимирович
Никулина Елена Анатольевна

«Государево кабацкое дело»
Очерки питейной политики и традиций в России

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Издано при участии ООО «Харвест». Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Книга посвящена появлению и распространению спиртных напитков в России с древности и до наших дней. Рассматриваются формирование отечественных питейных традиций, потребление спиртного в различных слоях общества, попытки антиалкогольных кампаний XVII — XX вв.

Книга носит научно-популярный характер и рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-029619-3

9 785170 296194